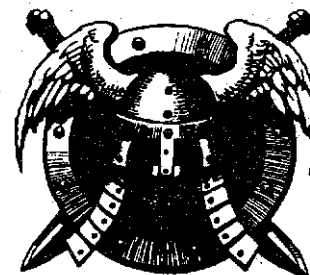

А.В. КУЗНЕЦОВ

КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7СПА)
К 64

К 64 Конан и король воров: Романы.— СПб.:
«Северо-Запад», 1998.— 560 с.

ISBN 5-7906-0077-8.

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

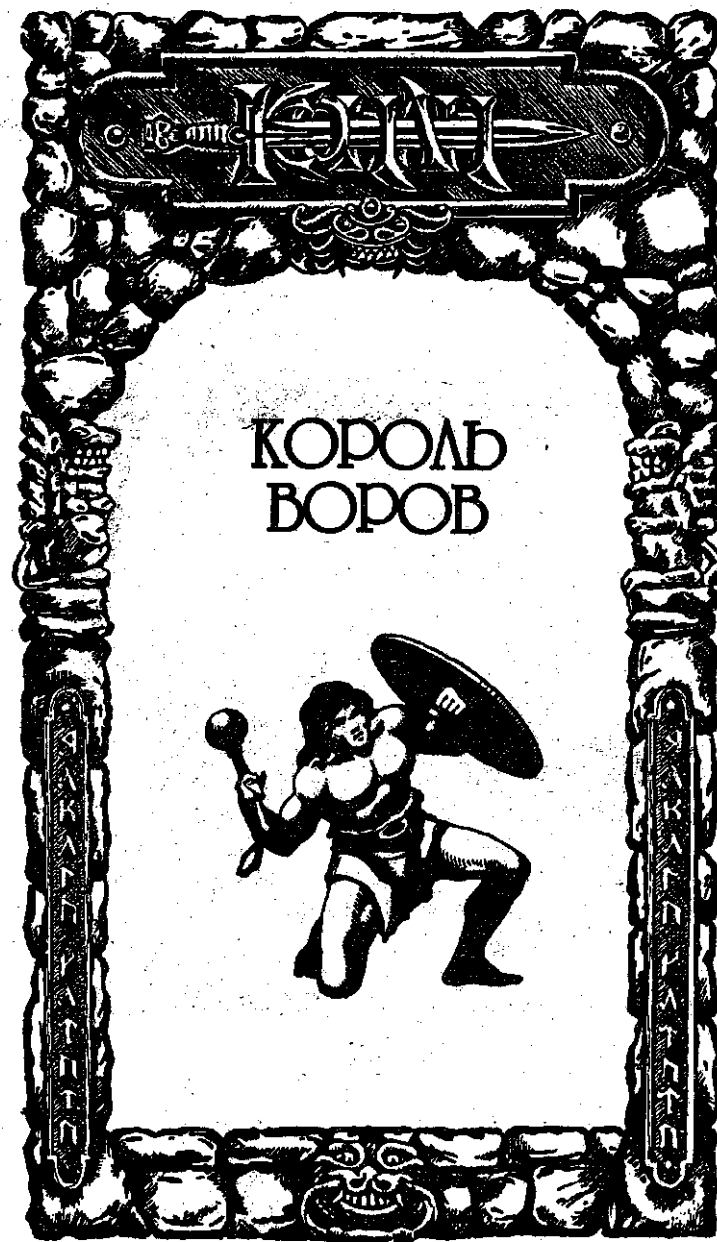
ISBN 5-7906-0077-8

© К. Kelly, обложка, 1981

© «Северо-Запад», составление

и подготовка текста, серийное

оформление обложки и форзаца, 1998

Пролог

У подножия пологого, поросшего вереском холма бил родник. Прозрачная, как горный хрусталь, холодная, как северные красавицы, вода, выбиваясь из нагромождения мшистых валунов в царство солнечных лучей и не теряя ни капли своей, попадала на сооруженный когда-то кем-то из цельного дерева желоб, установленный на высоте человеческого роста. Текла по нему и журчащей струей ниспадала в еще один такой же желоб, лежащий на земле.

Всадник спешился, привязал коня к дереву — как остынет, тогда и напьется. А человеку можно и сразу. На земле, на заметном месте стояла незамысловатая деревянная кружка. Остановившийся у родника два раза наполнял ее — два раза пустела кружка. Напившись, человек скинул с себя пропыленную, в двух-трех местах порванную рубаху и подставил под струю обнаженный мускулистый торс. Он фыркал и покрехтывал от холода и наслаждения. Вместе с потом и грязью смывалась усталость. Ну, теперь он и не заметит, как доскачет до города, который видел с вершины холма.

Человек вдруг резко обернулся на треск сучьев позади себя. По тропинке, ведущей из леса, к роднику подходила старуха с глиняным кувшином в руке.

— С хорошим днем, сынок! — улыбнулась она, обнажив беззубые десны.

— Здорово, мать! Денек и впрямь хороший! — Молодой человек подошел к коню, отвязал его, повел к водопою.

— В Конверум путь держишь, сынок?

— Значит, городишко Конверумом называется! Тогда выходит, в Конверум путь держу. Богатый городишко?

— И бедных людей там тоже хватает. Как и везде. — Старуха подвела горлышко своего кувшина под стекающую с верхнего желоба на нижний родниковую воду. — Как и везде, богатые гребут под себя тремя руками, добром своим неохотно делятся.

— Ничего, — хохотнул молодой человек, — я попрошу — поделаться.

— Зато будь славен светonosный Митра, война и мор давно уже стороной обходят здешние места. И чернокнижников, чума им в сердце, вроде извели всех.

— И правильно. Должно же быть хоть одно место на белом свете, где можно отдохнуть от колдунов. — Незнакомец надел рубашку, закинул за спину меч в потертых ножнах из лошадиной кожи, запрыгнул на коня. — Ну прощай, мать, поеду.

— Езжай, сынок. На воина ты, гляжу, похож. Таким в Конверуме дело сыщется. Есть что охранять. Наймешься к купцу какому-нибудь. Голодать-то не будешь. — Старуха поставила наполненный кувшин на плечо, собираясь отправиться туда, откуда пришла.

— Как получится! — Всадник ударил стоптанными каблуками сапог по бокам лошади и умчался по дороге, ведущей в Конверум.

Он не знал, что его ждет в городе с таким красивым названием, сколько он в нем пробудет, как все там у него сложится.

Не знал и город, что к нему приближается человек, которому суждено стать одной из главных фигур в событиях большой важности и для Конверума, и для всей Коринфии, на чьей земле отпечатывались сейчас копыта лошади уставшего от долгой дороги всадника.

Глава первая

Того, кого искал, Вайгал увидел на обычном месте — в самом дальнем углу, за столом, удаленном от других ровно настолько, чтоб случайно произнесенное в полный голос слово не ухватило бы чужие уши. Не лишняя предосторожность для людей их профессии! Да и вообще, те из них, для кого осторожность не становилась постоянной спутницей, вроде плаща и кинжала, недолго веселили мир своими подвигами.

(Утром Вайгал уже заходил в этот трактир с подходящим названием «Червивая груша» и узнал, что тот, кого он ищет, дрыхнет без задних ног после вчерашней попойки. Тогда Вайгал наказал хозяину заведения передать тому, кто когда-нибудь выйдет из занимаемой им комнаты на втором этаже и спустится вниз, что, мол, его ищет Вайгал; зайдет, мол, сегодня ближе к вечеру.)

Его ждут — это Вайгал увидел сразу. Правда, нужный ему человек не скучал в одиночестве, уныло дожидаясь, когда заявится инициатор встречи; наоборот, он обзавелся двумя подружками и одним другом. Две развеселые девицы, хорошо знакомые завсегдатаям «Червивой груши», расположились на его могучих коленях. Разудалая тройца потягивала вино, которого на столе наблюдалось в количестве достаточном, чтобы ублажить роту отъявленных пропойц, и похохаты-

вала, слушая разглагольствования четвертого гуляки. Затрапезно одетый тип с сизым носом, опрокидывая кружку за кружкой и, видимо, отрабатывая угощение, развлекал остальных потешными историями — одну из которых прервал своим появлением Вайгал.

— Конан, дело есть. — Припешший протянул через стол руку для приветствия.

Названный Конаном освободил талию одной из девиц от могучей ладони, чем вызвал гримасу неудовольствия на хорошеньком глупеньком личике, и крепко пожал протянутую длань.

— Все, девочки. — Сверкнув бездонной синевой глаз в обрамлении черных спутанных косм, широкоплечий варвар легко, будто те вовсе не имели веса, снял с коленей расстроившихся жриц свободной любви. — Я вас позову немедля, как освобожусь.

— Ко-онан, — надув губки, протянула одна из девиц. — Ты обещаешь взять нас наверх и сегодня?

— Еще бы! Куда же я без вас!

Сизоносый тип тоже поднялся из-за стола и тоже без удовольствия.

— Можешь прихватить пару кувшинов, приятель, — не забыв про него Конан. — Потом подойдешь и дорасскажешь свою историю про копченых крыс.

Наконец Вайгал и Конан остались наедине.

— Еще не все деньжата из своей доли истратил?

Искавший встречи с варваром сел за стол, налил себе в свободную кружку вина, пододвинул блюдо с остывшим жарким. Мигом появившаяся служанка споро убрала грязную посуду и опустевшие кружки, поставила новые кувшины, до краев наполненные розовым вином.

— Сейчас узнаем. — Конан похлопал по кожаному кошельку на поясе. — Звенят пока. Правда, уже не так громко.

— При твоей бережливости надолго не хватит, — заметил Вайгал.

— Ерунда, — хохотнул киммериец. — Я давеча у этого сенатора одну штуковинку прихватил. Если кошель совсем уж опустеет, продам ее.

— Что ты еще прихватил? — опешил Вайгал.

— Да статуэтку одну. Сейчас покажу, редкого уродства штучка...

Он полез было за пазуху, но Вайгал быстро схватил его за руку и зло прошипел:

— Ты что, рехнулся? Тут же народу полно! Неро-вен час, увидит кто, узнает — и Пыльный Подвал нам обеспечен!

Конан резко освободился от хватки поделника.

— Ладно, ладно. Нечего меня за руки хватать. Не люблю.

— Нет, Конан, ну ты как ребенок, клянусь Королем Теней! — продолжал бушевать, хотя и шепотом, Вайгал. — Из-за тебя мы оба с плахой познакомимся! Выброси ее, лучше выброси от греха подальше...

— Не шуми, — спокойно сказал Конан, отхлебывая из кружки. — Там, у сенатора, таких вещей полным-полно, и эта еще не самая противная. Так что он даже не заметит пропажи. Давай-ка к делу. Зачем искал меня?

Вайгал покачал головой, глядя на варвара, как на шаловливого ребенка, потом перевел дух и негромко сообщил:

— Появилась возможность, не дожидаясь, пока твой кошель опустеет, хорошо заработать. Очень хорошо.

— Рассказывай. — Легкомысленность варвара пропала в мгновение ока. Посерьезнев, он перегнулся через стол, понимая: то, что ему доведется услышать, будет произноситься вполголоса или даже шепотом. И еще: за короткое, но насыщенное время их знакомства Конан уяснил, что этот тридцатилетний, рыжеволосый и рыжеусый жоринфец заслуживает того, чтобы сообщаемое им слушалось со всем вниманием.

— Короче, как мне сообщил доверенный человек, — вполголоса начал Вайгал, — сегодня на рассвете в город

пришел караван из Черных Королевств. И вовсе не пустой пришел. И вот что я предлагаю...

* * *

Уроженец гористой Киммерии очутился в Конверуме три недели назад. Из представлявшего хоть какую-то ценность имущества при нем имелись лишь гнедой жеребец да двуручный меч стариннойковки в заплечных потертых ножнах лошадиной кожи. Благодарить за свое появление на коринфской земле молодой киммериец должен был свою беспокойную, полную энергии натуру и ветер странствий — ветер, не стихающий для него с младых лет, ветер, который он сам постоянно искал.

Отправиться в Коринфию Конан собирался давно, но воровское ремесло в заморийском городе Ларши неожиданно принесло ему деньги, и немалые, и северянин задержался дольше, чем следовало... А ведь говорили старики в Киммерии: «Большие деньги — большие неприятности» и «Удача и смерть всегда рядом». Увы, забыл юный Конан эти наставления. И вместе с деньгами едва не расстался с жизнью. Еле ноги унес — и вот он здесь, в Коринфии, в Конверуме, без гроша за душой...

Чтобы поесть, снять комнату в захудалой харчевне и, наконец, выспаться никем не беспокоимый, киммерийцу пришлось продать коня — последнее, с чем он еще мог расстаться. Конечно, барышник недодал парутройку монет за сильного, выносливого гнедого, но варвар не стал торговаться или выколачивать из базарного жулика настоящую цену — настолько он устал. На грош больше, на грош меньше — разницы нет, решил Конан.

Целые сутки он проспал мертвецким сном. Проснулся отдохнувшим, вновь готовым встретить жизненные перипетии лицом к лицу... но по-прежнему бедным и в плохом настроении. Опять в незнакомом городе, опять без денег. Впрочем, он

осмотрится и быстро выяснит что к чему. Лежат же здесь где-нибудь плохо деньги, гнев Крома им под ребра! Хотя бы такие, чтоб уплатить за еще один ночлег, вино, незамысловатый обед и женскую любовь перед сном. Немного-то их и нужно на первый раз...

Быстро раздобыть монету возможно только воровством. Нет, вероятно, существуют какие-то честные способы, но — вот жалость! — он им не обучен. Зато не первый день он изымает излишки у тех, у кого деньжата водятся и кто хотел бы поделиться, да стесняется предложить. И в ремесле изытания он, Конан, кое-что смыслит — Бел не даст соврать.

Утро. Конверум. По улицам вовсю ползают горожане, гремя туго набитыми кошельками. Вперед!

* * *

Редкостное невезение преследовало Конана на первых порах в треклятом коринфском городишке. Бродя бы сразу наклюнулась подходящая возможность: прогуливаясь мимо не страдающего от бедности дома, киммериец приметил выходявшего из ворот человека с огромной пустой корзиной. Человек взял курс на базарную площадь. Слуга или повар, посланный за продуктами, решил северянин. Стало быть, не только корзинку, но и с десятков серебряных монет тот тащит с собой.

В не очень людном месте Конан догнал человека, обнял его за плечи и прошагал с ним впритирочку полквартала. Со стороны могло показаться, что два неразлучных друга совершают утреннюю прогулку по любимому городу. Правда, тот из этой парочки, кто на голову пониже и поуже раза три в плечах, ну никак не хотел обнявшего его проходимца признавать за друга. Опять же и отказаться от непрошеного сопровождения не мог: уж больно тяжела рука на плечах, а пальцы, разок сжавшие ключицу, — так прям кузнечные клещи.

Навязавшийся приятель искал вовсе не взаимопонимания, а денег. Но денег у поваренка богатого ремесленника-кожедела при себе не было. Да, он послан за продуктами, но раз в месяц со всеми торговцами расплачивается самолично кожедел... Проходимец оказался недоверчив: отстал только после того, как потряс корзину и ощупал бедного поваренка с ног до головы, заставив того раскраснеться, что твой маков цвет (сколь двусмысленно это выглядит в глазах прохожих, ай-ай, век потом не оправдаешься, если вдруг знакомые увидят...)

Еще одна неудача подстерегала в этот день киммерийца, заброшенного рукой судьбы в Конверум. Пустой оказалась шкатулка, замеченная в открытом окне одного из жилых домов. Зря только обдирает пальцы и колени, карабкаясь по шероховатой стене на второй этаж, напрасно рисковал быть увиденным случайными прохожими. А сама по себе шкатулка — громоздкая, разошедшаяся от старости, дешевая. Брать ее — глупо, бессмысленно и позорно.

Наконец, под вечер улыбнулось скромное счастье. Натолкнувшись в узком переулке на трех подвыпивших солдат-наемников, уставший от бесплодных скитаний Конан грубой шуткой вызвал неудовольствие пьяной компании.

Схватились тут же. Замелькали клинки. Три раза удачно приложился трезвый варвар мечом плашмя, и трое пьянчужек оказались на мостовой без чувств. Северянин наскреб из кошель и карманов наемников горсть медяков и три серебряные монеты. Трудовыми получились денежки! На них киммериец продержался два дня, и то лишь потому, что сразу же оплатил трактирщику-«червивогрушечнику» двухдневный постой и стол.

Мелочиться, как в первый день, Конану уже боле не хотелось. В первый день — ну куда ни шло: позарез нужны хоть какие-то деньжата. Но не тащить же и дальше из окон шкатулки, не грабить же прилюдно,

ясным днем жалких поварят и прочую прислугу, и уж точно никуда не годится из-за поганенькой горстки медяков как-нибудь пропустить случайный удар от пьяных идиотов.

Необходимо подыскать хорошенькое дельце, с которого можно набить карманы деньжатами, чтобы хватило и на неделю полноценного отдыха (а он заслужил ее, эту неделю, Кром — свидетель), и на доброго коня в придачу, и чтобы убраться из дыры под названием Конверум, где, чувствуется, не зарывали для него счастья.

Дельце подыскалось. Добрые люди подсказали, что в окраинной харчевне «Мутный глаз» на следующий вечер состоится продажа партии черного лотоса. Те же добрые люди уверили его, что продавца обычно сопровождают всего трое мордovorотов.

Черный лотос стоит дорого. И стоит рискнуть.

* * *

Днем Конан прохаживался в окрестностях харчевни. Осматривался. Выбрал место для засады. Ближе к вечеру спрятал свое чересчур заметное тело за мусорной кучей и взял «Мутный глаз» под наблюдение. Описанная доброхотами компания действительно оказалась: щедушный человечек с неприметной сумой на плече и трое крепышей-сопровождающих с кинжалами на поясах. Человек скрылся за дверью «Мутного глаза», его люди остались скучать у порога. Скучали они, да и Конан за кучей недолго. Человек вышел с той же сумкой на плече. Четверка пустилась в обратный путь.

Когда они проходили мимо груды мусора, из-за нее выскочил здоровяк, размахивающий огромным двуручным мечом.

Человека с сумой, оказывается, сопровождали отнюдь не ротозеи и неумехи. Если б не внезапность нападения, Конану пришлось бы скверно. Да и без того схватка получилась непозволительно долгой и упорной. Киммерийцу не хотелось никого убивать, но

одного, кажется, он отправил-таки на Серые Равнины. Двоих других оставил с серьезными ранами. И бросился вдогонку за улепетывающим во все лопатки человечком.

Конан сорвал беглеца с какого-то забора, отобрал ношу и утихомирил на часок-другой кулаком по макушке.

Заглянув в сумку, варвар в сердцах сплюнул. Видно, что-то там сорвалось у продавца, наверное, не договорились о цене. Не мешочки с золотыми монетами лежали внутри, а сушеные листья черного лотоса.

Опять неудача! Хотя, если разобраться, не такая уж катастрофическая. Лотос все ж таки дорого стоит.

Но очень скоро выяснилось: надо еще знать, кому сбыть товар, чтобы получить хорошую цену. Тем более такой опасный товар, за которым тянется дурно пахнущий, кровавый след. Вдогон этому лотосу запросто и незамедлительно могут нагряться неприятности.

Лотос пришлось сбросить по дешевке.

Вырученных денег хватит опять дня на два. Опять надо срочно подыскивать дельце.

Глава вторая

Пара пустяков — не для каждого, конечно. Конан вставил лезвие длинного кинжала в щель между дверью и косяком и потянул вверх, пока клинок не уперся в препятствие. Тогда киммериец поднатужился, вздулись оплетенные венами бицепсы, и препятствие поддалось: с тихим скрипом тяжелый тисовый засов поднялся над скобой. Дверь открыта, милости просим.

Так и есть, пара пустяков. Разумеется, купец Хамар, запирая главный вход в лавку всего лишь на один засов, и не предполагал, что этот самый засов под силу поднять снаружи, да еще одному человеку, — но купец никак не мог знать, что к нему в гости пожалует сам варвар Конан.

Вдалеке прозвучал глухой удар колокола — полночь. Горожане спокойно спят, на работе лишь стражники да воры.

Северянин бесшумно вошел, замер на пороге, прислушался.

Запах пряностей. Темнота. Тишина. Никого. Отлично.

Он прикрыл за собой дверь, запер на засов, осторожно двинулся налево, к стойке.

Черным-черно вокруг, как в душе распоследнего демона, не видно ни зги, но он уверенно продвигался вперед — ведь сегодня под вечер, незадолго до закры-

тия, варвар под видом простого покупателя уже наведывался в лавку Хамара, приобрел пакетик заморской сласти — перца, а попутно изучил обстановку. Где-то тут аккуратно сложены мешки с крупой, большие, в половину человеческого роста... ага, вот они... а за ними — стойка.

На всякий случай Конан захватил с собой огниво и свечку, но пока зажигать огонь не решался — неровен час, увидит ночная стража свет в щелях ставен, и тогда пиши пропало. Да и зачем свет, если и в крошечной тьме киммериец ориентируется, как кошка... Вот он, прилавок. Откидная доска. Осторожно, здесь, кажется, колокольчик для посетителей, не задеть бы... Хм, странно, почему-то пахнет маслом для ламп. Хамар разлил, что ли... А если разлил, то почему не вытер?..

Совершенно бесшумно Конан проник за стойку и присел на корточки. Нуте-с, где тут Хамар прячет денежки...

* * *

Вчера в «Червивой груше» Конану наконец-таки улыбнулось счастье: приказчик Хамара Зурремс напился в хлам — с горя. И слезно рассказывал всем желающим (а особенно тем, кто подносил ему кружечку осветленного) о своей беде. Дескать, Хамар, этот старый сквалыга, чтоб ему пусто было, не заплатил ему, Зурремсу, причитающиеся за неделю десять золотых. Он, скарედный Хамар, дескать, ждет караван из Асгарда, который должен был прийти еще два дня назад и привезти ему, жадному Хамару, сорок мешков риса, поэтому все деньги отложены на закупку товара. Но как только караван придет и едва продастся первый мешок, он, сволочной Хамар, немедленно расплатится с работниками. Да, а пока чем я буду кормить семью? Дети орут, жена орет, хозяин орет — за дом еще не выплачено, и вообще все эти купцы — подлецы и негодяи.

Конан щедро подливал безутешному Зурремсу и осторожно выпытывал подробности.

— Когда ожидается караван?

— Со дня на день, буря в пустыне задержала его.

— Много ли денег отложено подлым Хамаром?

— Точно неизвестно, но рис нынче дорог.

— Где гнусный Хамар хранит деньги, дома или в лавке?

— В лавке, в тайнике; боится, пес трусливый, ходить с такими суммами по городу, а охрану нанимать — дорого для него, скупердяя.

— А в лавке что, охраны нет?

— Нет, на задней двери замок такой, что сам Бел не войдет, а на передней засов — вшестером не поднять. Окна на дубовых ставнях, крыша прочная, подвала нет... Мерзавец Хамар, гад, раскаля...

На следующий день Конан заглянул к Хамару, а потом дождался закрытия лавки на углу — убедиться, что купец действительно деньги домой не понесет. Убедился: когда солнце, завершая свой дневной путь, склонялось к западу, толстый плешивый Хамар вышел из парадной двери порбжним и направился в сторону дома, а трое дюжих его помощников заперли изнутри вход на тяжеленный засов, закрыли окна прочными ставнями, замкнули заднюю дверь на хитрый замок и отправились восвояси.

Конан ухмыльнулся. Завтра Хамара ждет большое разочарование. И в полночь он уже стоял перед опустевшей лавкой.

* * *

В абсолютной темноте киммериец принялся ощупывать доски, из которых была сложена внутренняя стенка прилавка. Одну за другой, медленно, тщательно, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Ощупывал, стараясь найти отличие одной планки от других, надавливал, тянул на себя, пытался подцепить ногтем едва заметные выступы... Минуты ползли, точно сонные мухи.

Конан сам не понял, как, каким образом ему удалось отыскать скрытую пружину. Просто одна из досочек вдруг поддалась его усилиям, с тихим щелчком отскочила невидимая защелка, приоткрылась дверца тайника.

Штук десять длинных цилиндрических мешочков из холста, туго набитых какими-то кругляшами. Что ж, придется рискнуть и зажечь свет — мало ли что Хамар может хранить в потайном месте...

Северянин достал свечной огарок, осторожно чиркнул огнивом. Желто сверкнула искра, и на кончике фитиля расцвел крошечный оранжевый цветок. Он поставил свечу на пол, развязал один из мешочков, высыпал на ладонь несколько монет. Так и есть: золото. Чистейшее золото. Всего пятнадцать мешочков — монет по двадцать в каждом. Это получается...

Конан мысленно присвистнул: да он богат! Теперь не только неделя отдыха, не только конь ждут его... Затушил свечку и в кромешной тьме принялся неторопливо складывать мешочки в предусмотрительно захваченную с собой торбу. Один, два...

Эт-то еще что такое?! Киммериец замер как изваяние, весь обратившись в слух. Ему показалось, или действительно слева послышался шорох? Он затаил дыхание, до звона в ушах прислушиваясь к тишине... Точно: вот опять, на этот раз отчетливее, послышалось шепуршание, как раз со стороны аккуратно расставленных у стены мешков с крупой, которые он недавно огибал. Мыши, что ли?.. Конан быстро сунул два мешочка за пазуху и бесшумно потянул из-за пояса кинжал.

— У меня в руках самострелы, — раздался тихий, спокойный голос. — Когда ты зажгешь свечку, я увижу, где именно ты сидишь и в какой позе. Поэтому, дружок, лучше не делай резких движений — вдруг у меня палец на спусковом крючке дрогнет...

Конан молчал и не шевелился, дихорадочно соображая, что предпринять. Ясное дело, это не стражник: ни один королевский солдат не стал бы прятаться и угрожать оружием неизвестно зачем. Поднял

бы тревогу, сбежались бы его соратники, и все дела. Может быть, ночной сторож, которого предусмотрительно оставил Хамар? Но Зурремс ничего об этом варианте не говорил...

— Пожалуйста, не стреляй, — проговорил Конан как можно более испуганным голосом и тихонько взял кинжал за холодящее ладонь лезвие. — Я без оружия. Я здесь случайно.

Таинственный незнакомец хмыкнул.

— Ага, так я тебе и поверил. Случайно набрел на лавку купца, случайно залез в тайник, а денежки сами собой прыгнули тебе в суму, да?

Киммериец ухмыльнулся. Незнакомец оказался излишне болтливым, и по звуку его голоса Конан точно определил, где он прячется — именно слева, около мешков с крупой.

— Добрый господин, я никого не хотел грабить... — плаксиво продолжал Конан и немного развернулся влево. — Я голоден, а денег у меня нет... — Поднялась рука с зажатым в ней кинжалом, нацелилась в ту сторону, где, окутанные мглой, стояли мешки. — Я собирался взять немного крупы и муки... — В замахе он отвел руку за голову. — У меня жена больна, дети три дня не ели... Пожалуйста, не стреляй, добрый... — Он задержал дыхание. Пущенный могучей рукой, кинжал незримой молнией метнулся вперед, в темноту, и, судя по звуку, вонзился во что-то мягкое. — ...господин, — закончил Конан на выдохе и прислушался.

Надо понимать, остро отточенная сталь достигла цели... но шума упавшего тела отчего-то не последовало. Киммериец, нахмурившись, некоторое время не шевелился.

— А теперь, когда ты лишился своего ножика, — послышался все тот же спокойный голос, — зажги свечку, и очень медленно встань. И руки держи так, чтобы я их видел.

Конан сжал зубы. Невидимый собеседник каким-то образом перехитрил его! Проклятие, если действи-

тельно у него самострел, то дело плохо... Впрочем, требование зажечь огонь на руку и самому киммерийцу: при свете оба противника окажутся в равном положении — даже если один из них и в самом деле вооружен арбалетом... или арбалетами. Конан, по крайней мере, будет видеть своего врага, и пока неизвестно, кто потом выйдет из лавки, а кто останется. Поэтому северянин напарил огниво, вновь зажег свечу и выпрямился во весь рост, держа ее над головой, чтобы отсвет пламени не бил в глаза.

Лавка тускло осветилась; по стенам заматались причудливые тени. И в неровном оранжевом свете Конан узрел своего таинственного собеседника. Высокий худощавый человек с беспорядочной копной огненно-рыжих волос, в длинном кожаном плаще слегка усмехался в медного цвета усы и действительно целился в варвара из небольших арбалетов с взведенной тетивой. Рукоять кинжала Конана торчала из пресловутого мешка с крупой, за которым и скрывался незнакомец.

— Вот так-то лучше, — одобрительно заметил он. — Ты меня видишь, я — тебя... Так, говоришь, кушать нечего? Голодаешь, говоришь? Ну-ну. Что-то не верится.

Конан угрюмо молчал.

— Так что ж мне с тобой делать? — задумчиво продолжал усач. — Пристрелить, что ли, и дело с концом...

Не охранник. И уж точно не сторож: тот бы не стал церемониться, засадил бы неудачливому вору стрелу в спину, пока преимущество на его стороне, и побежал бы к купцу — в предвкушении награды за бдительность. Значит, что получается... Значит, перед ним...

— Да ты, друг мой, обыкновенный вор, — презрительно объявил киммериец, добавив в голос толику брезгливого раздражения. — Наглый пройдоха, забравшийся в лавку честного купца! Негодяй, мерзавец,

висельник проклятый. А если я сейчас закричу и сбегутся стражники...

Если он и собирался вывести пройдоху из себя, то это ему не удалось: рыжеволосый лишь засмеялся и с прежним ироничным спокойствием ответил:

— Точно подмечено: вор я. Такой же, как и ты. «Тень», как называют нас здесь. С одной лишь небольшой разницей — я вооружен, а ты нет. А кричать ты не станешь, тебя же стража первым и повяжет. А ежели ты настолько глуп, чтобы орать, то знай: едва пасть свою разявишь, как я влеплю по стреле тебе...

Нет, все же пройдоха оказался непростительно болтлив. Пока он объяснял, что именно он сделает, захоти Конан закричать, наконецник нацеленной в грудь северянина стрелы немного отклонился в сторону, и киммериец не замедлил этим воспользоваться.

Свечка — предмет легкий и как оружие непригодный, но может сгодиться, чтобы отвлечь внимание. Не дав рыжеволосому закончить тираду, варвар швырнул в него свечу и в тот же миг бросил свое тело через стойку. Запоздало вжикнула арбалетная стрела, чиркнула по поверхности стойки и рикошетом ушла в угол. Вторая со звоном ударилась о медную чашку развеса. Лавка вновь погрузилась в темноту.

Конан упал набок, перекатился подальше от рыжего пройдохи, замер под прикрытием стеллажа с мелким товаром.

— Ах ты... — раздалось из мглы злобное шипение незнакомца.

Конан замер, не издавая ни звука. Теперь они пребывали в равных условиях: ни один, ни второй не знали, где именно притаился соперник.

Два вора, как две мыши, попали в одну мышеловку.

Конан бесшумно пошарил ладонью левой руки по полке с товаром. Он безоружен, его противник — вооружен; однако в крошечной тьме любой предмет в

умелых руках может перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Пальцы киммерийца напарили какие-то мешочки, пакетики, сверточки. При нажатии в них что-то тихонько шуршало. Приправы, не иначе. Сойдет: при свете врага можно ослепить, а в темноте — получить над ним преимущество, заставив кашлять и чихать.

Со стороны незнакомца послышались щелчок и едва слышное шевеление; чуткий слух варвара подсказал, что арбалетчик перезарядил свои самострелы и переместился влево, на то место, где недавно пребывал сам Конан — к тайнику.

Киммериец чуть зубами не заскрежетал от досады: до денежек добрался и враг... Впрочем, еще посмотрим, кто выйдет отсюда с отягощенной монетами торбой. Великие боги, торба-то осталась там, за прилавком. Пустая, правда, но все же... Надо торопиться: в эту пору и в здешних краях светает рано...

Раздался подозрительно знакомый звук — похоже, огнем чиркнули, и, точно подтверждая опасения киммерийца насчет скорого рассвета, лавка осветилась тусклым желтоватым светом; свет этот постепенно набирал силу... колеблющиеся тени поползли по стенам и потолку... потянуло горелой материей... послышалось удивленное проклятие арбалетчика... и вдруг над давешними мешками с крупой, за которыми ранее прятался рыжий ворюга, взметнулся язык гудящего пламени!

— Свечка! — выдохнул арбалетчик. На Конана он не смотрел, потеряв всякую бдительность, — его полный бессильного гнева взгляд был устремлен на разгорающийся огонь; в глазах плясали отблески пламени. — Это твоя проклятая свечка, грязный вор!

Напрочь забыв о существовании конкурента, он бросился у угол и принялся яростно отбрасывать дымящиеся мешки, затапывать огонь. Куда арбалеты-то делись? — успел еще подумать варвар.

Он колебался недолго. Возможно, со стороны неожиданного соперника его и поджидала какая-нибудь

подлость... однако угроза сгореть заживо была реальной, тогда так опасность получить подлый удар от арбалетчика — всего лишь вероятной. Поэтому он выскочил из своего укрытия и присоединился к рыжему. Скинул кожаную куртку без рукавов и начал сбивать пламя.

Вдвоем, плечом к плечу, недавние противники боролись с огнем. Но стихия была сильнее: жадные языки уже лизали драпировку стен, бестелесные пальцы обнимали полки и стеллажи, медленные пламенные вихри кружились под самым потолком... Злобный гул наполнил тесное помещение, мрачные оранжевые сполохи металась меж стен, превращая скромную лавку в обитель демонов; от дыма слезились глаза, першило в горле.

Рыжеволосый обратил к киммерийцу перемазанное гарью лицо.

— Нам не справиться! — прохрипел он, стараясь перекрыть гудение разбушевавшегося огня. — Поздно!.. Надо выбираться отсюда подобру-поздорову!.. Скорее, через задний выход!

— Нет! — ответил Конан. С потолка посыпалась копоть, тут же завертевшаяся водоворотами в потоках горячего воздуха; потом сверху раздался угрожающий треск, и, подняв тучу огненных мух, на пол рухнула обугленная дымящаяся балка. — Нет, туда уже не пробиться!.. Давай через главный вход... на улицу!

— Нас заметят!

— Огонь уже наверняка заметили!.. Быстрее, пока все стражники города... сюда не... сбежались!

Накинув на головы куртки, воры стали пробираться к выходу. Позади с грохотом обрушились полки. Что-то из запасов Хамара, очевидно, особенно приглянулось прожорливому пламени, ибо откуда-то справа, с протяжным воем неожиданно вырвался длинный ослепительно яркий хвост огня и попытался схватить людей; те едва успели увернуться.

Вот и заветная дверь. Толстый тисовый засов уже потемнел от жара, от него поднимались ленивые клубы дыма. Конан, не обращая внимания на обожженные ладони, ухватил горячее дерево и напрягся. Сзади накатила волна раскаленного воздуха; одежда на беглецах задымилась, начала тлеть.

Засов не поддавался: металлические скобы распухли от жара и намертво придавили брус к косяку.

— Что стоишь... пособи... — выдавил сквозь зубы киммериец, напрягая мышцы изо всех сил.

Рыжий локтем немного отодвинул варвара, пристроился рядом. Поднатужился в унисон с Конаном, крикнул... И металл не выдержал, сдался: с протяжным скрипом скобы выпустили засов из своих горячих объятий; тисовый брус взлетел вверх и с гулким стуком упал под ноги двух воришек. Путь на свободу был открыт.

Люди распахнули дверь, вывалились под ласковые дуновения упоительно холодного ночного ветерка и рухнули на колени, жадно разевая рты в глубоких вдохах. Клубы сизого дыма вырвались вслед за ними, а внутрь хлынул свежий воздух, и огонь возликовал: его победная песнь усилилось до оглушительного гула, из дверного проема высунулись извивающиеся багряные языки и взялись за притолоку с наружной стороны.

Но радоваться скорому освобождению рыжеволосому и черногривому ворам долго не пришлось: в их сторону спешили пятеро стражников с алебардами наперевес, а со стороны центра города уже раздавались частые удары пожарного колокола. Скоро здесь будет половина Конверума...

— Плохо дело, варвар,— просипел арбалетчик. Капли пота прочертили белые дорожки через черное поле копоти, как маска, покрывшей его лицо.— Эти орлы разбираться не будут, кто виноват, кто нет. Хорошо, если на месте не порешат...

— Ну, это мы еще посмотрим... — Пошатываясь, Конан встал на ноги и плаксиво прокричал: — Ско-

рее, любезные стражники, пожалуйста, скорее! Пожар, пожар!

— Пожа-а-ар!!! — подхватил смекалистый рыжеволосый.

Стражники окружили стоящего в полный рост варвара и по-прежнему пребывающего на коленях коринфца, прикрывая лица от жара и изредка бросая встревоженные взгляды на разбушевавшееся пламя.

— Кто такие? Что здесь происходит? — рявкнул один из них — седоусый, по-видимому главный.

— Мои сторожа, купца Хамара, которому принадлежит лавка, — быстро проговорил рыжий. — Мы в кости играли, а я нечаянно задел лампу, лампа упала, масло разлилось, и...

— У Хамара нет сторожей! — грозно перебил капитан отряда охранников. — Взять их!..

Все дальнейшее произошло за считанные мгновения.

Звонко щелкнула тетива самострела, и последнее слово застряло у стражника в горле. Седоусый захрипел и повалился назад — с короткой толстой арбалетной стрелой, торчащей у него из груди. Бросил оружие, заорал, заметался один из его коллег — пригоршня перда, брошенная меткой рукой варвара, попала тому в глаза.

Одним прыжком вскочив на ноги и выдернув из-за пояса кинжал Конана, который не так давно торчал из мешка с крупой, рыжеволосый сделал неуклюжее движение, и еще один стражник выбыл из игры, со вспоротым животом.

Увернувшись от летящей в голову алебарды, киммериец нырнул под руку солдата, перехватил древко, резко дернул с проворотом — и алебарда оказалась у него в руках. Не давая противнику времени опомниться, он плашмя обрушил ее на темя стражника; тот беззвучно повалился ничком. Конан обернулся. Рыжеволосый как раз выдергивал кинжал из горла последнего повержен-

ного охранника. В лучах пожара окровавленное лезвие казалось черным. Арбалет, чудесным образом возникший в его руке минуту назад, снова исчез.

— Ну, все? — как ни в чем не бывало спросил он. — Тогда быстрее отсюда. Слышишь, уже бегут.

Действительно, со стороны центра города доносились приближающиеся крики — обитатели Конверума спешили на пожар, кто поглазеть, кто тушить. Хорошо, что лавка купца Хамара располагалась в торговых кварталах — шумных и людных днем, но совершенно пустых по ночам. Лишь бедные купцы и торговцы жили в собственных лавках, не имея возможности купить или снять дом... А уж соседей Хамара назвать бедными было никак нельзя.

— Погоди, еще одно дельце. — Рыжий не торопясь приблизился к упавшему на колени, рычащему бесвязные проклятия и яростно трущему горящие от перца глаза стражнику и деловито погрузил клинок тому под лопатку.

Варвар содрогнулся.

— Зачем, Кром тебя побери? — зло прошипел он. — Он же безоружный!

Вор удивленно обернулся, медленно вытер кинжал о рукав и протянул его северянину.

— А ты что, хочешь, чтобы нас завтра искал весь город — после того, как этот малый опишет им наши приметы? Держи-ка, это, кажется, твой.

Конан, колебавшись, принял тяжелый кинжал. Он не стал говорить о том, что, очевидно, остался жив один стражник — тот, которого киммериец оглушил ударом алебардой по голове.

Они поспешили прочь от горящего дома, от приближающихся людей, в темноту ремесленных кварталов. Остановились под укрытием небольшого навеса гончарной мастерской. Как и в торговом районе, здесь было безлюдно, не видно ни зги, и царила полная тишина: вызванный пожаром переполох сюда пока не докатился.

— Уф, вроде ушли... — выдохнул рыжий. — Тебя как звать-то?

— Конан.

— Понятно. А меня Вайгалом кличут. Ты всегда такой разговорчивый или только по ночам?

— Ты мне дело сорвал, — хмуро сообщил киммериец.

Вайгал хмыкнул.

— Ты мне тоже, промежду прочим... Вот что я тебе скажу, Конан. Благодарю своих богов и меня лично, что я парень незлобивый. Ты, чужой человек, заделал дом, который я обхаживал аж три дня. Ты собирався взять то, что должен был взять я. Ты сорвал мне выгодное дельце. А по нашим воровским законам горло режут и за меньшее. А если дойдет до Аффендоса, то тебе, да и мне, впрочем, выжить будет тяжелее, чем смертнику, на шею которого уже падает топор плача. Усекаешь?

— А кто такой этот Аффендос? — вместо ответа поинтересовался Конан.

Вайгал тихонько присвистнул.

— Ты не знаешь, кто такой Король Теней? — удивленно спросил он.

— Понятия не имею.

— Ну, тогда считай, тебе крупно повезло, — сказал рыжеволосый и рыжеусый. И добавил после некоторой паузы: — Или наоборот. Потому как сразу видно, что ты неместный. А неместных тут не любят. Аффендос — тем более.

Конан действительно не ведал, кто такой Аффендос, но в голосе Вайгала слышалось такое почтение и страх перед этим именем, что он счел за нужное промолчать.

— Но я не в обиде, — продолжал рыжий мошенник. — Будь ты зеленым неуклюжим новичком, я бы с тобой цацкаться не стал. Однако, как я погляжу, из тебя выйдет толк. Поэтому золото поделим пополам, и, считай, мы в расчете.

— Золото? — переспросил киммериец. — Ты успел взять золотишко?

— Я? Нет...

— Стало быть, золото, Вайгал, осталось там, в лавке купца. Если б ты не принялся палить в меня из своей пукалки, мы, быть может, и сумели бы договориться. И действительно поделить поровну...

В темноте видно не было, но Конан почувствовал, что рыжий пройдоха ухмыляется.

— Пока ты валялся под стеллажом, я обыскал твою торбу. Ты два мешочка с монетами успел достать из тайника, а торба пуста. Где же денежки? И что это у тебя за пазуху засунуто?.. Не надо, дружок, не надо за кинжал хвататься. Все равно я выстрелю первым. А ведь мог бы выстрелить раньше, и тогда оба мешочка были бы мои, сечешь?

Конан мгновение раздумывал. Потом полез за пазуху, вытащил золото и подбросил его на ладони.

— Ладно. Уговорил, бестия рыжая. Ты прав, не в тот дом я сунулся. Держи.

Монеты исчезли в кармане Вайгала.

— С тобой приятно дело иметь, — заметил рыжеволосый. — Хочешь, совместно дельце провернем? Я местный, подыщу что-нибудь подходящее для двоих...

— Почему бы и нет? — пожал плечами Конан.

— Ты где остановился?

— В «Червивой груше».

— Знаю этот гадюшник. Нормально. Найду там тебя.

Через некоторое время они расстались почти друзьями. Когда киммериец уже дошел до поворота, за спиной раздался прежний насмешливый голос Вайгала:

— Эй, Конан, хочешь совет напоследок?

— Ну? — Конан обернулся.

— Прежде чем в «Грушу» соваться, смени одежду и вымойся как следует. Завтра стража наверняка

устроит облаву по всем сомнительным заведениям, и если кто-нибудь из местных вспомнит, что от одного из постояльцев дымом воняло, как от добро-го копченого окорока, то, сам понимаешь...

И Вайгал растворился в сером свете начинающегося дня. Несколько минут Конан постоял в задумчивости. Этот рыжий кругом оказался прав... А неплохого напарничка послали ему боги!

Глава третья

И вторая их встреча произошла, как полагал киммериец, случайно. Через два дня они едва не налетели друг на друга, когда Вайгал выходил из лавки менялы, а Конан, бродивший без особой цели по городу, как раз поравнялся с дверями той лавки. Ночной конкурент киммерийца замер и выжидающе посмотрел на нежданного встречного; варвар-великан же расплылся в приветливой улыбке, раскинул для объятий руки и громогласно произнес:

— Ба, мой кредитор! Придется отдать должок! Уж кувшинчик не самого плохого вина я точно задолжал.

Вайгал сдержанно кивнул, приветствуя коллегу:

— Услуга была пустячной. Но слегка смочить горло я никогда не против.

— Тогда идем. На этой грязной улочке, — Конан огляделся, — хоть одно подходящее заведение должно быть.

Заведение нашлось через два дома от ювелирной лавки. Отыскался за пару монет кувшинчик отнюдь не дрянного, а даже весьма славного красного винца с немедийских плоскогорий. Также сыскались глиняные кружки и нехитрая сытная снедь. Вайгал, как и говорил, лишь смочил горло — он оказался не ревностным поклонником винопития. Что и подтвердил словами, постучав ногтем по кувшину:

— Мне это работать мешает. А работаю я всегда и везде. Ну? Как прошла ночка после нашего маленького приключения?

Конан пожал плечами и ухмыльнулся.

— Нормально. Спал как убитый. Под утро пожаловали стражники, выпытывали, высматривали... и вынюхивали — в прямом смысле. Так что спасибо за совет насчет помыться.

— Ерунда, — отмахнулся Вайгал. — Вор вора видит издалека. А как вообще дела в нашем городке?

— Да так, — пожал плечами Конан, — на вино и женщин хватает.

Собеседник киммерийца хмыкнул. Отломил кусочек от лепешки с козьим сыром, отправил в рот, закусил глотком вина. Потом произнес:

— Если дела пойдут хорошо, то закончиться это может оч-чень плохо, — внимательно глядя Конану в глаза, с расстановкой проговорил рыжеволосый. — Потому что воровской мир «теней» в Конверуме чужаков не любит... особенно удачливых чужаков. А особенно Аффендос их не любит.

Глаза северянина сузились, пальцы покоившихся на столе рук сжались в кулаки, на скулах заходили желваки.

— Ты что это, пугать меня вздумал своим Аффендосом? Угрожаешь мне?! Да кто он такой, Аффендос-то? — Ярость вскипела в Конане, еще немного — и Вайгалу придется делать выбор между позорным бегством или самоотверженной потасовкой с расшвырянным варваром.

— Нет, ты меня не понял. Наоборот. — Собеседник киммерийца сохранял невозмутимость и даже снова, как ни в чем не бывало, принялся отламывать кусочки от сырной лепешки, будто вопроса насчет Аффендоса не слышал. — Хочу предложить провернуть совместное дельце. Крайне выгодное дельце.

Ярость молодого варвара не сумела еще достигнуть той критической черты, перевалив рез кото-

рую, уже никакая невозмутимость, никакие дипломатические увертки не возымели бы действия. И тогда коринфец познакомился бы или с кулаками северянина, которыми так удобно сворачивать челюсти набок, или с его мечом — длинным, тяжелым, остро отточенным. Но — гнев киммерийца пошел на убыль.

— У вас, киммерийцев, тоже есть свои странности. К примеру, бросаться на человека, не дослушав его до конца.

— В тех местах, откуда я родом, люди любят повторять: не хватайся за кинжал прежде, чем поймешь, зачем тебе это нужно.

— Ладно, варвар. Но и ты выслушай меня до конца, не перебивай ударами кулаков по столу.

— Кроме воровского ремесла, я никогда ничем не занимался. За пределами Коринфии не бывал и не собираюсь. В Конверуме живу уже не первый год. И знаю, что говорю. Одно-два удачных дела, Конан из Киммерии, и за тобой будет гоняться не только городская стража, но и все «тени» города. Во главе с Королем Теней. И эти вторые найдут тебя быстрее — так быстро, что и пикнуть не успеешь. Найдут, отберут улов и нож под ребро загонят. Такие уж тут законы. Чужак, что не делится награбленным, — а у тебя ведь и в мыслях не было делиться, верно? — должен быть умерщвлен, а добыча остаться в городе.

— Плевал я на ваши законы,— сказал Конан.— Я живу по своим. Ну а в дельце поучаствовать можно, коли оно мне понравится. Рассказывай что к чему. ~~он и~~ Вдвой карманные столы стоят слишком близко друг к другу. Не желаешь ли прогуляться по городу?

Огибая на узких улочках рассеявшихся попрошаек, уличных торговцев, спующих туда-сюда горожан, увертываясь от всадников и повозок, они вышли к протекающей в центре и разделяющей город надвое реке. Задержались ненадолго — и то лишь из простого любопытства — около крикливого городского глашатая, который на углу двух улиц наизусть выкрикивал последние новости, то и дело замолкая, чтобы набрать побольше воздуха в грудь.

— Переговоры об охране Дороги Королей!.. между Коринфией и Немедией!.. отложены на неопределенное время!.. Сенатор Моравиус собирается!.. голосовать против!.. совместного патрулирования Дороги!.. Вчера ночью в нашем городе произошло нападение!.. На лавку небезызвестного купца Хамара!.. В этом преступлении обвиняют пособников знаменитого разбойника!.. который именуется себя!.. Аффендосом, Королем Теней!.. Сенат повысил сумму награды за сведения о нем на двести золотых!..

При последних словах подельники, не сговариваясь, поспешили прочь.

— Да кто он такой, этот Аффендос? — на ходу поинтересовался Конан.

— Ох, лучше не спрашивай,— откликнулся Вайгал.

Через два квартала они снизили темп. И вскоре вышли к реке.

Облокотясь на деревянные перила широкого моста, повернувшись спиной к воде, источающей ароматы городских нечистот, Конан и Вайгал кололи и ели орехи, купленные по дороге у горластого лоточника. Людей мимо проходило множество, но никто не мог подслушать их разговор.

— Политика — помойная яма, в которой плавают слитки золота. — Вайгал раздавил ладонью очередной орех, положив его на деревянный брус. — И надо уметь их оттуда вылавливать. Сенаторы наши устроили новую грызню из-за патрулирования Дороги Королей. Чего они не поделили, одному Белу известно. Однако — чтобы заправлять делами самому, нужно опорочить другого. Ну, обвинить там в чем-то, поймать на каком-нибудь грязном делишке, доказать причастность к чему-либо. Но не своими же холеными ручонками сенаторы будут ковыряться в чужом дерьме! У них есть деньги заплатить за такую работу, да и желающие выполнить ее найдутся... И как раз сегодня мне предложили одно дельце — я уже дал согласие. Из одного дома нужно украсть письмо — вот и вся работа. Известно, как оно выглядит, где лежит, как охраняется. Остается только прийти и взять. Но одному не управиться. Стерегут писульку, словно ее наказывал сам Митра. Зато знаешь, сколько заказчик обещал выложить?

Вайгал назвал сумму, и Конан присвистнул от удивления.

— Можно поделить и на троих, и на четверых...

— А еще лучше — на двоих. Что возможно. И у меня есть план, как управиться вдвоем. И никакой Аффендос не узнает. Что скажешь?

Ореховая скорлупа лопнула, сдавленная ладонью киммерийца.

— Знаешь, Вайгал, я уже не в первый раз слышу это имя — Аффендос. Да кто он такой, что все прямо трястись начинают, едва его услышат?

Рыжеволосый мрачно сплюнул в реку, поглядел, как плевок исчезает в мелких водоворотах и уносится течением.

— Аффендос, — наконец сообщил он, — это местный король воров. Король Теней, как он себя именует. Ни одно дельце не проворачивается без его ведома. Но кто он? как выглядит? существует ли в действительности? — этого никто не знает. А я так и знать не хочу, вот и все... Ну что, согласен на мое предложение?

Теперь помолчал Конан.

— А почему ты не обратился к одному из своих проверенных дружков?

Коринфец ухмыльнулся, глянул на варвара одобритительно.

— Правильно спрашиваешь. Но для задуманного ты подходишь лучше всех, кого я знаю. И вот почему...

Глава четвертая

Подчиненных сенатор Моравиус всегда принимал в Нефритовом зале. Он восседал на массивном деревянном кресле, скорее даже троне, по всей площади и со всех сторон испещренном затейливой резьбой. Ноги сенатора и ножки кресла касались высокого, но не широкого подиума из нефрита, опоясанного витыми колоннами. Колонны эти упирались в потолок, скошенный от сенаторского места ко входу в зал. Освещалось помещение таким образом, что отчетливо была видна фигура сенатора, но лицо его скрывала тень, а пришедшему на аудиенцию приходилось стоять в пятне яркого света. Посетитель ощущал себя в центре Нефритового зала вошью, беседующей с божеством, кроликом на приеме у удава.

— Рассказывай же, о Деливио, начальник... стражи.— Последнее слово Моравиус произнес с нескрываемой иронией.

Больше всего на свете Деливио хотелось сейчас превратиться в почтенных лет старца, доживающего отпущенный богами срок без забот и волнений, вдалеке от всяческих сенаторов и нефритовых залов. А приходилось держать ответ.

— Высокочтимый сенатор, вины моих людей в происшедшем нет, и Митра тому свидетель. Они честно выполняли свой долг, делали, что положено. Видимо, черные колдовские силы помогали...

— Оставь в покое колдовские силы,— оборвал сенатор стражника.— Я тебе приказал рассказывать, а не оправдываться. Начинай. По порядку.

Деливио уже не в первый раз тяжело вздохнул.

— Высокочтимому сенатору известно, что на ночь вокруг дома и внутри выставляются дополнительные посты. Так было и вчера. За два часа до полуночи я обошел своих ребят. Ручаюсь, ни одного пьяного, ни одного спящего. Оболтусов и разгильдяев я давно повышвыривал вон. Так что в своих ребятах...

— Отвлекаешься, Деливио!

— Гм... Так вот. Я совершил обход постов, все было спокойно. Согласно установленным правилам, новую смену нужно было разводить через три часа, поэтому я отправился к себе. Лежал на топчане... Да, хотел подремать до развода. Согласно уставу. Но заснуть не успел. Так как вскорости и началось. Прежде услышал я отчетливо крики, а уж затем условный сигнал опасности, подаваемый голосом. Определил, что звуки доносятся из западного крыла.

Упомянутые крики, стоило им вчера раздаться, встревожили и самого сенатора — не только потому, что ничего подобного не происходило доселе и не должно было происходить в доме одного из первых лиц города, но и потому, что раздавались они со второго этажа, почти прямо над спальными покоями Моравиуса. Как раз в тот момент, когда сенаторская спина ощутила нежность простынь красного кхитайского шелка, на которых он и собирался дожидаться прихода молодой жены.

— Я забежал в соседнюю комнату, поднял на ноги отдыхающую смену и приказал ей следовать за мной в западное крыло,— продолжал Деливио.— Около входа в западное крыло лежал оглушенный часовой. Дверь оказалась заперта. Изнутри. Я приказал вышибить ее. В качестве тарана было использовано каменное изваяние из ниши.

«Плебеи, солдатня, чернь», — мысленно отозвался Моравиус, который уже видел, во что превратилось основание статуи, привезенной из Черных Королевств и изображающей, по-видимому, одну из неизвестных в цивилизованных землях грудастых богинь какого-то тамошнего народа. Статуя эта, между прочим, стояла таких денег, сколько стражнику Деливио и за десять лет не заработать. А удары камня о дерево, сотрясавшие дом, напугали сенатора пуще криков. Дрожащие руки выскочившего из постели Моравиуса совсем перестали подчиняться ему, и он никак не мог справиться с одеждой... Тем более что сенатор одевался самостоятельно не часто.

— Выбив дверь, мы проникли в западное крыло. Коридорные светильники были потушены. Я приказал рассредоточиться по коридору и обнаружить, за какой из дверей скрываются злоумышленники.

На втором этаже западного крыла располагалась библиотека сенатора. Рядом с ней — комната, где Моравиус хранил часть своей коллекции статуй и статуэток, сотворенных руками дикарей и представляющих в камне или дереве их туземных богов. Единственное жилое помещение второго этажа — келья старого, почти совсем глухого библиотекаря Крипса, который, как выяснилось, благополучно проспал всю ночную катавасию.

— Открыть ребята не смогли лишь хранилище изваяний. Значит, кто-то заперся изнутри. Я приказал ломать дверь. В качестве тарана был употреблен вынесенный из комнаты Крипса стол. Дверь разнесли в щепки. В хранилище наблюдалась тьма. Из тьмы в первые ряды атакующих, подсвеченные факелами сзади стоящих, полетели мелкие изваяния, явно пущенные рукой злоумышленника.

Упоминая изваяния, начальник стражи, даже сам того не заметив, брезгливо кривил рот. У честного солдата, у верующего в истинных, светоносных богов, у Деливио вызывало непреодолимое отвращение то,

что содержало хранилище: морды, хари, рыла — клыкастые, скалящиеся, сведенные судорогой злобы; немислимо уродливые тела — многорукие, многоногие, смешавшие человеческое и звериное. Увидев такое, не сразу и вспомнишь, что все это лишь дерево или камень.

— Численность противника была до той поры не установлена, и мы соблюдали осторожность, продвигаясь вперед небольшими шажками и прикрываясь щитами. Лунный свет из окна и факельная подсветка сзади уже позволяли разглядеть кое-что. Но точно определить, где изваяние, а где человек, не представлялось возможным. С правой стороны по ходу движения атакующих раздались звуки, выдающие явно человеческое присутствие. Почти сразу же оттуда в атакующих был брошен предмет. Им оказалось изваяние каменной бабы. Настолько тяжелое, что ребята наутро лишь втроем смогли поднять его с пола.

Сенатор уже устал расстраиваться, слушая, как небрежно все кому не лень обращались прошедшей ночью с его коллекцией.

— Противнику удалось ранить троих моих ребят. У одного из них сломана ключица. Нет, Нергалово семя в печень, без колдовства не обошлось!

Моравиус поморщился — не любил он площадной плебейской брани. Деливио смутился, вспомнив, что сенатор не любит крепкое солдатское словцо.

— Гхм... Значит, продвижение наше было временно приостановлено. Воспользовавшись этим, противник скрылся. Мы увидели его в окне на короткое мгновение, равное одному удару сердца. Удалось разглядеть вот что: один человек, рослый, с хорошо развитой мускулатурой, длина волос неопределима — те были связаны в пучок; имелась и борода, какую обыкновенно носят туранцы. Ловок и, похоже, не новичок в воровских делах. Выяснилось: перемахнув через окно, вор оказался на карнизе, оттуда прыгнул на дерево, с него — на землю, бегом до ограды и — через нее. Высокотчи-

мый сенатор сказал, что из западного крыла ничего не пропало. Ясно: этот бородатый проводил отвлекающий маневр. И достиг своей цели. Я бросил все резервные силы в западное крыло, оставив без внимания другие объекты. Готов понести наказание.

— Что произошло у моего кабинета?

— Дежурившие у дверей Мальгус и Ормо были убиты попаданием арбалетных стрел: в горло — Мальгусу, Ормо — в сердце. Произошло проникновение посторонних в кабинет. И опять не без колдовства.

— Да?

— Осмотр тел Мальгуса и Ормо у места происшествия показал, что стрелы вошли в обоих одновременно. Значит, стреляли разом из двух арбалетов. Но все прочие следы указывают на то, что убийца, он же вор, действовал у кабинета один. Не в каждой же руке у него было по арбалету!

— Почему нет?

— Не встречал я таких, высокочтимый сенатор, кто так метко палил бы с двух рук. Если б такой объявился поблизости, дошли бы до меня слухи...

— Понятно... Деливио! — Сенатор впервые за весь разговор сменил позу: сцепил руки в замок на коленях, переместил взгляд с подчиненного на мозаичный пол перед ним. — Разумеется, вина за случившееся целиком и полностью лежит на начальнике стражи. На тебе. Твой недосмотр. Колдовство, не колдовство — значения не имеет. Надо выстраивать охрану так, чтобы учитывать и колдовство. Заметь на будущее, если останешься начальником стражи.

Сенатор взглянул на Деливио.

— Да, да, не поднимай удивленно брови. У тебя есть возможность сохранить должность за собой. В конце концов, любой человек может совершить ошибку. Главное — вовремя суметь поправить дело.

Сенатор вновь вперил взгляд в пол.

— Из кабинета похищено несколько пергаментных свитков, представляющих огромную важность для

всей Коринфии. Найди похитителей, верни документы — и ты прощен. Я временно отстраняю тебя от обязанностей начальника стражи. Бери кого и сколько хочешь из своих людей и — на поиски. Но запомни: никто не должен прочесть ни строчки из этих документов. Ты тоже. Городскую стражу к этому делу не привлекай. У нее и без того забот хватает с этим Аффедосом, да и содержание украденных документов слишком важно для того, чтобы какая-то солдатня узнала его. И еще: того, кто забрался в хранилище изваяний, можешь убить; того, кто побывал в моем кабинете, желательно доставить живым. Желательно — но необязательно. Ступай, Деливио! Ежедневно утром и вечером докладывать мне, как обстоят дела. Иди.

Сенатор Моравиус остался один. Было над чем подумать.

Например, над следующим: это были не обыкновенные воры. Вор обыкновенный позарился бы на золотые безделушки, коими полон кабинет, — и все. Эти же захватили то, что на базаре не перепродашь. Знающий человек сумеет в украденных документах отыскать ниточку ко второй, тайной стороне деятельности Моравиуса. И тогда сенатору наступит конец. Не-ет, скорее небо упадет на землю, чем я поверю, что то были обыкновенные воры. Но кто? — вот вопрос... И — кроме того: зачем ворами понадобилось красть что-то в хранилище изваяний, если шли они за документами? Может быть, стоило сказать Деливио, что бородатый злоумышленник все-таки прихватил с собой из хранилища изваяний костяную статуэтку, которую Моравиус купил за бешеные деньги у дарфарского путешественника по Черным Королевствам?..

Глава пятая

Кальвия обожала покупать мужчин. Недостатка в средствах она не испытывала. Супруг ее, сенатор Моравиус, обеднеет не скоро — не так уж просто превратиться из самого влиятельного и богатого человека города в нищего старика, лишившегося связей и накоплений. Правда, не все считали сорокалетнего сенатора стариком. Наоборот, многие его ровесники завидовали сохранившему юношескую стройность, бодрость и пышную шевелюру Моравиусу. Еще полный сил вельможа неутомимо, почти каждую ночь (если не отрывали дела) осыпал двадцатилетнюю жену супружескими нежностями. Почти каждую — если на месте супруги была именно супруга, а не ее сестра. Но Кальвии все ж таки не хватало ласк мужа, скоропреходящих, не рассыпающихся фейерверком разнообразия. Разнообразие — вот чего более всего остального хотелось молодой красавице. Многообразия форм, размеров, темпераментов, фантазий, возрастов, цветов кожи... Да, в конце концов, риска, опасности тоже! Короче говоря, сенатора было мало.

Но зачем покупать мужчин, когда ее тело бесплатно отыскало бы столько ублажителей, сколь пожелало из числа друзей-приятелей мужа, из молодых повес высшего света общества, из солдат и слуг, в конце концов?

Ответ на этот вопрос знали двое: сама Кальвия и ее сестра Рохана. В доме последней все самое главное

и происходило. В огромном особняке в квартале, где проживала знать Конверума, в родовом гнезде семьи Грассов. Семья, которая со смертью последней из сестер-близняшек перестанет существовать.

Род Грассов занял прочное положение среди самых уважаемых и богатых аристократических семей Коринфии двести лет назад — как раз тогда, когда началось строительство Дороги Королей, что сейчас тянется от Западного Океана до моря Вилайет. С тех пор, пройдя через годы, а вместе с ними через войны, распри, перевороты, восстания, интриги поколения Грассов не упустили богатства, знатности, заметного положения и влияния в обществе. Видимо, благодаря тому, что семейные традиции предписывали мужчинам не ввязываться в политические дразги, не забираться слишком высоко, стремиться не править, но служить. И продолжатели фамилии следовали заповедям рода. Редки были случаи отхода от заветов родоначальников, и послушники, без исключений, заканчивали трагически, что служило поучительным примером для новых поколений Грассов. А женская линия семьи... Впрочем, что женщины? Женщины фамилию не продолжают, в политику не лезут, позорят лишь своих мужей, наставляя им рога, а ежели до замужества бывают замешаны в чем-то непозволительном, то делают хуже только себе, лишая себя возможности стать чьей-нибудь женой...

Кальвия была не из таких. Ну, по крайней мере, никто не смог уличить ее ни в чем таком позорящем семью. А те, кто мог, почему-то исчезали без следа. С недавних пор.

Отец девочек-близнецов, патриций Хогист Грасс, не терял надежды обзавестись наследником. Ему исполнилось всего сорок семь, пять лет назад прокатившаяся по городу эпидемия унесла жизнь его жены, матери девочек, но он собирался жениться во второй раз. Год назад, удачно выдав замуж одну из дочерей за сенатора Моравиуса, он уже было подыскал партию

и себе, как вдруг в одночасье рухнуло древо рода Грассов.

Хогист и пятеро сопровождавших его слуг не вернулись с загородной верховой прогулки. Высланный на утро следующего дня отряд городской стражи возвратился ни с чем. Целую неделю старательно прочесывали окрестности Конверума поисковые отряды. Безрезультатно. Ничего, никаких намеков на то, где именно и что именно произошло с Хогистом и его слугами. Решили, что, по всей вероятности, они стали жертвами нападения шайки разбойников, которая тщательно замела все следы преступления. Оставалась надежда, что, может быть, патриция взяли в плен и будут требовать выкуп. Прошел год — о Хогисте никаких известий. И уже никто в городе не сомневался, что его нет в живых. Одна лишь Кальвия знала, что с ним случилось. Знала — но молчала.

Отчим домом и состоянием теперь распоряжалась Рохана, а Кальвия помогала ей. И семейное достояние сестры расходовали весьма своеобразно.

Прихоть родилась в курчавой головке Роханы и со временем для обеих женщин превратилась во всеподчиняющую страсть. Покупать мужчин, властелинов мира, самодовольных, переполненных сознанием собственной значимости, врущих друг другу о своих подвигах и успехах, — было пьяняще, увлекающе, засасывающе прекрасно. Эти петушащиеся создания не хуже распоследних шлюх, за звонкую монету выполняли все сумасбродные капризы молодых патрицианок. У каждого мужчины, конечно, была своя цена, но цена была у каждого. Продавались все. Даже богатые и знатные, которые убеждали себя, что сами от скуки нашли это приключение, брали, в конце концов, щедрую плату.

Поисками новых «игрушек» занималась Рохана, которая, в отличие от сестры, все свое время тратила по собственному усмотрению. Обрядившись в простое платье, незамужняя патрицианка выходила в город

«на охоту». За ней, держась чуть поодаль, неотступно следовали два телохранителя, верные слуги, которых Кальвия подарила сестре на последний день рождения. Выбрав очередного самца, Рохана находила случай поговорить наедине. Представлялась служанкой одинокой знатной дамы, покупающей удовольствия, и начинала торг. Обычно — быстро договаривались. После улаживались о свидании. В назначенное время «покупку» встречали те самые слуги и тайно препровождали, обставляя все так, чтоб избранник госпожи никогда не нашел бы дорогу в тот дом, не смог бы даже определить район города, где тот дом стоит. В спальнях покоях с глаз приведенного мужчины снимали непроницаемую повязку, и первым, что он видел перед собой после довольно продолжительной тьмы, были черные шелка простынь на необъятных размерах кровати. Незамедлительно появлялась таинственная заказчица; оберегая таинственность, лицо ее закрывала матерчатая маска. Одежда, облегающая соблазнительные формы, каждый раз была различной и зависела от женского настроения в этот день: от полного отсутствия на теле покровов и украшений до платьев самых модных фасонов и парада драгоценностей от шеи до щиколоток.

Кто первой выходит к гостю — заведенного порядка не было. Перед глазами доставленного мужчины возникала одна из стройнотелых сестер, а другая в этот момент устраивалась у смотрового глазка в стене, чтобы из соседней комнаты наблюдать за происходящим. Позже вторая сестра присоединялась к первой в спальне, или они менялись местами... или все заканчивалось довольно быстро. Течение вечера в доме Грассов находилось в руках близняшек и направлялось их капризами. Если же мужская особь вдруг выказывала строптивость, или же, чего доброго, в распаленном страстью самце пробуждалось звериная злоба и он пытался обойтись со своей покупательницей жестоко, то за дверьми спальни дежурили,

готовые ворваться внутрь по первому зову, два дюжих вооруженных телохранителя. Да, иногда сестрам приходилось прибегать к их помощи, и тогда зарвавшимся «приобретениям» было уже не до огорчения по поводу неполученной платы, а оставалось лишь радоваться, что сохранили жизнь и не все кости переломаны. Ну а те, кто осмеливался сорвать маску (находились и такие), — те отправлялись прямиком на Серые Равнины.

На черных шелковых простынях отпечатывались очертания мускулистой плоти зрелых мужчин; черный шелк ощущал прикосновения незаматеревших мальчишеских тел, когда сестры вводили еще одно юное создание в мир сладострастных наслаждений; на черных простынях исполняли свою победную песнь старики, берущие если не пылом, то опытом и желанием угодить. Конечно, чаще прочих взбивали черные простыни на широченной кровати неутомимые юноши, которые порой не отказались бы от участия в забавах и третьей столь же прелестной телом чаровницы, буде такая нашлась бы неподалеку.

Обеим сестрам нравились эти ночные забавы. Незамужняя Рохана, предложившая эту игру, находила в ней новые острые ощущения и способ времяпрепровождения, а Кальвия... трудно сказать, зачем рисковала замужняя Кальвия. Ведь были у нее и другие, не менее рискованные и опасные дела! Однако, когда появлялся очередной самец, она забывала обо всех своих проблемах и, не заботясь о репутации, хотя и соблюдая осторожность, с головой бросалась в омут прелюбодеяния. Она же и предложила сестре изредка (когда того требовали от нее обстоятельства) меняться местами — Рохана одевалась в платье Кальвии и играла и подчистую, вплоть до постели, вживалась в роль жены Моравиуса, а Кальвия отправлялась в отчий дом и изображала из себя одинокую патрицианку Рохану... Что характерно, сам сенатор ни разу и не заметил подмены.

Рохана была в восторге от этой затеи. Кальвия тоже радовалась — в качестве верной жены Моравиуса ей было весьма затруднительно заправлять прочими делами.

* * *

Совершая обычную «охотничью» прогулку, Рохана заглянула в заведение, куда не то что патрицианка, а просто порядочная женщина побоялась бы зайти. Однако следом за небогато одетой девушкой, из украшений имеющей лишь дешевый медный браслет да блеклое костяное ожерелье, в трактир ввалились двое хмурых мускулистых молодца. На скособоченной вывеске над входом значилось: «*Червиная груша*». Обыкновенно в своих поисках мужчин патрицианка старалась избегать слишком уж богатых кварталов — ведь, невзирая на то что она изменяла прическу, накидывала на голову капюшон, а лицо прикрывала полой плаща, ее мог узнать какой-нибудь излишне внимательный представитель местной знати, и тогда все пошло бы прахом...

Троица уселась за один стол, заказала немного вина, немного закуски и больше ела, пила и глядела по сторонам, нежели разговаривала.

Увидев за столом, задвинутым в темный угол, черноволосого гиганта с волевым лицом и пронзительно-голубыми глазами, молодая патрицианка ощутила, как по животу прокатилась горячая волна, а сердце гулко забухало у самого горла. И тут же сделала свой выбор. Да, она хочет именно его. Другие пусть подождут. Сестрице Кальвии этот экземпляр тоже несомненно придется по вкусу — хотя вчерашним вечером, обговаривая предстоящую «покупку», двойняшки сошлись на том, что в этот раз они желают самца пожилого, худощавого и немногословного. (Дело в том, что восемь дней назад сестры «пригласили» в дом чужестранца — щупленького низкорослого старичка с длинными седыми волосами, запле-

тенными в тонкую косицу, гостя из далекого, загадочного Кхитая. Первоначальные сомнения Кальви и Роханы в его мужской состоятельности развеялись, как дымок на сильном ветру, — ночь напролет молчаливый и с виду хилый старичок не давал обеим покоя, утомил их чуть ли не до обморока и сам утомился лишь к полудню; и все последующие восемь дней сестрицы ходили точно во сне, не в силах избавиться от сладостных воспоминаний о волшебной безумной, небывалой ночи.)

Мужчина за столом в углу, лет двадцати на вид, а то и меньше, был всецело поглощен беседой с рыжеволосым приятелем, сидевшим спиной к Рохане и ее телохранителям. Патрицианка, с трудом оторвав от своего избранника полный вожделения взгляд, повернулась к телохранителям и негромко произнесла:

— Черноволосый здоровяк в углу. Что скажешь, Дарк?

Тот, кого называли Дарком, мельком глянул в сторону беседующих мужчин.

— Нездешний, — сейчас же определил он. — Вроде бы откуда-то с севера. Варвар, короче. Небогатый. Судя по одежке. Либо вор, либо наемник. Раз сидит в этой дыре. За деньги на все пойдет. Я так думаю.

Немногословен он был, этот коренастый крепыш с тяжелой челюстью, скошенным лбом и кустистыми бровями, из-под которых холодно и злобно сверкали маленькие, пронизательные глазки.

— А ты что думаешь, Томак? — обратилась Рохана к его коллеге. Тот, в противоположность Дарку, был высок и жилист; бесхитростный, наивный, в его водянисто-голубых глазах наводил стороннего человека на мысль о нерешительности, даже трусости их обладателя — что частенько оборачивалось для него, стороннего человека, выбитыми зубами и переломанными костями... или путешествием на Сарматские Равнины.

Томак искоса посмотрел на парочку мужчин.

— Точно, нездешний. С севера, — медленно проговорил он. — Но живет тут, в «Груше», — комнату, должно быть, снимает. Вишь, как по-хозяйски развалился на лавке. Посетители с улицы себя скромнее ведут, а на того, кто специально нарывается, он не похож. А вот второй — явно местный; пришел, конечно, к черноволосому в гости: сидит на краешке, старается выглядеть неприметно... На встречу старых друзей непохоже. Наверное, о деле пришел поговорить. Скользкий тип. Беседуют спокойно, серьезно, тихо — чтоб никто не услышал. И вряд ли дело это законное, иначе не стали бы они в этом гадюшнике торчать. Сидят уже давно — шесть пустых кружек на столе. Все.

Рохана удовлетворенно кивнула и приготовилась к ожиданию. Что-то, а караулить лакомую добычу она умела. Молчали и ее телохранители.

Ждать, к счастью, пришлось недолго. Едва она пригубила второй глиняный кубок легкого вина, как мужчины за угловым столом, очевидно о чем-то договорившись, ударили по рукам; рыжий вышел из-за стола и, по привычке прикрывая лицо поднятым воротником потертого кожаного плаща до пят, поспешил к выходу. Оставшись один, гигант заказал еще одну кружку и принялся задумчиво прихлебывать вино.

Рохана не спеша встала и с кубком в руке пересела за стол черноволосого.

Дикарь посмотрел на нее и выжидательно поднял брови.

— Доброго дня тебе, благородный незнакомец, — улыбнулась Рохана как можно более открыто и ласково из-под надвинутого капюшона.

— И тебе того же, — осторожно ответил северянин.

— Я вижу, ты человек не местный, — продолжала женщина. — И, как я погляжу, ограничен в средствах. Скажи, права я или нет?

— Это смотря зачем ты спрашиваешь.

— Просто хочу предложить тебе работу.

Тыльной стороной ладони черноволосый великан оттер капли вина с губ и усмехнулся.

— Сегодня, однако, урожайный день у меня... Впрочем, не обращай внимания. Так что за работа и сколько платят? Видишь ли, за что попало я не берусь.

— Платят... — Рохана быстро прикинула в уме: здоров, могуч, наверняка неумеен, как молодой бычок, с другой стороны — юный, глупый, нищий... — Ну, скажем, семьдесят золотых за ночь.

— Ага, значит, работа ночная, — тут же смекнул северянин, и Рохана прикусила язык. Этот дикарь не настолько туп, как показался на первый взгляд — не моргнув глазом, проглотил баснословную для него сумму, однако тут же понял, что дело не совсем, мягко говоря, обычное. — И что же я должен буду делать? Понимаешь, красавица, семьдесят золотых за ночь — цена немалая, и за такие деньги простую работенку не предложат...

— Ты чужестранец, — сказала патрицианка. — Молод. Диковат. Привлекателен. Хорошая фигура. Сильные руки. Волевое лицо. Таких трудно сыскать в нашем городе... Понимаешь, о чем я говорю?

Варвар тряхнул гривой иссиня-черных волос.

— Пока что-то не очень, красавица. Ты, никак, в цирке мне предлагаешь выступить? Ночью?..

Рохана вздохнула. При всей притягательности юного северянина, сообразительность его явно оставляла желать большего.

— Никаких цирков, чужеземец, — напрямую сообщила она. — Дела обстоят следующем образом: Моя госпожа, молодая богатая незамужняя женщина, желает *побеседовать* с тобой завтрашней ночью. И за эту *беседу* ты получишь семьдесят золотых. Так, я надеюсь, понятно?

Дикарь некоторое время молчал.

— Ага, — наконец произнес он — совершенно спокойным тоном, будто не райское наслаждение предлагала она, а тяжкий труд в каменоломнях. — Так понятно. Иными словами, твоя госпожа желает взять напрокат мое тело. На одну ночь. И за это я получу семьдесят золотых. Правильно?

Поколебавшись мгновение, Рохана кивнула. Нет, вовсе неглуп был этот варвар. Он сразу раскусил намерения сестер... Однако, вместо того чтобы немедленно возбудиться от столь соблазнительного предложения и немедленно на него согласиться, чертов дикарь еще смеет ухмыляться и таращиться на нее, патрицианку Рохану, самым бесстыжим образом!

— Знаешь, милая, — сказал он наконец. — Я не из тех, кто покупается на столь легкую приманку. Не верю я тебе, хоть ты тресни. Очень уж просто все получается: мне — наслаждение, мне же — награда за него... Нет, деточка, это не для меня. И, кроме того, на завтрашнюю ночь у меня уже запланировано одно дельце...

— Ты ж наемник, ты должен соглашаться на любую работу! — не сдержавшись, воскликнула она. — Тем более на столь приятную!

В глубине души Роханы постепенно поднимался гнев. И даже не фамильярное обращение «деточка» вывело ее из себя. До сих пор в столь соблазнительном и многообещающем предложении сестрам отказывали лишь те, кто, как мужчина, был совершенно беспомощен, или же те, кого женские ласки не интересовали вовсе — в отличие от ласк мужских... И патрицианка уже начала склоняться к какому-нибудь из этих мнений, когда рядом со столом неожиданно возникла пышнотелая девица и капризным голосом проканючила:

— Ну Ко-онан, ну ты же обеща-ал, что недолго! Мы с Карой уже заждались...

— Сейчас, сейчас, милые, — рассеянно ответил варвар. — Обговорю только кое-что с этой дамочкой.

— Противный Конан, ты уже новую девочку нашел! — надула пухлые губки девица. Повернулась к Рохане; глаза ее вдруг превратились в две узкие щелочки. — Слышь, ты! — прошипела она сквозь зубы. — Здесь наше место. Проваливай из «Груши», а не то...

С каменным лицом служанка таинственной дамы медленно перевела взгляд на девицу, медленно же оглядела ее с ног до головы и тихо, но внятно проговорила:

— Кедлай отсюда, вычка оглывая, пока мои зохи тебя не отгурчили. Кинтарь мой. — Этой фразе (как и многим другим) научила ее сестра Кальвия, которая непонятно откуда знала плебейский язык не хуже общепринятого.

Конан не понял ни слова, но девица, очевидно, поняла прекрасно: щеки ее вспыхнули, она открыла было рот, чтобы достойно ответить... и так, с открытым ртом, исчезла — столь же неожиданно, сколь и появилась.

— Значит, тебя зовут Конан, — как ни в чем не бывало, продолжала Рохана. — И каков же будет твой окончательный ответ?

Киммериец не торопясь допил вино, со стуком поставил кружку на стол. Отер губы и посмотрел патрицианке в глаза. Ироничные искорки плясали в его глазах.

— Ты права, — с расстановкой произнес он. — Меня можно купить. Для выполнения какой-нибудь работы. Может быть, грязной. Сомнительной. Я не гордый. Я наемник. Я соглашусь на любую. Однако — зарабатывать на собственном удовольствии? Вот уж нет. Приятных моментов в этой жизни не так уж много, но оттого они становятся еще притягательнее. И я привык сам находить для себя развлечения. Ведь мясо собственноручно убитого на охоте кабана вкуснее, чем купленное в лавке, не так ли? Я не желаю просто получать наслаждение и просто получать за

него плату. Поэтому мой окончательный ответ — нет. И покончим на этом. Загляни-ка лучше в Веселый переулок — там, насколько я знаю, найдутся толпы желающих. Прощай.

Северянин встал из-за стола, кинул на него несколько монет — за вино — и направился к лестнице, ведущей на второй этаж, к спальным комнатам. Оставив кипящую гневом от задетого самолюбия женщину в одиночестве.

* * *

— Н-нет, — в сомнении проговорила Кальвия. Склонила голову набок, задумчиво пощипала нижнюю губу, прищурилась и наконец, решительно тряхнув очаровательной головкой, украшенной нимбом струящихся каштановых волос, повторила: — Нет, ни в коем случае. Слишком ярко. Я бы даже сказала, вызывающе ярко. Давайте-ка вон ту попробуем, синенькую.

Сняв со стены очередную драпировку, безропотные слуги развернули новый рулон материи — темно-синий габардин с вышитыми золотой нитью остроконечными звездами — и приладили его на место прежнего. Купец тканями обреченно топтался неподалеку — судя по всему, уже давно. Сенатора Моравиуса не было, государственные дела задержали его в здании Совета, на первом этаже охрана занималась укреплением дверей и ставень — после недавней кражи, а в это время маюющаяся от безделья жена решила развлечь себя сменой драпировки в одной из бесчисленных комнат дома мужа.

— Так лучше, — заметила Кальвия. — Намного лучше, ты не находишь? — Она повернулась к сестре.

— Вот уж не знаю, — нетерпеливо ответила Рохана. — По мне так они все одинаковые. Все равно в эту комнату никто не заглядывает... Слушай, Кальвия, насчет этого варвара...

— Ровнее держите, ровнее! — прикрикнула сестра, вновь повернувшись к слугам. — Да-да. Варвар...

Право, я сомневаюсь, сестренка. Грязный тупой дикарь; неизвестно еще, не болен ли он какой-нибудь гадостью. И потом, мы же вроде на старичке остановились...

— Да ты ведь не видела его! — страстным шепотом воскликнула Рохана. Зеленые глаза ее горели, бледные губы увлажнились от волнения, обнажив два ряда крупных, снежно-белых зубов. — Поверь мне, сестра: такие самцы рождаются раз в сто лет, и если мы его сейчас упустим, то потом локти себе кусать будем...

— Ладно, не горячись, — примирительно сказала Кальвия. — В конце концов, именно ты покупаешь товар, а я пока что ни разу не была разочарована в твоём вкусе. Коли тебе уж так понравился этот кусок мяса — действуй. Но только помни: время у тебя есть только до завтрашнего вечера. Завтра днем муж уезжает с инспекцией, его не будет до полудня следующего дня, и я сумею вырваться на всю ночь. Понимаешь? Если ты не сможешь уговорить этого дикаря или найти кого-нибудь другого, ночь, считай, пропала. И когда нам выпадет еще один шанс, я не знаю.

— Понимаю, сестра. — Рохана склонила голову. — Не беспокойся. Я тебя никогда не подводила. И сейчас не подведу. Жди весточки от меня завтра рано утром.

— Договорились... — Она не отводила взора от новой драпировки. — И все же этот цвет мне тоже не нравится. Очень уж мрачно. Тут надо что-нибудь спокойное, нейтральное, светлых тонов...

Громко стуча каблучками по тисовому полу, Рохана покинула дом сестры и спустилась во двор. Двое телохранителей поджидали ее у ворот; как всегда, когда рядом нет явной опасности, — неподвижные, точно скульптуры в саду Моравиуса, безмолвные, точно рыбы в фонтанах сада Моравиуса, но излучающие некую затаенную угрозу... точно скрытые ловушки для нежелательных гостей в саду Моравиуса.

Где-то в глубине души, в потаенных уголках сознания, она конечно, завидовала сестре — ее богатству, достатку, роскошным дому и одежам... но никак не ее выбору. Мужчины, без сомнения, нужны — когда голос плоти заглушает все иные звуки в мире; мужчин можно и должно использовать, брать от них необходимое... но выходить за них замуж? — нет уж, увольте. Рохана презирала весь мужской род. Что ж, грязный варвар, если ты не хочешь *просто* получать наслаждение за плату, ты получишь его *сложно*. Так, что сам рад не будешь.

— Дарк, Томак, — обратилась она к своим телохранителям. — Сегодня ночью нас ждет кое-какая работенка. Помните кабак, куда мы днем заглядывали?

Глава шестая

Деливио с сомнением поглядел на арестованного, но колебания на лице не выказал. Взятый в момент совершения преступления бойцами начальника стражи Гаркан по кличке Пустое Брюхо ничуть не был испуган или хотя бы растерян. Закинув ногу на ногу, сцепив на коленях закованные в кандалы руки, он горделиво восседал на пыльной скамейке в караульной дома Моравиуса и с не скрываемым вызовом поглядывал на самого Деливио и его помощника — кражистого, угрюмого, седовласого Россарри.

«Ладно, пес, давай поиграем. Спесь-то я с тебя посбиваю, дело привычное...» — подумалось Деливио.

Невысокий, тщедушный, с глупым лицом, обычно одевающийся в простой камзол из дешевой пегой материи и серые штаны грубой кожи, начальник охраны Моравиуса никогда не производил должного впечатления на обитателей воровского мира. А зря: очень скоро последние, будучи застигнутыми врасплох, убеждались, что внешняя глупость Деливио — лишь кажущаяся: на самом деле это хитрый, ловкий и безжалостный волк, с которым лучше не связываться. А вор Гаркан пока этого не знал. Как, впрочем, не знали и многие другие его, Гаркана, «коллеги», поскольку мало кто из них осмелился бы забраться в дом Моравиуса. До сего времени.

Деливио шумно сел за стол. Брезгливо, даже не взглянув, отбросил в сторону пергамент с текстом первичного дознания арестованного. Поправил несерьезный кинжал на боку. Облокотился на столешницу и устремил на Гаркана деланно равнодушный взгляд.

— Меня зовут Деливио, — сказал он. — Я — начальник стражи сенатора Моравиуса. А ты — вор, убийца, насильник. «Тень», одним словом. Будем знакомы, милый мой Гаркан по кличке Пустое Брюхо.

Вор, убийца и насильник Гаркан по кличке Пустое Брюхо обнажил в ухмылке гнилые зубы.

— Ты, начальник стражи, сначала докажи, что я не есть честный горожанин, — ответил он сиплым голосом. И добавил: — И что ты имеешь право арестовывать честного гражданина. А я ведь и пожаловаться могу — и не кому-то, а самому Ларго...

Деливио сдвинул брови и устало вздохнул — точно беседовал с маленьким мальчиком. Потом выдал из себя снисходительную улыбку:

— Гаркан, Гаркан, ну что ты говоришь? А я-то считал тебя умным человеком... Что ж, давай с самого начала. Верно, арестовывать честного человека я права не имею: я всего лишь простой начальник стражи простого сенатора... Но! Я же тебя, Гаркан, взял с поличным — когда ты вчерашней ночью выносил ворох одежды из лавки уважаемого портного Дограса. Плюс к тому — сопротивление моим людям, членам, кстати, гильдии стражников. Плюс — угрозы моим людям. Плюс — некоторые увечья, нанесенные моим людям... Так неужели ты думаешь, что мой друг, начальник городской стражи Ларго, не скажет мне спасибо, когда я доставлю тебя в его владения и распишусь в факте гражданского ареста, а мои люди, члены, кстати, гильдии стражников, не засвидетельствуют сей факт? Или ты полагаешь, что Ларго, начальник городской стражи и мой друг, тут же отпустит тебя — вора и убийцу, о награде за голову

которого давно вещают уличные глашатаи?.. Или неизвестно тебе, что начальник городской стражи и мой друг Ларго обещал выложить из собственного кармана сто золотых тому, кто укажет место жительства подлого вора и убийцы Гаркана?

Сделав паузу, Деливио искоса наблюдал за арестованным. Арестованный же, к удовольствию начальника моравиусской стражи, несколько поник головой и приуныл; руки его, против воли, сжались в замок с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Деливио мысленно усмехнулся: с виду крепкий орешек, а на деле такая же мразь, как и все остальные.

Конечно, он несколько лукавил: с Ларго они не общались уже года три — все из-за той дурацкой истории с веселой вдовушкой Алаккией, — поэтому начальник городской стражи, безусловно, примет Пустое Брюхо с распростёртыми объятиями, но вряд ли в обмен на арестованного вора выложит столь необходимые Деливио сведения. Права такого нет у начальника городской стражи — делиться сведениями с посторонними. Поэтому препоручать спесивого Гаркана рановато.

— Ладно. — Голос Деливио посуровел. — Хватит. Давай перейдем к делу. Так что ты надумал? Будешь говорить со мной, или ты предпочитаешь подождать, пока за тебя возьмутся ребята Ларго?

Гаркан утрюмо молчал; сальные черные волосы курчавыми завитками пали ему на лицо, скрывая глаза.

— А ведь закон не запрещает мне допросить арестованного до того, как прибудет государственная стража... — продолжал Деливио. — Так что, Россарри, я думаю, можно приступать.

Помощник Деливио сноровисто повернулся к арестованному. Грузная его фигура казалась совершенно излишней в тесной камерке караульной. Как всегда сохраняя на лице выражение полного равнодушия, он медленно занес руку и вдруг отвесил полновесный

тумак по уху арестованного. Гаркан, с дробным грохотом ссыпавшись на пол и беспомощно перебирая ногами, попытался отползти в угол — но длины цепи не хватило. Россарри глянул на начальника. Деливио милостиво кивнул. Россарри склонил свое огромное тело в поклоне и ухватил Пустое Брюхо за шиворот.

Когда арестованный вновь оказался на скамье, гонора в нем явно поубавилось, он даже вроде бы стал раза в два меньше ростом.

Деливио откинулся на спинку кресла и посмотрел на Гаркана с не оставляющей надежд жалостью:

— Ну так что, будем говорить? Или позовем моего друга Ларго? Или продолжим развлечения с моим помощником?

Гаркан шмыгнул носом, подбирая кровавые сопли, и бросил на начальника моравиусской стражи исполненный злобы взгляд.

— Пусть Аффендос, — процедил он сквозь зубы, — вынет твои внутренности, наматает их на кулак и засунет в...

Деливио поморщился — он не любил упоминания местного короля воров — и снова кивнул Россарри. Гаркан отплатнулся. Гаркан непроизвольно прикрыл голову закованными в кандалы руками. Гаркан сипло выкрикнул:

— Да что тебе от меня надо, пес ты сенаторский? — Кандалы глухо звякнули. — Зови своего Ларго, пусть лучше он со мной в Пыльном погребке разбирается!..

Деливио снова облокотился на стол. Арестованный почти сломался; это хорошо.

— Гаркан, друг мой, — проникновенно сказал начальник стражи сенатора Моравиус. — Ларго никуда не убежит, Ларго подождет. А вот мне с тобой нужно выяснить пару-тройку вопросов.

— Какие еще вопросы, Сетова отрывка?! — Самообладание покинуло матерого вора; он понимал, что начальник стражи Моравиуса арестовал его вовсе не

затем, чтобы отдать в руки начальника городской стражи, и не затем, чтобы самому провести дознание... Ему, Деливио, нужно что-то совсем другое. Старый хрыч запросто может приказать забить арестованного до смерти, и ему это сойдет с рук — ведь, кроме людей Моравиуса, об аресте никому неизвестно... Поняв это, Пустое Брюхо сипло закричал: — Ты меня поймал чисто! Чего ждешь? Зови своего дружка, вожака стаи шелудивых псов из городской стражи! И чтоб Митра благодетельствовал тебя кучей собственного дерьма!

Кивок Деливио, взмах руки Россарри, и Гаркан вновь летит в угол.

— Не надо дерзить мне, — правоучительно сказал старый вояка, когда притихший вор вновь был усажен на скамью. Нос последнего прямо-таки испражнялся кровью, да еще струйка крови показалась из уха. — Я очень прошу тебя: говори только тогда, когда я задаю вопрос. И только правду говори. Иначе мой помощник может обидеться и несколько пересердствовать.

Россарри ухмыльнулся. Он никак не мог взять в толк, почему хозяин церемонится с этим разбойником. Будь его воля, он давно бы вытряс душу из этого слизняка — как хозяйка выбивает пыль из ковра. Но раз Деливио зачем-то понадобился гнусный воришка, значит, так надо. Значит, он, Россарри, будет ждать, пока хозяин не выяснит все, что требуется, и не отдаст подлеца в его руки.

— Решай быстрее, Гаркан, — сказал Деливио. — У меня не так много времени, чтобы возиться с тобой.

— Что тебе надо? — хрипло спросила сломленный вор.

Деливио ухмыльнулся.

— Вот так-то лучше. Мне надо узнать, кто восьмого дня поджег лавку Хамара в Квартале Купцов.

Пустое Брюхо помотал головой:

— Мне-то почем знать?

Деливио посмотрел на Россарри. Россарри повернулся к Гаркану. Гаркан втянул голову в плечи и затараторил:

— погоди, Деливио! Да я правда не знаю! Клянусь именем Аффендоса! Подожди, дай мне объяснить!

Деливио жестом остановил своего помощника.

— Ну, говори. И пусть твое объяснение будет правдоподобным, — ледяным тоном произнес он. — И, пожалуйста, больше не упоминай при мне своего Аффендоса.

Гаркан утер нос. Непроизвольные слезы выступили у него на глазах.

— Квартал Купцов — это не моя вотчина. Я работаю неподалеку, на Улице Ремесленников. И не знаюсь ни с кем из других районов... Понимаешь, так легче всего — если тебя поймают стражники, то ты никого выдать не сможешь, потому что сам не знаешь. А кто подпалил купца, мне неизвестно, клянусь Афф... клянусь Митрой, и никому из наших неизвестно, это могут пронюхать только «тени» с ихнего квартала...

— Ладно, хватит.

— ...не надо меня бить, пожалуйста, не надо, я ведь все равно ничего не...

— Умолкни, кому говорят! — повысил голос Деливио. — Мне нужно поразмыслить.

Пустое Брюхо замолчал, будто ему грубо сунули клеп в рот, и некоторое время лишь судорожно всхлипывал. Россарри безмолвной горой возвышался рядом с лавкой арестованного. Ждал дальнейших приказов.

Начальник стражи Моравиуса задумчиво барабанил пальцами по столу.

Пять дней назад, получив приказ сенатора начать поиски прокравшихся в дом злоумышленников и украденных документов, он почувствовал полную свою беспомощность. Осведомителей в воровском мире у него не было — не было раньше в них нужды, обра-

щаться к городской страже сенатор запретил, и как поступать, с чего начинать поиски — совершенно непонятно. Деливио уже распрощался было со своей должностью, но тут ему повезло. Чистая ли случайность помогла ему, счастливый поворот судьбы, или же на то была воля Богов, он не знал, да и не хотел знать: просто в его руках неожиданно появилась ниточка.

Позавчера вечером в его дом заглянул на огонек брат жены Пробс, известный в Конверуме лекарь, который врачевал только весьма состоятельных клиентов. Веселый неугомонный толстячок в крикливом костюме, за ужином он рассказывал множество забавных историй из своей практики и, в частности, поведал о том, как его восьмого дня ни свет ни заря подняли на ноги солдаты городской стражи и велели быстренько одеваться и собирать инструменты.

— Моя-то подумала, что меня арестовывают, и заголосила на всю улицу, — похохотывал шурин, отправляя в рот ломоть жареной свинины, запивая мясо добрым глотком розового вина из серебряного фамильного кубка и при этом не переставая говорить. — Но стражники объяснили, что, мол, все в порядке, просто дело очень спешное и скоро он, то есть я, вернусь домой целый и невредимый.

Пробса отвезли на повозке в казармы городской стражи и подвели к постели, на которой метался в забытии какой-то прыщавый солдатик с перевязанной головой. Вокруг же постели толпились офицеры один другого важнее — поверишь ли, Деливио, сам Ларго присутствовал!

Во время рассказа жена Деливио то и дело вскрикивала и всплескивала руками; сам же начальник сенаторской стражи слушал вполуха — лишь кивал иногда, показывая, что внимает каждому слову родственничка. Шурина он не любил, да и не до него было: карьера на волоске висит, а тут байки какие-то...

Ларго приказал Пробсу немедленно привести больного в чувство. А в чем дело? Нападение, объяснили лекарь. Четверо стражников убито, этот — единственный, кто выжил. Только он может опознать преступников. Поэтому, уважаемый врачеватель, примени все свое искусство, и пусть бедняга очнется.

— Дело это, знаете ли, мудреное. Несчастному нанесли очень сильный удар по голове; не исключено, что мозг сдвинулся с места и больной уже никогда не откроет глаза. Но, милый мой Деливио, я же все-таки настоящий лекарь, а не шарлатан там какой-нибудь! Поэтому я смешал две части черного корня, одну часть протертых высушенных листьев костеломы и добавил пятьдесят капель жидкости, которая вырабатывается после трех лет настойки крепкого вина в дубовой бочке. И что ты думаешь? Помогло!..

«Может, все же имеет смысл обратиться к Ларго? — думал Деливио, рассеянно ковыряя гарнир. — Скажу: сенатор-де хочет, чтобы городская стража помогла найти лиходеев... Нет, нельзя. Сенатор как раз-таки этого и не хочет».

— ...Его, мол, солдата, громила алебардой ка-ак по голове хрясы! — он, солдат, и отключился. И как остальные погибли, не видел. Зато, говорит, того, второго, он никогда не забудет. Не было, говорит, у него ничего в руках, стоял себе спокойно на коленях и вдруг — бац, вж-ж! — и арбалетная стрела торчит у командира Битуса аккуратно напротив сердца...

«А может, втайне от сенатора, попросить у Ларго помощи? Ведь не должен отказать по старой памяти. Нет, тоже нельзя. Сразу, bestия хитрая, заинтересуется, что, да отчего, да почему втайне...».

Деливио вдруг резко оторвался от своих невеселых мыслей.

— Стой-ка, Пробс. Что ты сказал?

— Я сказал, удар, конечно, сильный, но не смертельный, и к концу месяца...

— Нет-нет. Что ты раньше плел? Про арбалетную стрелу?

— А-а. Солдатик говорил, что никогда в жизни не видел такого мастера стрельбы из самострела. Этот, вор который, стоял себе на коленях, руки пустые, и вдруг — бац! — стреляет из арбалета, да так метко, что командир наповал. Откуда арбалет, говорит, взялся? Прямо колдовство какое-то...

Деливио откинулся на спинку кресла. Сердце билось в ушах, как колокола.

Стараясь не подать виду, что его это интересует, он принялся осторожно выпрашивать подробности. «Теней» было двое? Да. И как они выглядели? Один, тот, который арбалетчик, худой, вроде рыжий, хотя в отблесках пожара могло и показаться, а второй, тот, который оглушил солдата, такой чернявый, нездешний, судя по всему. С бородой? Нет, какая там борода. Обыкновенный. Только здоровенный, что твоя башня.

Ну, понятно, борода — дело простое, подумал тогда Деливио. Настриг козлиной шерсти, связал, к подбородку прицепил, и тебя уже собственная жена не узнает. Но что теперь делать? Может, бойцы Ларго уже поймали поджигателей? Убийство четверых солдат — не шутка, тут городская стража город вверх дном перевернет, а отыщет убийц. У них — люди, оружие, осведомители, опыт, а что есть у него, бедного старого Деливио? Только десяток верных воинов, которые, впрочем, за него в огонь и в воду. Пожалуй, с их помощью стоит обзавестись временным помощником в воровских кругах...

— Ну ладно, давай закругляться, — сказал он Гаркану, который с надеждой глядел на него из-под грязных косм. — Поверю, что ты не знаешь, кто поджиг лавку купца Хамара. Тогда у меня к тебе будет последний вопрос. Постарайся ответить на него — иначе я просто не знаю, как и быть с тобой. Готов?

Гаркан судорожно кивнул.

— В таком случае скажи-ка мне: знаешь ли ты рыжеволосого парня, который все время таскает с собой самострел и обращается с ним так же ловко, как уличный проповедник со своим языком?

Вот! Пусть Митра покарает его, но в глазах вора промелькнуло понимание. Промелькнуло — и исчезло.

— Итак?

— Нет. Я незнаком с этим человеком, — очень тихо ответил Гаркан.

— Что ж, Пустое Брюхо, ты сам себя наказал, — произнес Деливио голосом, который мог бы заморозить целую бочку воды. — Я-то думал, мы с тобой поняли друг друга. Жаль, что до тебя не дошло. — Он повернулся к помощнику: — Россарри...

— погоди, Деливио, погоди! — закричал вор. — Я сказал, что незнаком с рыжим. И это правда! Но... Но...

— Что — но? — Деливио наклонился вперед.

— Но... Я... — замялся Гаркан. — Поклянись, что не выдашь меня, если я расскажу, что знаю?..

Деливио рассмеялся.

— Да ты совсем обнаглел, Пустое Брюхо! Ты мне еще будешь условия ставить! Я, начальник стражи сенатора Моравиуса, буду что-то обещать тебе — грязному воришке? Да я скорее съем собственные сапоги, чем стану договариваться с такой отвратительной вошью, как ты!

Мерзко было на душе у Пустого Брюха. Он неоднократно попадал в лапы Ларго, стражники выбили ему половину зубов, палачи отрубили уши и все пальцы на ногах, но раз за разом Гаркан возвращался к любимому воровскому ремеслу — ибо знал, что закон Конверума запрещает казнить пойманных «теней», а без ушей и пальцев прожить-то можно, не так ли?.. Однако никогда еще Брюхо не попадал в столь гнусную ситуацию. И выхода пока не видел: старый пес Деливио не врет, он действительно прикончит его,

если Гаркан не расскажет о рыжеволосом. А если расскажет, то Гаркана прикончат собственные дружки. А то и Король Теней самолично.

Вор хлюпнул носом, поерзал на скамье и prognosticated:

— Когда Аффендос прознает, что я растрепал тебе о ком-то из наших, мне конец. Пощади меня, благородный начальник стражи...

— Хорошо, — поморщился Деливио, — только не скули. Так и быть, услуга за услугу. Ты расскажешь мне о рыжем, а я сделаю так, что твой королек тебя не найдет. Согласен?

Гаркан часто закивал.

— Ну так я слушаю.

Он, Гаркан, никогда встречался с рыжеволосым арбалетчиком. Но вот «тень» Гунст по кличке Рукоять из Квартала Купцов намеренно упомянул, что рыжий лис Вайгал последнее время совсем ребят забыл, воровской закон забыл — связался с каким-то дылдой-чужаком и, кажется, свои собственные делишки крутит. Видел его Гунст пару раз в «Червивой груше», так тот даже внимания на закадычного дружка не обратил, болтал о чем-то со своим новым приятелем. Дескать, добром для рыжего арбалетчика это не кончится — «тени» уже роптать начинают. Скоро до Аффендоса дойдет, и тогда рыжему конец. А он, Гаркан, больше ничего не знает, вот клянусь грудями Иштар, господин начальник стражи, но, если ему, господину начальнику стражи, нужно, он может разнюхать еще что-нибудь...

Нетерпеливым жестом Деливио прервал слезный поток слов, поднялся и направился к выходу — на солнечный свет. Он понял, что Гаркан по кличке Пустое Брюхо действительно больше ничего не знает.

— Россарри, — бросил он с порога, — займись-ка нашим гостем. Только смотри, чтоб грязи не было и чтоб эту тварь подольше не нашли.

Гаркан тоненько завизжал, когда над ним нависла ухмыляющаяся громада помощника начальника стражи, но Деливио этого уже не видел.

Итак, клубочек постепенно распутывается. Вайгал, рыжеволосый арбалетчик из «Червивой груши», и его напарник, высокий мускулистый чужестранец. Это они. Вторую такую парочку еще поискать, и совпадения быть не может.

А Гаркана ни отпускать, ни передавать Ларгу было нельзя — либо он дружкам своим расскажет, что Деливио интересуется рыжим и тот затаится, либо Ларго клещами вытянет из вора сведения о Вайгале и найдет его первым... если уже не нашел. Так что надо торопиться.

Он бегом взбежал по ступеням сенаторского дома, уже позабыв о Гаркане Пустое Брюхо: ведь, в конце концов, Деливио вора не обманул — Аффендос этот сказочный не найдет своего подчиненного.

Глава седьмая

Ночь выдалась лунной, звездной, безветренной. Нетревожимая даже малейшим ветерком вода в бассейне отражала бриллианты звезд, в кустах шебуршала какая-то пичуга, устраиваясь на ночевку. Лунный серебристо-голубой свет окутал фигуру, появившуюся из дверей на ступенях парадного входа; человек в темном, сливающимся с окружающей обстановкой плаще неспешно спустился в садик, остановился возле бассейна. Прислушался. Ничего и никого. За оградой послышалось ленивое цоканье конских копыт — то ночная стража совершала свой еженощный обход богатых кварталов.

Фигура пребывала в недвижимости. Ждала. В отдалении ударил колокол на Центральной башне. Полночь.

Человек в плаще пошевелился, будто услышал что-то, вновь замер на миг и вдруг скользнул в черную тень, протянувшуюся через садик от мраморной колонны портала. Полностью растворился в темноте.

В этот момент на сцене появилась еще одна фигура — бесплотным призраком она выплыла из зарослей, бесшумно пересекла двор, стараясь держаться затемненных участков богатого поместья, приблизилась к portalу. Остановилась. Нет, не бесплотный призрак это был: под ногой ночного гостя неосторожно треснул сучок.

Первая фигура вышла из тени.

— Дарк.

Второй остановился, медленно повернулся на звук.

— Ты опоздал, Дарк.

Голос говорившего шуршал безжизненно, мертво, как осенняя листва, по которой крадется безжалостный убийца, и невозможно было понять, мужчина произносит эти слова или женщина, юноша или старик... да и вообще — человек ли, но в тоне его явственно сквозили угроза и холодная жестокость: Дарк, телохранитель Роханы, сестры Кальвии, был из тех немногих посвященных, которые знали, кто именно скрывается под одним из известнейших в городе имен.

Тот, кого называли Дарком, склонил голову и почтительно ответил:

— Прошу прощения, Аффендос. В последний момент появились новости, которые, я полагаю, тебя интересуют. Они-то меня и задержали.

— Да? И что за новости?

— Как мне сообщил верный человек, послезавтра на рассвете в город прибудет караван из Черных Королевств... но не для торговли.

— А для чего же? — Фигура в плаще немного сдвинулась влево, в полосу лунного света, пробивающуюся сквозь ветви деревьев, но лицо по-прежнему оставалось в тени.

— Этого моему человеку выяснить не удалось, зато доподлинно известно, что караванщики везут с собой множество драгоценных камней. Они разобьют лагерь на пустыре у бывшего Южного рынка. Мне думается, Аффендос, что было бы весьма неплохо однажды ночью забраться к ним...

— Нет, — отрезал человек в плаще. — Это слишком рискованно. Черный народ только с виду дикий и бесхитростный... Надо сначала выяснить, нет ли у них, у караванщиков, в запасе каких-нибудь колдовских сюрпризов — на случай появления не-

званных гостей. Займись-ка этим выяснением, а там поглядим.

— Слушаюсь, Аффендос.

— Дальше.

— Знакомый солдат из городской стражи сообщает, что Туманчика через три дня казнят на городской площади. В принципе для подготовки побега времени достаточно.

— Хорошо. Пусть этим займутся Трехпалый и «тени» Удальца. Им такие дела не впервой проворачивать.

— Слушаюсь.

— Дальше.

— Не знаю, имеет ли это значение и интересно ли тебе...

— В нашем деле, Дарк, все имеет значение. Стало быть, мне все интересно. Выкладывай.

Дарк смущенно кашлянул. Не ведающий страха, жалости и трепета ни перед кем, он отчего-то совершенно терялся рядом со зловещей фигурой Аффендоса... А ведь именно они, Дарк и Томак, и никто иной помогли *этому* королю конверумских воров взойти на трон, подсказали, что нужно сделать, когда умер король предыдущий. И только они знали тайну *нынешнего* короля. А точнее... Нет, лучше даже не думать, не вспоминать прошлое. Пусть все останется, как есть. И он, Дарк, пусть останется на своем месте. Как было всегда.

— Дело касается некоей «тени» по имени Вайгал. До меня дошло, что ребята им недовольны. Свои делишки обдeldывает, а в общий котел ни гроша не приносит. Сошелся с каким-то чужеземцем... А ведь ты знаешь, как у нас к чужакам-то. Так что ребята порешили Вайгала припугнуть, а если не получится — то и на Серые Равнины отправить. Без твоего приказа. А, кроме того, проверил я его историю, — насчет того, что служил он Горбуну Долгоносику в Ианте... Похоже, врет он, Аффендос. Не знает Долго-

носик такого. Но ведь парень-то свой, отменный. Так что не ведаю, нужно ли позволять «теням» наказывать его. Ведь Вайгал — один из лучших наших бойцов. Из арбалета палит, что любо-дорого...

— Постой-ка, — встрепенулся человек в черном. — Это не тот ли рыжий арбалетчик, что год назад завалял Мышелова?

— Именно он.

— Ага... — Фигура в черном на некоторое время задумалась, затем проговорила все тем же безжизненным голосом: — А что там с ограблением в доме некоей высокопоставленной особы, Дарк?

Дарк замялся.

— Пока мало чего. Никто в городе не знает, кто залез к те...

— Давай-ка без конкретных упоминаний!

— Слушаюсь... Да, так я не смог узнать, кто залез в этот дом и что именно там было украдено. Полагаю, то были пришлые — обчистили... этот дом и испарились, потому что иначе меня бы обязательно поставили в известность... — Он на мгновение запнулся, а потом несмело продолжил: — Вероятно, тебе, Аффендос, было бы проще лично попытаться...

— Что для меня легче, я и без тебя знаю. Теперь помолчи немного.

Он умолк, сохраняя полную неподвижность. Замер и Дарк, телохранитель сестры Кальвии, любительницы покупать мужчин.

Тот, кого называли Аффендосом, погрузился в раздумья. В самом деле, о том, что происходит в доме небезызвестного сенатора, он, человек в темном плаще, знает гораздо больше всех осведомителей вместе взятых. Еще бы не знать — ведь именно некто по имени Аффендос является в этом доме хозя... Впрочем, не будем.

Итак, это Вайгал, который, возможно, вовсе никакой не Вайгал, забрался в сенаторский дом. Зачем? Аффендос ему нужен был или действительно какие-

то пергаменты? И кто он на самом деле?.. Неужели этот старый дурак, коринфский Король, опять попытается наложить лапу на его, Аффендоса, владения?

Факт, что тюфяк Деливио никого и ничего не найдет. Полагаться можно только на своих людей...

Аффендос почувствовал угрозу, которую таит в себе имя Вайгал. А угрозы король воров не терпел. И всегда старался загодя избавляться от них. Первым наносит удар.

— Вот что, Дарк, — наконец проговорила фигура в темном плаще. — Отыщи «тень» по кличке Кривое Рыло. Передай ему сообщение. Сообщение такое: «Рыжий лис выполз из норы и поднял голову...»

Глава восьмая

Ночь, подружка воров и влюбленных, накрыла город своей черной юбкой.

Не по-ночному трезвый Конан покинул гостеприимную «Червивую грушу», чтобы очутиться в узких, темных, грязных переулках. Чтобы то и дело оглядываться по сторонам. Чтобы торопливо продвигаться к южной окраине. Чтобы прижиматься к стенам, шепча ругательства всякий раз, когда встретится патруль городской стражи...

И чтобы, так и не дойдя до Южного рынка, где ждет его Вайгал, получить сзади чем-то тяжелым по голове.

* * *

Как и было обговорено в последнюю их встречу в «Червивой груше» (где Конан так некстати принялся хвастаться украденной статуэткой), Вайгал ждал подельника на пепелище сгоревшего месяц назад дома свиданий, окна которого — когда они еще были — выходили аккуратно на пустырь Южного рынка. Еще не так давно (не прошло и года) песок рыночной площади ежедневно взрывались тысячи лошадей, их хозяева насыщали воздух сотнеязыкой разноголосицей, а из кошельков проливался золотой дождь.

После того как Сенат решил отвести этот участок под строительство казарм для отрядов Стражей До-

роги и издал указ о переносе рынка на западную оконечность города, опустевшая, затосковавшая земля стала быстро заполняться мусором. Мусорные кучи множились, а строительство все не начиналось.

Сгоревший публичный дом был последним зданием, примыкавшим вплотную к бывшему рынку. Остальные (гостиницы, игорные дома, трактиры, те же дома терпимости) сразу после переноса торжища опустели и их хозяева тут же, не мешкая разобрали их и распродали по бревнышку.

Почему торговый караван, прибывший вчера на рассвете в Конверум откуда-то из Черных Королевств, выбрал себе для стоянки этот грязный пустырь? Чего вдруг чернокожие дикари надумали сойтись в цивилизованный мир? Вайгал не искал ответов. Главное — чернорожие ребята привезли с собой очень много драгоценных камушков, и ему об этом незамедлительно доложил его человек, один из тех стражников, что производили досмотр каравана при въезде в город. Парень получит свою долю, как только товар будет взят и продан. Что ж — ему недолго осталось ждать. Только где же Конан, Нергалова жизнь?!

* * *

Конан почувствовал, что пришел в себя. Теперь следовало распахнуть глаза.

На ум пришла странная мысль: сколько раз его в разных землях самые разнообразные люди и нелюди по различным причинам отправляли в бесчувствие! Использовали для этого весь злодейский арсенал: от пошлых огреваний по затылку и подлого подсовывания отрав до премудрых магических приемиков. После чего он приходил в себя. И вот что интересно — никогда, ни разу, открыв глаза, ничего хорошего не видел. Одна дрянь. Одно другого хуже. Такая пакость иногда попадалась, что лучше б так и остаться с закрытыми глазами.

Спине было чересчур мягко и удобно. Значит, не тюрьма. Или тюрьма с удобствами.

Слух улавливал слабое потрескивание. Светильники?

Он попробовал пошевелить руками и ногами. Ну так и есть! Кандалы! Опять все то же самое...

Без особого удовольствия Конан размежил веки.

Сверху — волны бардового бархата. Его поддерживают тонкие, витые деревянные колонны. Снизу — отливающий черным шелк.

Вот, значит, куда он угодил — на огромную круглую кровать. Это хорошо. А вот что плохо: запястья и щиколотки обжаты медными браслетами, от которых идут натянутые цепи и скрываются за невысокой кроватной спинкой. Видимо, прикреплены к кольцам, вделанным в пол. Если пол дощатый — можно выдрать, поднатужившись. Коли каменный — дело усложняется.

Легкое дуновение сквозняка, качнулись языки пламени в светильниках, едва слышный хлопок прикрываемой двери.

Ясно. Тюремщики приперлись. Что ж, глянем, кому мы на этот раз обязаны заточением. А Вайгал-то там, на пустыре ждет, чтоб Сет обрушил потолок вам на головы...

* * *

Вайгал уже устал ругать варвара последними словами. Утомился выдумывать для наглого недоноски попытки поизощреннее. Ладно, Бел с ним. Грязным, вонючим, сволочным и гадким ублюдком он займется позже. Скорее всего, натравит на него местных «теней». Ох, и взвоят деревенщина киммерийская! Впрочем, Бел подери, нравится ему варвар. Вот провалиться ему вместе с городом в Мир Демонов, если не нравится. Хотя и придется пожертвовать им, когда дело будет сделано. Жаль... но ничего не попишешь: выполнение задания — прежде всего. Так где же его

носит, когда финал его, Вайгала, пребывания в этом грязном, продажном городишке столь близок?..

Ладно, не о том думаешь, Вайгал. Теперь же надлежит думать только о деле. Замечательный, продуманный план нападения на караван предусматривает участие двух человек. Отказаться от плана? Бежать за новым поделщиком? Перенести все на завтра?

Вчера рано утром, получив известие о прибытии в город черного каравана с уймой драгоценных камушков, Вайгал поспешил посмотреть, где и как размещаются гости их города. Обнаружив чернорожих купцов на пустыре из-под Южного рынка, он пронаблюдал из своего нынешнего укрытия, как чужеземцы, скинув дорожные одеяния, более всего напоминавшие мешки с прорезями для рук и головы, остались в том, что явно привычней им — в одних набедренных повязках. Дикари, кожей чернее твоей смолы, принялись из тонких трубчатых стволов какого-то дикарского дерева, которые им не лень было переть через полмира, мастерить хижин. Построенных домиков Вайгал насчитал пять, а туземцев, прибывших в Конверум, — три десятка да трое сверху. Только у одной из хижин чернорожие ребята выставили охрану в виде двух голых здоровяков с тонюсенькими копьями, тем самым показывая, в какой именно постройке хранятся камушки. За что им огромное спасибо!

* * *

Едва его взгляд поймал фигуру вошедшего в зал человека, как в голове выстроилась цепочка: девка в «Червивой груше», сопровождаемая двумя утрюмыми типами, предложение провести веселую ночь за хорошие бабки, удар по затылку и похищение, кровать в черном шелке и он на ней, а на нем лишь тряпочка, которую надевают первой, а снимают последней, и к нему приближается обнаженная девица.

Проклятия богов, все становится ясным! Вот из-за кого он опаздывает на дело, подводит Вайгала, риску-

ет остаться без большого куша, закован, как каторжник, позорно раздет и растянут. Из-за похотливой сучки, у которой в разгаре течка, из-за богатой, зажавшейся дуры, которая привыкла ублажать все свои капризы, из-за какой-то шлюхи...

Раздражение давно уже у киммерийца заменил гнев, быстро переросший в ярость, незамедлительно разразившуюся бешенством. А когда варвар из Киммерии свирепел...

Рванул Конан так, что точно что-то не выдержало бы: цепи, крепления в полу или руки варвара. Что-то должно было треснуть, лопнуть или выдраться с корнем. Подаренная природой огромная сила, приумноженная годами ее применения, удесятеренная взрывом бешеной ненависти, обрела в это мгновение всепокрушающую мощь.

Пол оказался деревянным. Да будь он хоть из гранита, его ждала бы та же участь — зияние дыр в местах крепления цепей.

* * *

Предстоящее дело нравилось рыжему вору все больше и больше. Обобрать неотесанных дикарей в черте города — работенка даже для начинающих малолеток. И плевал он на Королевский Кодекс: чужеземными камушками Вайгал сможет откупиться от воровского мира «теней». Пусть и ненадолго, но за то короткое время личной свободы он сумеет завершить начатое, убить врага Короля и убраться из треклятого города. А для дельца с черными ребятами понадобится только один напарник. Работать лучше ночью. Лучше — нынешней. Откладывать нечего: вдруг отыщутся умники, которые опередят их.

С южной окраины Вайгал направился в «Червивую грушу». Но по дороге завернул к еще одному своему человеку, занимающему пусть и незначительную должность в Сенате, зато находящемуся в курсе всех городских новостей и дел. За небольшую (осо-

бенно, если сравнивать с величиной предстоявшего улова) мзду Вайгал навел справки о прибывшем караване и выяснил, что купцы из Черных Королевств следуют в столицу, в Мострадинос, везут подарки Королю Коринфии (ага, ясно, что за подарки такие, смекнул Вайгал), в Конверуме пробудут дня три-четыре. Зачем — неясно, но факт, что не для торговли. Стало быть, драгоценные камушки в руки купцов не уплывут.

Узнав, что Конан спит после ночной попойки, Вайгал вдруг передумал. Можно, в общем, и не торопиться. Если кто и задумает их обойти — ему донесут об этом. В каждой шайке «теней» у него есть свои люди. Зато этой ночью можно будет все хорошенько разведать, чтобы последующей ночью наверняка избежать любых неожиданностей.

* * *

Оглушающий треск, смешавшийся с коротким звериным рыком, невозможно вздувшиеся на какие-то мгновения мышцы на обнаженном теле гиганта, и вот — гора молодого мужского мяса летит над черной поверхностью к забросившей колено на шелковые простыни, обомлевшей женщине. Она не успевает ни крикнуть, ни пискнуть, ни тем более отбежать, как уже поймана, вдавлена в перины, горло обхвачено рукой, другая рука срывает материю, закрывавшую лицо.

— Это ты, тварь! Ты и тогда обманула! Служанка, она же госпожа! Ты надолго запомнишь меня! Видишь? — Конан потряс перед широко раскрытыми, как у насмерть перепуганной лани, глазами своими украшениями из толстых колец. — Твоими же висюльками помечу твою задницу! Ха, будет...

Топот кованых мужских сапог ни с чем перепутать нельзя, как и не приходится сомневаться, чем он грозит вкупе с грохотом распахнутой двери. Киммериец отшвырнул до поры ненаказанное женское тело в про-

тивоположный двери угол комнаты, особо не заботясь, обо что и с какой силой девица может удариться, и повернулся лицом к набегающей опасности.

Ну, конечно, кому это еще быть! Вся шайка тут! Угрюмая парочка из «Червивой груши»!

Ноги Конана все еще оставались прикованными. Драться, стоя, как дерево, на одном месте, мало кому понравится. Варвар-северянин ухватился за цепь, удерживающую правую ногу, потянул, вкладывая в потугу всю молодость и злость. Затрепали доски пола...

Но он не успевал. Цепные псы похотливой сучки были уже в двух шагах. Дав сделать еще один шаг, Конан выбросил им навстречу правую руку и вместе с ней вылетела, выпрямляясь со свистом и лязгом, железная змея оков, снаряженная на свободном конце устрашающего вида креплением с остатками половой доски.

* * *

Ночь сгущалась, а вор все еще терял время на пустыре. Один-одинешенек.

Заполучив вечером согласие Конана на участие в дельце, Вайгал вновь отправился к Южному рынку. Вдыхая запах обгоревших остатков дома терпимости, он пронаблюдал, как около полуночи чернорожие ребята разошлись по своим хижинам, оставив около все того же строения охрану все в том же количестве. Просидев еще часок, Вайгал узнал, что сменяются стражники именно через час. Больше выznавать вроде было нечего.

Утром следующего дня он договорился с киммерийцем о месте и времени их ночной встречи. И вот он, Вайгал, здесь, а этот недоделанный молокосос где-то прохлаждается. Напился, наверное, и дрыхнет без задних ног. Варвар, что с него возьмешь. С одной стороны, зря он, конечно, выбрал Конана себе в напарники... А с другой — разве без этого северянина ему удалось бы узнать то, что удалось? Никогда.

Да, пора что-то предпринимать. Чернорожие, как и вчера, дружно разбежались по хижинам и самые бессонные из них уже давно должны были захрапеть, а он, как дурень, все сидит и дожидается этого варвара. Итак, что же делать: идти и брать в дело первую подвернувшуюся «тень» или работать в одиночку?

Принять решение Вайгал не успел.

* * *

Двое приближались к кровати, к которой был прикован северянин. И это его вполне устраивало.

Странно был устроен варвар из Киммерии. Нормальный человек обрадовался бы, повстречав врага значительно слабее себя — ведь это сулило бы легкую победу. Конан же наоборот. Его больше устраивали противники равные ему по силе или даже в чем-то превосходившие его. Не исключая неудачный для себя исход схватки, он предпочитал погибнуть от рук достойного соперника. Тогда не стыдно будет предстать перед Кромом. А вот сможет ли он взглянуть Крому в глаза, пропустив по небрежности (всякое случается на свете) смертельный удар малосильного неприятеля?

Эти псы мало походили на новичков в костоломном деле. Несуетливо и ловко увернувшись от конановской цепи, они отказались от лобовой атаки и принялись быстро и слаженно выполнять маневр, суливший не такую скорую, но более верную победу. Один, что пониже, остался на прежнем месте и, находясь на безопасном для себя расстоянии, был готов в любой момент разорвать его и всадить свой тесак в понравившееся место на теле варвара. Другой же, что повыше, начал обходить Конана сзади.

Конечно, со спины, то есть со стороны кровати, он нападать не станет. На мягких перинах не очень-то развоюешься. Очень неустойчивая почва. Значит, высокий обойдет эту лежанку по кругу и нападет сбоку. Один — с одного, другой — с другого бока. Если

учесть, что кандалы не дают и шагу ступить по полу, то положеньице гнилое. А может, они просто тянут время, поджидая подмогу? Тогда еще хуже.

Все-таки Конан был не из тех, кто долго рассуждает и строит хитроумные планы, когда надо действовать. И не из тех, кто способен о чем-то долго думать, когда ты наполнен до краев яростью и она уже течет через край.

Варвар, наплевав на все, снова ухватился за цепь на правой ноге. Тот, что караулил киммерийца, не замедлил этим воспользоваться и метнулся к нему с тесаком наперевес. Конану уже не хватало времени на размах, чтоб воспользоваться единственным своим оружием — своими оковами. Ему оставалось или подставить под удар руку или...

Северянин бросил себя спиной на черные шелка и мягкие перины. Тесак, намечавшийся ему в печень, пробил воздух, а Конан с быстротой выскакивающего из засады хищника силой своего могучего пресса взметнулся с кровати, одновременно выстреливая кулаком в челюсть нападавшего. Не посмотрев, насколько удачно попадание, не имея ни мига на какое-то там смотрение, варвар направил цепь, болтающуюся на его левой руке, в полет над простынями. Сцепления железных колец, которому придали ударную мощь, достигли цели и перебили тонкую деревянную колонну, одну из четырех, что удерживали балдахин. Оставшийся без опоры угол бархатного навеса ухнул вниз и на него наткнулся спешащий на выручку второй противник Конана. Метнув взгляд назад и увидев, что у него есть пара секунд, киммериец наконец доделал два раза начатое и брошенное. Освободил правую ногу от привязанности к полу, а пол — еще от одного крепления.

Выход штырей из досок совпал с прыжком расправившегося с бархатной преградой второго телохранителя любительницы приключений.

То, что на него летят и, понятно, выставив перед собой тесак, Конан ощутил благодаря тому чувству,

какое заставляло его в бою наклонять голову, и подлетавшая сзади стрела уносилась ни с чем, тому чувству, какое сигналило об опасности, когда все вокруг кричало о полной безмятежности.

Киммериец кинулся лицом вниз на дощатый настил пола и перевернулся на спину. Нападавший сзади противник обрушился на опустевший край кровати и, не удержавшись, скатился вниз, где его руку с тесаком перехватили и вывернули до хруста. Потом его припечатали кулаком в лоб.

* * *

Принять решение Вайгал не успел.

Как по команде, дикари вдруг один за одним стали выбираться из своих неказистых построек под свет полной луны. Выбравшись, принялись молча и слаженно: кто — собирать щепки, дрова и прочий горячий мусор, кто — разводить костер.

«Очень интересно, — подумал Вайгал, глядя на неожиданно вспыхнувшую суету, — что бы это все значило? Обычаи у них такие или они все разом повредились в уме?»

Запылал костер, разогнав полумрак перед хижинами. Чернокожие полуночники частью выстроились, частью расселись вокруг костра.

«Как им не холодно в одних только тряпочках на чреслах?» — кутаясь в неизменный плащ с подбоем и тем не менее пронимаемый ночной прохладой, гадал Вайгал.

Головы туземцев, а равно их туловища повернулись в направлении одной из хижин. Отставив в сторону сплетенную из прутьев дверцу, из хижины наружу выбрался через узкое отверстие входа еще один дикарь. Вайгал видел его впервые — это он мог утверждать со всей определенностью, поскольку такого типа, раз увидев, не забудешь вовек.

То был высоченный старик, такой худой, что, казалось, из-под кожи выпирают не только ребра, но и

сердце, печень, почки и прочие внутренности. Прямые, седые волосы доставали до плеч, от подбородка исходила длинная, одинаково узкая по всей длине, окрашенная в бордовый цвет борода.

Тело старика и даже его лицо было испещрено татуировками. Переплетенные туловища чудовищ, скалящиеся морды, шипастые хвосты и когтистые лапы будто оживали на коже, когда старик двигался. Вайгал с трудом сдержал приступ тошноты — настолько омерзительным было зрелище. Но продолжал смотреть. «Костлявое пугало с крашеной бородой у них, видать авторитет», — предположил Вайгал, увидев, с какой почтительностью расступились дикари, пропуская старика к не на шутку разгоревшемуся костру.

Полная луна нависла над головами обступивших огонь чернокожих чужестранцев. Она словно тревожно ожидала чего-то. Напряжение, растекившееся из освещенного пятачка с замершими внутри него фигурами по мрачному безлюдному пустырю, докатилось и до человека, укрывшегося в развалинах дома, пронзило его и заставило его сердце заколотиться в груди с неистовостью пожарного колокола. Вайгал почувствовал: сейчас что-то произойдет...

И произошло.

Глава девятая

Конан сплюнул, выругался, утер пот, поднял с пола тесак и...

— Не убивай его! — властный женский крик донесся от двери. — Я заплачу тебе за его жизни!

Северянин поднял голову. После перевел взгляд в ту сторону, куда он не так давно отбросил голую девицу. Последняя была на месте: дрожала, забившись под столик с кувшинами и фруктами, поджав колени к подбородку. Варвар вернул взгляд к девице в дверях.

— Нергал вам под почки! Две одинаковые шлюхи! Сестры?

— Сестры, — твердо, даже властно, будто ничего не происходит, сказала та, что появилась в дверях. — Я... я прошу тебя, не убивай Томака, как убил Дарка... пожалуйста.

— Кого я убил? Хватит высовывать язык изо рта, вы мне и без того надоели. Живо тащи ключ от браслетов, а то и Томака, и Хромака — всех поубиваю. А сеструшку твою — первой. Чего стоишь?!!

Рявк Конана подхлестнул девицу в дверях (одетую, в отличие от сестренки), как добрый кнут. Чуть ли не бегом добралась она до того своего охранничка, кто был пониже ростом и кого киммериец поверг первым.

— Ключ у Дарка на поясе, — пояснила она, приседая рядом с Дарком, напоминающим сейчас скорее не Дарка, а мешок с потрохами.

— Вот и тащи его мне, да поживее!

— Он жив, дышит, дышит, — подкупаяще искренне обрадовалась девица, обнаружив, что всего какой-то слуга не так уж и мертв, как казалось, глядя на него.

— Плевать! Быстрее мне ключ! — От рыка варвара зашатался балдахин.

Одетая сестра поспешила к несостоявшемуся наложнику и отдала ему ключ.

— Теперь волоки мою одежду и меч, — приказал Конан девице, вставшей рядом и наблюдавшей, как он отпирает замки на браслетах. — И не вздумай притащить за собой каких-нибудь братиков. — Варвар кивнул для полной ясности в сторону валяющихся без сознания телохранителей. — Со мной остается твоя сестра.

— Не волнуйся, никого в доме больше нет, — сказала девица и вышла из комнаты.

— А ты, — киммериец посмотрел на так и сидящую под столиком вторую сестру, — встань, налей вина, оно у тебя над головой, и принеси.

«А сестренки-то аппетитные. И в кроватных сражениях, видать, опытные бойцы. С ними можно было бы провести нескучную ночь... эх, не окажись они такими дурами и дрянными...»

Такие мыслишки гуляли в его голове, когда он отпирал замки на железных обручах, опоясывавших по воле озорных сестренок его руки и ноги. А тем временем одна из виновниц ночных неприятностей северянина наливала ему вино и делала это престранным образом. Рукой, которую уже покинула дрожь, она надавила на оникс, украшавший перстень на мизинце другой ее руки. Щелкнула невидимая пружинка, оникс и пластина, на которой он держался, поднялись, как поднимаются крышки шкатулок, и открылось потайное углубление

под камнем. Прежде чем наполнить кубок вином, девушка занесла над ним руку с перстнем, повернула ее, и в сосуд для питья высыпался белый порошок.

Конан отшвырнул от себя подальше последнюю цепь с разомкнутым железным обручем на ее конце.

— Отхлестать бы вас ими. — Северянин обернулся. Раздетая сестренка подходила к нему с полным до краев кубком в руках.

— Это будет в самый раз. — Киммериец взял у нее сосуд. — От вашего домика, полного шлюх и идиотов, в глотке суше, чем в пустыне. А, притрюхала, наконец! Бросай все на кровать.

Последнее касалось сестры одетой, принесшей одежду и для Конана, а также меч его. Та исполнила приказание и встала напротив киммерийца, сложив руки на груди. Взгляд ее прищуренных глаз очень варвару не понравился. Не-ет, непроста эта сестричка, клянусь Кромом. Она не боялась — она играла испуг. Отвлекись на мгновение, и тут же получишь кинжал в спину. Держи ухо остро, киммериец, если хочешь живым отсюда уйти...

Сестра раздетая присела на краешек постели, положив руки на колени.

Северянин залпом выпил вино и опорожненный кубок бросил на пол.

— Славное винишко. — Варвар утер губы ладонью и потянулся было за одеждой...

Но рука его повисла в воздухе. Подмешанное в вино зелье начало действовать.

* * *

Открыв рот, Вайгал наблюдал за происходящим. Даже холод перестал донимать его, отступил даже гнев на немутевого варвара.

Татуированный старик шагнул в огонь. Прямо в сердцевину пламени.

И как только это произошло, Вайгал уже не в силах был о чем-то думать, перестал мерзнуть и во-

обще что-либо чувствовать, забыл и Конане, и о том, зачем он сам здесь. Он — смотрел. Равномерно текшая по его телу жизнь прильнула на время к глазам. Только они жили, только они оказались причастны к тому, что вытворялось перед ними...

Старик шагнул прямо в сердцевину пламени, и пламя обрадовалось ему. Огненные языки накинудись на него с ласками: нежно облизывали морщинистую кожу, терлись о ноги, целовали руки и лицо, гладили бедра и живот. И медленно, с заботливой осторожностью любящего существа проникали, втекали в человеческое тело, наполняли его, завоевывали его...

...Вайгал не знал и не мог знать, что начертан круг, за который до завершения ритуала не может шагнуть посторонний, и что он оказался внутри круга гораздо раньше, чем тот обрел свое магическое действие. Повезло или не повезло Вайгалу, но он оказался свидетелем того, что вряд ли до него удавалось узреть непосвященному...

Человек и огонь слились воедино. То соитие высвободило синие линии татуировок из их кожного плена. Отпущенные на свободу, они зашлись в вихревом кружении в пространстве огня. Из неистового вращения и неразличения слипшихся в клубок форм стали образовываться картины — будто бесплотная синь что-то вспоминала, переживала заново, рисуя эти воспоминания на огне.

Сначала было Нечто. Одно-единственное существо. Неописуемо омерзительное и тем самым красивое до великолепия. Любящее и ненавидящее само себя. Поедающее само себя. Разрывающее само себя. И разорвавшее. На две сущности, на два существа. Которые тут же сошлись в смертельном противоборстве. И разлетались в разные стороны выдираемые друг у друга клочья тел, которые тут же превращались в камни, в рыб, в воду, в птиц, в человека, в деревья, в чудовищ и богов. А два существа (в одном из них проступало женское начало, в другом — муж-

ское) не могли прекратить битву, так же как и умертвить друг друга...

...Одно из существ потеряло в схватке глаз, который разлетелся на неисчислимые множества осколков...

Огня не стало. Татуированный старик лежал на остывающих углях. Рисунки располагались на его коже не как прежде. На его груди мерцал неярким зеленым светом то ли изумруд размером с горошину, то ли осколок неизвестно чего. Колдун был жив. Он протянул руку к зеленому камушку, взял его, поднес ко рту и проглотил. Затем приподнялся на локтях, произнес негромко короткое слово. К нему тотчас подскочил и склонился над ним один из дикарей. Старик сказал ему что-то и, обессилив, рухнул без чувств на совсем уже остывшие угли. Подбежавшие соплеменники бережно подняли своего колдуна и унесли на руках в хижину.

* * *

Взгляд Конана задержался на стоящей напротив женщине. Он не спешил его отводить. Он уже не спешил побыстрее одеться, чтобы во всю прыть помчаться... Куда? К кому? Разве он хотел уйти от этой женщины? Разве *это* ему нужно? Ему нужно другое.

Стали терять свою нужность и значимость, блекли все предметы этого мира, все кроме... Кроме тех, что покрывала прозрачная туника. Светло-коричневая тончайшая ткань, едва не достающая до круглых и пухлых, как подушечки, коленок, облежала широкие, покатые бедра, внутренней стороной соприкасающиеся друг с другом, но расходящиеся и образующие просвет, сквозной проход, этакую лазейку как раз под черным треугольником. Под треугольником, к которому, словно лаская его, прижималась туника. Конану почудилось, будто эти курчавые жесткие волосы касаются не нежной материи, а его кожи, чуть покалывая ее, и от каждого чудящегося укола пробегали по спине мурашки.

Мужской взгляд поднимался, словно задирая тунику. Округлый живот обещал податливую мягкость, обещал утопить в себе все, что надавит на него. Талия ждала, когда ее сожмут крепко, до синяков. Пупок, маленькая темная точка, казалось, умолял, как пересохший рот молит о воде, умолял дотронуться до него если не кончиком языка, если не нетерпеливым багровым жезлом страсти, то хотя бы подушечкой пальца.

Ничего, кроме вожделения, уже не существовало в этом мире для варвара. Все остальное растворилось в пришедшем ниоткуда тумане.

Мужской взгляд торопился наверх. Где встречали его выдавленными на тунике темными пупырышками груди. Которые надо, надо было мять, сдавить соски пальцами и губами, покусывать их, проводить ладонью по ложбинке, пролегшей между этими бугорками, небольшими и немаленькими, упругими, не нуждающимися ни в какой поддержке.

Эта женщина создана для того, чтобы он ею овладел.

Тонкая шея, полные губы, длинные волосы, которые хочется увидеть разметавшимися по подушке, в этих глазах хочется, чтоб появились покорность и страх.

Желание бурлило в варваре, как лава в кратере.

В ноздри ударил теплой, дурманящей волной аромат этой женщины: благоухание лавандового масла, смешавшееся с запахом пота и еще одним запахом, пряным, сладковатым, чуть серным, тем, по которому самцы отыскивают и преследуют самок.

Терпеть долее он не мог и не хотел.

В один прыжок варвар оказался около женщины. Сграбастал ее, оттащил к кровати, бросил на черные шелка и навалился сверху, разрывая непрочную тунику.

Он разорвал воздушную ткань одним рывком. Колыхнулась грудь, женщина испуганно вскрикнула, глаза широко раскрылись, в них мелькнул страх.

Варвар, издав клич, похожий на боевой, содрал со своих бедер мешающую тряпицу.

Кальвия испытала испуг, когда оказалась под этим, словно взбесившимся мужланом. Может, он хочет ее убить? Но сорванная им с чресел повязка обнажила его намерения. Они полностью совпадали с ее и сестры первоначальными намерениями. Бояться стало нечего, можно отдаться наслаждению.

Она рванулась к нему всем телом, глаза распахнулись во всю ширь, а с губ сорвался громкий стон, когда он вонзился в нее. Варвар брал ее так, как насилуют солдаты, грабящие побежденный город: неистово, зло, стремясь сделать побыстрее свое дело, утолить голод и уйти, даже не взглянув на оставляемую, растерзанную женщину. И Кальвии это нравилось.

Его ручищи легли ей на груди, накрыв их полностью, сжали их. Из его груди вырвался то ли стон, то ли рев. Он усилил натиск, его бедра задвигались буйно, бешено. Женские ногти вонзились и прошлись, оставляя тонкие борозды, по его предплечьям. Варвар издал оглушающий вопль, победный, торжествующий, вдавился в женщину в последнем яростном напоре, задрожал всем телом и упал на мягкую женскую плоть, тяжело дыша.

Кальвия не без труда выбралась из-под временно лишенного сил мужчины.

— Ну как? — услышала она шепот сестры. Рохана рядом на кровати сидела на коленях. Было заметно, как она дрожит от возбуждения, вызванного увиденным.

— Любопытно. А что это на него нашло, а?

Кальвия вопросительно посмотрела на сестру. Рохана, игриво улыбнувшись, показала на перстень с ониксом. Кальвия кивнула, она об этом и подумала.

Что ж, сегодняшней ночью закончилось их замечательное снадобье. Остаются с ними лишь воспоминания о том, что с ним связано. Воспоминания при-

ятные. В первую очередь о том, каким удивительным образом тот белый порошок попал к ним.

...В один из тусклых осенних дней года полтора назад в гостиную дома Грассов, где в тот момент находились обе сестры, постучался Дарк и передал Кальвии небольшой, свернутый в трубку пергамент, сказав, что получил его от какого-то оборванца, постучавшегося в ворота, который утверждает, дескать, это его просил вручить сенатор Моравиус своей жене. Кальвия удивилась, развернула пергамент и прочитала: «Я знаю о вас все. Я предлагаю вам ночь, равной которой вы не проводили. Я жду ответа у ворот». Почерк, разумеется, не походил на руку Моравиуса. Прочитав, она отдала листок Рохане. Та быстро пробежала его глазами, и на лице ее обозначилась тревога.

— Что это значит? — Рохана даже слегка побледнела.

— Ты понимаешь, что мы обязаны выяснить это. Дарк! Приведи сюда этого посыльного!

Вошедший несказанно удивил сестер своим видом, вернее, несообразностью смелости послания и жалким обликом автора. Это был совсем молодой человек, одетый в несуразный балахон, чистый, но заношенный. Невысокого росточка, худой, с тонкими, как прутики, руками и ногами, изможденный, бледный да еще, выяснилось, и хромой. Правда, глаза... Да, глаза искупали все остальное. Глаза наглеца и победителя, глаза счастливецца, а не страдальца, глаза до краев бесстрашные и мудрые, королевские глаза. Именно из-за этих глаз сестры не рассмеялись, когда он сказал, а сказал он после того, как отослали за дверь Дарка:

— Я — величайший любовник этого мира.

Потом добавил:

— Вам нечего бояться того, что я знаю о ваших невинных развлечениях. Мне некому об этом рассказывать. И незачем. Меня не интересуют деньги, я даль-

ше от политики, чем небо от земли, я скоро умру, а завтра покидаю этот город.

Он немного отдохнул, переводя дух, после продолжил:

— Вы услышите сейчас мою историю и вам все станет совершенно понятно.

И он рассказал им свою историю.

* * *

К Конану вернулись силы. Отлив сменился приливом. Он распахнул глаза, увидел по обе стороны от себя сестричек, положивших свои головки ему на плечи и поглаживающих его грудь, и желание вновь пробудилось в нем. С прежней силой, но без прежней необузданности. Он взял за плечи ту из сестер, что пока была обойдена его вниманием — отличить одну от другой позволяли обрывки одежды и отсутствие одежд — положил на себя сверху.

— Я показал, как любят варвары, а тебе покажу, как умеют любить в других краях. Какую любовь ты хочешь, женщина? Назови.

— Может, ты был в Кхитае?

— Я не был в Кхитае, но я знал многих кхитай-нок, они показали мне любовь по-кхитайски.

Конан чувствовал себя прекрасно, чувствовал себя в здравом уме и твердой памяти, не подозревая, что в нем сейчас заглушены те звенья рассудка и памяти, какие не имеют отношения к любовным утехам.

— Ляг на живот!

Рохана подчинилась. Перевернулась на живот, уткнулась лицом в простыни. Она почувствовала его руки — они гладили спину. Пробежались по позвоночнику, забрались в волосы, ероша их, размяли шею и, усиливая нажим, стали спускаться ниже. Сильные грубые руки заставляли наполняться кровью и жизнью самые бесстрастные точки на ее теле. Эти руки забирались в самые потаенные уголки и хозяйничали там.

Потом она почувствовала, как бедра коснулся он сам, каменно-твердый, нетерпеливо вздрагивающий, вдавливался в тело, терся об него, переместился к внутренней поверхности бедер, поднялся к ягодицам, к талии, выше...

Возбуждение сотрясало ее. Она, уже не в силах сдержаться, кричала ему:

— Войди же скорей, ну, войди же!

Мужчина шептал ей в ухо, что он хочет ее не меньше, он готов разорваться от желания, но чем дольше они сдерживают себя, тем сильнее...

Сам не вытерпев долее, Конан перевернул женщину на спину. Два полыхающих костра их вожделений слились в одно беснующееся пламя. Оно жило недолго, но когда бушевавший в жилах огонь вырвался наружу, они, показалось им, оторвались от земли, они будто уходят в иные миры, в миры блаженства.

Глава десятая

Хромой юноша рассказал тогда сестрам свою историю.

Он появился на свет в небольшой деревушке на севере Коринфии в семье землепашцев. Ему была уготована обычная, бесхитростная деревенская судьба: работа в поле от рассвета до заката, забота об урожае, женитьба на простой девушке, полный дом детей, игра в «камни» по вечерам за кружкой темного пива, беззубая, немощная старость в чулане рядом с кухней, кладбище на окраине деревни, у леса. Вряд ли что-нибудь изменилось бы в заведенном порядке наследования судеб, не случись с ним, когда от роду ему было всего восемь лет, страшная беда. Он попал под колесо порожней телеги. Оно размололо неосмотрительному ребенку бедренные и тазовые кости. Он выжил чудом, так как никто не прикладывал особых усилий к его спасению. Для того и плодили детей как можно больше, чтобы отдавать требуемую дань болезням, войнам, несчастным случаям, но после того оставалось бы кому продолжать род. Да и произошло это несчастье в пору сбора урожая — всем было не до обреченного, как думали, мальчика.

Он выжил, но не раз пожалел об этом. Он стал отставать от сверстников в росте, на всю жизнь охромел, рос слабосильным и болезненным. Проку от такого семье было немного: не помощник в муж-

ской работе, с женской и без него было кому справляться в доме, просто лишний рот. Мальчик чувствовал отношение к себе, как к обузе, и очень страдал от этого. Братья и сестры перестали брать его в свои игры, дразнили и мучили. Соседские дети — тем более.

Единственное, что ему поручали, — пасти коз. Он полюбил свое уединение на лугах, вдали от людей. Однажды к нему, сидящему в грустной задумчивости под деревом, вокруг которого выщипывали траву животные, подошел старик из их деревни по имени Васгрольд, живущий бобылем, немного знахарствующий, немного (поговаривали шепотом люди) колдующий. В те недалекие времена почти в каждой деревне встречались такие, в большей или меньшей мере приобщенные к колдовству. Они перелились потом, после объявленной новым правителем Коринфии борьбы с чернокнижниками.

Васгрольд, собиравший в окрестностях травы, заговаривал с мальчиком, и очень скоро, как-то незаметно для себя пастушок признался старику во всех своих детских горестях и печалях. Старик выслушал его очень внимательно, не принялся охать и соболезновать, а сказал:

— У тебя есть только одна возможность закрепиться в этой жизни и заставить других считаться с собой — магия. Я покажу тебе путь в нее.

С тех пор мальчик и старик виделись каждый день. Васгрольд рассказывал — ребенок слушал. Он стал бывать и у знахаря дома. Другого бы отец не отпустил бы из дому неизвестно зачем, да еще к человеку, по слухам, знающемуся с черными силами. Но на калеку давно все махнули рукой и не интересовались, где он, с кем, что делает.

Задатками ребенка боги не обидели, помноженные на усердие, они приносили плоды. Он быстро выучился читать и писать и теперь проглатывал один за одним пергаменты Васгрольда, на лету схва-

тывал то, чему учил его старик. Вскоре мальчик начал уже самостоятельно врачевать занедуживших членов семьи, домашний скот. В семье отношение к нему стало меняться к лучшему. Правда, если б в семье узнали, что может он творить помимо врачевания, — его бы непременно посадили навсегда под замок.

Когда ему исполнилось четырнадцать, Васгрольд сказал:

— Ты знаешь столько, сколько и я. Даже больше, потому что я уже начинаю кое-что забывать. В деревне ты останешься тем, кем есть. В деревню ты всегда сможешь вернуться. Уходи отсюда. Ты можешь стать очень сильным магом. Попробуй стать им. Я назову тебе несколько имен тех, кому ты назовешь мое имя и тебе помогут. Ты еще ни разу не слышал от меня про Белый Квадрат. Так слушай.

Оказалось, Васгрольд — один членов тайного сообщества магов под названием Белый Квадрат. Когда-то он сознательно прекратил дальнейшее свое погружение в магию, так как понял, что тогда он неизбежно оказался бы вовлеченным в разгоравшуюся в то время тайную, скрытую от глаз обычных людей, но беспощадную, кровопролитную войну за влияние на территории Коринфий, которую вели сообщества магов, существующие еще со времен Ахерона и издревле именуемые Квадратами. Белым, Черным и Серым. Васгрольд предпочел отказаться от большего знания и могущества и уединиться в глуши, дабы дожить оставшееся в тишине и спокойствии. Но он считал, что для этого увечного подростка лучшей участью будет попробовать себя в Большой магии, попробовать овладеть могуществом, только так он сможет перестать ощущать себя никчемным калекой.

Подросток ушел из деревни на следующий день. Начались его странствия.

Прежде чем он добрался до первого человека, к которому направил его Васгрольд, прошло несколько месяцев. Он немало претерпел и испытал. Какое-то время провел среди бродяг, нищенствовал и попрошайничал. Именно тогда он влюбился в женщину, она ответила ему взаимностью. И случилась беда. Ему открылось еще одно ужасное последствие того наезда колеса в раннем детстве. Быть может, самое ужасающее, самое непереносимое. Он не мог любить женщину плотью. Для него мир окрасился в черное. Ему было настолько невыносимо, что оставалось либо спиться, либо покончить с собой. Что-нибудь из этого и случилось бы, не доведись ему так много узнать о магии, о ее возможностях, не имеющих границ. Он понял, его спасение в магии, только она, опять она, она одна в силах вернуть ему полноценность. Но теперь его интересовала лишь одна область магии, та, что изучает тайны плотской и духовной привязанности человека к человеку, движение сердец и тел, потаенные законы страсти и любовной силы.

Его одержимость одной идеей не нравилась тем, к кому он обращался от имени Васгрольда. Им оказался не нужен обостренно односторонне озабоченный ученик. Хватая по крупницам у тех-других, юноша странствовал от мага к магу. Наконец он очутился в одной тайной обители сообщества магов Белого квадрата и там нашел огромное количество старинных пергаментов, хранивших мудрость обо всем, и возможность их спокойного изучения. Два года хождения мысли по истлевшим страницам из телячьей и человеческой кожи, два года с тремя часами сна в день, два года Постижения подарили ему нужное Знание.

Человеческой плотью, человеческой душой, вождением, влечением, страстью, симпатией, любовью можно управлять так же, как и всем остальным в этом мире. Надо только знать — как. Он узнал многое, очень

многое. Он может стать полноценным мужчиной, таким любовником, о каком женщина может только мечтать, но стоит ему это будет очень дорого. Но он готов заплатить цену. Платить ему придется не женщине за ночь любви, а тому, чье имя не произносится, кто наделяет силой и высасывает силы, Благодетелю и Палачу в одном лице, своему добровольно выбранному Идолу.

Он мог многое: заставить любую красавицу, любую королеву влюбиться в него, заставить любую из них выполнять все его прихоти, а также выполнить сам пришедшие в женские головы самые невероятные желания и причуды. Он мог разбудить чувственность в самой холодной из женщин, мог... многое мог, но не всегда хотел делать, что мог.

* * *

Чудесный порошок продолжал действовать. Снова разгорающийся огонь желания вырвал Конана из объятий неги.

— Идите ко мне, девочки. Я покажу вам, как любят в тех странах, где мужчины привыкли проводить ночь не с одной женщиной, покажу, как надо любить так, чтобы ни одна не скучала, дожидаясь своей очереди.

И он показал, заставив каждую из сестер по несколько раз плакать счастливыми слезами...

* * *

...Выслушав его, прямо из гостиной Кальвия и Рохана провели юношу в спальню. Он попросил вина, прежде чем выпить, бросил в бокал темно-синий кристаллик, прошептал что-то. Затем он зажег от светильников две тонкие высокие палочки, и по комнате стал расплзаться фиолетовый дым, щекочущий ноздри ароматом спелых дынь. Дым быстро заполнил спальню.

Не стало хромого юноши. К Рохане приблизился светловолосый, длинноногий, одетый в тунику молодой человек, чем-то напоминающий отца, а Кальвия увидела перед собой приземистого, бочкогрудого и бычьешеего мужчину, голого, с редкостно внушительным атрибутом мужской силы.

Началась любовь. Сестры не обращали внимания друг на друга — у каждой был свой мужчина, такой, какой каждой из них и был нужен.

Рохану любили нежно, осыпая ласками, Кальвию — грубо, причиняя боль.

Они потом не могли точно вспомнить, что с ними делали их любовники, но им не забыть то ощущение, будто исполнились все их желания и им теперь вряд ли что-нибудь когда-нибудь захочется.

Дым рассеялся — утомленные любовью женщины увидели виновника их блаженства.

— Да, это был всего лишь я. Один, — предупреждая их вопросы, сказал юноша-маг. — Такое невозможно объяснить непосвященному, но такое, даже и не такое, — возможно.

И продолжил:

— Мне понравились ваши скрытые помыслы и тайные желания. Они не отличаются примитивностью в отличие от большинства. Ваши знания и умения в области любовной игры тоже порадовали меня. Поэтому не вы мне заплатите, как вы привыкли, за часы удовольствия, а я вам сделаю подарок. Вот в этом пузырьке порошок, какой заставляет любого человека почувствовать желание, забыть обо всем, кроме чувственных переживаний, показать все, на что он способен в постели. А теперь закрывайте глаза и засыпайте, а я уйду, я знаю, вы убиваете даже тех, кто увидит ваши лица, а мне известно про вас все. Но вы не успели уже позвать телохранителей, вы уже почти уснули и будете спать до завтрашнего утра, а до завтрашнего утра я покину этот город...

Сестры ничего не слышали больше и проспали до полудня следующего дня.

А порошок действительно оказался таким чудодейственным, каким представил его странный их гость, — не раз сестры убеждались в том и мысленно благодарили хромого юношу за подарок и жалели, что вряд ли он еще когда-нибудь переступит порог их спальни.

* * *

Мир очень тесен, и судьба однажды свела даже Конана и с Васгрольдом, и с этим магом.

Глава одиннадцатая

Конан уже больше не открывал глаз — он спал. — Он видел наши лица, его надо убить, — сказала Кальвия.

— Он не сможет нам навредить, какой-то простолудин, — возразила Рохана. — За сегодняшнюю ночь он, по-моему, заслужил жизнь.

— Мы не можем рисковать, Рохана!

— Мы не можем быть такими жестокосердными! Этот лохмотник никогда не покажется в нашем квартале, его и близко не подпустят к твоему мужу, а если он и объявится, то мы всегда успеем приказать Дарку и Томаку наказать его.

— Уж не влюбилась ли ты в него, милая?

— Считай, что влюбилась, и если ты будешь настаивать на его смерти — мы поссоримся с тобой! — горячо произнесла Рохана.

— Дарк! Томак! — крикнула Кальвия.

Конан не проснулся от крика, телохранители вошли.

— Отнесите его подальше от дома и пускай досыпает где-нибудь на мостовой. Положите ему кошель с обычным вознаграждением, он заработал его.

Телохранители, как обычно, не задавая ни единого лишнего вопроса, приступили к выполнению приказа.

* * *

— Эй, приятель, где ты так нализался, назови мне адрес того кабака! Я тоже туда хочу.

Конан почувствовал, как его тормозят за плечо и лупят по щекам. Чья-то настойчивость заставила киммерийца прогнать чудовищную сонливость, размежить веки и приподняться.

Где это он? Что это за сизоносый тип, от которого разит кислым вином? Что происходит?

Ах, да... Сестры, безумная ночь, Вайгал ждет, а он, забыв обо всем...

Конан вскочил на ноги. Нергалья задница, уже рассвет!

— Что это за место? — Варвар схватил за грудки разбудившего его пьянчужку.

— Квартал Бочкарей, — испуганно пробормотал тот.

Квартал Бочкарей! До Южного рынка недалеко... И то ладно. Туда без промедления!

— Эй, приятель, деньги забыл! Рядом с тобой валялись!

Но Конан не слышал, что ему там кричит вдогонку пьянчужка...

* * *

К огромному дубу со спиленными нижними ветвями, стоящему на пересечении дорог, был прибит за руки и за ноги корабельными гвоздями старик. Он был мертв и, видимо, давно. Вокруг дуба витал запах разложения и роились мухи. Почему-то не было заметно рядом стервятников, и Конан, подъехав поближе, понял почему. Под дубом сидел человек, перед ним на земле валялись камни. Ясно, этот маленький, худощавый бедолага не хочет, чтобы птицы растерзали того, кто, похоже, был ему дорог и отгоняет камнями любителей падали. Папаша его, наверное, висит, может, дед.

— Чего старику спокойно помереть не дали? — Конан остановил коня напротив сидящего человечка.

— Как чернокнижника.

Киммериец еле расслышал ответ, стоявший, сразу видно, немало сил этому странному юноше, истощенному настолько, что, казалось, будто он не ел с самого рождения.

— Э, да ты, приятель, сейчас сам концы отдашь. — Конан слез с коня, достал из седельной сумки флягу с вином, краюху хлеба и кусок запеченного мяса. — Мало осталось, да перекусить хватит.

— Я пришел сюда умирать, — без всякого выражения произнес незнакомец.

— Так это пожалуйста. — Варвар пристроился рядом со странным юношей, собираясь с ним на пару перекусить, северянина не смущали запахи, мухи и неприятное соседство. — Помирать, глотнув вина напоследок и полопав чего-нибудь, оно, приятель, приятнее, чем на пустое брюхо, это я тебе говорю, Конан из Киммерии.

Незнакомец попытался улыбнуться и взял протянутую киммерийцем флягу.

— Извини, что не называю своего имени. — Он отхлебнул из фляги и ему стало заметно лучше. — Я его давно и сам забыл.

— Бывает, — не обиделся Конан из Киммерии.

— Это мой учитель, — сказал юноша и было понятно, кого он имеет в виду.

— Действительно чернокнижник?

— Он никому не делал вреда.

— Ты тоже из колдунов?

— Я маг. Последний день. К ночи я умру.

— Ну, если ты так настроился, тебя вряд ли переубедишь. — Варвар с аппетитом молодого, здорового человека уминал краюху и мясо, которые незнакомец все-таки не взял.

— Я давно узнал день своей смерти. Место смерти я узнал недавно, когда ощутил, что с учителем беда, и пришел сюда на зов. В живых я его уже не застал. Но мы встретимся с ним завтра.

Разговор давался назвавшемуся магом все труднее. Голос его слабел.

Конан поднялся.

— Может, тебя отвезти?

В ответ незнакомец сделал отстраняющий жест рукой.

— Ну как знаешь. — Киммериец запихнул флягу обратно в седельную сумку.

— Запомни, Конан из Киммерии, — вдруг довольно громко произнес юноша-маг, — за спиной мужчины всегда стоит женщина. И женщины любят убивать. Тебе это скоро пригодится.

Незнакомец закашлялся. Конан вскочил в седло.

— Спасибо, приятель, я и так это знаю, тоже повидал баб. Легкой тебе смерти!

И Конан из Киммерии умчался по пыльной дороге прочь от дуба с двумя покойниками.

* * *

...Когда к Вайгалу вернулась способность чувствовать и думать, тогда ему сделалось по-настоящему плохо. Он накрылся с головой плащом, чтобы заглушить звуки рвоты.

Ему казалось, что из горла вот-вот полезут кишки и задушат его или что до конца дней не закончится это выворачивание наизнанку. Но отпустило.

Когда Вайгал осознал, что свет и тепло, коснувшиеся его лица, исходят от восшедшего солнца, и значит, уже рассвело — хотя он мог поклясться, что от начала до конца колдовского действия прошли считанные минуты, — тогда ему сделалось страшно. Припомнив все увиденное в эту ночь, он взмог на вершину человеческого испуга. Его затряс страх — от былых встреч со всякого рода магией, в особенности от прощялогодней в предместье Мострадиноса, оставившей зажившие рубцы на теле и неистребимый холодный ужас в сердце. Еще — от мысли о том, что могло произойти с ним, сунься он все-таки в логово этих чернорожих дикарей. Вот почему они вроде бы небрежно с виду охраняют свои богатства! Вместо люд-

ской стражи камни стерегут их демоны! И Вайгал возблагодарил Митру, остановившего где-то как-то этого киммерийского оболтуса и позволившего ему, Вайгалу, не зря возносившему молитвы и приносившему щедрые жертвы, понять, с кем на самом деле он собрался связаться. Ничто человеческое не могло испугать видавшего всякие виды коринфийца, но перед потусторонним членом его немели, воля слабела, и он не помышлял в этом случае ни о чем, кроме бегства.

Надо уносить отсюда ноги, да поскорее! Прийти в себя, отдышаться, отблагодарить Митру богатым пожертвованием. Прочь, вон, хватит!

Вайгал стал выбираться из своего убежища. Бросив прощальный взгляд на пустырь, увидел, что и чернокожие куда-то собираются: обряжаются в свои мешки с прорезями, что-то проделывают с наконечниками своих тонких копий. Да и плевать теперь на них!

Только войдя в жилые кварталы, оставив Южный рынок далеко позади, коринфиец почувствовал облегчение и возвращение привычного ощущения окружающего. Вот теперь можно ненадолго остановиться и решить, как же именно поступить с предавшим его подельником (прощать нельзя, нельзя выходить из роли «тени»), куда направиться именно сейчас и не рано ли он навсегда распрощался с камушками дикарей — с откупом от гильдии местных воришек (может, попробовать взять драгоценности чужими руками?).

Вайгал присел на каменную тумбу, украшавшую, по мнению хозяина, вход в его убогий домишко, и задумался. Почти сразу после этого из-за угла дома вышел Конан и застыл перед Вайгалом, изумленный неожиданной встречей не менее коринфийца.

* * *

На мостовой валялись выбитые из рук арбалеты и лежал распластаный человек в черном теплом плаще. Его руки придавливались к булыжникам иссеченными шрамами ручищами. Поверженный издавал

злые, неразборчивые хрипы, главным образом из-за того, что на шее его находилось колено победителя.

— Что у вас, у местных, за манера такая — хвататься за самострел, даже не выслушав человека? У нас, в Киммерии, далеко не так, — разглагольствовал победитель. — Я ведь спешил к тебе на помощь. Думаю, может, в плен взяли, так выручу, хоть из самой городской тюрьмы, не говоря про Серые Равнины. А меня дорогой друг встречает стрелой в лоб. Я бы не очень хотел помереть в такое прекрасное утро!

Хрипы под коленом усилились.

— Вот что, — сказал на это Конан Вайгалу, — если хочешь выслушать — не мешай. Не хочешь — я побыстрому сломаю тебе шею и пойду спать. Устал я. Скакал, понимаешь ли, всю ночь.

Вайгал выдал с мостовой последний залп ругательств, к его сожалению, неразборчивых, и затих.

— Так-то лучше, приятель! Усвой перво-наперво: если я не смог прийти, значит, я не смог дойти. Подельников не подвожу и не подставляю. Если ты усомнишься в этом, я сломаю тебе шею, клянусь Кромом, Белом и Митрой! А теперь послушай, что было...

Глава двенадцатая

«Бесподобный Манумба выбрал меня, мне доверил три слова Вудайю, мой род удостоится Высокой хижины в животе Нанги». — Если б воину разрешалось плакать, воин открыл бы клетки глаз, чтоб выпустить на волю просящие об этом слезы счастья. Но если четверо идущих сзади его воинов увидят плачущего Главного воина, они убьют его — зачем им нужен вожак-баба?

Избранный сегодня утром Главный воин остановил свой отряд, чтобы вновь произнести три слова Вудайю. Каждый выпелкиваемый звук отдавался жестокой болью в позвоночнике, каждое слово отбирало год из отпущенных ему на жизнь, но это разве плата за великое счастье быть выбранным самим Манумбой для возвращения Великого Пьонги — мужа Нанги и наказания виновных!

Разлетелось по миру третье слово и зажегся для Главного воина зеленый Светильник Нанги, указующий, где нечестивцы упрятали воплощенного в Каменном дереве Пьонгу — мужа Нанги.

Тускло горит Светильник Нанги, тускло. Немало еще надо пройти по тропам белых пауков, долго еще петлять среди их пещер в дырявых камнях, в одной из которых белые пауки и держат воплощение Пьонги — мужа Нанги. Ох, сколь хочется поскорее вонзить боевую палку в печень врага и насладиться тем,

как он будет извиваться и корчиться, вздуваться тут же лопающимися пузырями, исходить пеной изо рта, когда яд муараре начнет сгрызать его изнутри! Бесподобный Манумба, добывший ночью в животе Нанги три слова Вудайю, хочет видеть голову похитителя Пьонги — мужа Нанги с лопнувшими от страданий глазами.

Редкие утренние прохожие улыбками, пожатиями плеч и почесыванием затылков провожали диковатую для Конверума компанию: пятерку чернокожих, напаяливших какие-то идиотские мешки, идущих гуськом с такими серьезными рожами, будто выслеживают самого Бела, да еще вооруженных копьями, похожими на пруты. Не знали еще прохожие, что это — лишь небольшая часть каравана из Черных Королевств, остановившегося на Южном пустыре. Время от времени веселая пятерка утыкалась в забор или упиралась в тупик, и тогда те, кому посчастливилось стать очевидцем редкостной потехи, любовались, как один из чудаковатых чужеземцев громко щелкает языком, а другие внимают этому, точно проповедям Верховного жреца. При этом щелкавший трясся, корчился и гримасничал. После чего вся компания устремлялась к одним им ведомой цели с такой прытью, будто только что пропустили не меньше чем по пять кружек эля на брата.

Главный воин еще раз произнес три слова Вудайю. И радость полыхнула в сердце воина: ведь так ярко полыхнул Светильник Нанги. Который совсем близко! Близок час Мстящего Удава! В той стороне, куда показал зеленый свет, стояли четыре дырявых камня белых пауков. Главный воин провел свой отряд мимо них, потом пошел обратно. У второго с конца остановился.

Да, зов Нанги слышен из этого дырявого камня с прикрывающий вход деревяшкой, истыканной ножами! Сейчас он узнает наверняка.

Три слова Вудайю. Три содрогания позвоночника. Три раза останавливалось сердце и три раза начинало биться вновь.

Все. Ему, Главному воину, не придется больше говорить слова Вудайю. Воплощение Пьонги — мужа Нанги здесь, где-то наверху. Ему, Главному воину, предстоит самое приятное — убивать, а потом нести Манумбе воплощение Пьонги — мужа Нанги и головы нечестивцев.

Глава тринадцатая

Сорокалетний Руфус, владелец постоянного двора «Червивая груша», он же — трактирщик, он же — главный повар в том же заведении, задремал над подсчетом прибыли. Прибыль, скажем откровенно, была не ахти какой: упала вдвое по сравнению с прошлым месяцем, а прислуге плати исправно, а свежие продукты и вино покупай, а налоги-то растут, как сорняк после дождя. И куда только Сенат смотрит? Эхе-хе...

От дремы его пробудили негромкие, но требовательные удары в дверь.

«Червивая груша» уже была закрыта на ночь; посетители и прислуга разошлись по домам, постояльцы расползлись по комнатам, двери и ставни заперты, светильники притушены. И только ему, бедному Руфусу, почему-то приходится до полуночи торчать в задней комнате опостылевшего заведения и корпеть над дурацкими подсчетами.

Когда раздался стук в дверь, хозяин сонно протер глаза — кого это принесло в такой час? — зевнул во весь рот, грузно поднялся, оглаживая кучерявую бороду, и зашаркал к входу.

В двери на уровне глаз было проделано закрывающееся окошечко. Руфус отодвинул деревянную заслонку и выглянул наружу — без страха, но с любопытством. Грабителей он не боялся: ну какой безумец

отважится забраться в трактир, где большинство завсегдатаев — сами выходцы из воровского мира? Не боялся он и представителей закона. Налоги (будь они неладны) платятся исправно, начальнику караульного отряда в квартале, старому сквалыге, ежемесячная мзда платится исправно, запрещенного товара в «Груше» нет (ладно, ладно, три мешочка с высушенными листьями черного лотоса не в счет — тайник не отыскать, будь ты хоть о сто глаз), так что опасаться нечего, разве что ночной караул может пожаловать — проверить, все ли в порядке... а заодно и кувшинчик винца приглубить. На дармовщинку-то чего не приглубить...

Ну, а я что говорил? — так и есть: стражники. Освещенные колеблющимся светом факелов, на пороге топтались пятеро в форме городской стражи, но все незнакомые, не местные. Не квартальные.

— Трактирщик Руфус? — поинтересовался худощавый, седой, с обвислыми усами и туповатым лицом стражник. Главный, надо понимать.

— Ну? — не подтвердил, не опроверг это заявление хозяин «Червивой груши».

— Открывай.

— А зачем? Утром приходите, мы закрыты.

— Открывай, открывай, — усмехнулся старший. — По нашим сведениям, в твоей харчевне скрывается опасный разбойник. Рыжеволосый, с арбалетом, Вайгалом кличут. Здесь он?

Руфус задумчиво пожевал губами. Соврать — греха с ревнителями закона не оберешься, правду сказать — того хуже: свои же завсегдатаи осерчать могут... Однако завсегдатаи эти далеко, а стражники — вот они, мечами бряцают. Поэтому он решил рискнуть и сообщить все как есть:

— Знаю такого. Но вот только ошиблись вы, не здесь он живет, где-то в другом месте, а сюда просто наведывается частенько, вина попить. Так что нет его. Утром приходите.

Теперь задумчиво пожевал губами главный страж.

— Надеюсь, ты не лжешь мне... Ну хорошо. А приятель его? Нездешний, здоровенный такой, с длинными черными волосами?

Руфус на мгновение замешкался с ответом, и от Деливио (а пятерку стражников возглавлял именно он) эта заминка не укрылась.

— Ну-ка быстро говори, — рявкнул он, и трактирщик от неожиданности вздрогнул, — тут он прячется или нет? И если соврешь, то пеняй на себя!

Остальные стражи нахмурились, и один из них угрожающе вытащил до половины меч из ножен.

— А я и не вру, господин стражник. — Руфус постарался придать голосу как можно больше уверенности. Получилось, но не особенно. — Жить-то он здесь живет, да вот только нет его сейчас. Как вечером ушел куда-то, так до сей поры и не возвращался.

— Куда он ушел?

— А я почему знаю? Он мне не докладывает.

Некоторое время главный стражник молчал, прищурившись и внимательно глядя на Руфуса. Руфус уж было решил, что обошлось, что полуночные гости, несолоно хлебавши, сейчас отправятся восвояси, но тут главный медленно, вкрадчиво, с расстановкой проговорил:

— Мне отчего-то думается, что ты врешь мне. А знаешь ли ты, трактирщик Руфус, какое наказание полагается за укрывательство разбойника?

Хозяин «Груши» непроизвольно сглотнул.

— Я вовсе и не вру, господин начальник стражи. Нет Конана, клянусь всемилостивым Митрой!

— Ага, значит, его зовут Конан, — ухмыльнулся Деливио. — А чем ты можешь доказать, что не врешь?

— Ну... Можете зайти и проверить в его комнате...

— Отлично. — Стражник, казалось, только и ждал этого приглашения. — Ну, тогда открывай, да поживее.

Руфус помялся, в сомнении почесывая в боку. Себе дорожке спорить со стражей, но ведь, с другой-то стороны, не дело это — ночью двери открывать кому не попадя; пусть они и в форме, однако рожи незнакомые. Мало ли лихих людей по ночам шляется...

— А это... разрешение от господина Ларго у вас имеется? Касательно, значит, возможности проникновения в это... как его... частное, ну, владение...

Со стремительностью гадюки, бросающейся из засады, худощавая рука командира отряда стражи влетела в узкое окошечко и ухватила трактирщика за бороду. Ухватила — и дернула, да так, что бедный Руфус впечатался лбом в доски двери.

— Правда за правду, — прошипел Деливио, приближая лицо вплотную к двери, но — с другой стороны. — Такого разрешения у меня нет. Я, конечно, могу сейчас вернуться к Ларго, моему начальнику и другу, и взять у него это разрешение. А потом снова прийти к тебе и проникнуть внутрь уже на законных основаниях. Это ясно?

Руфус сдавленно кивнул. От боли показались слезы на его глазах.

— И если твой постоялец по имени Конан окажется у себя в комнате, то все в порядке: мы арестуем его, а ты и дальше будешь спокойненько протирать себе стойку. Это ясно?

Из горла трактирщика вырвался сдавленный стон.

— Пусти... Больно же...

— Это, повторяю, ясно?

— Да ясно, ясно... Пусти...

Деливио пропустил его просьбу мимо ушей и прежним тоном продолжал:

— А теперь подумай о том, что случится, если твоего постояльца в комнате не окажется. Что я, что господин Ларго должны будут подумать? Несомненно, что за время, пока мы отсутствовали, ты предупредил негодяя, и он удрал. А известно ли тебе, какое наказание определено нашими законами за укрыва-

тельство разбойника и оказание ему помощи? — Он неожиданно отпустил злосчастную бороду. — Подумай, дорогой трактирщик, что тебя ждет в этом случае.

Руфус отшатнулся и испуганно-беспомощно всхлипнул.

— Да я правду говорю, господин командир отряда стражи! Нет Конана, ну нет его, и все, клянусь!..

— Не кричи, постояльцев разбудишь, — уже более мягко проговорил Деливио и ненадолго замолчал. — Поверить-то я тебе могу, не сомневайся... Но вот чем ты можешь доказать, что говоришь правду и что Конана в его комнате нет?

— Да сами посмотрите и убедитесь, чтоб Нергал стал мне мужем!..

Деливио довольно ухмыльнулся.

— Ну вот, так бы и сразу. А то — не пуцу, не пуцу... Открывай-ка ворота, мой гостеприимный Руфус!..

Вполголоса бормоча проклятия себе под нос, хозяин «Червивый груши» клацнул тяжелым засовом и распахнул дверь. Пятеро стражников ввалились в просторный зал трактира. Четверо были вооружены мечами и алебардами, а пятый обладал одним лишь напоясным кинжалом.

— А теперь запри выход, — приказал этот пятый — Деливио. — Мы поднимемся наверх и проверим, насколько ты был правдив. В какой комнате живет Конан?

— Пятая налево, справа по коридору. Так ведь нет его, господин ко...

— Кто еще в трактире?

— Никого. Я только. Ну и эти, постояльцы которые. А Конана нет сейчас...

— А жена твоя, дети?

— Вдовец я. Детей Митра не дал. Живу один, в задней комнате.

— Другой выход из твоей харчевни есть?

— Д-да... Вон там, за кухней. Мы продукты носим через него...

— Константинос, — кивнул Деливио одному из стражей, и тот поспешил в указанном Руфусом направлении.

Потом господин командир отряда стражников, быстро оглядев полутемное помещение (много ли окон, закрыты ли ставни), вновь повернулся к несчастному трактирщику.

— Вот что, милый мой Руфус. Мы сейчас поднимемся к твоему постояльцу. Если он там, то поначалу будет немного шумно, зато ты в результате окажешься в сенаторском подземелье. Если же его нет, то мы подождем его возвращения... А ты пока можешь спать спокойно. До тех пор, пока не выяснится, что именно ты укрывал опасного разбойника. Это ясно?

— Я... Я...

— Давай-ка покороче, а?

— Я... Ясно.

— Хорошо. Теперь дальше. — Деливио медленно вытащил из ножен кинжал и острие его устремил в рыхлое пузо Руфуса. — Если твой приятель, неожиданно для нас, вернется среди ночи или под утро, то ты, надеюсь, знаешь, что ему сказать?

— Так вы что... вы хотите остаться здесь... до утра?

Деливио хохотнул. Хохотнул в поддержку и один из стражников, но командир бросил на него столь свирепый взгляд, что стражник немедленно умолк. После чего командир снова повернулся к Руфусу:

— Да, хороший мой. Мы намереваемся остаться тут до утра. У тебя есть какие-нибудь возражения?

Руфус рьяно замотал головой.

— Вот и ладненько. Вернемся к последнему вопросу: знаешь ли ты что делать, если он вдруг заявится посреди ночи?

После секундного молчания Руфус быстро ответил:

— Я ничего не скажу, господин командир отряда стражников, о том, что вы ждете Кона... э-э... разбой-

ника в его комнате. Может быть, нужно подать вам какой-нибудь тайный сигнал, когда он вернется?

— Не утруждайся. — Деливио спрятал кинжал обратно в ножны. — Мы сами знаем, что делать. Так где, говоришь, он обитает?

— В пятой комнате налево, справа по коридору, господин командир.

— Чудненько. Запасной ключ у тебя есть?

Руфус часто закивал, отцепил от пояса большое кольцо, на котором висел один-единственный ключ — огромный, бронзовый, потемневший от окисла, с хитрой формы блестящей пластиной на длинном стержне.

— Вот, господин командир отряда стражников. Этот подходит ко всем дверям в «Червивой группе». Я на всякий случай приказал изготовить его знакомому кузнецу — мало ли, потеряется какой, а мне потом дверь выламы...

— Ладно, ладно. — Деливио забрал ключ и похлопал трактирщика по плечу. — Ты молодец, Руфус. Если никакой фортель не выкинешь, то, возможно, удостоишься награды из рук нашего уважаемого Ларго — за помощь в поимке опасного разбойника.

— Да я всегда готов служить Сенату, и городской страже, и...

Более не слушая бормотания хозяина, продолжающего уверять всех и вся в своем полном законопослушии, Деливио и трое стражников поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж и повернули направо. Коридор был освещен толстыми желтыми коптящими свечами, укрепленными вдоль стен на специальных подставках, установленных на уровне плеча. Свечей этих хоть и было много, но в коридоре все равно царил полумрак.

Вот и вторая комната налево. Двигаясь крадучись, стараясь не бряцать оружием, маленький отряд приблизился к двери. Деливио прикоснулся пальцем к губам, прислушался. Вроде тихо. Вроде никого. Он положил ладонь на дверную ручку, легонько нажал. Заперто. Ну что ж, за дело.

Начальник охраны сенатора Моравиуса вставил ключ в замочную скважину и повернул. Мягко щелкнул замок, с едва слышным скрипом дверь отворилась.

Так и есть: никого. Не соврал Руфус. Небольшую, весьма скромно обставленную комнату шагов пять в длину и пять в ширину заливал скупой лунный свет из открытого окошка. У левой стены — широкая, на троих хватит, кровать, застеленная бесцветным покрывалом, на правой — несколько полок, на которых покоились коробка со свечами, кувшин для умывания, кусок мыла, огниво и прочая неопасная медочь. На нижней полке лежал аккуратно свернутый плащ — старый, вытертый, местами любовно залатанный, — видеть, он уже давно служит своему хозяину.

Деливио бесшумно приблизился к колченомому столу, который был придвинут вплотную к подоконнику, перегнулся через него, выглянул на улицу. Окно выходило в глухой тупик — напротив него, на расстоянии локтей в десять, возвышалась угрюмая каменная стена, сложенная из серых мшистых блоков. Оттуда опасности ждать не приходилось.

«Умно, — пришло в голову Деливио. — Захоти кто в окошко в это проникнуть, так пока через стол перелезешь, хозяин комнаты из тебя решето успеет сделать. Умно... Ну да мы и не с такими умниками справлялись».

Стол был пуст, если не считать подсвечника с оплывшим почти до самой чашки огарком да небольшой, в ладонь, статуэткой. Деливио недоуменно повертел статуэтку в руках. Та была вырезана из кости, потом выварена в отваре листьев, отчего приобрела неприятно коричневый цвет, и изображала грудастую, брюхастую, наверное — бабу, но почему-то с бородой (на Руфуса похожа, — мимолетно отметил Деливио), которая, ухмыляясь самой что ни на есть гнусной ухмылкой, разрывала себе чресла руками; оттуда, из чресел, выглядывала голова ребенка — с

бородавчатой, морщинистой кожей на макушке, лысая тварь, ослабившаяся щербатой пастью. Фу ты, мерзость какая. Впрочем, Конан-то нечуждый, должно быть, это какой-нибудь из его мерзких божков...

А ведь, вдруг пришло Деливио в голову, столь же уродливых вещей полным-полно в хранилище изваяний Моравиуса. Может быть, злоумышленники выкрали не только письма сенатора, но и кое-что из этого хранилища? Да и вор, по описаниям похожий на варвара Конана, как раз-таки и прятался в этом хранилище. Очень, очень может быть! Таких совпадений не бывает.

И начальник сенаторской стражи Деливио брезгливо сунул статуэтку в карман камзола, рассчитывая отдать ее Моравиусу (даже если она не принадлежит сенатору, то наверняка понравится, и, стало быть, он, Деливио, заслужит благосклонность хозяина) и совершенно не представляя себе, какую опасность навлекает на себя присвоением костяной фигурки... Воровством свой поступок старый воин не счел: кто бы ни являлся хозяином статуэтки, Конану она больше не понадобится.

После чего он повернулся к ожидающим распоряжений солдатам.

— Ты и ты, — шепотом приказал он, — встаньте справа и слева от двери. Ты — займи место у окна, мало ли что... Будьте готовы, ребята, разбойник не трус, вооружен и, судя по всему, может за себя постоять. Так что будем начеку... и будем ждать.

Сам же Деливио уселся на кровать. Что-то, а ждать он умел.

Глава четырнадцатая

Трактирщик Руфус проклял тот день и час, когда он пустил на постой северянина-великана. Всю ночь он не сомкнул глаз — о треклятых подсчетах прибыли даже думать не хотелось, — ворочался с боку на бок, вздрагивая от каждого шума с улицы: а вдруг это вернулся Конан? Как быть? Промолчать о засаде? Очень рискованно. Сообщить? Рискованно не меньше. Как же быть-то, помоги Митра?..

Лишь к рассвету бедного Руфуса сморила дрема. Из которой, как и ночью, его вырвал громкий стук в дверь.

Солнце уже показалось над гребнем городской стены, озаряя кварталы желтоватым светом и обещающая весьма погжий денек. На улицы высыпали первые горожане; снаружи доносились цокот копыт, зазывные крики лоточников и ругань разносчиков. Все как всегда. В это время года светало рано, и обычно трактирщик торопился открыть свое заведение на заре. Обычно, но не сейчас — сегодня, расстроенный ночным происшествием, Руфус проспал. И, когда раздался требовательный стук в дверь, поторопился отпереть вход «Червивой груши»: негоже держать на пороге ранних посетителей, вероятно желающих опохмелиться после вчерашней гулянки.

— Эй, трактирщик, морда бородастая, спишь еще, что ли? — послышался снаружи хриплый, но веселый голос. — На улице светло давным-давно, и все

порядочные люди обязаны приветствовать новый день глотком доброго вина! Или черви окончательно выжрали твою грушу?

— Затем — снова дробный стук в дверь.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Руфус, семена к входу и на ходу заправляя выбившуюся рубаху в широкие штаны. Он отодвинул засов...

И едва не отлетел в сторону, когда дверь распахнулась от могучего удара сапогом.

Двигаясь по-кошачьи мягко, по-крысиному бесшумно и по-змеиному стремительно, в трактир быстро просочились пятеро людей. Четверо из них, одетые в серое, невысокие, неприметные, но буквально источающие аромат опасности, в мгновение ока прошли по залу, заглядывая в каждый закуток, в каждую щель, по-видимому, не нашли ничего угрожающего и угомонились за самым дальним, погруженным в сумрак столиком. Замерли неподвижно. Слились с полутенями.

Пятый же повернулся к трактирщику. Увидев его лицо, Руфус непроизвольно икнул и плотно зажмурился.

— Здорово, Руфус, старый ты мешок с дерьмом! — приветствовал его Кривое Рыло. — Как делишки? Все еще разбавляешь шемское водой? Вайгала давно видел? А приятеля евоного, с каланчу ростом?

Вот тут-то трактирщик и проклял тот день и час, когда он пустил на постой северянина-великана.

— Ну, чего надулся, как жаба? — миролюбиво поинтересовался незванный гость. — Или язык откусил со страху?

Руфус невнятно квакнул. Кривое Рыло ткнул его кулаком в брюхо — несильно, но трактирщик охнул и согнулся пополам, будто его ножом пырнули.

— Тише, тише, — проговорил Рыло и дернул бедолагу за волосы, помогая выпрямиться. — Говори-ка живо: Вайгала давно видел?

— Нет его сейчас...

— Да знаю я, что нет. Вчера мои крысята потеряли и его, и этого чужака, а сюда они пока не возвращались. Конечно, не возвращались — на дельце какое-нибудь сучье отправились... Вот что, друг мой Руфус. Мы с ребятами-«тенями» посидим тут у тебя немного, наших друзей подождем. А ты угостишь нас пивком, а потом встанешь за стойку и будешь строить из себя сенатора на отдыхе. В смысле стоять будешь спокойненько и безмятежно, что твоя статуя Иштар в храме на площади. Усек?

— У-усек... Только вы это... пожалуйста... у меня ж приличное заведение... мне неприятности с властями ни к чему...

— Да не дергайся, Руфус. — Кривое Рыло ласково положил лапицу на плечо трактирщика и на мгновение сжал пальцами ключицу. Руфус тоненько взвизгнул. — И не дрожи, как мышь на морозе. Мы же не злодеи какие, чтобы ножиками махать, кровушку пускать в «приличном заведении». Мы просто хотим побеседовать с нашими приятелями... особенно с нашим лучшим другом Вайгалом. Усек?

Руфус быстро кивнул.

— Ну то-то же. Поэтому принеси-ка нам во-он за тот столик пару-тройку кувшинов стигийского бархатного пивка и марш за стойку. И, кстати, пока огней не зажигай, нам, «теням», яркий свет вреден. Усек?

Руфус опять кивнул, от страха не в силах произвести ни звука.

— Ну, вот и договорились. И учти, дружок, если наши друзья войдут и ты хоть слово вакнешь, то... пеняй на себя. Усек?

Очередной кивок.

— Лады.

Обойдя несчастного трактирщика стороной, словно того и не существовало вовсе, Кривое Рыло присоединился к своим друзьям.

Руфус почувствовал, что еще немного, и он опозорится прямо здесь. И поспешил к отхожему месту.

Правильно старики говорят: беда не ходит одна. Может быть, стоило сказать Кривому Рылу о засаде в комнате проклятущего Конана? А с другой стороны, с какой стати? Ведь убийца ничего о засаде не спрашивал, да и нужен ему Вайгал, а не северянин...

— Кто? — шепотом поинтересовался спрятавшийся за занавеской внутренних комнат стражник Деливио по имени Константинос.

— Посетители, — кратко бросил Руфус и рванул дверь нужника.

Успел.

* * *

Если кто и видел живьем Аффендоса, короля воровского мира Конверума, то молчал об этом до конца своих дней. Поэтому в городе почти никто не знал, существует ли эта фигура в реальности или является всего лишь легендой — легендой жуткой, вселяющей первобытный ужас, но отчего-то притягательной в своем ужасе.

...Рассказывали, будто Аффендос бежал из неприступной замбульской тюрьмы, укрывшись среди груды трупов заключенных, умерших от чумы, — эти трупы должны были на рассвете сжечь за пределами города, и всю ночь он неподвижно пролежал в компании разлагающейся, зловонной, заразной плоти.

...Рассказывали, будто Килрени, предыдущему начальнику стражи Конверума, почти случайно удалось арестовать сына Аффендоса, — таким образом хитрый солдат собирался заманить короля воров в ловушку. Поняв, что вызволить любимого сына не удастся, Аффендос подкупил одного из охранников, и тот подсыпал яд в скудный завтрак арестованного. Сын умер в страшных мучениях, зато не стал приманкой для собственного отца.

...Рассказывали, будто у Аффендоса везде есть осведомители и даже помощники — и среди городской стражи, и среди гильдий, и даже в Сенате.

...Рассказывали, что Аффендос строг, не терпит непослушания и скор на расправу с ослушниками.

Что именно из множества кошмарных историй про короля воровского мира правда, а что — досужий вымысел, не знал никто. Даже «тень» по кличке Кривое Рыло, хотя среди своих братьев по ремеслу он считался одним из приближенных Аффендоса. Сам Рыло такое мнение о себе не подтверждал, но и не опровергал. Время от времени он действительно получал приказы непосредственно от второго, потайного правителя города, но своими глазами его никогда не видел и не имел никаких доказательств его существования.

Вчера ночью в окно хибары, где в одиночестве обитал Кривое Рыло, влетел камень, который был обернут в кусок выделанной бараньей кожи.

«Рыжий лис, метко плюющийся стрелами, выполз из норы и поднял голову, — было написано особым шифром на внутренней стороне кожного «письма». — От стаи отбился. Проучи лиса сегодня же. Рыжую шкуру закопай. Приблудшего лисенка приручи». И все. Но под этим странным посланием алела личная печать Аффендоса, которую ни с чем нельзя было спутать.

Кривое Рыло сразу понял, о чем идет речь. «Теневая» почта донесла ему, что один из многочисленных ночных работников, рыжий арбалетчик по имени Вайгал нашел себе подельника-чужестранца, начал вершить собственные дела и пока не собирается делиться нажитым с коллегами. Такое в их среде не прощалось — Рыло уже начал было недоумевать, почему самовольника до сих пор не проучат. Но, как оказалось, Аффендос не дремлет; в записке недвусмысленно сказано: Вайгала убить, его напарника не трогать, переманить на свою сторону. Что ж, все пра-

вильно: Вайгалу известно о воровских законах Конверума и о том, что грозит его нарушителям, поэтому тут уж не обессудь. С другой стороны, чужаку наши правила игры могут быть неизвестны, а он, судя по всему, малый не промах, так зачем же выбрасывать кошелек, в котором еще осталось несколько золотых?... «Письмо» он сжег.

Кривое Рыло не зря вырос до доверенного лица самого Аффендоса и не зря носил такую кличку.

Его и без того не блещущую красотой физиономию пересекал уродливый глубокий шрам, нанесенный, по всей видимости, чьим-то мечом. Начинался он над правым виском, спускался наискосок через правый глаз (глаз давно вытек после этого страшного рубящего удара, но продолжал постоянно сочиться зеленоватым гноем), тянулся через переносицу (нос был свернут набок тем же ударом) и заканчивался на верхней губе. Губа была рассечена до самой десны и зажила неровно: с левой стороны вздернулась аж до самого носа, обнажая гнилые зубы и придавая лицу выражение постоянной кривой ухмылки.

Все тело вора было, как узорами, украшено рубцами. Некоторые из них были оставлены ножами и клинками после многочисленных стычек, некоторыми одарили их носителя экзекуторы и пыточных дел мастера в подвалах и подземельях различных тюрем.

Начавший карьеру «тени» в пятилетнем возрасте, Кривое Рыло (тогда звавшийся Щенок) с тех пор провернул столько дел, что не хватит пальцев на руках у сотни человек, и провел столько лет в тюрьмах и на каторгах, что сам давно сбился со счета. Но ни одно, даже самое тяжелое заключение, ни одна, даже самая жестокая пытка не сломила его. Он был создан для воровской жизни, и никогда, ни при каких обстоятельствах ни на шаг не отступался от своего предназначения. Так что не случайно король конверумских

воров выбрал его из массы татей, грабителей и убийц... из массы «теней», одним словом.

И сейчас Кривое Рыло мирно попивал пиво в заведении «Червивая груша», ждал прихода Вайгала и нисколько не сомневался, что, как всегда, исполнит приказание своего таинственного хозяина.

Глава пятнадцатая

Руфус, выполняя приказ Кривого Рыла, томился за стойкой. Переполнявшее его внутреннее беспокойство не давало покоя рукам. Трактирщик протирал в который раз кружки, тер той же тряпичей стойку, перекладывал с места на место разменную мелочь, подтачивал ножи для разделки мяса. В голове его ходила по кругу одна и та же фраза, больше смахивающая на заклинание: «Скорей бы все хорошо закончилось... только бы все обошлось... я обязательно выпутаюсь...»

Рыло с друзьями поглощали в своем темном углу пиво, набивали брюхо дармовым мясом, вполголоса толковали про всякие дела. Другие посетители еще не появились, но вот-вот — и потянутся один за одним охотники начинать день с кружки чего-нибудь горячительного.

Удар, сотрясший незапертую дверь, заставил Руфуса выронить из рук глиняное блюдо, не упустившее такой случай и разбившееся, а «теней» — замолчать и выжидательно уставиться на вход.

Удар, еще удар, град ударов. Казалось, дверь, открывавшуюся наружу, пытаются завалить внутрь.

— Эй, Руфус, — негромко позвал трактирщика Кривое Рыло, — открой.

Руфус издал короткий хлюпающий звук, зачем-то развел руками и на полусогнутых, придерживаясь за

мебель, пошаркал к двери, удары в которую не прекратились и не ослабели.

— Грязная Пятка, Помойный Рот, — произнес Рыло и показал пальцем на вход. Те, кого называли, соскочили со стульев, юркнули к содрогающейся двери, обогнав по дороге Руфуса, и встали по обе стороны от проема.

Приковылял трактирщик. С опаской приблизился к дверным доскам, выгибающимся под ударами внутрь, и севшим голосом прохрипел:

— Кто там?

Ожидаемого обстоятельного объяснения, кто пришел, зачем ломает дверь, когда ее можно просто открыть, — не последовало.

— В окошко глянь, бестолочь, — шепотом подсказал Помойный Рот.

Руфус отодвинул деревянную заслонку. В открывшееся смотровое окошко влетела узкая и совершенно черная рука. Трактирщик еле успел отпрянуть — и то благодаря тому, что его уже сегодня раз хватали таким образом за бороду и он теперь был готов к подобным выходкам (а раньше ведь такого никогда не случалось, что за ночь выпала, кто ответит?). Совершенно произвольно он воскликнул:

— Да сколько можно?!

За этот маловразумительный и вполне невинный выкрик сразу уцепился Косое Рыло, не веривший никому вокруг и находившийся всегда в состоянии подозрения. В мозгу «тени» за считанные доли мгновения созрела догадка, почти совпавшая с правдой (барыгу били через окно, недавно, наши или стражники, не сказал ничего, значит, предал).

— А ну отвечай, ослиный зад, кто у тебя сегодня был?! — заорал, привставая из-за стола, Кривое Рыло.

Крик в точности совпал по времени с распахиванием двери. И на пороге появились те, кто наконец сообщил, как открывается «Червивая груша». Увидев их,

Руфус попятился, и, сделав два шажка, свалился без чувств. Не столько даже от вида новых посетителей, сколько от перенагромождения неприятностей.

В трактир вошли и стали оглядываться по сторонам пятеро чернокожих типов, вооруженных тонкими копьями. Грязная Пятка и Помойный Рот, так и стоя по обе стороны дверного проема, выжидательно уставились на своего вожак. Кривое Рыло изучающе оглядел странных гостей и сказал, обращаясь к ним:

— Ребята, заведение пока закрыто. Загляните-ка позже.

С равным успехом он мог обратиться и к протертой Руфусом стойке. Чернокожие, как ни в чем не бывало, переговариваясь на своем языке, заходили кругами по обеденному залу. При этом поглядывая почему-то на потолок.

— Помойный Рот, Грязная Пятка, выкиньте отсюда этих уродов и закройте дверь. Мне надо спокойно потолковать с Руфусом. Похоже, эта тварь пытается нас провести.

Приказ вожака пронесся через обеденный зал, вошел в уши тех, кому предназначался. Те отошли от двери и приблизились к топчущимся по «Червивой груше» чернокожим.

— Эй, уголек, тебе не ясно сказано? — тронул одного из них за плечо Помойный Рот. — Выметайся!

— Пьонга! — заорал вдруг, как укушенный, тот чужестранец, что оказался ближе других к лестнице и в эту же лестницу тычущий копьём.

— Пьонга! — завопили и остальные чернокожие, потряхивая копьями.

— Так, мне этот треп надоел! — шмякнул кулаком по столу Кривое Рыло. — За дверь их!

Жестом он отправил оставшихся за столом «теней» в помощь Пятке и Рту.

А Помойный Рот тем временем с криком: «Пшел отсюда!» — толкнул в направлении двери того черно-

кожего, которого ранее взял за плечо. Чужестранец не удержался и упал, ударившись лицом об пол.

Пущенное от лестницы копьё вонзилось Помойному Рту между лопаток.

* * *

Белые науки как следует заперли свою пещеру. Деревянная заслонка не сдавалась под натиском самых лучших, самых могучих воинов племени. Но рано или поздно они проникнут в логово мерзких тварей, прячущих святыню. Прародители рода человеческого, Великий Пьонга и Нанга, чьи имена выкрикивают их сыновья перед каждым ударом, придадут им столько сил, сколько потребуется.

Не зря его выбрали Главным воином. Только орлу еще хватило бы зоркости увидеть щелочку, когда она была размером всего с пальмового червя, лишь быстროному ягуару еще хватило бы быстроты, чтоб в два прыжка оказаться у цели, одному Манумбе еще хватило бы догадливости просунуть руку в открывшуюся дыру в заслонке, поскольку там должен скрываться белый паук, тот, который подпирает заслонку изнутри.

Но ловок оказался паук. Извернулся и убежал. Главный воин потянул руку обратно и, задев за край открытой дыры, увидел, что шатается заслонка: подействовали их удары. Он вцепился в край той дыры пальцами и рванул затычку белых пауков что есть мочи на себя. Хвала Великому Пьонге, слава Нанге! Сломана паучья заграда! Главный воин поймал на себе восхищенные взгляды своих людей. Да, да, не зря его выбрали Главным воином.

Они вошли. Вот как выглядит пещера белых пауков! Темно, воняет, как изо рта старого Хвамбимбы, грязно, как в хижине Уединения. А вот и сами пауки!

Главный воин не поторопился приказать убить их немедленно. Пьонге — мужу Нанги может не понравиться, если убьют невиновных. Главный воин знает:

в пещерах живет помногу пауков. Может, кто-то и ни при чем. Виновные сами себя выдадут: будут мешать им добраться до воплощения Пьонги — мужа Нанги. Тогда и умрут. В мучениях.

А приказал Главный воин искать путь в верхнюю пещеру. Зеленый светильник Нанги указал наверх. Главный воин знает: белые пауки строят в одном месте по несколько пещер одна над другой. Его воины стали осматривать все вокруг. Пауки ведут себя пока спокойно. Кричат что-то друг другу на своем языке, похожем на вопли недобитых попугаев, да и только.

Всесильный Пьонга! Несравненная Нанга! Он, он, Главный воин, нашел путь в верхнюю пещеру! Еще совсем немного, и воплощение Пьонги — мужа Нанги будет у них в руках. Главный воин закричал от радости и оглянулся.

А-а, мерзкие пауки выдали себя, увидев, что ход наверх обнаружен. Паук схватил его воина, бросил на землю, собирается добить. Не выйдет! Он умрет сам!

Главный воин метнул копье, вошедшее точно между лопаток белого паука.

Глава шестнадцатая

Бей чернопузых! — взревел Кривое Рыло и, выхватив кинжал, бросился к ближайшему от него дикарю.

Безумный, рвущий перепонки крик исторгал корчащийся на полу Помойный Рот. Его позвоночник выгибалось дугой. Руки и ноги трясло, они выбивали о доски частую, сумасшедшую дробь. Кожа чернела и лопалась. Из рта вывалился язык. Крик перешел в хрип.

Над умирающим развернулось побоище. Мелькали ножи и кинжалы воров, отравленные наконечники копий дикарей пытались дотянуться до кожи врага...

* * *

Так и есть. Белые пауки выпустили жала. Его воинам придется нелегко. Он, Главный воин, сейчас не сможет прийти на помощь. Ему надо искать воплощение Пьонги — мужа Нанги. Не дать хитрым паукам унести его из пещеры. Главному воину надо наверх. Он остался без боевой палки, но и безоружным он всегда всех побеждал. Пьонга — муж Нанги любит его и помогает.

* * *

Часовые Деливио у двери в комнату Конана давно уже не стояли, а сидели на полу. Их подбородки то и

дело падали на грудь, а немного погодя из груди начал вырываться свист и храп. То же самое происходило и со стражником, оставленным у окна. Деливио понимал, как нелегко приходится его людям, он и сам еле справлялся с одолевающей сонливостью. Но — справлялся, хотя это и стоило больших усилий. Заставлять своих людей мучиться, как он и вместе с ним, начальник стражи сенатора Моравиуса не хотел. Они ему нужны как можно более свежие и выспавшиеся. Поэтому он давал им возможность подремать. Единственное — не желая, чтобы парни уходили в слишком глубокий сон, который они не сразу стряхнут с себя, когда потребуется, Диливио иногда будил их свистом, держа в состоянии не сна, а дремы.

За всю ночь ничто не нарушило трактирную тишину.

Но.

На рассвете снизу донесся звук, похожий на хлопок двери. Деливио тотчас разбудил своих людей. Сам он поднялся с кровати, потянулся до хруста в костях, тем самым выгнав из тела расслабленность без остатка, подошел к двери и прислонился к ней ухом.

Вовсе не обязательно, что приперся Конан или его рыжий дружок, но раз бородатый плут открыл свое заведение, сейчас повалят посетители и, значит, ему с солдатами надо быть начеку. Они и будут начеку.

Некоторое время ничего не было слышно. Может быть, внизу что-то и происходило: скажем, заявившиеся спозаранку люди рассказывали по обеденному залу, разговаривали в полный голос, стучали кружками о стол. Но такие негромкие звуки не могли добраться до комнаты Конана. Да не велика беда. Вот что нужно не пропустить: шаги поднявшегося наверх и идущего по коридору человека. И надеяться, что человек окажется тот самый.

Минуты сменялись, как ночная смена — монотонно, равнодушно, в срок...

Опять хлопнула дверь. Или — что это? Стук в дверь? Да. И еще. Кто-то лупит по двери не щадя рук.

Верно, какой-нибудь ранний пьянчужка, у которого нутро полыхает огнем после вчерашнего и он не в состоянии потерпеть еще минуту, подождать, пока Руфус оторвет свою задницу от табурета и... Но что-то долго Руфус дверь открывает. И почему, если уж он открыл трактир, то запер его вновь?

Да, Деливио только и оставалось, что путаться в догадках.

Вдруг снизу раздался крик — крик боли, вопль раненого. Оглушающий даже наверху. Долгий. Очень долгий. А когда он стал стихать, Деливио отчетливо слышал шаги. Идущего по коридору человека. И вроде бы — кажется ему или нет? — то были шаги босых ног. Начальник стражи сенатора Моравиуса, ступая бесшумно, переместился к стене, которую заслонит дверь, когда откроется, и сделал знак своим людям приготовиться. Что происходило по ту сторону стены, Деливио теперь даже не слышал. Он лишь напряженно ожидал, откроется дверь или не откроется. Дверь открылась.

* * *

Много лет панарыли белые пауки в верхней пещере. И все замурованы. В какой из них они держат Пьонгу — мужа Нанги? Взламывать каждую? Нет, у него есть три слова Вудайю, они укажут.

Первое слово вылетает птицей, второе выползает удавом, третье ступает слоном. И загорается зеленый светильник. Вот она, та самая пещера!

Мой Пьонга — муж Нанги, я иду к тебе!

Главный воин толкнул дверь; она, к его удивлению, легко поддавалась, полностью растворилась, и он вошел в комнату, в которой поджидали Конана Деливио и его люди.

* * *

Едва вскипела драка, Грязная Пятка пропустил выпад дикаря, и наконецник копыя проделал неглубокую царапину на руке вора. На такие пустяки он ни-

когда не обращал внимания в разгар жарких потасовок. И сейчас он продолжал драться как ни в чем не бывало... Правда, продолжал всего несколько секунд — пока от запястья до локтя раненую руку вдруг не пробила боль, какую Грязная Пятка не испытывал никогда в жизни. Нож выпал из враз ослабевшей ладони. Горло свело судорогой, и крик застрял в нем, так и не вылетев наружу. Грязная Пятка еще успел рассмотреть, как кожа его чернеет с поразительной быстротой, прежде чем ему, ничего уже не слышащему и не видящему, не способному ни к какому сопротивлению, всадили копьё прямехонько в печень. Так воровской мир «теней» Конверума потерял одного из лучших своих представителей.

Кривое Рыло видел, как Пятку царапнуло острием по руке, как тот почти сразу стал загибаться. Рыло сопоставил и...

— Бойся, «тени»! У чернопузых травленные жаля! — заорал он изо всех сил, с трудом сам успев увернуться от летевшего в переносицу ядовито-колющего оружия.

Дальнейшие действия предупрежденных воров стали напоминать игры факиров с кобрами. Только численный перевес был на стороне «кобр». Трое против четверых. На Кривое Рыло пришлось двое дикарей, они теснили его к лестнице. Убийца Грязной Пятки переключился теперь на него. Кривое Рыло уворачивался и пятился. С кинжалом против двоих копьеносцев воевать нелегко. Открылся и закрылся дверной проем «Червивой груши», мелькнул силуэт выскакивающего наружу человека. Кривое Рыло заметил это. Но его остановившиеся в живых «тени» были на местах. А, Руфус, догадался вор...

* * *

Руфус пришел в себя. Первое, что увидел, — потолок любимой «Червивой груши». Повернул голову. По полу к нему бежал и уже почти добрался ручеек

крови. Ручеек этот вытекал из кучи тряпья, имеющей человеческие очертания. Вот только что это за куча? Руки чернее смолы, а на них... на них красные пятна обнаженного мяса. Голову можно распознать только по глазам. Глазам, совсем вылезшим из орбит. На месте рта — сгусток белой пены.

Бедный трактирщик не потерял сознания, хотя ему очень захотелось забыться, а потом очнуться, и чтобы ничего этого не было. Но нет, на сей раз его сознание выдержало. И он продолжал осматриваться, лежа неподвижно, лишь вертя головой.

В его трактире схватились насмерть ночные гости и утренние, воры-«тени» и необъяснимые чернокожие, одетые в дурацкие мешки. Вон справа двое скачут вокруг небольшого стола на четверых едоков. Черный человек пытается дотянуться до белого своим тонким копьём, а «тень» защищается оловянным блюдом из-под хлеба и пытается сблизиться с противником, чтоб достать того коротким кинжалом. Еще одна парочка затеяла похожую возню у стойки. Вор (Руфус даже неожиданно припомнил его кличку — Выдра) швырял в наседающего чернокожего всем, что попадалось под руку: посудой, стульями, тряпкой, горстью медяков. А главарь ночных пришельцев с изувеченной физиономией отбивался на лестнице аж от двух страшил с копьями.

Сейчас про Руфуса забыли, сейчас у него есть шанс ускользнуть из «Груши». Стоит ли дожидаться, что будет, когда о нем вспомнят? Нет уж.

Руфус мысленно попросил Митру поспособствовать, после чего проворно вскочил, побежал так, как не бегал с самого детства, и невредимым выскочил за дверь. Он понесся по улице, не разбирая дороги и без всякого представления о том, куда надо сейчас бежать и зачем.

Глава семнадцатая

Главный воин узнавал о ягуаре, изготовившемся среди ветвей для коварного прыжка, за сотню шагов до него. Главный воин слышал дыхание змеи, притаившейся в траве, на дыхание наносил удар боевой палкой и убивал змею. Разве его могли зас- тать врасплох какие-то трусливые белые пауки?

Шагнув за дверь, Главный воин прыгнул головой вперед; коснувшись пола, перекувырнулся и оказался в центре комнаты на корточках. Распрямляясь, он сумел скинуть и отбросить от себя мешкообразное одеяние.

— Стража! — Со стороны захлопнувшейся двери к дикарю подходил Деливио с двумя подчиненными. — Лечь на пол! На пол, я сказал!

Но этот вдруг раздевшийся догола сумасшедший и не думал подчиняться. Стоял и озибался.

«Кто это такой? Почему в комнате Конана? Где Вайгал, где его дружок? Что происходит?» — только и успел подумать Деливио, как все началось.

* * *

Пауки сжимали кольцо. Один из них что-то грозно шипел. Пришла пора их убивать. Настал час Мстящего Удава!

Дикарь задрал голову, закатил глаза, широко открыл белозубый рот, оскалился, замолотил кулаками

в грудь и выбросил из себя пронзительный, совершенно звериный вопль. Мгновение спустя он согнул колени, наклонился, коснувшись пальцами пола и вроде бы неловко, кособоко, но с поразительной проворностью побежал к столу, придвинутому к окну. Неожиданно ускорившись, он вскочил на стол и оттуда прыгнул, распрямляясь в полете, на третьего стражника Деливио, стоявшего в трех шагах от того места.

* * *

Все началось внезапно и совершилось настолько быстро, что Деливио и его люди осознавали происхождение только тогда, когда нагой чернокожий безумец сбил с ног их товарища. Алебарда отлетела в сторону — стражник не успел ею воспользоваться. Меч его остался в ножнах. Сам он упал на пол спиной. Зубы оказавшегося сверху дикаря впились в шею поверженного стражника. Дикарь тут же резко дернул головой, как поступает лев, отдирая куски мяса у убитого полосатого осла, и кровь хлынула из рваной раны на ферменную одежду охранника сенатора. Обезумевший убийца выплюнул лоскутья кожи и кровь, отпустил жертву, пытающуюся зажать рану на шее руками, и на четырех конечностях, как настоящее дикое животное, резво метнулся в сторону.

— Алебардами! Насмерть! — закричал Деливио. Он уже подбежал к раненому и опустился рядом на колени. — Чего ждете, убейте его! Живо!

Растерявшись, промешкавших около дверей стражников приказ начальника привел в состояние действия.

— Ты слева, я справа. — Один из стражников указал другому острием алебарды на дикаря, забившегося в противоположный от двери угол. Вторым кивнул, приставил свою алебарду к стене и вытащил из ножен меч.

* * *

Главный воин чувствовал: воплощение Пьонги — мужа Нанги здесь, в этой пещере. Он сейчас убьет оставшихся пауков и заберет его...

* * *

Деливио пытался остановить кровь у раненого — в то время как его парни приближались к вжавшемуся в угол комнаты дикарю, готовясь растерзать его. В том, что они именно *растерзают* ублюдка, ранившего их товарища, начальник стражи не сомневался. Лично ему живым этот полоумный не нужен. Если он и связан как-то с Конаном и Вайгалом (хотя маловероятно), то невооруженным глазом видно: добиться от него ничего не удастся.

Дикарь сопел, с места не двигался, то приседал, то выпрямлялся. Его сухощавое, мускулистое тело мелко подрагивало от возбуждения, вызванного одному ему ведомыми причинами. Стражники находились уже совсем рядом. Тот, что предпочел алебарду, не выдержал первым. Он нанес удар точь-в-точь, как учили, как на учебном плацу: левую ногу вперед, поворотом туловищем вправо, выброс оружия обеими руками в корпус врага. Но перед ним в этот раз было не соломенное чучело. И случилось то, что никогда не проигрывалось на тренировочных боях: противник выбросил руки в стороны, уперся ими в стены и поднял себя вверх. Острые алебарды прошло под ним, и чернокожий тут же ударил двумя ногами по древку. Стражник не удержал свое грозное оружие — оно оказалось на полу. Некий черный вихрь пронесся перед глазами неудачливого охранника — и его согнуло пополам от дикой боли в паху. Товарищ стражника, тот, что отказался от алебарды и выбрал меч, в этот момент раскроил стальным клинком доски пола в том месте, где только что видел дикаря.

Стражник, получивший удар в пах, с незапамятных времен носил на груди амулет, подарок матери,

должный оберегать от насильственной смерти: тигринный клык на серебряной цепочке с вырезанной на нем личной монограммой.

Этот клык ухватила цепкая черная рука и всадила охраннику под кадык. И не успел костяной талисман прорезать столь уязвимую плоть, не успел убиваемый стражник почувствовать в себе инородное тело и боль, как дикарь вновь по-звериному, на четырех конечностях, с непостижимой быстротой отбежал в другой угол, к противоположной стене.

Деливио видел все. Он понял: надо срочно прийти на помощь. Последний дееспособный из оставшихся в комнате его людей сейчас надвигался, размахивая мечом, на забившегося в угол полоумного чужеземца, но начальник стражи боялся, что и того постигнет неудача. Он поднялся с колен и сделал то, что должен был сделать раньше. Сделал то, что всегда приносило ему победу, потому что никто этого не ожидал. Он вытащил из ножен на поясе кинжал и метнул. Правой рукой. Хотя сам был левша. И почти одновременно взмахнул другой рукой, левой, из ладони которой вырвалось нечто маленькое и блестящее. Всегда взгляд того, для кого проводился сей маневр, невольно отслеживал полет первого, более знакомого и крупного предмета; именно от него человек и уворачивался. А главная опасность исходила от предмета второго, брошенного сильнее и прицельнее, от небольшого, легко уместящегося в ладони, стального круга с острейшими зубцами по краям.

Стражник увидел, как мимо него пролетел кинжал, а следом промелькнуло и прожужжало *нечто*.

* * *

Главный воин не упускал из виду и того паука, что затаился в стороне. Не зря не выпускал. Подлый паук исподтишка кинул в Главного воина острое жало. Плохо кинул, — думал, воин не видит. А воин видит

и уберется. Просто присядет, а жало вопьется в стену пещеры. Пьонга! Что это?! Какая боль!...

Острые зубья бешено вращающегося круга разорвали черный кожный покров и вошли в тело, перерезая кровеносные сосуды и мышцы груди. Завязнув в ими же устроенной кроваво-мясной каше, зубцы не добрались до сердца совсем чуть-чуть, не хватило полоборота круга.

* * *

Ну вот, дикий убит. И что теперь? Один человек умирает, другой, похоже, мертв. Засада провалена. По крайней мере, постояльцев трактира они переположили. Что ж, надо спускаться вниз, одного послать за лекарем. А пока, первым делом, надо вернуть кинжал и метательный круг. Деливио направился к убитому дику.

* * *

Темнеет. Главный воин возвращается в живот Нанги. Пьонгу — мужа Нанги вернут воины, идущие по его следу. Главный воин убил много пауков. Великий Пьонга! Три слова! У него есть три слова Вудайю! Он убьет еще одного паука. Надо суметь прошептать, надо успеть прошептать...

У дику началась агония: корчи, последние безумные выкрики, кровавая слюна изо рта. Стражник отвернулся. Он не выносил подобные зрелища. А есть любители, знавал он таких. Под Эруком у них в роте был парень, который после сражения ходил на поле брани смотреть на умирающих и возвращался оттуда счастливым, как после свидания с подружкой.

— Сзади!!! — вдруг прогремел крик.

Стражник был хорошо вышколен. Поэтому незамедлительно отреагировал на голос командира и так, как требовалось. А еще ему повезло. Повезло в том, что не поспешил отправить, казалось бы, ненужный уже меч в ножны, держал его по-прежнему в руке.

Благодаря чему успел поднять клинок на уровень груди и остался в живых. А чернокожий дикий с зажатым в ладони метательным кругом Деливио и с распоротым животом соскользнул на пол, окрасив меч стражника до рукояти в красное. Отряд из Черных Королевств лишился Главного воина.

Он погрузился в какой-то туман цвета крови и сколько в нем пробыл, сказать бы не мог. Почему его так поразило произошедшее в этой комнате побоище? Видимо, сказались последние пять лет, прошедшие с тех пор, как он участвовал в единственном в своей жизни сражении, пять лет одних лишь учебных схваток. Он отвык встречаться лицом к лицу со смертельной опасностью, отвык от вида крови. Сквозь звон, неизвестно почему наполнивший его уши, стражник услышал ставший спокойным голос своего начальника:

— Останешься здесь. Я посмотрел ребят. Ферерос мертв, Тогр жив, но очень плох. Постарайся сделать для него все, что в твоих силах. Я вниз, отправлю Константиноса за лекарем.

Деливио вышел в коридор. Из приоткрытых дверей выглядывали разбуженные и осторожно любопытствующие постояльцы. «Эти еще будут тут мешаться», — вскипела злость и он рывком:

— Стража! Всем закрыть двери! Брысь отсюда!

Двери тут же закрылись. Деливио слышал, что внизу происходит нечто странное. А разве можно теперь ожидать чего-то другого? Но он все-таки обомлел, выйдя на лестницу и глянув сверху на обеденный зал заведения Руфуса. И выхватил кинжал, потому что на него, вверх по ступенькам мчался еще один чернокожий дикий. В отличие от первого этот был вооружен копьем. А еще раздался чей-то истошный крик:

— Убью гада!..

* * *

Двое чернокожих диких теснили его все выше и выше по ступенькам. Скоро загонят в коридор второ-

го этажа, и оттуда живым вору не уйти. И Кривое Рыло махнул через перила лестницы — вниз. Подгнившее дерево трактирной стойки не выдержало рухнувшей с высоты тяжести.

Кривое Рыло очутился на полу, засыпаемый сверху трухой. Он больно ушиб колено и, как дурень, напоролся при падении боком на собственный кинжал. На счастье, лезвие прошло по касательной и взрез оказался неглубоким.

Рыло углядел рядом с собой чью-то возню. Вскочил на ноги. Среди обломков и осколков по полу катались Выдра и чернокожий. Выдре приходилось хуже — если никто не поможет, гляди, вот-вот и задушат. Но помогли. Его дружок Кривое Рыло подобрался к борющимся, одной рукой обхватил шею чернокожего дикаря, задрал ему подбородок, другой — полоснул по этой шее кинжальным лезвием.

— За мной должок, — прохрипел Выдра, поднимаясь.

— Можешь отдать прямо сейчас, — Рыло вытер клинок об одежду зарезанного иноземца. — Все. Вытаскиваем Мослака и смываемся. Руфус удрал, скоро нагрянет стража.

— Да лучше уж стража чем эти... — прохрипел Выдра. — Откуда они взялись, а, Рыло?

Тот лишь отмахнулся: не до того сейчас.

Они выбрались из-за стойки, но вытащить Мослака не смогли. Те двое, от которых ловко ушел Кривое Рыло, сбежали вниз и вместе с тем, от кого до той поры успешно уворачивался Мослак, бегая вокруг стола, загнали-таки вора в угол и закололи своими копьями.

Однако Кривое Рыло и Выдра еще успевали добежать до входной двери. Не сговариваясь, они рванули к ней. Кривое Рыло неся первым. Дверь перед его носом открылась сама.

Глава восемнадцатая

Шум они услышали, когда находились за два дома до «Червивой группы». Сомнений быть не могло: в трактире шла драка. Если бы стычки и потасовки для заведения Руфуса не являлись повседневностью, хотя случались они, как правило, не в такую рань, то Конан и Вайгал обязательно насторожились бы. А так — северянин лишь с ухмылкой произнес:

— Раненько сегодня начали. Видать, нам за столом не посидеть, придется тащить вино в комнату.

Вайгал пожал плечами — мол, ему все равно.

Они достигли входа в «Червивую группу». Вайгал протянул руку, открыл дверь — и увидел «тень» по кличке Кривое Рыло.

Дверь открылась, и Кривое Рыло увидел Вайгала по кличке Рыжий.

Оба на мгновение опешили от неожиданности, потом:

— Убью гада! — взревел Рыло и замахнулся кинжалом.

Вайгал ногой захлопнул дверь и сделал шаг назад. Его левая рука откинула полу, а правая скользнула под распахиваемый плащ.

От удара дверь чуть не сорвало с петель. Через порог перешагнул Кривое Рыло. Ему оставалось сделать еще один шаг и всадить кинжал Рыжему под ребра...

...когда «тень» увидел перед собой, ужасающе близко, нацеленный ему в переносицу арбалет и выталкиваемую тетивой стрелу. И ничего нельзя уже было поделать.

Стрела распоролла шрам там, где он пересекал нос, и вошла в мозг. Кривое Рыло умер мгновенно. Банда «теней» лишилась вожака.

Вайгал и следом за ним Конан ворвались в трактир.

* * *

Выдра мчался к запасному выходу. Есть такой, вспомнил он вдруг, и находится за кухней.

Вайгал бросился вдогон за Выдрой, на ходу доставая второй заряженный арбалет.

Носащий кличку Рыжий кое о чем успел догадаться. Внезапное нападение именно на него, именно Кривого Рыла и его людей могло означать только одно: Рыжего решили убрать. И даже ясно, кто решил.

Выдра достиг прикухонного выхода из трактира, ухватился за ручку двери, дернул. Дверь раскрылась.

Вайгал остановился и поднял арбалет.

Выдра нырнул в полутемный проход и рванул дверь, закрывая ее за собой. Дверь захлопнулась, но в щель успела вжикнуть арбалетная стрела.

Вайгал отвернулся, положил арбалеты на находящийся рядом стол, принялся стремительно перезаряжать. Он не гадал, не сомневался, не желал удостовериться, он знал наверняка. Знал, что попал.

* * *

Стражник Константинос постоял, посидел, съел все орехи, пожалел, что набил ими один карман, а не шесть. Потом позанимался наклонами вперед с попытками достать пальцами до пола (его беспокоил растущий животик), потом внимательно рассмотрел все пятна на занавеске, выясняя их происхождение,

потом попробовал вздремнуть в стоячем положении. Потом, когда не получилось, занял себя размышлениями над тем, не перейти ли ему в отряд Стражей Дороги, куда давно зовет приятель, дослужившийся там за какие-то полгода до десятника. Платят рядовым в отряде немного меньше, но легче взобраться по служебной лестнице, да и жизнь у них повеселее. Вспомнилась совместная служба с тем самым приятелем по охране порядка на Невольничьем рынке Мострадиноса. Золотые денечки! Попойки до утра с самым дорогим вином и с самыми молоденькими и сочными рабынями, которых сами для себя и отбирали; всегда полный кошель; все пополняющаяся кубышка; заискивающие взгляды купцов, трусливые — рабов. Эх, кабы не в их смену случился тот треклятый побег кушских рабов... И их с приятелем, как назло, наутро нашли пьяными в хлам. Но, что ни говори, та история научила его уму-разуму. Со всякими развлечениями нужно терпеть до наступления личного времени.

В трактир кто-то зашел — донеслись стуки, неразборчивые голоса. Константинос отстегнул ремешок, которым рукоять его меча крепилась к ножнам, взял в руки приставленную до той поры к стене алебарду. На всякий случай приготовился, хотя вряд ли ему сегодня удастся принять участие в дельце. Если те двое вообще придут, то все начнется и закончится наверху. Кто-кто, а их начальник не допустит...

Раздумья прервал приход, точнее, приезд Руфуса.

— Кто? — шепотом поинтересовался Константинос.

— Посетители, — ответил на бегу трактирщик и скрылся в нужнике.

— Еще ночь? — спросил стражник, когда Руфус возвращался.

— Светает. — И хозяин «Червивой груши» затопился к своим посетителям.

«Верно, торопится, — подумал Константинос, — а то упрут чего-нибудь и сбегут. Посетители у него еще те».

Минуло еще некоторое время в тоскливом ожидании, и в трактире началось нечто невообразимое.

Вскоре Константинос понял, что недалеко от него идет жестокая драка. Бьются насмерть и убивают. Он заволновался. Если там сражаются его ребята, если им приходится туго, то он должен помочь. А если это схватились друг с другом посетители, то, ворвавшись в обеденный зал, он обнаружит засаду и после ему придется держать ответ перед Деливио, как да почему он нарушил приказ.

Оттуда, где прятался Константинос, невозможно было расслышать, кому принадлежат доносящиеся голоса. И тогда стражник решил: покинул свое укрытие, подобрался почти вплотную к двери, отделяющей запасной выход от обеденного зала трактира. Он встал так, чтобы открывшаяся дверь заслонила его от вошедшего. С этой, новой своей позиции стражник теперь хотя бы мог узнать, если таковой прозвучит, знакомый голос. Голос кого-нибудь из его товарищей. Тогда, отбросив сомнения, он выскочит в зал. А там — будь что будет.

Крики, вопли, стоны, отдельные фразы. Нет, голоса все сплошь незнакомые. Константинос немного успокоился и надумал было вернуться на прежнюю позицию, как вдруг явственно услышал приближающийся к его двери топот ног бегущего человека.

Дверь распахнулась, вбежавший сразу же захлопнул ее вновь и... И Константинос увидел сползающего на пол, пытающегося остановить это сползание, цепляясь руками за стену, человека с пробившей шею насквозь стрелой. Человек по приметам не подходил к тем, кого они здесь дожидаются. Кто же?.. Тут стражник Деливио совершенно отчетливо расслышал голос своего командира. Деливио выкрикнул его имя!

Константинос распахнул дверь, влетел в обеденный зал, на миг остановился, оценивая обстановку, и в этот миг ему все стало ясно. Вот почему его позвали! Вот он, кого они ждали, в пяти шагах отсюда, стоит спиной к нему, наклонившись над столом, колдует над арбалетами. Рыжая голова, арбалеты — он! Как его — Вазгил, Варгал... Тьфу, какая разница. Сейчас он получит свое, как бы ни звался.

Константинос перевернул алебарду древком вперед — ведь этот проходимец нужен, к сожалению, живым, поэтому он только оглушит его по рыжей башке, но огреет от души, будьте покойны. Лишь бы не перестараться.

И с этим стражник, стараясь двигаться медленно и бесшумно, пошел на сближение с тем, кого звали Вайгал.

* * *

Вайгал, не оборачиваясь, выстрелил из-за плеча и только после обернулся. Тот, кто подкрадывался к нему из-за спины, лежал на полу с застывшим на лице удивлением и арбалетной стрелой, пробившей кожаный нагрудник.

* * *

Когда Вайгал помчался за каким-то оборванцем, и без того улепетывающим во все лопатки, Конан готовился встретить двух набегающих чернокожих воинов, вооруженных смешными, тонкими и гибкими копьями. «Отравлены, не иначе, а то какой тогда с них толк», — пришло в голову киммерийцу, несмотря на свою молодость повидавшему уймищу разных вояк, чем только не вооруженных, для которых отравленные наконечники — придумка далеко не самая необычная, скорее даже рядовая. Еще северянину подумалось о том, что при таком вооружении и числе нападающих им выгоднее всего метнуть копья одновременно. Поди увернись от них! А достаточно,

наверное, заработать всего лишь царапину — и привет вам, Серые Равнины... Эти мысли пронеслись в голове Конана стремительнее мгновения ока. Они прозвучали как последний приказ самому себе полностью сосредоточиться. Во всем остальном он готов к встрече: меч давно в руках, местечко выпало удобное, есть простор для ухода влево-вправо-назад. Остается только победить. Впрочем, случались заварушки и похлебе, и побезнадежней.

Слаженность действий и взаимопонимание указывали на то, что прием это разучивался, отрабатывался где-то в джунглях, или в песках, или в иных местах, родных для чернокожих воинов. За три шага до поджидающего их черноволосого гиганта с мечом наизготовку дикари безукоризненно одновременно отвели назад руки с копьями и согласованно бросили в полет свои заостренные и ядовитые палки. Один наметил попасть в грудь, другой — в бедро. Близкое расстояние и простота задачи (всего-то — чиркнуть по коже) лишали живую мишень для дикарских копий возможности избежать смерти в поединке...

* * *

Деливио выхватил кинжал, увидев избегающего по ступенькам дикаря, а другая его рука скользнула к поясу, на котором висел кожаный мешочек; но в нем не деньги ждали своего часа быть истраченными, а хранился метательный круг, сегодня уже показавший себя в деле. Пальцы отогнули клапан, нащупали знакомую тонкую сталь, обрамленную частоколом зубцов, острых настолько, что самая загрубая кожа протыкалась от одного прикосновения к ним (ох как изрезался в свое время Деливио, прежде чем овладел этим опасным и для его хозяина оружием!). Иссеченные мелкими шрамами пальцы быстрым, отработанным движением извлекли диск из мешочка, большой и указательный легли в удобные углубления по центру круга с одной и другой стороны.

Дикарь пролетел за это время десяток ступеней, всего пять разделяло их теперь. Провести отвлекающий бросок кинжала Деливио не успевал: он просто метнул круг.

Создалось впечатление, будто невидимые сильные руки толкнули чернокожего воина в плечо — он отлетел в сторону, ударился о стену, вдоль которой тянулась лестница, и, не удержав равновесия, скатился на три ступеньки вниз. Но нет — не таинственные силы и не метательный круг Деливио швырнули дикаря к стене, а отменная реакция и хорошее владение телом. Благодаря им чернокожий воин вовремя увидел летящий к нему предмет и успел убраться с его пути.

Начальник стражи сенатора Моравиуса увидел, что промахнулся. Бой затягивается. Пока дикарь поднимался и подбирал оброненное копьё, Деливио бросил взгляд вниз и — в сердцах выругался. Вонючего Вайгала и его грязного дружка принесло в трактир, как назло, именно сейчас.

Пройдет миг-другой, и чернокожий возобновит атаку, сколько продлится их схватка, неизвестно, чем закончится — тем более, оба негодяя могут улизнуть в любое мгновение. Скверно. Услышит ли Константинос? Попробовать надо. Нет — так нет.

Деливио выкрикнул имя стражника, которого поставил стеречь запасной выход из трактира, так громко, как только мог. Выкрикнул один раз, на другой не хватило времени.

* * *

Конан повернулся боком к нападающим в тот момент, когда те замахивались для броска. А когда копья были брошены, киммериец, оттолкнувшись двумя ногами, отпрыгнул назад.

Он остался в живых, а дикари лишились единственного своего оружия. Дальнейшее не представляло вовсе никакого труда. Правда, припомнив, как

однажды судьба свела его тоже с дикарем из так и не выясненного племени, у которого и ногти были смочены ядом (что, впрочем, дикарю не помогло), северянин действовал, сообразуясь с этим воспоминанием. Еще он сообразовывался со своим нежеланием убивать этих людей, не выяснив, зачем им потребовалось убивать его. Поэтому Конан одного оглушил, огрев мечом плашмя по плечу, отчего тот осел на пол. Другого, собравшегося было бежать в направлении лестницы, догнал и влепил такой размашистый удар кулаком в затылок, что неизвестно, как у того голову не снесло с плеч. Нечего говорить, что дикарь свалился, как подрубленный. Конан обернулся к первому и увидел, что тот ползет по полу к одному из упавших копий. Усмехнувшись, киммериец неторопливо двинулся помешать несдающемуся противнику воссоединиться с оружием. Просвистевшая арбалетная стрела пробила ползущему дикарю шею и воткнулась в пол.

— Ну и зачем? — повернулся Конан к натягивающему уже новую стрелу Вайгалу.

— Тебе помогаю, — объяснил Вайгал.

Глава девятнадцатая

Деливио отступал по коридору. Его преследователь пытался достать его копьем, размахивая им, как пастух хлыстом. Такое обращение с этим оружием, догадался начальник сенаторской стражи, допустимо, только если наконечник пропитан ядом. Что ставило Деливио, вооруженного теперь одним лишь кинжалом, в крайне тяжелое положение. Пока ему удастся уворачиваться, пока...

Один шанс у него остается, им и надо воспользоваться: заманить дикаря в комнату Конана, где ему поможет его человек. Шаг назад, наконечник копья мелькнул перед самыми глазами, еще шаг. Вот она, дверь! Рывок ручки на себя, нырок внутрь комнаты.

Деливио не успел захлопнуть дверь перед чернокожим, тот проскочил в комнату следом. Стражник стоял совсем близко от входа.

— Алебарду! — прокричал Деливио, подлетая к нему. Тот, оторопело хлопая глазами, протянул командиру свое оружие.

— Меч доставай! — скомандовал начальник стражи сенатора Моравиуса, разворачиваясь и отражая полученным оружием хлесткий удар, наносимый гибким тонким копьем.

Как так получилось, Деливио сказать не мог. Бродя бы он очень быстро управился с дикарем, всадив алебарду по самый насаженный на древко топор в

живот врага, вроде бы чернокожий не оказывался слишком близко к стражнику, и стражник не успел еще сблизиться с ним, как все было кончено. Но — как-то, видно, достал этот ублюдок своей отравленной палкой рядового Соварта. И второй его человек отправился на Серые Равнины по вине каких-то чернокожих уродов.

Спустя некоторое время Деливио узнает, что и раненый, для которого собирались привести лекаря, умер. А еще немного попозже узнает, что не стало и последнего из приведенных им в трактир людей, стражника Константиноса.

Впрочем, это произойдет некоторое время спустя. А сейчас же начальника сенаторской стражи одолевали другие тревоги. Он пока не ломал голову над тем, откуда и зачем так не вовремя явились чернокожие джари в дурацких одеяниях. Другое заботило Деливио: там, внизу находятся (если еще не убежали) те, на кого он устроил засаду. И даже оставшись один, старый вояка не мог позволить им уйти. Поэтому Деливио, бесцеремонно перевернув почерневший труп соратника на спину, вынул меч у него из ножен и поспешил к лестнице, ведущей в обеденную залу. Никто из перепуганных криками и шумом постояльцев носа не высунул: себе дороже — под клинки лезть.

* * *

— А ведь я его убил, — не очень сильно огорчился Конан, определив, что тот чужеземец, кому он врезал кулаком, вовсе не без сознания лежит, а мертв. — Да уж, не рассчитал.

— Ба, ребята-то знакомые! — Носком сапога брезгливо переворачивая труп чернокожего на спину, с некоторым удивлением заметил Вайгал. — Мы ж их мешочки с камушками давеча облегчить хотели...

— Вот и облегчили. Сами чуть костями не легли. Здорово ты, видеть, их обидел.

— Да они меня даже не заметили! Я их пальцем не тронул!

— Это ты им объясни... Ладно, с черненькими понятно. А эти вторые — что за звери? Кредиторы твои, что ль?

Вайгал скривился и тем же носком сапога пнул труп Кривого Рыла.

— Так и есть. Кредиторы, с-сучье племя. — Откинув полу своего неизменного плаща, он привычным жестом повесил заряженный арбалет на пояс — в компанию второго самострела. Конан успел заметить и небольшой, туго набитый кожан с короткими толстыми арбалетными стрелами, прижатый к левому бедру вора. — Предупреждали ведь меня — «тени» зуб на Рыжего заточили за то, что я с тобой, дураком, связался. Однако я ж не думал, что они сразу убивать полезут — без разговоров, уговоров, угроз и предупреждений... Ладно, Бел им судья. Ну, дружище Конан, что делать-то будем?

Конан мрачно сплюнул на пол.

— Ноги делать надо из этого городишки вонючего, вот что. Всех денег не украдешь. Скоро не только воры и стражники за нами бегать будут, но и простые горожане. Мне почему-то так кажется... Кром, никогда еще мне так не везло в сем милом воровском ремесле!

— Да уж, — вздохнул поделщик. — И, главное, как не вовремя... Ладно, друг мой Конан, ты прав. Бежим отсюда. И чем раньше, тем лучше. Эх, не все дела я тут переделал, ну да ладно. Слишком уж жарко тут становится. Пора и в Мострадинос...

— Да хоть куда. Только вот коня мне купить надо — своего-то я продал. Купим, и тут же сваливаем.

— Никому не двигаться, — вдруг раздался с лестницы чуть хрипловатый голос. По ступеням, держа недлинный широкий меч в наступательной позиции, медленно спускался невысокий пожилой человек в

форме городской стражи. — Вы оба арестованы за воровство, разбой и убийства.

— Эт-то еще кто такой? — недоуменно спросил киммериец. — Откуда взялся?

Вайгал разглядывал новое действующее лицо на этой сцене и хмурился, точно пытаясь что-то припомнить. Его левая рука взялась за полу плаща, готовая в любую секунду откинуть ее и открыть правой доступ к арбалетам. Но пока «тень» по кличке Рыжий не двигался.

— Я — Деливио, начальник стражи, — ответил Деливио, в очередной раз благоразумно опустив «сенатора Моравиуса». — И арестовываю вас именем коринфского Короля.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого арестовывает, — ответил варвар и потянул меч из заплочных ножен. — Именем нергальей задницы!

— погоди, Конан... — начал было рыжеволосый, но киммериец не дал ему продолжить:

— Да чего тут годить-то?! Мы, честные граждане Конверума, зашли в этот тихий трактирчик позавтракать, а тут какие-то мордовороты принялись убивать друг друга за милую душу... А когда поубивали, какой-то старый пенъ собирается нас арестовывать! За что? Или честные граждане Конверума теперь на улицу выйти не могут?! Пусть бумагу покажет, что он начальник стражи!

— За старого пня ты ответишь, сосунок беззубой свиньи, — скрипнул зубами «начальник стражи». — Я сейчас тебе штаны-то сниму и мечом плашмя задницу-то надеру...

— Ну вот, старый пенъ еще и ругается! — почти радостно заявил киммериец. В недавней драке он, к сожалению, поучаствовал мало, а невестребованная энергия молодого организма требовала выхода. Поэтому Конан сейчас скрестил бы клинок даже с самим Повелителем Мира демонов. — Ну, давай, давай, помойный ты обитатель, покажи, на что твой прутик ржавый способен...

Деливио уже достиг подножия лестницы и теперь медленно обходил воров слева.

— Конан, не убивай его, — попытался еще раз утихомирить приятеля Вайгал. — У нас времени мало. Неровен час, стражники нагрянут.

— Да кто его убивать собирается-то? — Не оборачиваясь, варвар поудобнее перехватил рукоять меча и двинулся в сторону начальника сенаторской стражи. — Плюнь, он и развалится, нужник старый. Я просто покажу ему, кто он есть, а потом мы быстренько отсюда смоемся...

Вайгал вздохнул и махнул рукой.

Деливио промолчал, хотя ему очень хотелось ответить дерзкому сопляку не менее крепким словом. Он всего лишь поднял меч повыше, показывая сопернику, что готов ответить на вызов.

* * *

Куда и зачем он бежит, трактирщик Руфус не знал. И даже не думал об этом. От «Червивой группы» он отдалился уже на шесть кварталов; сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди через рот и отвратительным комком бухнется на мостовую; ног он не чувствовал; живот больно колыхался при каждом шаге.

Не помня себя от страха, расталкивая редких утренних прохожих, Руфус бежал прочь от «Груши», а в самой «Груше» бились Деливио и Конан.

Попутно он опрокинул лоток с орехами и, осыпаясь вслед многоэтажной бранью торговца, был остановлен.

Остановили его трое стражников, возвращающихся после ночного обхода в казармы.

— Куда это ты столь стремительно мчишься, добрый горожанин? — с наигранной вежливостью осведомился главный.

Другой — тот, что ухватил пробежавшего мимо них трактирщика за шиворот — легонько встряхнул бо-

родача. Третий же, будто ненароком, держал алебарду, острием направленную аккуратно в живот Руфуса.

Несильная встряска помогла: Руфус перестал беспомощно разевать рот, загоня порции воздуха в измученные легкие, перестал тупо таращиться на охранников. Взгляд его сделался более осмысленным, он схватил главного за кожаный доспех и просипел:

— Убивают...

— Кого? Где? — Брови главного стражника сдвинулись к переносице.

— Там... — вяло махнул рукой трактирщик. — «Червивая Груша»... Какие-то черные... И Кривое Рыло... А Конана нет... Я же не врал... Я всегда готов Сенату служить... и городской страже... и...

— Ну вот, накаркал ты, — вздохнул третий стражник, обращаясь к сотоварищу — тому, что все еще держал Руфуса за шиворот. — Говорил — «Смена кончилась, смена кончилась».

— Ну-ка показывай, где это убивают, — властно велел трактирщику главный в крошечном отряде.

Глава двадцатая

Обнаженные мечи острыми указывали друг на друга.

— Зря ты, мальчик, не хочешь сдаться похорошему, — с укоризной молвил Деливио.

«Мальчик» киммерийца взбесил.

— Старый вислорогий козел! Нергалья отрыжка! Да я тебя сейчас нашинкую, как капусту! — рывкнул он и, перенеся тяжесть на левую ногу, провел стремительный выпад в грудь начальнику сенаторской стражи.

«Неплохо сказано», — порадовался за врага Деливио, который всегда любил крепкое солдатское словцо. Радуюсь, он отразил колющий удар, известный к Коринфии как «плевок Сета», о чем Конан, разумеется, и не подозревал, и отскочил в сторону.

— Кто тебя обучал? Не иначе, беззубые старухи в приюте для детей базарных шлюх! Откуда ж еще берутся выродки с капей вместо мозгов, граблями вместо рук и орехом вместо...

Произнося слово «вместо», Деливио швырнул себя вперед и пустил меч в стелющийся над полом полет. Подрубить варвара по голени не удалось — тот подпрыгнул, пропустил сталь под собой, да еще и обрушил свой клинок на незащищенный локоть противника. Но старый воин тоже был не промах: вовремя выдернул локоть, и грозное оружие киммерийца вместо него вонзилось в доски пола. Могучим рывком

варвар тут же выдернул клинок, а Деливио с ловкостью акробата отскочил на безопасное расстояние. Они кружили по разгромленному усилиями местных «теней» и пришлых неизвестно откуда и неизвестно зачем чернокожих обеденному залу «Червиной группы».

— Смотри, чтоб от таких прыжков у тебя ничего не отвалилось, старое ты полено, кусочек верблюжьего дерьма, присыпанный ипачьим дерьмом, политым лошадиной мочой.

Начальник стражи Моравиуса довольно чмокнул губами, словно слушал дивные песнопения волшебных птиц. Нет, что ни говори, а негодяй не дурак. Язык подвешен как надо...

Удовольствие от речей варвара было прервано атакой варвара. В бесхитростный, из-за головы двумя руками удар киммериец вложил столько мощи, что попробуй Деливио в качестве защиты выставить над собой меч, этот меч и вошел бы в голову старого служки.

Однако он и не пробовал. Он сделал шаг в сторону, одновременно отклоняясь и разворачиваясь корпусом. Безукоризненной заточки сталь разнесла в щепы могучий стол из прочнейшего тиса. Деливио мог бы попытаться и достать ответным выпадом на миг лишившийся защиты и соблазнительно близкий корпус врага, но почему-то не стал этого делать. Он предпочел проговорить:

— Сто задниц Нергала, давно я не встречал настолько безмозглых ублюдков! Таким и навоз разгребать нельзя доверять, и стадо трехногих коров на такого не оставишь, паралитикам пятки чесать и то не сможешь. Хвост ты ослиный, бревно с ушами, попа ты козлиная.

Конан осклабился. Сия милая беседа ему тоже приносила удовольствие. Бой, начавшийся как настоящий, незаметно перешел в почти что дружеский поединок.

— Однако болтлив ты, как баба с двумя языками. — И киммериец попробовал два ложных выпада. Ни на один противник не купился. — Труслив ты, как беременный заяц. Тысячу вонючих демонских хвостов тебе в рот! Петуши...

Не закончив фразу, киммериец произвел стремительный выпад. Серебристой молнией мелькнул конановский меч; Деливио понял, что не успеет отразить его. И, дабы уберечься от разящей стали, он отпрыгнул за стойку трактира.

Нет, понял он вдруг. Если это и воры, то воры крайне необычные. Конверумские «тени», эта грязь под ногами, это дерьмо, воняющее из сточных канав города, никогда бы не стали так драться. В лучшем случае они напали бы вдвоем или пустили стрелу исподтишка, а в худшем — постарались бы улизнуть, спрятаться, затаиться, как крысы, в своих норах.

Однако сейчас Деливио имел дело с настоящими солдатами. С настоящими воинами. Один внимательно, но безучастно наблюдает за ходом поединка, второй же и не пытается использовать никаких запрещенных в честном сражении приемчиков... Неужели Деливио ошибся? Неужели он подозревает в воровстве сенаторских документов ни в чем не повинных людей? Но тогда как объяснить всю эту бойню, все эти трупы?..

Начальник стражи Моравиуса был немолод. Недавняя драка с «теньями» и чернокожими бродягами вымотала его. Конан же, хоть и устал после ночных «скачек», но был по-прежнему ловок и быстр; юный организм быстро справлялся с усталостью. Поэтому нет ничего удивительного, что спустя некоторое время Деливио пропустил молниеносный круговой выпад киммерийца, и его оружие, описав широкую дугу, упало в дальнем углу трактира.

Рукоятью меча оттолкнув начальника сенаторской стражи к стене, Конан приставил клинок к его горлу.

— Стой, Конан! — закричал Вайгал. — Нет, ради Митры, не надо! Не убивай!

— Да нужен он мне, — с толикой брезгливости проговорил киммериец. — Пусть живет, пень старый. Пошли отсюда.

Начальник моравиусской стражи глядел на киммерийца исподлобья, в глазах его смешивались самые противоречивые чувства. Присутствовали тут и злость к победителям, и недоумение по поводу того, что его не прирежут на месте, и усталость, и беспомощность перед тем, что враг беспрепятственно покинет поле боя.

Конан вполголоса выругался и отшвырнул от себя Деливио. Старый вояка отлетел в угол, но не упал.

— Лучше бы вам, псы бродячие, убить меня прямо здесь и сейчас, — прохрипел он. — Потому что сегодня же я доложу городской страже, и к вечеру вы уже будете прохладиться в Пыльном подвале у Ларго...

— А ведь действительно, Вайгал, — начал было Конан. — Как мы из города выберемся? Давай привяжем его к кровати в какой-нибудь комнате наверху, пасть кляпом заткнем...

Вайгал отлепился от косяка и медленно двинулся к стражнику. Остановился около него, несколько мгновений внимательно разглядывал. Потом негромко произнес:

— Ты ведь Деливио из рода Маркусов, не так ли? Начальник охраны сенатора Моравиуса...

— Именно. — Деливио сплюнул рыжеволосому под ноги. — А ты — вор и убийца по имени Вайгал, который шестого дня вместе со своим поделщиком — этим самым, надо понимать, — кивок в сторону Конана, — забрался в дом моего хозяина и украл важный документ. Только вот у дружка твоего борода тогда росла, как у козла бродячего...

Киммериец хохотнул.

— ...Деливио, который отличился в бою под Вагараном, который был награжден Орденом Золотого Быка из рук самого Короля Коринфии, но который не

любит говорить об этом... — задумчиво продолжал Вайгал, пропуская слова служаки мимо ушей.

— Мы что, знакомы? — Деливио казался несколько озадаченным.

Вместо ответа Вайгал повернулся к Конану, на миг скривился от боли в руке.

— Вот что, друг мой варвар. Скоренько поднимайся к себе и собирай манатки. Надо уносить отсюда ноги, и чем раньше, тем лучше — пока стража не пожаловала... — Он хлопнул себя по бедру и в сердцах воскликнул: — Но как не вовремя, Бел, Сет, Нергал и парочку демонов им в печень, как не вовремя!

Киммериец отыскал среди трактирной утвари сравнительно чистый фартук, бережно вытер клинок и сунул меч в заплечные ножны. Подтянул ремни ножен. Потом хмуро оглядел поле боя, тела темнокожих чужеземцев.

— Что-то, Вайгал, я все равно ничего не понимаю. Ну, дружки твои тупоголовые — это ясно, деньжат захотели. А этим, черным, что надо было?

— Понятия не имею, — вполне искренне ответил Вайгал. Ему и вправду сейчас было не до того. — Торопись, Конан, торопись.

— Ясное дело, я тут чужой, мое дело сторона. — Невесело ухмыляясь, северянин направился к лестнице, ведущей на второй этаж, к комнатам постояльцев, но на полпути оглянулся: — Так а с этим воякой что делать будем?

— С этим воякой я сам разберусь.

Конан пожал плечами.

* * *

Огниво, мыло, фляга с легким вином (кстати, уже полупустая, надо бы не забыть наполнить), чистая рубашка, кошель с последними монетами, точильный камень, кой-какая прочая мелочь — весь свой нехитрый скарб киммериец покидал в торбу, перекинул через локоть взятый с полки плащ, напоследок оглядел ком-

натенку. Вайгал прав: надо побыстрее убираться из «Груши»... да и вообще из этого городишки: дальнейшее пребывание тут может плохо сказаться на здоровье.

Пропажи статуэтки он не заметил.

Конан запер дверь и бегом спустился вниз. Ни один из постояльцев носа за дверь не высунул — шум драки распугает кого угодно.

Вайгал сидел за столом, выжидая, глядя на Деливио, расположившегося напротив. Начальник сенаторской стражи с высшей степени серьезным видом рассматривал невесть откуда взявшийся дорогой золотой перстень с замысловатой печаткой. Ни один, ни второй на киммерийца внимания не обратили, и варвар нетерпеливо кашлянул.

— Ну так что? Идем мы или нет?

Деливио перевел взгляд на Конана, и Конан неожиданно увидел, что страха перед смертью не было по-прежнему, но злость и усталость исчезли из глаз вояки, уступив место растерянности, удивлению, озабоченности. Вопросы киммерийца он, кажется, даже не услышал... Что-то такое произошло между Вайгалом и начальником стражи, о чем-то они успели договориться, пока северянин собирал свои вещи, и это «что-то» очень Конану не понравилось — он пропустил какой-то важный момент, а неясностей не любил. И еще: северянин заметил, что меч Деливио лежит на его коленях. Рука варвара незаметно легла на рукоять своего клинка.

— Приятель твой знает? — спросил Деливио у Вайгала.

Тот покачал головой. Начальник сенаторской стражи вздохнул, вернул перстень рыжеволосому вору и устало потер лицо.

— Да, дела-а... И все равно, Вайгал, не верю я тебе.

— Согласен, поверить трудно. Однако это так. Перстень-то ты узнаешь? Узнаешь символ?

— Узнавать-то узнаю, но... ох и дела-а...

— Эй, что происходит? — сердито напомнил о своем существовании киммериец. — Что именно «его приятель» знать должен?

Вайгал задумчиво поглядел в потолок. Наконец решился и резко встал из-за стола.

— Идем отсюда. Все вместе. Не хватает мне сейчас только к Ларго вашему загреметь — по обвинению в воровстве и убийствах. Я все расскажу, когда доберемся.

— Стоит ли рассказывать этому? — поморщился Деливио, кивнув на Конана. — Он же вор...

— Стоит, — отрезал Вайгал. — Без него я бы не знал то, что знаю.

К выходу рыжеволосый вор подошел первым. Следом понуро двинулся начальник сенаторской стражи. Конан, мрачно и недоверчиво косясь на Деливио, совершенно ничего не понимая в происходящем, замыкал шествие. Вайгал открыл дверь. Однако шаг за порог не сделал.

Вместо этого он медленно отступил вбок и медленно же развел руки в стороны, показывая кому-то, кто стоит снаружи, что они пусты.

Конан в бессильной злобе сжал зубы: в «Червивую грушу», сторожко, но быстро и грамотно рассредоточившись по зале, чтобы видеть всю обстановку и не мешать друг другу в случае чего, вошли трое стражников с алебардами наизготовку. За их спинами маячил насмерть перепуганный трактирщик Руфус.

— О Митра всесильный, Иштар милостивая, святые боги и черные демоны... — вцепился в собственную бороду несчастный хозяин заведения, узрев, во что превратилась его любимая «Груша», и мертвецов, в разнообразных позах буквально устилавших пол. Сознание, не выдержав сего зрелища и груза утренних треволнений, покинуло его, и он грузно повалился в компанию к трупам.

Стражники не обратили на это никакого внимания, сосредоточившись исключительно на троице единственных живых посетителей «Червивой груши».

— Да уж, — шепотом протянул тот, что вошел последним. — Не врал трактирщик. Кровищи-то, кровищи...

— Городская стража, — ровным голосом произнес другой, по-видимому главный, цепким взглядом окинув поле боя. — Оружие на пол. Вы арестованы, согласно законам Коринфии, нормам Конверума и приказам нашего Короля.

Конан быстро прикинул: выхватить меч, с лету полоснуть ближайшего стражника по груди, потом — уход влево, от возможной атаки второго, разворот на месте, удар с разворота под горло... Вообще-то, успеть можно, если Вайгал подсобит... от Деливио помощи вряд ли дождешься.

— И даже не думай об этом, — повысил голос главный стражник, увидев, как прищурились и вспыхнули глаза черноволосого великана, как напряглось готовое к рывку тело. — Снаружи еще семеро моих людей ждут. Пикни только, и тебе конец. Оружие на пол, я сказал!

«Врет? Или действительно солдаты снаружи? Кром, ну почему в этом городишке я то и дело влипаю в дурацкие истории?..»

Сбоку что-то глухо брякнулось об пол: то Деливио выпустил меч из рук.

«Трусливый пес! Впрочем, чего еще ждать от него... Ну, Вайгал, не подведи...»

Вайгал осторожно распахнул полы плаща. Кто-то из стражников присвистнул, увидев заряженные арбалеты на поясе рыжеволосого.

— Очень медленно сними свои игрушки и передай их мне, — распорядился главный. — Только очень тебя прошу, не делай ненужных движений.

Конан изготовился. Вот сейчас щелкнет тетива, и тогда прыжок в сторону, меч уже будет в руке...

Но, к величайшему удивлению киммерийца, поделник безропотно выполнил приказ. Стражник передал самострелы напарнику. Тот, удобно прислонив алебарду к собственному плечу, тут же направил

их в цели — один на Вайгала, другой на Коңана. Было, что с этим оружием он обращаться умеет.

Киммериец почувствовал ярость. Вероятность успеха стычки уменьшилась неимоверно. Но что же задумал Рыжий?..

Тем временем главный стражник повернулся к северянину:

— Теперь ты.

Конан все медлил.

— Делай, как они говорят, — раздался негромкий голос Вайгала. — Доверься мне, друг варвар. Я все объясню позже. Мы ведь ни в чем не виноваты.

Конан мысленно сплюнул.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Знаю.

Киммериец отстегнул пряжку на груди, удерживающую заплечные ножны. Аккуратно положил меч на стол. И с вызовом поинтересовался:

— И дальше что?

— Дальше мы все вместе отправимся на ближайший караульный пост, и вы расскажете обо всем, что здесь произошло. Первым идет старик, потом ты, потом рыжий. Вперед.

— А я ведь тебя знаю, — вдруг подал голос Деливио. — Ты Ставро, второй помощник заместителя командира караульного отряда Мучного переулка.

Названный Ставро озадаченно глянул на старого воина.

— Твое лицо мне тоже почему-то знакомо, — наконец проговорил он. — Но вот только не припомню, где...

— Я — Деливио, — гордо перебил солдата Деливио. — Начальник стражи сенатора Моравиуса. Прошлым месяцем, вместе с Ларго, твоим командиром и моим другом, мы проводили инспекцию в твоём отряде. Вспоминаешь?

— Вот те на, и вправду! Задери демоны мою душу... — Главный стражник сдвинул шлем на заты-

лок и в замешательстве почесал лоб.— Но, господин Деливио, как... почему... что здесь...

Деливио бросил мимолетный взгляд на Вайгала. Рыжеволосый вор едва заметно кивнул и вкрадчиво произнес:

— Господин Ставро, мне очень жаль, однако произошла ошибка. Меня зовут Вайгал, а это — мой помощник, Конан. Мы — подчиненные высокородного господина Деливио и здесь выполняли задание, разглашать суть которого без приказа самого господина Моравиуса не имеем права. Могу сказать только, что к драке в этой... в этом заведении мы никакого отношения не имеем.

Ставро вопросительно посмотрел на Деливио. Деливио мрачно посмотрел на Вайгала. Вайгал прищурился, твердо глядя в глаза старого служаки. Потом Деливио неохотно кивнул.

— Да. Все так и есть, капитан Ставро.

— А... А...— Стражник все еще чесал лоб.— А эти... убитые... эти-то кто такие?

— Вот уж не знаем, господин Ставро,— пожал плечами Вайгал.— Эти, черные которые, о чем-то повздорили с другими, и давай друг дружку бить-полосовать! Не поделили, видать, чего-то...

— Как видишь, Ставро,— продолжал Деливио,— помимо прочих, здесь находятся трупы в одежде стражников. На груди у каждого — знак сенатора Моравиуса. Это мои люди... *Были* мои люди. Их убили.

— Задери демоны мою душу,— вздохнул стражник и вернул наконец шлем на исходное место. Еще раз оглядел разгром в обеденной зале.— А вы, стало быть, ничего не знаете, что тут произошло, из-за чего смертоубийство приключилось?

— Ни сном ни духом! — горячо заверил капитана Ставро Конан, смекнувший, куда ветер дует.— Уважаемый Руфус — это вот тот, что бдительно привел вас, а сейчас лежит среди осколков посуды — так вот он подтвердил бы вам, что мы совершенно, абсолютно и несомненно ни при чем.

— Скажу тебе по секрету, мы должны были арестовать одного очень опасного преступника,— закончил Вайгал.— Из тех, кто называет себя «тенью». Да, кстати, уважаемый Ставро, взгляни на того, кто лежит возле самой двери.

Ставро взглянул. Пригляделся внимательнее. И вдруг, ударив древком алебарды об пол, заорал:

— Задери демоны мою душу! Кривое Рыло! Сто золотых за его голову!.. Кто ж это его, а?

— Я,— скромно потупился Вайгал.— Из того арбалета, что твой человек забрал.

— Ну, приятель, ты и... Ну ты даешь! Кривое Рыло положил! — восхищенно протянул главный стражник.— Чего встал, дубина?! — вдруг накинулся он на одного из своих бойцов — того, что все еще целился из самострелов в Рыжего и Конана, правда уже не столь рьяно.— Отдай благородному Вайгалу его оружие. А ты,— повернулся он ко второму подчиненному,— помоги менее, но все же благородному трактирщику прийти в себя.— После чего Ставро обратился к арестованным.— Прощения просим, благородные господа. В самом деле, ошибка вышла. Надеюсь, вы не...

— Значит ли это, что мы свободны? — надменно перебил его Деливио.

— Мы должны торопиться,— добавил Конан.— Пока более крупная рыба не ушла.

Ставро на мгновение разинул рот.

— Более круп... — наконец выдавил он.— О Митра, правильно ли я понимаю, добрые господа, что вы охотитесь за самим Аффен...

— Т-с-с! — приложил палец к губам Вайгал.— Об этом никто знать не должен.— И, проходя мимо опешившего, вор отечески похлопал его по плечу.— А о тебе, храбрый капитан Ставро, я доложу лично начальнику городской стражи Ларго. Думаю, к исходу месяца ты уже будешь командиром караульного отряда Мучного переулка.

— Задери демоны мою душу...— только и смог прошептать Ставро.

— И будь поаккуратней с копьями этих чернокожих,— уже с порога добавил рыжий.— Мой тебе совет.

Последнее, что слышала покидающая разгромленную «Группу» троица, были звонкие шлепки: то стражник пытался привести трактирщика в чувство.

Никаких стражников снаружи не оказалось. Эх, подумал Конан, надо было все же попытаться и вырваться силой. Теперь из города выйти будет ох как непросто...

— Давайте-ка побыстрее,— предложил Вайгал, вешая арбалеты на пояс и запахивая полы плаща.— С минуты на минуту болван Руфус очухается и раззвонит, кто мы есть на самом деле... Что ж, еще удачно отделались...

— Погоди.— Деливио остановился, повернулся к Рыжему, взял того за грудки, приблизил свое лицо почти вплотную к вайгаловскому и произнес — тихо, твердо, с расстановкой: — Не знаю, что за демон заставил меня вступиться за вас перед этими тупоголовыми недоумками, но запомни одно: если хоть слово из того, что ты наплел мне, ложь, то ты пожалеешь, что не родился мертвым. Ясно?

— Ясно,— тем же тоном ответил Вайгал.— Поэтому я и прошу тебя поторопиться, чтобы побыстрее попасть к доказательствам моей правоты.

— Эй! — взорвался вконец сбитый с толку Конан.— Да что здесь происходит, Кром вас всех побери? Как мы теперь выберемся из города? Почему мы не убили этих стражников?

— Потому что я уже не могу убивать стражников,— негромко и очень серьезно ответил Вайгал.— Потому что я уже не вор.

Глава двадцать первая

Неслышно ступая по богатому туранскому ковру, подошел Рольд, положил голову Моравиусу на колени. Сенатор отложил манускрипт, стал гладить пса. Рольд довольно вздохнул. Моравиус никак не мог сосредоточиться на чтении. Мысли его то и дело возвращались к похищенным документам. Кто?.. Зачем?.. Где Деливио?.. И не попали ли эти документы в руки тех, кто сможет использовать их в игре против него? Если попали, то сенатору конец. Дрожали огни в настенных светильниках, поднимался ароматный дымок над только что внесенными слугами и теперь остывающими чашами с пуншем. Кальвия тоже отложила в сторону вышиваемую подушечку.

— Дорогой, ты уже поймал тех воришек, которые забрались в наш дом и убили двух наших охранников?

Сенатор вздрогнул, с удивлением и испугом посмотрел на свою жену. Кальвия будто мысли его читает. С чего это она вдруг интересуется той историей, ей-то что до этого?! Удерживая в себе появившееся раздражение, Моравиус сказал:

— Нет, дорогая, их не нашли пока. Не беспокой себя мужскими заботами.

Кальвия пожала плечами.

— Я думала, тебе будет приятно, что мне не безразлично происходящее в доме.— Жена вернула подушечку на колени.

— Да, дорогая, мне это приятно. Ты выбрала, кстати, подарок для дочери Лизорга? Ты ведь не забыла, что мы приглашены на ее помолвку с этим...как его...ну...

— Не беспокой себя женскими заботами, дорогой, — рассмеялась Кальвия.

Рассмеялся и Моравиус. Да, что-то в последние дни он сделался нервным и раздражительным по пустякам. Ничего, скоро все утрясется, успокоится. Сенатор потянулся к чаше с пуншем.

Он не обратил внимания, что Кальвия не шьет, а в задумчивости смотрит ему в затылок. Лоб жены сенатора прорезала глубокая морщинка.

Глава двадцать вторая

Меня зовут Вайгал. И это, пожалуй, единственный правдивый факт из того, что ты знаешь обо мне, Конан.

Меня зовут Вайгал. Я — тайный личный посланник Короля Коринфии в Конверуме. Так что, Конан, прости: я не вор. Я лишь выдаю себя за вора. На самом же деле — я охотник за ворами. А точнее, за одним вором... Но он стоит сотни самых отъявленных негодяев. Коринфский двор давно обеспокоен положением дел в этом городе. Такое ощущение, что власть здесь принадлежит не Сенату, а другому, тайному правительству. Которым руководит один человек.

И имя ему — Аффендос, Король Теней.

Улицы Конверума быстро наводнялись прохожими. Спешили куда-то гонцы, волокли корзины со снедью поварята, покрикивали на пешеходов всадники на разномастных лошадях, призывно выкрикивали достоинства своего товара лавочники и хаяли товар соседский, чинно ступали по наиболее чистой части тротуара вельможи и купцы в окружении слуг и помощников... И никому не было дела до странной троицы людей, которые, казалось, уж никак не могли найти общих тем для разговора. Однако они разговаривали. Точнее, неспешно двигаясь к одной им ведомой цели, двое внимали одному — высокому ху-

дощавому человеку с копной рыжих волос. Рыжеволосый говорил спокойно, медленно, негромко, но его спутники слушали внимательно, не перебивая.

— До Короля доходят сведения, которые настораживают двор все больше и больше, — продолжал Вайгал, — что, дескать, городская стража чуть ли не на корню куплена этим Аффендосом; что его люди пробрались даже в Сенат; что ни одно мало-мальски важное событие, будь то Праздник Охоты или повышение налогов на торговлю тканями, не обходится без его на то согласия; что люди Аффендоса уже проникают в другие города Коринфии — налаживать связи с тамошним воровским миром и нечистоплотными чиновниками; что... В общем, сведения поступают более чем неприятные.

Короче говоря, Король не намерен терпеть в своем государстве еще одного короля, пусть и в одном только городе. Поэтому он четырежды посылал в Конверум своих тайных посланников. Но ни один не вернулся... Аффендос — это страшный человек, Конан. Такое ощущение, будто он всемогущ и вездесущ. И, что самое интересное, никто никогда его не видел.

Одно время поговаривали, что Аффендоса не существует вовсе. Это не так. Кто-то руководит всеми ограблениями, грабежами и убийствами в Конверуме. Один-единственный человек. И распускает о себе подобные слухи. Потом прокатилась молва, будто Аффендос умер; в городе среди воров тут же началась борьба за потайную власть. Оказалось, что и это неправда: спустя месяц Аффендос вновь заявил о себе, причем так, что от числа трупов тех, кто пытался посягнуть на трон Короля Теней, река чуть не вышла из берегов. Затем пошли толки, будто Аффендос и кое-кто из конверумских сенаторов — одно и то же лицо. Проверить не удалось: все, кто мог чем-либо подтвердить или даже опровергнуть сей факт, оказались убиты — самым жестоким образом.

Троица подошла к дому — неприметному, не богатому, но и не бедному двухэтажному особнячку в Квартале Бочкарей. Прохожих на улице не было — лишь из соседней мастерской доносились мерные, глухие удары деревянного молотка. Особнячок этот, судя по всему, пустовал, и пустовал уже давно: дверь заколочена, грязь на пороге, почти все окна заперты на ставни. Вывеска над покосившимся карнизом гласила:

«Недорого и уютно. Постоялый двор «Три звезды»».

Ниже была прицеплена другая: *«Закрыто»*.

Вайгал трижды ударил в дверной молоток, сделал паузу и ударил еще два раза. Спустя некоторое время за заколоченной дверью послышались шаркающие шаги и раздался тихий гнусавый голос:

— Стучится тот, кто хочет войти.

— А спрашивает тот, кто должен пустить, — негромко ответил Вайгал.

После этого странного обмена репликами дверь со скрипом отворилась (доски, которыми она была заколочена, оказались поддельными), и на пороге, в свете уже взошедшего солнца появился угрюмый карлик с длинными патлами, свисавшими аж до самых плеч, с жидкой нечесаной бороденкой и слюнявой пастью под длинным бородавчатым носом.

Карла подслеповато оглядел гостей, Вайгала узнал, зевнул, продемонстрировав щербатый рот, и протянул:

— А, это ты, Вайгал. Милости просим. А это что, с тобой, что ль?

— Со мной, со мной, Гнус. — Вайгал небрежно отпихнул карлу в сторону и вошел в полутемное помещение. Деливио и Конан последовали за ним.

Гнус за их спинами невозмутимо запер дверь на два засова и, почесывая бок, отправился к себе в каморку. Кроме него, а теперь еще и троих пришедших, в «Трех звездах» не было никого.

«Джабута был глуп, как Нелетучий Птах, и неповоротлив, как Толстокожий-Лежебока-В-Болоте. И почему это Великий шаман Манумба именно Джабуту выбрал Главным воином? Ведь сильнее и умнее его я! И почему пышногрудая Кхи выбрала его в мужа? Ведь победил на Соревновании Женихов я... Но Нанга и муж ее, Великий Пьонга, все видят! Джабута мертв, и теперь я — Главный воин! Справедливость торжествует!»

Так думал второй Главный воин по имени Бванга, который совсем недавно был избран Великим шаманом Манумбой, одарен тремя словами Вудайю и теперь вел очередной отряд из четырех вторых лучших чернокожих воинов.

— Белые пауки оказались не столь беспомощными, — сказал ему шаман Манумба. — Первый Главный воин и четверо наших братьев вернулись в живот Нанги. Они не смогли отобрать воплощение Великого Пьонги. Был паук помешали им. Теперь Бванга — Главный воин. Пусть он наклонится поближе: я дам ему три слова Вудайю. И пусть он отыщет Пьонгу.

Но теперь враги предупреждены, и действовать надо очень осторожно. Он, Бванга, не поступит, как глупый Джабута, и не поведет братьев хоженными тропами белых пауков. Нет, к месту, где пауки прячут Воплощение Великого Пьонги, он пойдет окраиной, проберется задами камней, изрытых пещерами, где живут пауки, и нападет неожиданно, как орел неожиданно падает на Длинноухого Зверя. И пусть дорога окажется длиннее, зато исход будет верным...

Детеныши белых пауков, копошащиеся в песке на задворках окраинных улиц Конверума, отрывались от своих игр и, сунув палец в рот, с интересом провожали взглядами отряд храбрецов из дальних земель, одетых в священные одежды.

— Эй, Гердус, долго ты там?

— Щас, щас... Иду.

Стражник Гердус завязал гульфик и, немного покачиваясь, отошел от кучи гнилой соломы, что скучала на задворках пустующего строения уже не первый месяц.

Напарник, топтавшийся неподалеку, вернул ему меч.

— Ага, спасибо, — поблагодарил Гердус и непроизвольно икнул. — Просто пиво у Ностраса что-то уж слишком жидким оказалось... Ну и дальше чего было?

— Ну и все. Короче, гора трупов в том трактире. — Пошатываясь, его спутник поправил на бедре ножны с мечом. — Ставро сказал, что ему наш лекарь сказал, что копы у этих чернорожих какой-то отравой намазаны. И если встретим по дороге хоть одно такое чучело в мешке вместо нормальной одежды, то надо арестовать его, но осторожно: яд, дескать, мгновенный. И за каждого арестованного десять золотых положено. А к вечеру, Ставро говорит, отряд снарядим и двинемся на Южный рынок — надо поглядеть, что это за типы в наш город пожаловали. А пиво у Ностраса и впрямь крепкое. Надо бы патруль снарядить, проверить. Вдруг брагой, скотина, разбавляет...

— Слушай-ка, Дос, — вдруг схватил напарника за локоть Гербус. — Говоришь, они черные?

— Кто? — не понял тот. — Пивы?

— Да нет. Эти. Про которых ты только что рассказывал. Чужеземцы, что всех в «Червивой груше» поубивали.

— А... Ну да. Говорят, черные.

— В мешки одеты и с копьями?

— Ну.

— Как эти, что ль?

— Где?! — Стражник стремительно обернулся.

* * *

Хитры, хитры белые пауки! Знают, должно быть, что нос у настоящего воина чуткий, как у лесной собаки, вот и пытаются сбить всякими воями. То едой сгнившей несет, то мочой, то такой гадостью, которой и названия-то нет...

Но не сбить с пути настоящего воина, коли Светильник Нанги ведет его. Правильную дорогу выбрал Бванга, второй Главный воин, хоть и окружную, зато ни одного белого паука на тропе. Он беспрепятственно дойдет до места.

Однако рано радовался Бванга: на их пути показались два белых паука: с железными полосами на бедре, одетые в мерзкие костюмы из кожи мертвых зверей. Слегка покачивающиеся, как кобра перед броском. Глупцы, неужели они не понимают, что воины примут их за домашних животных и не заметят подвоха? Нет-нет, Главный воин хитрее пауков.

— Пусть воины не обращают на них внимания, — сказал Бванга своему отряду. — Пусть пройдут мимо, точно их и нет вовсе. Бванга не должен сейчас драться. Бванга должен сейчас найти воплощение Великого Пйонги.

* * *

— Ой-ой-ой, — прошептал Дос, хватаясь за меч. — Те самые! А нас всего двое-то...

Пятерка чернокожих типов в одеяниях-мешках приближалась. Тот, который шел впереди, прощелкал что-то своим соплеменникам, и те принялись старательно вертеть головами, глядя куда угодно, только не на стражников.

— За подмогой надо бежать! — предложил хмельной Дос.

— Поздно, уйдут, — возразил хмельной Гердос. — Давай их сами арестуем, а?

— Ты что! А копьа, яд?

— Да какие это копьа?! Прутики несерьезные. Смех один. Они ж дикари, Дос, мы их щас быстренько

скрутим.

— Их пятеро! Нас двое! Нет, надо за подмогой бежать...

— А подмога тут же учует, что мы навеселе... Кстати, Дос, а десять золотых за арест этих «угольков» как выдаются — за каждого в отдельности или за всю компанию скопом?

— За каждого...

— А на скольких делить придется, если мы подмогу приведем?

Глаза Доса загорелись; он тут же вытянул меч из ножен и заступил дорогу иноземцам.

— Эй, господа хорошие, вы арестованы.

* * *

Один из белых пауков в звериных одеждах загородил путь отважным воинам и простонал что-то неразборчивое. Бванга решил не обращать внимания на его потуги и повел свой отряд в обход паука. К несчастью, один из его воинов (молодой Трелга) случайно коснулся обнаженным боком железной полосы, выставленной пауком поперек дороги воинов, и немедленно, но неосмотрительно ткнул в горло наглицу боевой палкой: касание Холодным Железом считалось среди жителей Черных Королевств кровным оскорблением. Однако удар воина не достиг цели — белый паук оказался проворнее.

* * *

Едва чернорожий дикарь коснулся клинка Доса телом и, вздрогнув, точно его укусила змея, отвел руку для удара своим ребячьим копьем, стражник ловким взмахом меча обезглавил оружие противника; накопчик копьа беспомощно упал в лужу, а Дос, памятуя о статье Правил Конверума «Действия охранника в угрожающих его жизни обстоятельствах», ничтоже сумняшеся, вонзил острое клинка в черную грудь. Противник, не издав ни единого звука, разбрызгивая кровь, хлещущую изо рта, упал на грязный песок.

— Сволочи, они еще не желают подчиняться приказам городской стражи! — вскричал Дос. — Эй, Гердос, руби им наконецники копий к Сету и бей плашмя! Нам бы их живыми взять!..

Тут воздух прорезал душераздирающий вопль.

* * *

Воин Трелга упал, ужаленный железной полосой белого паука, захлебываясь собственной кровью. Их заманили в ловушку! Но настоящие воины не сдаются! Бванга издал боевой клич соплеменников. Четверо против двоих: паукам не устоять! Воины оцетинились боевыми палками. Проклятые белые пауки, вам не удержать в своих мерзких лапах украденное воплощение Великого Пьонги!

И отряд второго Главного воина бросился на белых пауков.

* * *

— Дос, сзади!.. — истошно закричал мигом протрезвевший Гердос. Сам он круговым взмахом меча отрубил руку у очередного чернорожего — ту, что держала копье, и выставил клинок навстречу разящему сверху копью другого дикаря.

Что происходило с его другом, он не видел.

А жаль: неприметно зашедший сзади чужак вонзил свой «прутик» точно между лопаток Доса. Стражник повалился без стога и крика.

Черные ребята оказались все же не такими тупыми дикарями, как представляли их себе подвыпившие солдаты. Они действовали слаженно и быстро: пока двое отвлекали врага грозными выкриками и угрожающими взмахами боевыми палками, один быстро и точно наносил удар.

Бой закончился скоро.

Глава двадцать третья

Было жарко: солнце лупило в распахнутое единственное окно комнаты на втором этаже постоялого двора «Три звезды», выходящее на задний двор. Но никто из присутствующих жары, казалось, не замечал: двое слушали третьего.

— ...И очень быстро я понял, что даже если втереться в доверие к местным вора, даже если стать одним из ближайших соратников Короля Теней, все равно увидеть его мне не удастся, — рассказывал Вайгал, прислонившись спиной к высокому подоконнику. Плащ он так и не снимал, хотя солнце било ему прямо в спину. — Потому что он очень хитер, этот Аффендос. А я должен был найти неопровержимые доказательства не только его существования, но и узнать, кем он является на самом деле.

«Крутит, ох крутит этот «посланник Короля», Нергалово семя ему в глотку, — такие мысли кружились, как пчелы над медом, в голове мрачно молчащего Деливио, начальника стражи сенатора Моравиуса. Он сидел на табурете возле самой двери, опершись на поставленный между ног меч. — Опять, как и тогда, в трактире. При чем тут Аффендос, вонючий корольишка вонючих «теней»? Рыжий ведь про Моравиуса говорил...»

— Не вызывало сомнений, что в Конверуме Аффендос занимает далеко не последнее место — иначе как

объяснить полную его осведомленность во всех городских делах? — говорил между тем Вайгал. — Нет, кое-что мне удалось выведать, но я быстро уперся в тупик; я понял, что действовать дальше в одиночку бесполезно. Иными словами, мне понадобился помощник.

— Ах, Кром порази меня молнией... — изумленно прошептал Конан. Он расположился на скромной постели, подогнув одну ногу под себя и опершись на колено. Только теперь кусочки мозаики стали складываться для него в цельную картину.

Вайгал ухмыльнулся.

— Да-да, друг мой, ты угадал. В помощники я выбрал киммерийца Конана — чужака в этих краях и, стало быть, с миром «теней» не связанного; вора, но не по природе, а в силу обстоятельств; ловкого, хитрого, толкового и в меру безрассудного сорвиголову. Так что, Конан, сами боги послали мне тебя. Вот я и решил познакомиться с тобой поближе, подружиться... и использовать в своих делах.

— Но — как ты смог... ведь я... — Конан вдруг хлопнул себя по лбу. — Пожар в лавке этого купца, как его... что торгует зерном и крупой... Хамара! В ту ночь, когда мы с тобой познакомились!.. Бел, ты специально забрался туда, специально поджег лавку, чтобы мы вместе...

Вайгал кивнул.

— Я же говорил, что ты толковый парнишка. Верно, таким образом я сошелся с тобой и уговорил стать моим подельником в воровском ремесле. Но ты работал не на «теней». Ты работал на правительство Коринфии...

— Ладно, хватит языком молоть, — вдруг резко перебил его до сих пор молчавший Деливио. — Какой такой Аффендос? При чем здесь Аффендос? Ты же мне про Немедию что-то плел! И про документы, тобой украденные, что-то говорил! Так где они?!

Вайгал хмуро глянул на начальника сенаторской стражи, потом снова обратился к Конану.

— Деливио прав. Моравиус тут ни при чем. Я ошибся, решив забраться в дом сенатора. Я... то есть мы искали не там... Однако, как говорится среди «теней», порой ищешь вошь, а находишь брошь. Вот что мы... то есть я украл в кабинете Моравиуса.

С этими словами Вайгал отлепился от подоконника, подошел к стене рядом с дверью и провел ладонью по деревянной обшивке.

Со щелчком открылась неприметная потайная дверца, откуда «вор» достал скатанный в свиток пергамент. Передал его Деливио.

Деливио недоверчиво взял его. Развернул. Вчитался.

А Вайгал тем временем обернулся к Конану.

— Да, я ошибся. Дом Моравиуса не имеет отношения к деятельности Аффендоса. Я искал там одно... а нашел нечто совсем другое. Однако не менее важное для всей страны. — Он вернулся к открытому окну, вновь оперся спиной о подоконник. — Не знаю, известно ли тебе, Конан, что вокруг Дороги Королей, которая тянется через Коринфию, давно идет тайная, глазу простого обывателя незаметная, но упорная война. Многие страны желают разместить свои отряды вдоль ее участков. А особенно старается в этом Немедия — она давно ищет лазейку, через которую могла бы протащить своих людей в оборону коринфского отрезка Дороги. Представляешь, какие блага ей это принесет?.. И, похоже, Немедия нашла такую лазейку. В лице сенатора Моравиуса.

— Этого быть не может, — сказал Деливио...

* * *

Две жизни настоящих воинов за две жизни белых пауков — слишком большая цена. Но за вызволение Великого Пъйонги из гнета он, Главный воин Бванга, готов заплатить и не такую цену.

Их осталось трое — выходцев из дальних земель, чужаков в этих нечестивых местах, отважных иска-

телей украденного бога. Воину, которому белый паук отрубил руку, пришлось помочь вернуться в живот Нанги, чтобы он своими криками не привлёк других пауков, а труп его и труп Трелга спрятать в гряде гнилой соломы, от которой несло недавно пролитой мочой. По законам племени, вместе с телом положено хоронить и жену павшего воина, и его оружие. Но Бванга пошел наперекор законам: жена была далеко, а оружие ещё может пригодиться. Подобрал он и из лужи отрубленный наконечник боевой палки убитого пауками Трелга. Яд муараре — он и в пещерах белых пауков яд муараре.

Близка, близка цель: Светильник Нанги разгорается все ярче... И — вот он, изрытый пещерами камень белых пауков. Да-да, именно здесь томится в плене Великий Пьонга!

* * *

— Этого быть не может, — сказал Деливио, наконец оторвавшись от чтения пергамента. — Я не верю. Это фальшивка. Сенатор Моравиус — достойный и честный гражданин Конверума...

— ...однако это не мешает ему получать деньги от немедийского двора, — спокойно возразил Вайгал. — Или тебе не знакома личная печать твоего хозяина на этих письмах — письмах, в которых он обещает Немедии отдать свой голос в поддержку совместной охраны коринфского участка Дороги Королей? Или тебе не известно, к чему приведет подобная уступка Немедии?..

— К тому, что очень скоро Немедия полностью возьмет в свои руки патрулирование на нашем отрезке, — прошептал Деливио. — Но я не могу поверить, что именно Моравиус...

— Ты своим глазам не можешь верить, — жестко сказал Вайгал. — Эти письма...

— А если я сейчас порву эти письма? — гаркнул Деливио. В его голоса звучало столько беспомощной

злости, что Конан напрягся: не приведи Кром, ещё от волнения за меч схватится.

— Рви, — тем же жестким тоном ответил Вайгал. — Но что от этого изменится? Я все равно доложу Королю об измене, а, поскольку при дворе мне доверяют, то Моравиусу твоему и так, и этак не выкрутятся — найдутся и другие доказательства... Послушай, Деливио, ты не веришь в возможность предательства со стороны собственного хозяина или в неопровержимую подлинность документов?

Деливио промолчал.

«Допустим, все, что он говорит, правда. Или не все, но главное — Моравиус продан немедийцам. Очень возможно. Немедийский двор всегда искал, а сейчас тем более ищет подходы к влиятельным лицам Коринфии. Ему позарез необходимо активно противодействовать аквилонским проишкам. Да, на коринфской земле давно ведется скрытое и очень упорное противоборство двух могущественных держав за то, чтобы подчинить Коринфию своей воле, а впоследствии сделать из нее аквилонскую или немедийскую провинцию. Вайгал сообщил, что у него имеются доказательства того, что Моравиус дал согласие немедийскому двору оказать помощь в размещении их войск вдоль коринфского отрезка Дороги Королей. Если это произойдет, то не за горами будет ввод в страну немедийской армии и установление в Коринфии немедийского правления. Иначе как предательством подобное не назовешь. Если это правда.

Способен Моравиус на предательство? Да, если быть честным, да. Ловил ты себя, Деливио, на подозрениях в том, что твой хозяин занимается тайной, тщательно укрываемой им деятельностью? Да. И не случайно ты, Деливио, разыгрывал перед ним простачка, а ради того, чтобы он не подумал, что ты способен пронюхать о его делишках, и тогда ты стал бы ему опасен.

Все так, все так. Но что же мне делать?..»

И тут снизу донесся полный невыразимого страдания вопль:

— Вайга-а-а-ал!!!

* * *

Карлик по кличке Гнус, тот, что открыл дверь Вайгалу на условный стук, отличался двумя положительными качествами, благодаря которым тайные посланники Короля Коринфии иногда прибегали к его услугам: он жил один в заброшенном доме и умел молчать. Привычку не трепать языком Гнус приобрел после многочисленных уроков, которые преподносила уродцу его тяжелая жизнь, задолго до того, как обосновался в Конверуме, в услужении стареющей тетке Огассы, хозяйки постоялого двора «Три звезды». А жил он один-одинешенек в просторном пустующем здании и не был выселяем чиновничьей братией Конверума благодаря той же тетке Огассе, которая завещала постоянный двор своему любимому слуге на сто лет после ее смерти с правом распоряжаться им, как тому вздумается. Гнус никак не распоряжался своими владениями — он просто там жил. Как бы ни скрипели зубами законники, как бы ни пытались выселить единственного жильца из дома — завещание вставало у них на пути. Тем и воспользовалась тайная служба коринфского двора — за небольшое вознаграждение Гнус иногда пускал к себе ее, службы, людей и вопросов не задавал. Лишь бы платили. Хотя порой его так и подмывало подсмотреть да подслушать, о чем это шепчутся гости. А гости заглядывали один другого интереснее: то чинное семейство ювелира переночует, то девчушка какая-нибудь — от горшка два вершка поживет, то компания мрачных, здоровенных воинов откуда-то из северо-восточных стран заглянет... то вор здесь свою временную берлогу устроит — как этот вот, например, рыжий который.

Но Гнус не лазил в чужие дела. Знают условный стук, знают заветное слово — и ладно. Живите на

здоровье сколько душе угодно. Плати только вовремя — и все.

Закрыв за Вайгалом тяжелую дверь на крепкий дубовый засов, Гнус опять зевнул и отправился досматривать прерванный сон, в котором он и дочка сенатора Лизорга занимались такими штучками, о которых Гнус наяву даже не мечтал.

Однако посмотреть до конца столь увлекательное сновидение ему опять помешали: под дверью, с той стороны вдруг раздалось жалобное козлиное блеяние.

* * *

Ярко, жарко пылает Светильник Нанги. Здесь, именно здесь, в этом квадратном камне мерзкие пауки прячут Пьйонгу. Но вход в пещеру закрыт деревянными, плотно скрепленными друг с другом палками. Как проникнуть туда? Бванга колебался недолго. Недаром он был не только отличным, но и очень умным воином.

— Бванга обойдет этот камень с другой стороны, — сказал он своим братьям. — И отвлечет белых пауков. А вы войдете отсюда. Пусть Пта поговорит на языке Рогатого Зверя, — он хорошо умеет это делать, — и тогда пауки отопрут вход в пещеру, и тогда вы войдете. Мы убьем всех пауков и вернем Великого Пьйонгу.

— Пта не понимает, — подал голос один из воинов, крепко сжимая боевую палку в смуглой, жилистой руке. — А почему пауки отопрут пещеру, если Пта будет говорить на языке Рогатого Зверя.

Бванга поморщился: его соплеменник оказался таким же глупым, как и белые пауки.

— Если охотник хочешь поймать Хитрого Полосатого Зверя, — терпеливо разъяснил он, — то он должен привязать Рогатого Зверя к дереву и спрятаться неподалеку. Рогатый Зверь начнет громко плакать на своем языке. Хитрый Полосатый Зверь услышит его. Придет к дереву. Съест Рогатого Зверя. И тогда

охотник поймает Хитрого Полосатого Зверя. Белые пауки такие же любопытные, как Хитрый Полосатый Зверь. Но они еще и глупы. Откуда здесь взялся Рогатый Зверь? — подумают они. Надо бы посмотреть, что здесь делает Рогатый Зверь! — подумают они. И откроют вход. Пта понял?

Смуглый воин кивнул.

— Пта все понял, о Главный воин. И он сделает все, как велел Главный воин. Он поговорит на языке Рогатого Зверя.

— Да воссияет над настоящими воинами свет Нанги и мужа ее, Великого Пьонги!

С этими словами Бванга вручил Пта вторую боевую палку и, крадучись, двинулся в обход квадратного камня, в котором белые пауки прячут воплощение Великого Пьонги.

Поворачивая за угол, он услышал, как Пта принялся жаловаться на языке Рогатого Зверя.

Глава двадцать четвертая

Услышав козлиное блеяние, карлик по кличке Гнус сначала подумал, что это ему снится. Что в интересном приключении с дочкой сенатора Лизорга появилось новое действующее лицо.

Гнус прислушался.

Нет, вот еще раз, точно, наяву послышалось тихое, жалобное «бе-е-е... бе-е-е...».

Гнус скинул ноги с лежака. Что же это, козел в нашем квартале? Быть не может. Откуда? Тут и собаки-то бродячей не встретишь, крысы одни, да и то тощие — жрать в Квартале Вочкарей нечего.

«Бе-е-е... бе-е-е...»

Жалобно-то как блеет... Голодный поди. Заблудился... А что, не мясо, что ль? Да на одной ляжке козлиной неделю прожить можно, даром что козлик голодный да тощий.

«Бе-е-е... бе-е-е...»

Гнус крадучись подошел к двери. Все тихо. Нет — шебуршится кто-то. А потом опять тихое блеяние.

Во рту Гнуса скопилась слюна. Он уже представлял себе, как разделает бедное животное, как зажарит аппетитный ломоть мяса, а остальное спрячет на ледник, как вопьется зубами...

Гнус сглотнул и приоткрыл дверь. Никого. Медленно, боясь спугнуть козленка, приоткрыл еще немного...

И увидел нацеленное ему в лицо острое копы.

* * *

Глупые белые пауки, неужели они думают, что такой ограды достаточно, дабы уберечь за ней воплощение Великого Пьонги? Нет, настоящему воину это не помеха.

Бванга легко перепрыгнул через невысокий заборчик и оказался на захламленном заднем дворе «Трех звезд». Присел на корточки, выставив перед собой боевую палку, внимательно огляделся. Огненная Черепаха добралась уже до самого верха Синей Крыши, скоро начнет свой неспешный путь к закату. А пока ее лучи ярко освещают эту сторону квадратного камня.

Ярко горит и Светильник Нанги, указывая, что воплощение Великого Пьонги спрятано вон там, на высоте двух ростов настоящего воина, в квадратном отверстии в стене.

Бванга сунул отрубленный белым пауком наконецник боевой палки в складки священной одежды, взял собственную боевую палку в зубы и полез по гладкой стене. Глупые, глупые белые пауки! Неужели они думают, что настоящий воин не сможет преодолеть это препятствие — настоящий воин, который ловко, как Хвастатый Полулюдь — макакуча, забирается на самую вершину пальмы, чтобы сорвать сочные Молочные Плоды!

* * *

Жизнь одарила карлика Гнуса не только умением молчать, но и молниеносной реакцией. Едва завидев копьё в руке почти голого человека, с ног до головы будто бы вымазанного коричневым конским навозом, он пригнулся, и отравленный наконечник не задел его — копьё просвистело всего в двух пальцах над его макушкой и вонзилось в стену. Следующим движением Гнус попытался захлопнуть дверь, но противник сунул в щель ногу. Гнус нажал, одновременно нащупывая в кармане кинжал. Если б в «Три звезды» сейчас пытался проникнуть всего один человек, карлик, обладающий недюжинной силой, совладал бы с ним.

Но врагов оказалось двое: разом ударив в дверь, они отшвырнули Гнуса в сторону.

Гнус упал.

Дверь распахнулась.

* * *

Хитры оказались белые пауки! Воин по имени Пта держал боевую палку так, чтобы поразить рослого паука в грудь. Но паук оказался недоростком — боевая палка пролетела мимо цели.

Зашипев от огорчения за свой промах, Пта сунул ногу в образовавшуюся щель. И зашипел во второй раз — от боли: деревянные палки, закрывавшие вход в пещеру, больно прищемили голень.

Но его соплеменник не дремал. Слаженно ударив в скрепленные воедино доски, настоящие воины ворвались внутрь.

Недоросток лежал на полу. Соплеменник Пта метнул боевую палку.

Ловок был белый паук — он сумел откатиться в сторону! Но в руках Пта сжимал и вторую палку, данную ему самим вторым Главным воином.

И эта палка принесла ему удачу.

* * *

Незванный гость метнул копьё, но Гнус, сжимая в правой руке кинжал, успел отклониться от разящего оружия; с тупым стуком копьё воткнулось в пол рядом с его головой. Однако у нападающих оказалось в запасе еще одно копьё.

Вымазанный в конском навозе метнул его; Гнус метнул кинжал.

Оба движения совпали: серебристой рыбкой сверкнул в полутьме коридора метательный кинжал; черным угрем мелькнуло в полутьме коридора копьё. Кинжал вонзился в грудь грязнорожего прищельца, отшвырнув того к порогу; копьё вонзилось в живот карлика Гнуса, пригвоздив того к полу.

Чувствуя, как по телу разливается обжигающе горячая волна, Гнус набрал в разрывающиеся от боли легкие воздуха и на последнем издыхании заорал:

— Вайга-а-а-ал!!!

* * *

Услышав этот крик, вскочили все трое. Все трое непроизвольно ухватились за свое оружие: Деливио поднял меч в наступательной позиции, Конан выдернул свой клинок из заплочных ножен... а арбалет к этому времени уже удобно лежал в ладони Вайгала.

Дробный топот по ступеням возвестил о приближении неизвестного. Шаги достигли вершины лестницы, замерли, осторожно двинулись вдоль по коридору.

— Друзья? Враги? — одними губами шепнул Конан, обращаясь к рыжему. Он уже не знал, кто в этом городе друг ему, кто случайный знакомый, а кто смертельный враг.

— Не друзья, — столь же тихо бросил Вайгал. — У меня тут друзей нет... кроме тебя.

Шаги остановились возле комнаты, где сидела троица.

* * *

Пта вернулся в живот Нанги по вине грязного недоростка! Теперь настоящих воинов оставалось только двое. Главный воин отвлекает внимание, а что должен делать я, Дапуту? Дапуту должен отыскать воплощение Великого Пьонга и вернуть его шаману Манумбе.

Выдернуть боевую палку из деревянной земли пауков и — вверх, вверх по уступам в пещере белых пауков. Ах, почему Манумба не одарил и меня тремя священными словами Вудайю? Без них как найти Пьонгу?

О Нанга, помоги мне...

Что это? Шорох в одной из пещерок?

Там ли, там прячут белые пауки Пьонгу?

Надо проверить. Хлипкая заслонка, прикрывающая вход в пещерку, ей не выдержать удара.

* * *

Деливио и Вайгал не отрывали взгляда от двери, за которым притаился некто. О чем приближении предупреждал своим криком карлик? Стража ли пожаловала? Местные «тени»? Соратники Вайгала или Деливио? Или еще кто-нибудь?..

Деливио и Вайгал смотрели на дверь. И только Конан повернулся так, чтобы держать в поле зрения и окно. Он не знал, но инстинктивно чувствовал, что опасность грозит не только из коридора.

Дверь распахнулась под могучим ударом.

* * *

Гладкие, очень гладкие стены у этого квадратного камня! Сильные, как Носатые Горы, цепкие, как Змея-с-Ногами, пальцы находили малейшую выщерблинку, едва заметную щелочку в теле камня, чтобы подтянуть, довести тело второго Главного воина до цели. Но почему — второго? Ведь Джабута вернулся в живот Нанги. Значит, он, Бванга, теперь первый Главный воин! И о нем, именно о нем, о герое, который вернул воплощение Пьонги, будет слагать песни и легенды слепой К'варгх...

Вот и отверстие в камне, за которым скрываются грязные похитители Пьонги.

Бванга уцепился пальцами за выступ, подтянулся, взял боевую палку в правую руку, наконечник боевой палки в левую и перекинул свое тело внутрь каменной пещеры.

* * *

Увидев, что на пороге возник точно такой же чернорожий оборванец, товарищи которого донимали его в «Червивой груше», Деливио не мешкал ни мига:

его меч, подобно живому существу, метнулся вперед и вонзился в прикрытый мешковиной живот дикаря. Но начальник сенаторской стражи все же опоздал; его опередила арбалетная стрела, угодившая незваному гостю точно в правый глаз. Не успев издать ни звука, дикарь повалился назад, на спину — сверкнув на прощание светлыми по сравнению с прочими частями тела голыми пятками.

И Вайгал, и Деливио были заняты только возможностью вторжения через дверь. Киммериец же, понимая, что в эту дверь нападающие, сколько бы их ни было, смогут протиснуться только по одному, следил и за открытым окном. И он единственный увидел кучерявую голову, внезапно появившуюся над подоконником. Все произошло в мгновение ока: от удара распаивается дверь, сверкает меч Деливио, щелкает тетива Вайгала и — в комнату через окно впрыгивает очередной «уголек».

* * *

Маленькая пещера. Трое белых пауков охраняют Пьонгу. Пьонга в кармане у самого старого из пауков, как подсказывает Светильник Нанги. Второй — большой, как Носатая Гора, смотрит на Бвангу. Но ему не успеть, не успеть нанести удар своей металлической палкой. Ближе всех к Бванге — паук в длинном нелепом одеянии из кожи мертвого животного, с колдовским жезлом в руках, с волосами цвета Огненной Черепахи. Ему и достанется яд муараре, а потом Бванга займется прочими.

Он отвел руку для броска боевой палки.

Глава двадцать пятая

Чернокожий воин замахнулся копьем, целясь в спину Вайгалу; Конан понял, что предупредить подельника он не успеет, и бросил свое тело на рыжего «вора», выдергивая того из-под смертоносного полета копья. Оба упали на прикрытый лоскутным одеялом лежак, а оружие влезшего в окно неприятеля исчезло в дверном проеме, пролетев над трупом того, кто пытался ворваться через порог.

Киммериец вскочил раньше Вайгала.

Поняв, что промахнулся, чернокожий в длинном прыжке метнулся к Деливио (почему?), зажав в левой руке нечто, напоминающее каменный кинжал.

Пути чернокожего и конановского меча пересеклись на середине комнаты. Свой прыжок чернокожий не завершил — клинок северянина помешал ему в этом, распоров живот поперек, на линии пупка. Не достигло своей цели и зажатое в левой руке нападающего то, что киммериец принял за каменный кинжал. Вместо того чтобы вонзиться в спину Деливио, «кинжал» этот полоснул по ноге поднимающегося с лежака Вайгала.

* * *

Прости меня, Великий Пьонга, я не смог освободить тебя из плена белых пауков. Белые пауки победили твоего сына Бвангу.

Прости меня, Нанга, и прими своего сына Бвангу в чрево свое, и выпусти назад через несколько лун — с новым именем и новым лицом. Прими своего сына, о Нанга, жена Великого Пьон...

* * *

Наконечник копья, которым чернокожий ранил Вайгала, некоторое время до того пролежал в луже, а потом пребывал в потной ладони Бванги. Таким образом, яд муараре несколько утратил свою силу, но ни Конан, ни Деливио, ни Рыжий об этом не знали.

«Того, кто забрался в хранилище изваяний, можешь убить; того, кто побывал в моем кабинете, желательно доставить живым», — вспомнил Деливио слова своего хозяина, сенатора Моравиуса. А теперь тот, кого желательно было доставить живым, умирал от яда никому неизвестных, неизвестно зачем пришедших чернорожих бродяг.

И теперь, глядя на лежащего неподвижно на лежаке рыжего пройдоху, старый воин запаниковал. Ведь именно он, этот рыжий, виноват во всем происшедшем! И именно он, рыжий, должен выжить! Выжить, чтобы ответить за все. За свои слова касательно сенатора Моравиуса. Даже если он прав и сенатор действительно продан Немедии, он, рыжий, должен жить. Потому что, кроме него, никто не сможет держать ответ.

«До отставки осталось три года. Каких-то три года — и на желанный покой. Откладывая от того жалования, весьма приличного, надо сказать, что я получаю на службе у сенатора и неизвестно, где еще смогу получать столько, я сумею-таки скопить на собственный домик на Пастушьих прудах. И буду доживать себе спокойно с супругой... а то и с Алаккией оставшиеся дни в тишине. Лишившись службы у Моравиуса, можно остаться и без домика...»

Пока Конан стоял к Деливио спиной, склонившись над телом рыжеволосого, начальник сенаторской стра-

жи тайком спрятал за пазуху пергамент, который все еще держал в левой руке, и со всей возможной для его возраста прытью метнулся к двери.

— Тут неподалеку живет лекарь Пробс. Он мой шурин, — кратко бросил он на ходу. — Он лекарь. Очень хороший лекарь. Он должен, он может помочь. Я сейчас, Конан. Я скоро. Мы поможем ему...

И Деливио исчез за дверью.

Конан не слышал его: он смотрел в лицо Вайгалу, с ужасом ожидая начала действия яда. Он не знал, что делать, что нужно предпринять...

Но едва Деливио покинул комнату, Вайгал поднял голову, открыл глаза и устремил пронзительно ясный взор в глаза киммерийцу.

— Конан, — сказал он отчетливо. Вдруг его рука метнулась вверх и крепко ухватила киммерийца за шиворот.

— Я здесь, — тут же откликнулся варвар. Он чувствовал полную свою беспомощность: единственный человек, которому он, казалось бы, мог доверять в этом городишке, смертельно ранен!

— Слушай меня внимательно, варвар из Киммерии...

Очевидно, резкое движение истощило быстро утекающие силы лжевоора: он закашлялся, изо рта выплеснулась струйка крови и побежала по щеке.

— Тихо, Вайгал, тихо, друг, — успокаивающе проговорил северянин и попытался освободиться от железной хватки подельника. Не тут-то было: сведенная судорогой рука сжимала его шею, точно ошейник раба. — Полежи спокойно. Скоро вернется Деливио...

— Пока он вернется, я... должен сказать тебе кое-что... очень важное... Слушай...

Вайгал вдруг издал хлюпающий звук, будто ребенок, который собирается заплакать, и кровь пошла не только горлом — две кровавые дорожки потянулись из ноздрей. Кровоточили, как заметил Конан, и уши. Медленно, но неумолимо яд делал свое дело.

— Вайгал...

— Я сказал — молчи и слушай! У меня очень мало времени... Конан. Я не сказал Деливио о самом главном...

Тело его скрутила судорога, дыхание прервалось, и киммериец испугался, что сотоварищ умер. Нет: спустя несколько мгновений спазм закончился, и Вайгал вновь задышал — часто, прерывисто, неровно.

— Я... умолчал о самом главном... Потому что Деливио слишком... Я не мог сказать... Потому что я выяснил, кто такой Аффендос. Я знаю, кто он. Но у меня нет прямых доказательств. Немедийские документы... это... ерунда... Но с их помощью можно связать Афф... Афф... как сенатора... по рукам и ногам... Потому что Король не простит предательства сенатора... Я знаю, кто Аффендос... Запомни, Конан... Ты должен запомнить... И завершить начатое... Возьми мой перстень... Королевский знак... По... покажи его, и власти всюду будут помогать тебе... Сообщи Королю... Я знаю, кто такой Аффендос...

Некоторое время Вайгал не мог говорить: кровь из горла текла алым пенящимся ручьем. Фальшивый вор несколько раз непроизвольно отхаркнул, чтобы не захлебнуться. Голос его становился все тише и невнятнее; Конан наклонился поближе, чтобы не упустить ни слова. Сильные пальцы Вайгала вдавили ему в ладонь перстень.

— Мне известно, кто такой Аффендос... О Боги, как не вовремя я умираю... О Боги, как больно...

— Вайгал, Вайгал, — от бессилия чуть ли не простонал киммериец, крепко сжимая руку Вайгала, горячую, как печка. — Потерпи немного... Помолчи, тебе нельзя разговаривать.

— Я... Я знаю, кто такой... Ты должен доложить Королю...

— Кто? Так кто же он такой, Вайгал? — Конан наклонился еще ниже.

— Обещай мне, варвар из Кимм... Киммерии... Ты должен... доложить Королю...

По глазным яблокам умирающего вдруг побежали ярко-красные прожилки, множась, ширясь, разветвляясь... и глаза Вайгала вдруг взорвались, как гнилые сливы, едва не обдав северянина тучей кровавых брызг. Тело Вайгала выгнулось дугой, ноги дробно заколотили по полу. Лопнула артерия на шее. Из горла вместе с предсмертным хрипом вырвалось:

— Обещай...

— Хорошо, хорошо, я обещаю передать Королю, будь он проклят! — в отчаянии закричал Конан. — Но кто, кто, Бел заведи меня, этот Аффендос?!

Лицо Вайгала стало пепельно-серым. Его тело неожиданно расслабилось, обмякло как тряпичная кукла. Рука, которую все еще сжимал Конан, из горячей превратилась в ледышку.

Однако тайный посланник был еще жив.

Он приподнял мокрую от крови голову, приблизил ее к уху северянина и на последнем в своей жизни выдохе произнес два слова — два коротких, два тихих слова, но таких явственных и отчетливых, что слышаться Конан не мог.

— Аффендос — это... сенатор... Моравиус... — сказал Вайгал.

И умер.

* * *

Конан выпрямился. Огляделся. Все было тихо, мирно и спокойно — если не считать трех трупов на полу комнаты.

Киммериец плотно сжал губы. Да, он воровал. Убивал. Грабил. Но был он вором, который лишь облегчает чересчур набитые кошельки и сундуки — чтобы прокормиться самому и не дать умереть с голоду друзьям. И никогда он не стал бы воровать ради самого воровства, ради лишней наживы; никогда бы

не стал убивать ради убийства и уж тем более не стал возводить свое ремесло в ранг смысла жизни.

Тогда как местный король по имени Аффендос считает себя именно *Королем воров*. Он ворует потому, что ворует. Убивает потому, что убивает. Потому что ему нравится воровать и убивать, ничего более. Мало ему места в Сенате!

Таких людей Конан ненавидел.

А кроме того, он дал слово Вайгалу.

И должен слово это сдержать.

Тем более, что Деливио, судя по всему, пергамент унес с собой. А значит, и ему доверять нельзя.

Что ж, придется двигаться в Мострадинос... Глядишь, Король и отсыплет несколько золотых из своих закров в горсть нищего скитальца.

Глава двадцать шестая

Манумба был стар. Очень стар. Так стар, что помнил времена, когда деревня Н'Карргну была богатой и процветающей и с легкостью урагана, вырывающего с корнем деревья, побеждала окрестные племена; он даже помнил, как однажды на рассвете, едва Огненная Черепаха начала свой неспешный путь по Синей Крыше, вдруг зашевелилась Черная Гора, задрожала и оторгнула в небо красно-черную тучу пламени, дыма и пепла. Все жители Н'Карргну в ужасе бежали, точно трусливые деревянные мыши, попрятались в лесу, во весь голос возвещая о гневе Нанги и мужа ее — Великого Пьонги; и только он, шаман Манумба, остался на своем месте — он и дряхлый Л'Лгвага, который просто не мог выползти из хижины. Пока весь мир трясся и разваливался на куски, Манумба храбро бил в барабан из обезьяньей кожи длинными прямыми выбеленными костями священного длинношея и громко, стараясь заглушить рев разъяренной Черной Горы, выкрикивал заклинания. Шаман знал, что только таким образом можно умиротворить Нангу и мужа ее — Великого Пьонгу и отвести беду от деревни. И он победил: огненная блевотина Черной Горы протекла мимо, так и не коснувшись деревни Н'Карргну.

Теперь на том месте, где прошла горячая, как десять Огненных Черепашек, река, снова рос густой лес, и никто

в Н'Карргну уже не помнил гнева Нанги и мужа ее — Великого Пьйонги.

А Манумба помнил. Потому что был стар.

Старее его в племени был только вождь Л'Лгвага, но Л'Лгвага теперь почти не выходил из Хижины Совета: он почти ослеп, едва двигался и говорил с большим трудом.

И однажды, когда Время Дождей подходило к концу и наступала Пора Новой Жизни, вождь Л'Лгвага призвал к себе шамана Манумбу.

Свет Огненной Черепахи пробивался сквозь тонкие прутья, из которой была построена Хижина Совета, под босыми ступнями Манумбы похрустывали прелые стебли тростника, которым был устлан пол. Множество мух вились вокруг головы Большого Человека, но он не отгонял докучливых насекомых: милость его ко всем созданиям Нанги и мужа ее, Великого Пьйонги была безграничной, как Синяя Крыша. Непереносимо воняло старческим потом и застарелыми испражнениями, однако шаман вдыхал этот аромат с благоговением, ибо, как известно, все, что выходит из тела Большого Человека, есть святое.

Вождь Л'Лгвага лежал, до самой шеи укрытый шкурой ягуара; длинные, узловатые пальцы с обломанными, грязными ногтями, непрерывно теребили, перебирали ворсинки теплого, пятнистого покрывала.

— Низменный Манумба пришел к тебе, о Большой Л'Лгвага, — с почтением прошептал шаман.

Слезящиеся глаза дряхлого вождя, похожего на высохший в объятиях Огненной Черепахи труп крокодила, с трудом обратились в сторону вошедшего; Манумба почувствовал, как влага выступает и у него на глазах.

Ведь не кто иной, как сам Л'Лгвага воспитывал его, обучал тайнам шаманства, провел с ним Обряд Посвящения в Мужчины... А теперь старый вождь умирал.

— Очень скоро Л'Лгвага отправится в живот Нанги, — очень тихо прошептал вождь. — Духи давно зовут его. И ему на смену придет новый Большой Человек... Кого выберет племя, Л'Лгвага не знает. Ему нет до этого дела... Но Л'Лгвага не может уйти, пока не будет уверен, что Н'Карргну снова станет великим и сильным племенем... Помочь ему должен шаман Манумба.

Л'Лгвага надолго закашлялся. Манумба ждал терпеливо и благоговейно.

Отхаркнув густую слизь себе на бороду, вождь продолжил:

— Несколько дождей тому назад проклятые белые пауки похитили из сокровенной Хижины Почтения воплощение Великого Пьйонги — мужа Нанги. Коварные и глупые порождения змеи и мухи! Они не знают, какую мощь таит в себе Великий Пьйонга — муж Нанги! Великий Пьйонга — муж Нанги охраняет нас и дарит нам силу и богатство... Но белые пауки украли его. И теперь мы, дети Нанги и мужа ее — Великого Пьйонги, беззащитны и слабы, как едва вылупившаяся ящерица. Теперь другие деревни вонючих выкорышей старой водяной крысы — Танхда, Иигилии, и даже гнусные Оуаша — могут разорить нашу деревню так же легко, как Дыхание Рургха срывает семена бальоки...

При последних словах Л'Лгваги шаман зарычал и непроизвольно сжал кулаки. О, премерзские отродья, поклоняющиеся своим премерзским божкам, только и ждущие, чтобы трусливо напасть на Н'Карргну, отмеченную светом Нанги и мужа ее — Великого Пьйонги! Манумбе захотелось немедленно броситься в бой с этими пожирателями падали. Но он сдержался — ведь Большой Человек Л'Лгвага еще не закончил.

— Шаман Манумба смелый и сильный воин, — вновь заговорил вождь — еще более тихо. — Тело его покрыто волшебным рисунком Вудайю, ему ведомо потайное знание отцов наших, и отцов наших отцов,

и отцов отцов наших отцов. Л'Лгвага повелевает: пусть Манумба отправится в земли, где ткнут свои паутины белые пауки, отыщет воплощение Великого Пьйонги — мужа Нанги и вернет его племени. Только так Н'Карргну вновь станет сильным и непобедимым.

— Но как Манумба найдет Великого Пьйонгу — мужа Нанги? — негромко спросил шаман.

— Огонь в чреве Нанги, которая осталась одна, будет вести Манумбу, — совсем тихо ответил вождь: долгая беседа утомила его. — Пусть Манумба возьмет с собой столько самых лучших воинов, сколько пальцев на руках и ногах у трех здоровых людей. Смажет их боевые палки соком муараре. Пусть возьмет свою мудрость. Возьмет цветные камушки, которые любят собирать белые пауки. И встанет так, чтобы Огненная Черепаха просыпалась со стороны той руки, которой настоящий воин держит боевую палку. И двинется вперед. Огонь в чреве Нанги будет вести его. Пусть Манумба вернет воплощение Великого Пьйонги — мужа Нанги, в Н'Карргну...

Шаману осталось лишь коснуться рукой лба, что означало полное подчинение. Ему очень не хотелось покидать родные леса, бросать родную деревню... но и послушаться Большого Человека он не мог.

* * *

Огненная Черепаха просыпалась и засыпала столько раз, что сосчитать не хватит пальцев и у пятижды по пять воинов. Отряд двигался медленно, стараясь обходить стороной поселения белых пауков, но верно и неуклонно он двигался к цели. Огонь в чреве Нанги вел Манумбу вперед. И, ведомые этим незримым простому человеку светом, воины из Черных Королевств шли вперед.

Трое из них умерли в страшных мучениях, когда испили воды из колодца, умышленно отравленного белыми пауками.

Девять утонуло во время переправы через Живую Воду (наверняка созданную белыми пауками), поскольку в милом, далеком Н'Карргну никто не знал, что такое река, и плавать никто не умел.

Но Манумба уверенно вел свой отряд к цели.

Шестеро были убиты в стычке у стен большого скопления изрытых пещерами камней белых пауков, когда юный Хва'шд, изнывающий от отсутствия женщины в походе, решил попользоваться какой-то паучихой (на взгляд Манумбы, красивой, как кучка помета древогрыза). И только сок муараре, которым Манумба щедро смазал наконечники боевых палок, спасли их в той неравной битве.

Несмотря ни на что, они шли и шли на север, и Огонь в чреве Нанги разгорался все ярче.

Тринадцать воинов замерзли среди белого, скрипящего под ногами песка в Белых Горах (которые были похожи на Черную Гору, но несравненно выше, и которые, несомненно, были возведены белыми пауками на пути храброго отряда), а пятеро умерли от голода там же.

На четверых воинов белые пауки наслали чары, и они сошли с ума, когда в одном из поселений узрели обилие еды, познали доступных паучих и мягкие постели, а также отведали колдовской воды, от которой становится весело в душе и легко в голове. Эти четверо решили бросить своих братьев, предать Великого Пьйонгу — мужа Нанги и навсегда остаться в мерзком паучем селении... Не сумев снять с них заклятие, Манумба приказал убить всех четверых: он не хотел бросать несчастных в оковах проклятого колдовства.

Огненная Черепаха неустанно засыпала и просыпалась, и неустанно Манумба и воины продвигались вперед. Огонь в чреве Нанги разгорался все ярче. Еще немного, и они достигнут воплощения Пьйонги — мужа Нанги.

В отряде осталось столько человек, сколько пальцев на руках и ногах у всего одного здорового

мужчины, когда, поздно ночью, они подошли к стене очередного поселения белых пауков. И старый шаман с трепетом в сердце понял: здесь. Вот он, конец долгого пути. Здесь глупые пауки, не знающие ни одного слова Священного Языка Га, прячут воплощение Великого Пьонги — мужа Нанги. Высоки эти стены, крепки доски, прикрывающие проход внутрь, много пауков с боевыми палками охраняют его. Но ничего. Завтра Манумба проникнет в это сборище камней с пещерами. Завтра отнимет Великого Пьонгу — мужа Нанги, у пауков. И вскоре Нанга воссоединится со своим возлюбленным. Со своим мужем. И их свет снова воссияет над деревней Н'Карргну.

Подождем, пока не проснется Огненная Черепаха.

Поначалу все складывалось как нельзя лучше, хвала Великому Пьонгу — мужу Нанги. Они беспрепятственно проникли за стену, остановились на лысом месте, куда пауки почему-то не решались прикатывать свои камни для жилья; когда Огненная Черепаха уснула, Манумба воззвал к силе Вудайю, и та одарила его Светильником Нанги. Вedomые его светом, пятеро лучших из оставшихся воинов отправились за священной статуэткой.

Они не вернулись. Сила Вудайю позволила Манумбе увидеть, как их души возвращаются в живот Нанги... Да, белые пауки оказались не так тупы и неповоротливы, как полагал шаман. Ну ничего, перед Светом в чреве Нанги, и мужем ее — Великим Пьонгой, и соком муараре на наконечниках боевых палок ничто не устоит.

И он отправил еще пятерых воинов на поиски воплощения святыни. Эти пятеро тоже не вернулись.

Впервые в душе старого Манумбы родилась и зашевелила ножками холодная, скользкая гусеница страха. Неужели белые пауки сильнее воли Великого Пьонга — мужа Нанги, сильнее непобедимых воинов Н'Карргну? Не может быть. Или у них есть свой

шаман, который охраняет украденное воплощение Великого Пьонги — мужа Нанги?..

Людей в отряде осталось столько, сколько пальцев на руках одного здорового человека. И рисковать Манумба больше не смел. Теперь он сам поведет воинов в бой за освобождение Великого Пьонги — мужа Нанги. И пусть Сила Вудайю поможет им. А если все же ему суждено раньше времени вернуться в живот Нанги, что ж... стало быть, на то воля Великого Пьонги — мужа Нанги.

Глава двадцать седьмая

Деливио, говоришь, пожаловал? Просит срочно принять его, говоришь? — Ларго потер подбородок, эта примета — знал дежуривший сегодня стражник, который и доложил о приходе Деливио, — указывает на хорошее настроение его начальника.

Начальник городской стражи Ларго с утра пребывал в прекрасном расположении духа, предвкушая этот приход начальника стражи сенатора Моравиуса с той минуты, как ему доложили о бойне, устроенной в «Червивой груше». В которой замаскался этот коровий шлепок Деливио. Гора трупов, разгромленный трактир и, главное, самозванство. По показаниям трактирщика наглец выдавал себя со своими людьми за городскую стражу. Ох, повернется он на этом табурете, попотеет, отвечая на вопросы, а их будет много, очень много. Не раз он сюда придет. И покровитель его, сенатор Моравиус, не поможет, закон — есть закон. А если попробует вмешаться в расследование, то... не один сенатор в Сенате. И еще есть столица, куда можно направить жалобу. В столице о Ларго слышали, да и не смогут там не считаться с начальником стражи Конверума. Нет, не будет слишком рьяно-заступаться осторожный Моравиус за какого-то солдафона.

А может, его сразу отправить в Пыльный подвал? Пускай повалается на холодном полу, отморозит себе

кое-что, небось не до пышных вдовушек опосля будет. Или все-таки гонять его на допросы каждый день, изводить неизвестностью, страхом потерять свободу? Нервные переживания тоже, говорят, отбивают охоту гоняться за юбками.

Утром Ларго остановился на том, что, если Деливио до вечера придет сам, то сажать его пока не станет, а если не явится, то послать за ним отряд, доставить в тюрьму — и до полного выяснения. Но в любом случае за ту историю с этой шлюхой Алаккией он отыграется.

Вечера ждать не пришлось — храбрый только перед бабами Деливио прибежал очень быстро. Наверное, поплакался шлюхе Алаккии в подол, посидел в нужнике и сразу после потрусил сюда. Сейчас будет пускать сопли, напоминая о прежней дружбе.

— Пускай обождет в приемной, — распорядился начальник городской стражи, и дежурный стражник, кивнув, удалился.

Ларго решил начать с того, что сгонит последнюю спесь с этого выскочки, подержав его в приемной вместе с рядовыми просителями.

Дверь распахнулась и на пороге объявился улыбающийся Деливио. Позади него в глубине приемной Ларго разглядел корчащегося на полу, держась за живот, своего дежурного стражника.

Ларго был настолько ошеломлен, что бездействовал. Деливио шагнул в кабинет и, прикрыв за собой дверь, запер ее на защелку. Предстоящий разговор должен пройти втайне и без помех. И не так, усмехнулся про себя начальник стражи сенатора Моравиуса, как предполагал этот жирный увалень Ларго...

* * *

Конные ряды были, разумеется, самыми шумными и грязными на рынке. Здесь к гвалту человеческих голосов примешивались лошадиные топот и ржание, а к обыкновенной базарной грязи — навоз, солома и овсяная шелуха.

Конан поймал себя на мысли, что, покупая лошадей, а доводилось ему проделывать это нередко, как, впрочем, и продавать их, он почти никогда не мог позволить себе выбирать, не прикидывая, хватит денег — не хватит. Обычно, как вот и сейчас, он выматривал лучшее из того, что подешевле.

Киммериец продирался сквозь толпу из продавцов, покупателей, праздных любителей поглазеть на лошадок, карманников, побирушек, сквозь толпу, которая, как известно, хороша тем, что в ней легко затеряться, скрыться от кого-нибудь... но также в ней без труда за тобой могут следить и следовать, оставаясь незамеченными.

Походив, посмотрев, поспрашивав о цене, северянин, наконец остановил свой выбор на буланом немедийском жеребце, немного грузноватом, но без видимых изъянов, не молодом, но на пути к Мострадиносу от старости помереть не должен. Да и вообще, все немедийские породы известны своей выносливостью и покладистым нравом. Теперь оставалось сбить запрашиваемую барышником цену где-то так на треть, хотя он, подлец, наверняка загнул где-то вдвое против настоящей.

Начали торговаться. Барышник, схожий ростом и подвижностью с жеребенком, с боем сбавлял цену, цепляясь за каждый медяк, а, расхваливая коня, так приукрашивал его достоинства, будто он продавал собственного сына.

Как и обычно в таких случаях, вокруг собралась толпа советчиков и помощников. У бедного жеребца рот не закрывался, потому что каждый норовил посмотреть зубы, чтобы после выдать свое заключение.

Конан уже приближался к своей цели, оставалось выторговать пару серебряных и можно будет ударить по рукам.

— Ты куда глаза подевал, — киммерийца схватили за руку, — чего берешь, растяпа, глянь правую заднюю. Знаю я эту клячу, люди, он и мне ее всучить пытался! Нога у ней правая задняя не сгибается, люди!

— Зверь! — завизжал барышник. — Это зверь, а не жеребчик! Не слушай его, уважаемый! Брет, мерзавец! Пойдем, поглядишь на ногу!

И он тоже ухватил Конана за руку.

— А вот идем, вот посмотрим, — горячился и доброхот из толпы и тянул северянина к безучастно жующему коню.

— Сейчас глянем, сейчас разберемся, — вторили голоса сзади.

Конан дал себя увлечь, нагнулся вместе с барышником к лошадиной ноге...

Глаза ослепила яркая вспышка, и он полетел в бездонную черную пропасть.

* * *

— Чистая работа! — сказавший это «доброхот из толпы» перехватил занесенную для повторного удара руку напарника, в которой был зажат продолговатый мешок, набитый песком. — Ему уже достаточно. Убьешь еще, а он нам заказан живым.

После этого «доброхот» повернулся к опешившим людям и — куда только подевалось его бывшая придурковатость, в голосе зазвучала властность и жесткость:

— Городская стража! Посторонним разойтись! Ты — связать его! Ты — бегом за людьми! Ты — смотри вокруг, чтоб никто не приближался!

Посторонних не стало вмиг, как и не было. Непосторонних оказалось помимо «доброхота» еще трое, одетых, как и их начальник, под обыкновенных горожан. Они бросились выполнять приказания старшего.

Глава двадцать восьмая

Конан пришел в себя, но некоторое время пребывал в неподвижности, с закрытыми глазами. Никогда не следует торопиться, если не знаешь, кто вокруг — свои или враги. Тем более что своих в этом городишке у него поди и не осталось.

Но, Кром, сколько же можно получать по голове и валяться в беспамятстве!.. Теряем бдительность, киммериец, теряем. К тому же (это он узнал, пошевелив руками), опять связанный, опять обездвиженный...

Неподалеку бубнил голос — а помещение, надо понимать, большое, ишь как эхо разносится. И голос почему-то знакомый... Киммериец с трудом сдержал гримасу: напряжение вызвало в его голове тупую, пульсирующую боль.

— ...вернувшись со своим шурином, лекарем Пробсом, и не застав подозреваемого в комнате, — бубнил голос, — я сначала растерялся. Однако потом вспомнил, как он говорил в трактире «Червивая группа» своему сообщнику о том, будто у него нет лошади, чтобы выбраться из города. Значит, решил я, прежде всего он отправится на городской базар. Поскольку людей у меня оставалось мало, я, какось, вопреки твоему, сенатор, приказанию, связался с людьми начальника городской стражи Ларго и убедил их помочь мне в розыске подозреваемого...

— Да? — прервал его другой голос — уверенный, звучный, властный. — И как же тебе, о начальник стражи, удалось убедить Ларго содействовать тебе?

Пауза. Затем:

— Дело в том, почтенный сенатор, что на некоторых чиновников, занимающих достаточно высокий пост в охране Конверума, я в свое время отыскал несколько порочащих их сведений... на всякий случай... Ну, с тем, чтобы, если возникнет такая необходимость...

— Можешь не продолжать, Деливио, я понял. И что же дальше?

— Дальше, уважаемый сенатор, при посредстве выделенных в мое распоряжение городских стражников я отыскал на базаре подозреваемого и произвел гражданский арест. На этом мой доклад заканчивается. Похищенные документы, а также некая отвратительная статуэтка, вероятно украденная злоумышленниками из хранилища изваяний, перед тобой. Кроме того, в кармане арестованного был найден вот этот перстень. Очень дорогой перстень, который не может принадлежать бедняку. Что подтверждает: этот человек — вор. Я выполнил твой приказ.

— Да-да, я вижу... — задумчиво продолжал второй собеседник. — Однако я также вижу, что наш друг пришел в себя. Не так ли? Открой глаза, вор, я хочу заглянуть в них.

Поняв, что таиться дальше смысла нет, Конан поднял веки.

Он находился в обширном зале со скошенным потолком и со стенами, облицованными зелеными каменными плитами. Находился тут со связанными за спиной руками. Сидя в небольшом, но удобном кресле. Вербка, опутывающая его кисти, была заодно обмотана и вокруг спинки кресла — наверное, для пущей страховки. Связаны были и ноги.

Два человека стояли рядом. В одном он узнал Деливио, другой же бы Конану незнаком. Но, судя по всему, это и был Моравиус.

Сенатор.

Он же — Аффендос, Король Теней.

Деливио, ах ты пес трусливый, предатель! Все-таки предпочел верность хозяину присяге перед своей страной!..

Холодная волна ярости захлестнула северянина, но он тут же подавил ее: не время сейчас впадать в неистовство — надо думать, как выбраться из этого положения. Будь проклят Деливио, будь проклят Конверум, будь проклят тот миг, когда я въехал в ворота этого городишки...

— Деливио, друг мой, — мягко произнес Моравиус, внимательно глядя на плененного гиганта, — оставь нас на некоторое время один на один. У меня есть о чем побеседовать с этим... вором.

— Но, милостивый сенатор, этот человек...

— Все в порядке, Деливио. Он связан и едва пошевелиться не может. Ты отлично выполнил свою задачу. Я горжусь тобой. Не зря все-таки я назначил тебя начальником своей стражи... и в свое время не снял с этой должности. А теперь иди, Деливио. Я позову тебя позже.

Отвесив поклон, начальник стражи покинул Нефритовый зал.

Моравиус молчал, глядя на пленника. Так вот он каков, человек, который едва не поставил крест на карьере сенатора. Странно, но вор не боится — как боялся бы на его месте любой человек, схваченный за совершенное преступление. Значит, он или глупец, или...

Молчал и пленник, по возможности незаметно старающийся испытать на крепость узлы сковывающей руки веревки. Нельзя торопиться, но и бездействовать нельзя: как северянин уже знал, Аффендос не оставляет в живых тех, кому известно о нем слишком много. А уж тем более тех, кто видел его лицо.

— Ты странный человек, — наконец заговорил Моравиус. Он возвышался над пленным, заложив, так же, как и пленный, руки за спину. — Я не могу по-

нять тебя. Ты не похож на обыкновенного вора — ты похож скорее на воина. Ты не похож на человека, который по своей воле крадет важные документы из запертого стола — ты похож скорее на человека, которого заставили украсть эти документы. Так кто же ты? Кто те люди, что заставили тебя украсть?

Конан хранил молчание, незаметно для Моравиуса напрягая и расслабляя мышцы рук и пытаясь перетереть толстую веревку. Веревка медленно нагревалась.

— Молчишь, — с некоторым вроде бы удовлетворением заметил Моравиус. А потом, несильно размахнувшись, врезал киммерийцу по скуле.

Барвар не ожидал удара; зубы его лязгнули, нижняя челюсть тут же онемела. И ему вновь пришлось подавить в себе волну гнева: потом, потом, сейчас главное освободить руки, а уж дальше посмотрим, кто кого. Перетираемая веревка уже обжигала запястья, но пока ни одно волокно не лопнуло. Однако Конан упорно продолжал двигать кистями рук.

Моравиус наклонился поближе к пленному и едва слышно произнес:

— Я могу убить тебя прямо сейчас. Я могу запятать тебя до смерти в своем подземелье. И никто не вспомнит, что когда-то жил такой вор по имени Конан. Тебя ведь Конаном кличут, да? Документы вернулись ко мне, теперь я спрячу их так, что ни одна крыса уже не отыщет. Ты проиграл, Конан, и, думаю, сам понимаешь это... Но я пока не хочу тебя пытать. Может быть, я убью тебя быстро. Может быть, я оставлю тебя в живых. Это будет зависеть от того, насколько разговорчивым ты окажешься... Ну так как, Конан? Мы договорились? Скажи мне, кто приказал тебе украсть эти документы. Кто еще, кроме тебя, знает их содержание. Где находятся эти люди. Сколько их и кому они служат.

Киммериец молчал. На лбу его истово билась лиловая жилка. Сжав зубы, он незаметно, но энергично двигал кистями рук. Пусть Аффендос поговорит

еще немного, пусть поугрожает. Сейчас главное для Конана — время. Не свили еще такую веревку, которая удержала бы его достаточно долго. Поэтому — тяти время, северянин, тяти время.

— Молчишь, — огорченно повторил сенатор. — Я думал, ты окажешься умнее.

Взмах руки — и в мозгу киммерийца вспыхнуло солнце: на этот раз удар Моравиуса пришелся ему в глаз.

Время, Конан, время...

* * *

Деливио вышел на балкон, облокотился на перила. День клонился к вечеру, повеял легкий ветерок. Ох и денек выдался!

Его вновь обуяли прежние терзания. Прав ли он в своем решении? Прав ли он, что дает мучить себя сомнениям? Воин не должен сомневаться, воин должен служить и сражаться. Служить он поклялся своему хозяину, сенатору Моравиусу. А предал ли сенатор Коринфию или нет — это не его, Деливио, дело. Пусть в этом разбираются те, кто за это деньги получает. Он всего лишь выполнял свой долг. Он нашел документы, он нашел одного из похитителей документов... Откуда ему знать, не врал ли рыжий пройдоха насчет предательства Моравиуса? А если Вайгал просто хотел задурить старому воину голову, выторговать свободу, сбежать из города?..

Послышались легкие шаги, и на балкон впорхнула Кальвия, жена сенатора.

— Деливио, милый, что происходит? Что это за оборванца ты притащил в дом? Почему мой муж снисходит до бесед со всяким сбродом? Он же хочет его допросить, да? А почему он сам, а не Ларго? Почему в нашем доме, а не в Пыльном подвале? Деливио! Начальник сенаторской стражи улыбнулся.

— Госпожа задала столько вопросов, и ни на один я не могу ответить. Я или не знаю ответа, или не имею права говорить.

Кальвия надула губки.

— Ох уж эти противные мужчины! Вечно делают тайны из пустяков. А я тоже знаю одну тайну. Раз ты такой нехороший, ничего тебе не скажу... Нет, скажу, я же не мужчина, чтоб изображать из себя невесту что. — Молодая жена сенатора шагнула к Деливио, приблизила свои губки к его уху и произнесла игриво-таинственным шепотом: — Я совершенно точно знаю, что некая симпатичная женщина по имени Алаккия страшно тоскует по одному покинувшему ее другу и все удивляется, чем она ему не угодила? И она очень, очень хотела бы снова встретиться с ним, хотя бы разочек... только самой ему об этом сказать как-то неудобно.

Начальник стражи сенатора Моравиуса почувствовал, что начинает краснеть, и ничего не мог с этим поделать. Лишь бы госпожа не заметила. Но та заметила. И радостно хлопнула в ладоши.

— Ой, смотрите-ка, старый вояка зарделся, как новобранец! И окаменел, точно статуя. Деливио, посмотри на меня! Ха-ха, когда совращал бедную вдовушку, наверное, не краснел.

— Я не знаю о чем вы, госпожа. У меня есть жена, — сказал Деливио, и ему стало противно.

— Каков! Влюбил в себя женщину, бросил ее, заставил мучиться, а теперь — «не знаю». А Ларго знаешь, с которым навсегда рассорился из-за прелестной Алаккии? Видишь, мне все известно. Деливио, Деливио, ну скажи, что за страшил ты притащил в дом? Это не оборванец, да? Он выдает себя за другого?

Он и сам сегодня вспоминал их ночи с Алаккией — воспоминания пробудило дневное посещение Ларго. И грешным делом мелькнула мысль: а не зайти ли к ней как-нибудь вечером? И вот теперь выясняется, что и Алаккия его ждет... Деливио захотелось остаться одному, но жена сенатора и не думала уходить, все трещала, мучила расспросами о пленнике. Какие, однако, любопытные существа, эти женщины! Как же от нее отвязаться?

Деливио вдруг вспомнил, как Вайгал сказал ему: дескать, прибыл в Конверум за головой Аффендоса и только случайно попал на политический заговор. Выдать, что ли, этой красивой, но, увы, недалекой женщине какую-нибудь ерунду про легендарного Короля Теней да про охотников на него? Глядишь, и отстанет от меня...

— Так и быть, госпожа, скажу, кто таков этот верзила. Да, он не оборванец, а тайный посланец нашего Короля, прислан сюда разыскать нашего Аффендоса. К вашему мужу обратился, как к человеку, которому можно полностью довериться, а в веревках его привели, чтоб никто ничего не заподозрил. Разумеется, мне больше ничего не известно. Только это между нами, хорошо?

— Конечно, милый Деливио, ты мне ничего не говорил. Он страшный, этот Аффендос, я его очень боюсь. — И действительно, на хорошеньком личике Кальвия мелькнуло что-то вроде испуга. Но испуг мгновенно улетучился. — Не забудь проведать Алаккию! Приятнейшая женщина! — произнесла игриво напоследок Кальвия и вышла с балкона.

Деливио облегченно вздохнул. Он даже не подумал о том, откуда Кальвия знает о его связи с вдовушкой Алаккией.

На смену Кальвии в дверном проеме показалась фигура стражника; в руках он держал посверкивающий в лучах предзакатного солнца обнаженный меч.

— Господин Деливио, — сказал он встревоженным голосом. — Стражники северного крыла заметили в саду какое-то движение. Похоже, среди деревьев кто-то прячется. Числом не меньше пяти. Я приказал прочесать сад.

— Иду. — Деливио застегнул верхнюю пуговицу мундира и отбросил прочь все сомнения насчет своего поступка. Кого это еще принесло? Нет, клянусь Митрой, ну и денек сегодня выдался!..

* * *

Шаман Манумба сидел, укрытый ветвями, на дереве, откуда хорошо была видна каменная гора, изрытая пещерами и набитая белыми пауками. В ней презренные твари упрятали Пьйонгу. Гнусные животные очень постарались, чтобы никто не добрался до украденного ими воплощения Великого. Они наводнили подходы к Большой пещере отрядами охотников. На один из отрядов наткнулся он со своими воинами по пути сюда. Конечно, паучки не смогли одолеть прославленных сынов Нанги и мужа ее — Великого Пьйонги, чья храбрость превыше храбрости Хитрого Полосатого Зверя, а ловкость сравнима лишь с проворством Хвостатых Полулюдей — макакук. Но злобным белым насекомым удалось-таки коварными ударами глупых, тяжелых палок отправить обратно в живот Нанги весельчака Махабу и Уйдотрига-младшего.

Саму Большую пещеру отвратные бестии обнесли завалом из камней — навряд ли того, каким однажды огородили поганые выйош'эучи, сыновья мордорога и падаледа, водопой у Кривой тропы. Но как тогда неудержимые дети Нанги с легкостью Длинношея, перешагивающего труп пальмового червя, преодолели завал выйош'эуч, так и сейчас — завал белых пауков.

Вокруг большой горы с пещерами глупые паучики не вырубали деревья. Ха-ха, тем легче его воинам подобраться незамеченными к подножию горы. А сам Манумба взобрался на ветвистое дерево, откуда он с помощью сил Вудайю будет незримо следить за своими бесстрашными воинами. Он готов, если потребуется, вступить в Великую битву. Если паучья стая одолеет его небольшой отряд, в котором каждый воин стоит целого племени пауков.

* * *

— Поверь, Конан, мне очень жаль, что так случилось, — проговорил Моравиус. — Но я не могу поступить иначе. Я не люблю убивать людей, даже если

они преступники. (Ну-ну,— мысленно засмеялся Конан, сохраняя каменное выражение лица: Аффендос не должен заподозрить, что он старается перетереть веревку.) Однако важность украденных тобой документов столь велика, что с лихвой искупает смерть любого человека... а особенного такого, как ты. Преступника, иными словами.

Сенатор повернулся к дверям, намереваясь кликнуть стражу. Киммериец отбросил со лба непослушную прядь волос и тихо, но явственно произнес:

— Аффендос.

Моравиус круто повернулся к пленному; на его лице застыло изумление. Или то был испуг?

— Что? Что ты сказал?..

* * *

Проклятый варвар! Так вот зачем ты пробрался в мой дом! Ты узнал об Аффендосе! Похищение документов было лишь отвлекающим маневром! Но как тебе это удалось? И кто еще знает об этом? Надо что-то делать... Надо... Но что? Если варвар начнет говорить... Нет. Он должен замолчать. Навсегда.

Глава двадцать девятая

Кальвия стремительно, почти бегом подошла к дверям, ведущим в Бирюзовую гостиную, где дожидалась ее возвращения сестра. Они с Роханой редко в последнее время расставались. Если Кальвия не гостила в отчем доме, то Рохана приходила в дом Моравиуса. И Рохану непременно сопровождали Дарк и Томак. Сейчас они тоже дежурили у входа в Бирюзовую гостиную.

— Вы мне нужны. Оба. Возьмите оружие. Возможно, оно нам понадобится,— сказала им, приблизившись, Кальвия. Повернулась и, так и не войдя в гостиную, направилась туда, откуда пришла.

Телохранители послушно, молча последовали за сестрой своей хозяйки. Томак, помимо неизменного меча, захватил с собой и арбалет, а Дарк ограничился одним лишь кинжалом на поясе.

Кальвия шла быстро, не оглядываясь. Она прекрасно знала, что Дарк и Томак идут за ней по пятам.

Рохана очень удивится, когда, вскоре выйдя из гостиной, не увидит ожидающих ее обычно таких дисциплинированных Дарка и Томака.

Возле громадных, отделанных бронзовыми украшениями дверей, ведущих в Нефритовый зал, она остановилась. Двери охранял стражник Деливио, и Кальвия даже помнила его имя.

— Тротт,— сказала она, улыбаясь несколько вымученно, но так, чтобы стражник не заметил натянутости этой улыбки,— господин Деливио приказал тебе явиться в его кабинет. Срочно. Кажется, он хочет поручить тебе какое-то важное дело. А охранять зал останутся телохранители моей сестры.

— Да? — обеспокоенно спросил стражник.— А почему он сам не распорядился?

Кальвия пожала плечами.

— Не знаю. Деливио просто просил передать тебе его приказ. Последнее время у него столько дел, он такой расстроенный ходит. Наверное, все из-за этих противных ворюшек.

— Ага,— осклабился Тротт.— Ну, теперь-то все будет в порядке. Деливио поймал одного из них.

— Знаю. Торопись, дорогой Тротт, Деливио ждет.

— Бегу. А эти телохранители вооружены?

— Конечно, как же иначе?

Спустя совсем немного времени Тротт погибнет от руки таинственных нападающих. А пока...

Кальвия и двое людей Роханы остались одни возле дверей Нефритового зала, за которыми Моравиус допрашивал пойманного вора.

«Аффендос»,— услышала она приглушенный деревянной панелью чуть хрипловатый голос с той стороны.

* * *

— Ты не ослышался,— продолжал Конан.— Я так и сказал: Аффендос. Тебе это имя что-нибудь говорит?

Киммериец почувствовал, как лопнуло, не выдержав нагрузки одно из волокон веревки. Ну накопец-то. А сколько их всего? Ага, Моравиус заинтригован. Откуда, дескать, этот варвар знает мое второе имя? Тяни время, Конан, тяни время, говори что-нибудь, заинтересуй сенатора, пусть он будет слушать тебя, задавать глупые вопросы... Веревка об-

жигала кисти рук, но он продолжал упорно перетирать ее.

Моравиус медленно кивнул, не отрывая взора от лица пленного, на котором выступили бисеринки пота.

— Знакомо,— сказал сенатор.— И что дальше?

Киммериец перевел дух. А хорошо держится этот Король Теней. По нему и не скажешь, что он взволнован, испуган или разозлен — просто интересно человеку, что такое с этим Аффендосом.

Говори, Конан, плети паутину, путай правду с вымыслом.

— Я приехал сюда из Заморы, из города Ларши, что лежит неподалеку от Шадизара, города воров — слышал о таком? Да, сенатор, я вор, но одновременно я — посланник из Шадизара. Я прибыл в Конверум по приказу тамошнего короля воров, чтобы встретиться с тобой и обговорить, не найдутся ли у нас какие-нибудь общие интересы. Ведь расширение влияния — это и твоя цель, не так ли?..

Перетерлось еще одно волокно веревки.

* * *

— Нападение! Нападение! — неслось по этажам дома сенатора Моравиуса.— Всей страже собраться в северном крыле! Сообщить городской страже! Вызвать подмогу!..

Какие-то оборванцы, казалось, лезли из всех щелей — темнокожие, в странных мешковатых одеяниях, с тонкими прутиками в руках.

— Нергалью печень в рот Сету, те самые! — взревел Деливио.— Стража, занимай оборону! Соблюдать осторожность, у них отравленные копья!..

* * *

Мимо Кальвии пронеслось несколько охранников, но она почти не обратила на них внимания, уловив лишь, что кто-то неизвестный забрался в дом. Она

всецело была поглощена подслушиванием. Слышно было плохо, тяжелые дубовые двери скрадывали звуки, однако отдельные слова долетали до ее ушей. И слова эти пугали ее. Пугали до смерти. В конце концов, она была лишь женщиной, а женский разум не всегда выдерживает сильные переживания.

* * *

Помаявшись некоторое время по Бирюзовой гостиной, погадав, куда подевались ее телохранители, Рохана решила пройтись по дому — поискать сестру и заодно выяснить, почему все шумят и суетятся.

* * *

— Продолжай, Конан, продолжай. Это очень интересно, — осторожно произнес Моравиус. — Итак, король воров Шадизара послал тебя сюда, чтобы ты встретился с местным Королем Теней?

— Именно так, благородный сенатор. — Киммериец сделал ударение на последних словах, но сенатор сделал вид, что не заметил подтекста.

— И как? Удалось ли тебе встретиться с Аффендосом?

— Полагаю, да.

Мерзавец, он все еще делает вид, что не имеет никакого отношения к воровскому миру Конверума! Осторожничает. Ну и пусть, мне это только на руку. Он сам тянет время, не понимая, что уже начал плясать под мою дудку... погоди, Аффендос, дай только с этой веревкой разобраться, а уж потом поговорим по душам...

И ни один, ни второй не слышали, что немногочисленная (зачем держать целый полк в доме одного из самых уважаемых людей города?) охрана дома из последних сил сдерживает наступление дикарей из Черных Королевств, что несколько чернокожих уже проникли в залы первого этажа.

* * *

«Удалось тебе встретиться с Аффендосом?», «Полагаю, да», — услышала Кальвия из-за двери. И сжала кулачки. Ужас охватил ее разум колючими лапками.

* * *

Шаман Манумба слышал биение сердец своих воинов, доносящееся с разных сторон Большой пещеры.

Одно заколотилось часто-часто — то воин Гро'гру вступил в схватку с пауками. Вот сердце воина радостно трепыхнулось — значит, убит белый гадиныш. Сердце екнуло — Гро'гру ранен? Опять вздрогнуло от восторга — ага, не стало еще одного паука. А! Сердце Гро'гру стало биться тише, все тише... Остановилось. Возвращайся, Гро'гру, в живот Нанги, чтобы снова выйти оттуда через много лун с новым лицом и именем.

Скоро все сердца, кроме сердца воина Папчуу, дали знать Манумбе, что все его воины, кроме Папчуу, сражаются с пауками.

Вот не стало воина, не стало паука, еще паука и еще. Еще, еще, еще, еще паука. Ах, воин Стрр Хйох ушел, воин Ыйы ушел. Ага, паук убит!..

...Много пауков убили его воины, очень много, но все, кроме Папчуу, один за другим вернулись в живот Нанги. Но жив Папчуу, сын Уучпапа, и пока он жив, шаман Манумба останется на дереве. Не станет Папчуу — шаман Манумба слезет с дерева и пойдет на пауков. Один. И освободит Пьйонгу.

По неизменяющемуся биению сердца Папчуу Манумба догадался, что воин пока обходит паучьи ловушки и засады. Молодец Папчуу! Как и его отец, он — величайший воин мира!

* * *

Папчуу не обходил никакие ловушки и засаду. Поняв, что пауков неизмеримо больше, чем настоящих

воинов, он предпочел спрятаться — до поры до времени — в маленькой темной пещере. Он не знал, что пауки называют ее чуланом. Во мраке ему удалось разглядеть странные паучие штучки, среди которых он не заметил ни одного знакомого. Папчуу сидел в пещерке долго, он боялся выйти из нее, эти пауки слишком хорошо воюют, они убьют его. Вот отец его, Ууч-пап, тот бы справился с белыми насекомыми, но Папчуу не настолько великий воин. Зато он великий подражатель крикам Хвостатых Полулюдей — макакук.

Вход в пещерку неожиданно открылся, на пороге возник белый паук. Папчуу бросился на него и ткнул отравленным копьем. Паук что-то бросил, что-то, проткнувшее Папчуу сердце.

* * *

Подобно коричневым тараканам, коричневокожие нападающие разбредались по всему дому, залезали в каждую щель, неожиданно набрасывались на стражников. Конечно, их тонкие копья-палочки не могли противостоять остро отточенным мечам охранников, к тому же предупрежденных о коварных свойствах их оружия, но если уж темнокожему вторженцу удавалось царапнуть наконечником копья кожу стражника...

Деливио медленно продвигался по тускло освещенному коридору. Опять эти черные! Почему они преследуют его? Или это пособники Конана и дохлого Вайгала? Пришли сюда, чтобы освободить своего подельника?..

Из каморки под лестницей, что вела на второй этаж, донесся неясный, едва слышный шум, но чуткое ухо начальника сенаторской стражи уловило его. Выхватив из кармана металлический кружок с заточенными зубцами, он распахнул дверцу и метнул в темноту. В ответ из темноты вылетело тонкое копьё, и, зажатый тесным пространством, Деливио не смог увернуться.

Начальник стражи Моравиуса и темнокожий воин Папчуу умерли одновременно.

* * *

Рохана почувствовала страх. В доме царил переполох — бегали туда-сюда слуги, выкрикивали какие-то команды стражники, а снизу доносились звуки битвы. Ну где же Дарк и Томак? Почему их нет рядом, когда их хозяйка в опасности?! Ох и задаст она им! Когда найдет...

Протяженными коридорами Рохана приближалась к Нефритовому залу — и к развязке всей этой истории.

Глава тридцатая

Шаман услышал волнение сердца Папчуу — потом оно отозвалось радостью победы над белым пауком — и тут же перестало биться. Последний настоящий воин вернулся в живот Нанги.

Манумба слез с дерева: что ж, настал его час. Сейчас силой Вудайю он расправится с белыми пауками. Сейчас... Хорошо было бы, конечно, наслать на паучков стада Носатых Гор, они бы в миг разворотили пещеру и перетоптали бы всех белых гадин. Но не встречались во владениях белых пауков Носатые Горы, а ждать, пока они придут из родных земель, шаман не мог.

Он обойдется и без Носатых Гор.

Шаман закусил конец бардовой бороды, выплюнул его и произнес заклятие Вудайю Хохочущего.

Вытатуированные на его теле звери зашевелились: зашипели, оскалились, задвигали лапами, завертели головами, забили хвостами, потом вдруг соскочили с кожи и завертелись вокруг улыбающегося встрече с ними Манумбы. Шаман сказал:

— *Вофым!*

И звери, обретшие плоть, подхватили его, понесли по воздуху. Приблизили к одной из дыр в Большом камне, пронесли внутрь, опустили на землю, сделанную из дерева. Но не было у шамана времени разглядывать ухищрения белых пауков. Ему, пока рядом

нет трусливых и жестоких тварей, надо успеть произнести три слова Вудайю... Произнес. Зажегся Светильник Нанги. О Пьонга! Твое воплощение совсем близко.

Шаман заторопился на свет Нанги; рядом с ним, как собаки, сопровождающие охотника, бежали его звери, забегая вперед, заглядывая ему в глаза, преданно виляя шипастыми хвостами.

* * *

В Нефритовом зале по-прежнему царила тишина: строитель дома Моравиуса специально позаботился о том, чтобы внутрь не долетало ни звука и чтобы ничто не отвлекало сенатора от важных дел.

— То есть, Конан, ты хочешь сказать, что тебе известно, кто такой Аффендос? — проникновенно спросил Моравиус, наклоняясь поближе к киммерийцу.

«Ну не убьет же он меня сразу, не выяснив, кто еще, кроме меня, знает о нем? И не выслушав «предложение» короля воров Шадизара?..»

Конан набрал полную грудь воздуха и сказал, твердо глядя в глаза сенатора. Точно в воду нырнул:

— Да, сенатор. Мне известно, кто он, Король Теней.

Сенатор выпрямился. Помолчал немного задумчиво, покачиваясь с пятки на носок. И наконец изрек:

— Хорошо. Это хорошо. Но об этом мы поговорим позже. А теперь я все же хотел вернуться к вопросу об украденных документах...

Ослабло очередное волокно веревки, которой были связаны руки Конана.

В этот момент дверь позади Моравиуса отворилась.

* * *

«Да, сенатор. Мне известно, кто он, Король Теней», — услышала Кальвия голос пленного. И мгновенно обернулась к телохранителям сестры.

— Томак, останешься тут. Никто в зал войти не должен, пока я не позову. Дарк, ты идешь со мной. Будь готов действовать.

Томак кивнул и взял арбалет на изготовку.

* * *

Сенатор обернулся на звук открываемой двери.

— Кальвия!

Конан едва не вскрикнул от удивления: это же одна из тех шлюх-близняшек, что заманили его и заставили скакать ночь напролет! Она-то что тут делает?.. Да с ней еще и тот боец, которого Конан поколотил в спальне, где кровать с черными простынями!

Шлюха мельком глянула на пленного варвара, но если и узнала его, то ничем не выдала своих чувств. Телохранитель, вытащив кинжал, переместился влево, выйдя из поля зрения киммерийца. Конан еще яростнее заработал кистями руки. Ну же, когда же эта треклятая веревка наконец поймет, что ей не совладать с северянином!..

— Дорогой, мне так страшно! — воскликнула жена Моравиуса, заламывая руки. — Какие-то люди забрались в дом, стражники носятся туда-сюда. Мне пришлось попросить телохранителей Роханы оберегать меня. Я сижу там совсем одна, ты меня бросил... А внизу идет настоящее сражение!

— Не сейчас, Кальвия, не сейчас, — отмахнулся сенатор. — Я уверен, что Деливио справится со всеми неприятностями. Этот пленный говорит такие интересные вещи... — И Моравиус вновь склонился над Конаном. — Так я жду ответа, варвар.

— Наверное, это мои люди из Шадизара — пришли вызволить меня, — как можно безмятежнее сообщил Конан, используя любую возможность, чтобы еще немного, еще чуть-чуть потянуть время. — Тебе не удержать меня, сена...

Он вдруг запнулся, только сейчас уловив некую странность во всем происходящем. Разум опытного

воина забил тревогу, Конан почти ощущал, как в воздухе скопились раскаленные добела опасность и угроза смерти. Но от кого они исходят? Он не мог больше произнести ни звука. Мысли металась в мозгу, как лошади в охваченной пожаром конюшне. Сенатор, Кальвия, охранник за спиной... Почему — так? Неужели... Не может быть!

...Телохранитель обнажил кинжал. Он готов напасть. На кого? Пленный же связан...

...Аффендос, как сказал Вайгал, это Моравиус. Но почему сам сенатор не выказывает ни толики беспокойства, лишь любопытство?..

...Зачем шлюха явилась сюда, ведь она не должна лезть в дела своего мужа?...

...Зачем она спряталась у сенатора за спиной? Не меня же она боится...

«...За спиной мужчины всегда стоит женщина, — сказал когда-то Конану хромоногий юноша-маг, что сидел возле трупя своего учителя. — И женщины любят убивать...»

Истина открылась перед киммерийцем, подобно тому, как солнце выходит из-за туч, и ослепила его.

— Сенатор, сзади! — гаркнул Конан и рванулся изо всех сил. Веревка затрепала, однако не пустила.

Вайгал ошибся в своих подозрениях, только сейчас понял северянин... Но было уже поздно.

Моравиус вздрогнул, резко выпрямился. В глазах его застыло неимоверное изумление... а потом оно исчезло — равно как и все прочие чувства: глаза сенатора остекленели. Рот приоткрылся, оттуда на грудь выплеснулся сгусток крови. Он издал хриплый звук и шумно повалился ничком к ногам связанного варвара.

Из его спины торчала рукоять изящного дамского кинжала.

А над телом сенатора стояла Кальвия — его жена. Шлюха.

Король Теней по имени Аффендос.

И она улыбалась. И безумием веяло от этой улыбки.

* * *

Из пещеры, в которой не было пауков, шаман шагнул, отодвинув деревянную паучью заграду, в пещеру с пауками. Пришло время его зверушкам, истосковавшимся по свежей крови, испить кровь паучью.

— *Атумз!* — произнес шаман, отпуская зверей на вольную охоту.

Манумба, прислонившись к пещерной стене, стал ждать, когда его верные слуги, в которых вложена сейчас вся его колдовская мощь, расчистят для него дорогу, освободят путь от надоедливых пауков.

Однако звери, вместо того чтобы послушно двигаться немного впереди шамана, оберегая хозяина от всевозможных нападений, разбежались по дому.

Манумба звал их, но не мог вернуть. Происходило страшное: им пришлась по вкусу паучья кровь, они обезумели от нее; пока они не насытятся ею или пока не погибнут — не вернуться. А пока не вернется хотя бы один из зверей — не вернется к шаману хотя бы толика его колдовской силы. А без нее он просто старик. Уставший, больной старик. Манумба едва не заплакал от досады.

Звери гибли один за одним. Где и как — он не знал, но слышал Невидимым Ухом их смерть.

* * *

Томак обернулся на звук. Дверь, закрывавшая проход в соседний зал, рассыпалась в щепки под чудовищным ударом извне, и тут же в раскрывшийся проем впрыгнул зверь, словно выпешедший из страшных бабушкиных преданий, слышанных в детстве.

Пугаться и размышлять над тем, что бы это значило, не было времени. Томак обнажил меч и занес его, собираясь отделить приближающуюся клыкастую башку от чешуйчатого тела.

И он отсек эту башку, однако выстрелить из арбалета, чтобы завершить начатое, не успел: когти чудовищного зверя нащипали тело человека и принялись рвать его на части. Обезглавленная тварь еще жила!

Она жила до тех пор, пока человек не испустил дух.

Томак не успел крикнуть, его быстротечная схватка с чудовищем промелькнула в полной тишине, если не считать грохота выбиваемой двери. А тварь, дождавшаяся смерти своей жертвы, и сама перестала быть, исчезнув бесследно, как исчезает вода, вылитая на песок.

Мануба вскричал от злости и бессилия. Погиб его последний зверь! Погибли все настоящие воины! Теперь он один, теперь он просто слабый старик. Но он пойдет на все еще мерцающий для него свет Нанги... и умрет, вырывая Пьйонгу из паучьих лап. А может, вырвет и не умрет?..

* * *

— Бедный, бедный Моравиус! — продолжая улыбаться, Кальвия выдернула кинжал из тела супруга. — А ведь мог бы еще жить и жить...

Она неспешно поднялась на невысокий подиум, спрятала свое миниатюрное оружие в складках просторного одеяния, подошла к пустующему сенаторскому креслу, куда Деливио поместил украденный Вайгалом свиток и украденную Конаном уродливую статуэтку. Взяла пергамент, бегло проглядела его, небрежно отбросила в сторону. Свиток с тихим шорохом упал на пол.

Дарк стоял за спиной Конана и мог, невзирая на высокую спинку кресла, заметить, как киммериец шевелит кистями рук. Поэтому варвар, закусив губу, оставил свои попытки освободиться — хотя чувствовал, что до освобождения осталось совсем немного.

Кальвия вновь спустилась к пленному.

— Так я и думала, — сообщила она киммерийцу. В глазах ее мерцали два зловещих огонька. — Старик

решил продаться Немедии. Дурак! Я бы позволила ему продаться хоть самому Сету, лишь бы он не мешал мне и моему делу. И он бы не мешал, не появился ты, грязный варвар, и не реши сообщить обо мне мужу... Одного не могу понять, как ты сумел вычислить меня? Как узнал, кто скрывается под именем Аффендос? Ты ведь специально подстроил все так, чтобы Рохана тогда обратила на тебя внимание и пригласила на наш маленький праздник, да? Ты хотел увидеть меня в деле, правда ведь?

Конан молчал, лихорадочно соображая, что предпринять. Шлюха уверена, что он знал о ее второй личине... То есть, тьфу, третьей — если считать личину шлюхи. Можно ли это как-то использовать? О Кром, она же безумна, совершенно безумна... Нельзя вывести ее из себя. И еще этот громила за спиной...

— Я всегда восхищался тобой — женщиной, сумевшей подчинить себе целый город, — осторожно произнес он.

Кальвия рассмеялась.

— А хочешь знать, как женщина смогла стать неуловимым Аффендосом, при этом оставаясь женой одного из влиятельных мужей Конверума? Как могла управлять огромной армией головорезов и подонков всех мастей вроде тебя? Как, царствуя на воровском троне, оставалась неизвестной своим подданным? Я расскажу тебе. Мне интересно говорить с покойником, это, знаешь ли, возбуждает. Тем более, я еще ни одному человеку не рассказывала о себе — а иногда так хочется выговориться. Я же женщина, а мы, как известно, существа болтливые. Да и спешить нам особо некуда. В эту комнату никто без приказа сенатора не посмеет войти. А сенатор мертв. И убил его, кстати, ты. Несчастный Моравиус! Мы чуть-чуть не успели спасти его... зато убили вырвавшегося на свободу убийцу. Тебя. Мои мальчики будут ходить в героях, а я — безутешной вдовой.

Она прошлась туда-сюда — пять шагов налево, пять направо, возбужденно пощипывая себя за нижнюю губу.

На Конана она не смотрела. Она разговаривала сама с собой. Темная сторона ее личности, до сих пор удачно скрываемая в глубине души, наконец прорвалась наружу и затопила разум женщины беспросветной чернотой.

— Но мы отвлеклись. Да, когда-то я была простой любящей супругой сенатора. Из всех развлечений, могущих разнообразить тоскливые будни senatorской половины, мне доставляли кое-какое удовольствие только наши с Роханой шалости, хорошо тебе известные. Мы держали наши похождения в строжайшей тайне, но от того человека утаить что-либо было невозможно. Потому что его звали — Аффендос. Ты, я вижу, удивлен. Да, существовал настоящий, вернее, первый Аффендос. Мужчина. Жестокий, умный, с непомерной гордыней. Он прибыл к нам издалека, будучи никем, и за короткое время сумел, расправляясь беспощадно со своими противниками и щедро одаривая сторонников, стать тем самым Королем Теней, легенды о котором давно гуляют не только по Коринфии, но и по сопредельным землям. Многое в этих вымыслах — правда. Но не о них речь.

Кальвия говорила все быстрее и быстрее, брызги слюны вылетали из ее рта при каждом слове. Конан напряженно следил за женщиной. Она безумна, в этом киммериец не сомневался. Клянусь Кромом, воистину в таких местах я еще не бывал — сумасшедшая шлюха управляет воровским миром целого города!..

— Так вот. Аффендос узнал о нас с Роханой все, все о наших невинных ночных забавах. Он захотел, пугая разоблачением, выуживать из нас — в первую очередь, из меня — деньги. Его люди похитили меня и привезли к нему на разговор. Разумеется, мне не снимали повязку с глаз, и он, конечно, по своему обыкновению, прятал лицо.

* * *

Рохана подошла к дверям, ведущим в Нефритовый зал, и едва не закричала, увидев изуродованный

труп своего телохранителя, непобедимого, верного Томака. Его меч был покрыт какой-то черной мерзостью, заряженный арбалет валялся поблизости. Телохранитель, обладающий молниеносной реакцией, выстрелить не успел. В кого? Кто напал на него, а потом скрылся? И куда скрылся?..

Ее охватил такой страх, что она едва не бросилась бежать куда глаза глядят. Она осталась одна! Совсем одна в пустом доме! Кто рыщет по особняку, кто-то ищет ее, Рохану, хочет ее убить — точно так же, как убил милого Томака!..

Она бы и побежала, если б вдруг не услышала из-за двери приглушенный, но такой знакомый голос.

Кальвия! Сестричка Кальвия! Она здесь! Скорее к ней!

Рохана бросилась к дверям, но на пороге замерла, прислушавшись. Что там происходит? Неужели *это* говорит Кальвия — ее родная сестра?..

* * *

— В тот вечер вместо дойной коровы Аффендоса я стала любовницей Аффендоса. Как? Посмотри на меня еще раз. Разве может настоящий мужчина устоять передо мной, если я захочу увидеть его в своей постели? — Кальвия повернулась, красуясь перед связанным киммерийцем. Ее влажные, похотливые губы маняще приоткрылись, обнажив крупные, белые зубы. Говорила она таким тоном, словно кокетничала перед гостями на званом вечере, а не рассказывала свою гнусную историю тому, которого собирается вскорости убить. — Настоящий мужчина не сможет, а Аффендос был именно таким. Он был по-настоящему влюблен в меня. Да и я в него... И жил бы, и царствовал он до сих пор, если бы не стал со временем остывать ко мне. Еще немного — и он бросил бы меня. А ты догадываешься, как Король Теней бросает женщин, видевших его лицо... и не только лицо? Он бросает их в сточную канаву. И знаешь, как я поступила?

— Как? — подыграл ей северянин и пошевелился в кресле — сделав вид, будто у него затекла спина, а на самом деле проверяя прочность веревки. Веревка заметно ослабла... но все же недостаточно. Он напряг мышцы. Тщетно. Да и этот, как его, Дарк, что ли, стоит за спиной — неизвестно, кто успеет нанести удар первым. Тем более что ноги-то у Конана связаны...

— Я опередила Аффендоса, — засмеялась Кальвия, точно ребенок, радующийся новой игрушке. — Я перерезала ему горло после последний нашей с ним ночи любви. На его предсмертные хрипы в спальню ворвались его личные телохранители, единственные кроме меня знавшие его в лицо люди, его порученцы, через которых он отдавал приказы своим «теньям». Дарк у тебя за спиной, а Томак... где же Томак, а, Дарк?.. Ах да, я оставила его сторожить дверь. Да. Так вот. Дарк и Томак. Они увидели, что их хозяин мертв, но не убили меня. Потому что они умные. Потому что они без Аффендоса — ничто, не грозные «тени», а так — рядовые, никому не нужные людишки с кинжалами на поясе, каких множество. Они и предложили мне занять опустевший трон. Если бы я не согласилась, они бы выпустили из меня кровь и были бы правы... Но я согласилась, и не только из страха. Жизнь женщины, чьей-то там жены, пресна, мой милый, почти мертвый варвар!

Откинув голову, она заплась смехом — чистым, радостным, довольным... Искренним смехом. И продолжала, отсмеявшись:

— Кто мог узнать, что король умер и на трон взошла королева? Ведь все, кто, кроме Дарка и Томака видел когда-нибудь Аффендоса, еще при нем отправились на Серые Равнины!

Кальвия присела на рукоять кресла, в котором находился Конан, прижалась горячим даже сквозь одежды бедром к предплечью варвара. Потерлась о него, наклонилась к уху пленного и возбужденно прошептала:

— Знаешь, править оказалось не так уж сложно. Ведь королевство содержалось в образцовом поряд-

ке. А как поддерживать порядок, мне объяснили Дарк и Томак. Когда я совершенно вошла в роль, то выяснилось, что способностей к царствованию у меня не меньше, чем у предшественника. И по тому, какие приказы получали от меня «тени» через Дарка и Томака, никто ничего не заметил...

— Даже муж?.. — выдохнул северянин.

Кальвия опять засмеялась.

— Муж? Да он не замечал, кто лежит с ним на супружеском ложе — я или Рохана! — Потом на лицо ее набежала тень. — Единственный, кто заподозрил, что я веду двойную жизнь, был мой бедный, глупый папочка, патриций Грасс. Жаль его. Но что прикажешь было делать? Он взял и не вернулся с охоты. Мои «тени» помогли ему исчезнуть навсегда...

Быстрым жестом взъерошив Конану волосы, Кальвия соскочила с подлокотника, закружилась по залу в безумном танце.

— Ла-ла-ла! Как это приятно, мой любимый, быть той, кто сильнее всех в этом городе, сильнее всего Сената! Одно только плохо. — Остановив танец столь же неожиданно, сколь и начав, она повернулась к пленнику и скорчила обиженную гримаску. — Никто не должен был знать об Аффендосе. А это, понимаешь ли, очень сложно для женщины — женщины, понимаешь ли, любят хвастаться своими победами...

Довольно. — Голос ее неожиданно стал холодным, как губы покойника. Она посмотрела на Конана, и Конан увидел в ее глазах окончательный свой приговор. — Я устала. Теперь ты знаешь обо мне все. Я рада. Увы, это знание ты вынести за стены Нефритового зала не сможешь... Ну и не надо.

Кальвия достала из складок платья испачканный в крови сенатора Моравиуса кинжал и сделала шаг в сторону привязанного к креслу варвара, заслонив собой вход в Нефритовый зал.

Конан задержался в кресле, изображая испуг, а на деле разрывая последние волокна веревки. А что же

телохранитель этот тупой застыл столбом? Или он не видит, что его хозяйка спятила?.. Да, конечно, не видит. Точнее, не хочет видеть. Сумасшедший или нет, Аффендос должен править миром Теней...

Так. Ударить, отбросить ее связанными ногами, опрокинуть кресло набок... Нет. Дарк, эта гора мяса, прикончит меня со спины раньше, чем я успею сказать «Кром». Руки, надо освободить руки...

Кальвия приближалась — медленно, однако вовсе не наслаждаясь тем, что оттягивает решающий момент. Просто ей предстояло завершить не столь уж приятную, несколько обременительную, но необходимую работу, и она не торопилась, дабы не испортить результат.

— У тебя красивое тело, Конан.

Кинжал поднялся на уровень его груди. Киммериец из последних сил напряг мышцы рук. Он молчал; все его существо сосредоточилось на одном: совладать с путами. И путы поддавались... Но слишком медленно. Хорошие веревки вьют в Конверуме. Пожалуй, это единственное, что здесь умеют делать хорошо...

— Мне жаль портить столь совершенный экземпляр.

Кинжал отодвинулся немного назад в замахе. Киммериец почувствовал, как трещат его суставы в неимоверном напряжении. С едва слышными звуками рвались нити, из которых была свита веревка. Но все равно было поздно.

— Ты хороший любовник. Но я, Король Теней по имени Аффендос, должна...

Кинжал на миг замер в верхней точке замаха и метнулся вперед — точно в сердце северянина.

Глава тридцать первая

Что-то едва слышно щелкнуло, вжикнуло в воздухе... и Кальвию отбросило в сторону, будто невидимый великан обрушил на ее спину удар своего могучего кулака.

Женщину швырнуло на пол, и ее тело покатилося по воцеленным доскам Нефритового зала.

Спустя миг невозмутимый телохранитель за спиной Конана впервые за это время издал хоть какой-то звук. Он зарычал совсем по-звериному и бросился к дверям.

Спустя миг (этого мига заминки как раз и не доставало Конану, чтобы окончательно победить путы) киммериец метнул свое тело вдогонку Дарку, вытянув вперед освобожденные наконец-то руки.

Огромное тело варвара обрушилось на огромное тело телохранителя; последний никак не ожидал атаки со спины — до сего момента он пребывал в подной уверенности, что пленному вырваться не удастся.

Воины покатились по полу.

Конан чудом избежал удара кинжалом, вжал Дарку лицом в пахнущее мастикой дерево, обхватил за шею.

Затекившие руки не слушались его... но обрывки треклятой веревки все еще свисали с кистей. Молниеносным движением он обернул один из таких обрывков вокруг шеи врага, дернул, и...

Хрустнули шейные позвонки, и тело охранника Роханы и подчиненного Аффендоса обмякло.

Конан перекатился набок. Отдышался, успокаивая мышцы и нервы.

Свобода. Быть не может. Молчаливый телохранитель мертв. Аффендос...

Он поднял голову.

Аффендос лежал чуть в стороне, разметаив свои великолепные волосы по полу. И не шевелился. Потому что из спины, аккуратно напротив сердца, уродливым полипом торчала арбалетная стрела. Вайгал?!

Конан оперся на локоть и посмотрел на выход из Нефритового зала. Тело его вновь непроизвольно напряглось. Нет, то был не Вайгал.

В дверном проеме застыла стройная женская фигура — с разряженным, но нацеленным на Конана арбалетом в дрожащих руках там стояла Кальвия — Аффендос, Король Теней.

Конан помотал головой.

Да нет же, тьфу. Какой Аффендос, какая Кальвия? Оба этих человека, слившихся воедино в одном теле, мертвы. И убила их сестра-двойник Кальвий-Аффендоса... как ее... Только тут Конан понял, что не знает ее имени.

— Эй... — тихо позвал он.

Сестра Кальвии вздрогнула и нажала на пусковую скобу арбалета, направленного на киммерийца. Ничего не произошло: стрела уже нашла свою цель. Тогда двойняшка тихонько всхлинула.

— Успокойся, девочка, — как можно ласковее сказал киммериец и как можно медленнее поднялся на колени, показывая ей свои пустые ладони. — Все в порядке. Я тебе вреда не причиню.

Арбалет Томака выпал из вмиг ослабевших пальцев сестрицы и с тупым стуком упал на пол.

— Она... она... — заплакала девушка, даже не пытаясь остановить слезы, увлажнившие ее щеки. — Она убила нашего папу...

— Но теперь все закончилось. Успокойся.— Конан размотал веревки на ногах и шумно перевел дух.— Да, дела...

— А я убила... Я убила свою сестру!!!

Сотрясаемая рыданиями, близняшка Кальвии опустилась на колени.

— Твоя сестра, милая, умерла давным-давно,— прежним тоном продолжал северянин.— Ты просто не заметила, что вместо нее рядом с тобой живет другой человек.

Он поднялся на ноги, растер затекшие мышцы. Неторопливо подошел к плачущей женщине, вновь опустился на колени — уже рядом с ней.

Кальвия всадила нож в спину своего мужа. Эта женщина всадила арбалетную стрелу в спину своей сестры. Р-родственнички, Бел бы их побрал.

— Я тебя помню,— вдруг подняла заплаканное лицо сестрица и неожиданно вцепилась пальцами в воротник куртки Конана — будто это была единственная надежная вещь во вставшем с ног на голову мире.— Ты тот, с кем мы... с кем мы...— И она вновь зарыдала.

— Да,— вздохнул Конан.— Наверное, это я.

— Я же ничего, ничего не знала. Мы были так близки... Мы... Мы...

Конан обнял ее за плечи, и молодая женщина уткнулась лицом ему в грудь, не разжимая кулачков, держащих его за воротник.

— Мы иногда менялись — я выдавала себя за К... Кальвию, а она забирала моих телохранителей и жила в моем доме... В доме нашего отца... Как это страшно... как страшно...— Вдруг она подняла заплаканное личико и жарко прошептала: — Ты ведь не оставишь меня сейчас? Обещай мне, варвар, ведь не оставишь?

«А ведь безумие по наследству передается. Что, если и у этой плутовки тоже свои демоны в голове живут?...» — всплыла в мозгу Конана непрошенная мысль. Но северянин взмахом гривы черных волос

отогнал ее: перед ним была лишь испуганная, потерянная, заблудившаяся девочка.

— Конечно не оставлю,— ласково ответил варвар.— Все кончилось, милая. Все кончилось...

Их губы нашли друг друга.

* * *

Шаман Манумба отодвинул еще одну деревянную заслонку и вошел в еще одну пещеру. Посреди пещеры чем-то непонятным занимались паук с паучихой. А за ними у какой-то паучьей поделки из дерева — о всемилостивый Пьйонга! о несравненная Нанга! о безграничные милости их! — вот он!!!

Манумба, позабыв о пауке с паучихой, о их непременной злобе и коварстве, бросился к замеченному им воплощению Пьйонги.

Не вставая с колен, Конан метнулся, перехватил чернокожего старика, уложил на пол, вывернул руки, завел их ему за спину, сцепил у запястий одной ладонью, как железным браслетом.

— Это еще кто? — воскликнула Рохана.

— Если б я знал,— выдохнул северянин.— Но эти словно дегтем вымазанные дикари целый день сегодня путаются у меня под ногами. И все норовят убить. Меня и тех, кто рядом... Эй, старик, ты кто будешь?

Пленный старик выворачивал голову, почему-то напряженно вглядываясь в сенаторское троноподобное кресло, и не переставая бубнил: «Пьйонга... Пьйонга...».

— Тебя зовут так — Понга? — Киммериец встряхнул худого, как скелет, старого дикаря.

— Пьйонга! — радостно взвизгнул пленник и часто-часто задергал подбородком, указывая опять-таки на моравиусское кресло.

— Он вроде на что-то показывает,— заметила Рохана. Напоследок вскрикнула и добавила: — А разве нельзя его отпустить? Он, по-моему, не может причинить вреда...

— Х-ха, как же, не может! Повидал я их сегодня! Они таскают с собой всякие отравленные штучки...

— Пьонга, Пьонга,— уже почти плакал старик.

— Ну, тогда что мы с ним будем делать? — спросила женщина.— Я уже ничего не понимаю, что происходит...

— Поговорить с ним, я вижу, не удастся. Да и обойдусь я без этого. Правильно было бы отправить его на Серые Равнины, но, из уважения к преклонным годам, я думаю ограничиться крепкой затрещиной, которая уложит его на пару-тройку часиков в беспамятство.

— Посмотри, посмотри! Он все показывает на подиум! Неужели тебе неинтересно узнать, в чем тут дело?

— Ну и любопытные вы создания, женщины! Ведь только что, на твоих глазах... Ладно-ладно, молчу. Отпущу его. Погляжу, чем он будет заниматься. Но если вдруг что-то мне не понравится или насторожит — вот эта штучка сразу летит в него.— И Конан кивнул на кинжал, вывалившийся из ладони мертвого Дарка и ждавшего своего часа неподалеку. После чего отпустил руки старика и отполз на шаг, не вставая с колен.

* * *

А, белый паук напугался гнева Пьонги, спасает свою никчемную жизнь, убегает! Так и должно быть! Скорее к Пьонге! Скорее!

* * *

Рохана и Конан увидели, как пленник подбежал к подиуму, наклонился над креслом-троном Моравиуса, что-то поднял и повернулся к ним.

— Ба, да это та штуковина, которую я стащил когда-то у вашего сенатора! Подожди...

Киммерийца вдруг осенило. Где появлялись чернокожие? В «Червивой груше», у Вайгала и здесь.

Ах, Деливио, старый ты нужник, значит, эту статуетку, которую я спер у сенатора, ты спер в моей комнате в «Червивой груше»? А чернокожие за ней и охотились. Везде, где находился ты! Они охотились за ней! Им всего-то нужна была эта уродина! О Кром, если б знать раньше, Вайгал был бы жив...

Старик держал костяную фигурку с нежностью матери, нянчащей ребенка, качал ее, поглаживал, что-то шептал, прижимал ее к сердцу. По его морщинистому лицу текли слезы.

* * *

Дети Нанги и Пьонги спасены, их хижины вновь будут защищены, дети детей Нанги и Пьонги не будут страдать от насылаемых соседями болезней! Ждите, шаман Манумба возвращается домой!

И Манумба рванулся к дверям с такой прытью, словно за ним гнались все окрестные вражеские племена вкупе с белыми пауками, Хитрыми Полосатыми Зверями и Носатыми Горами.

* * *

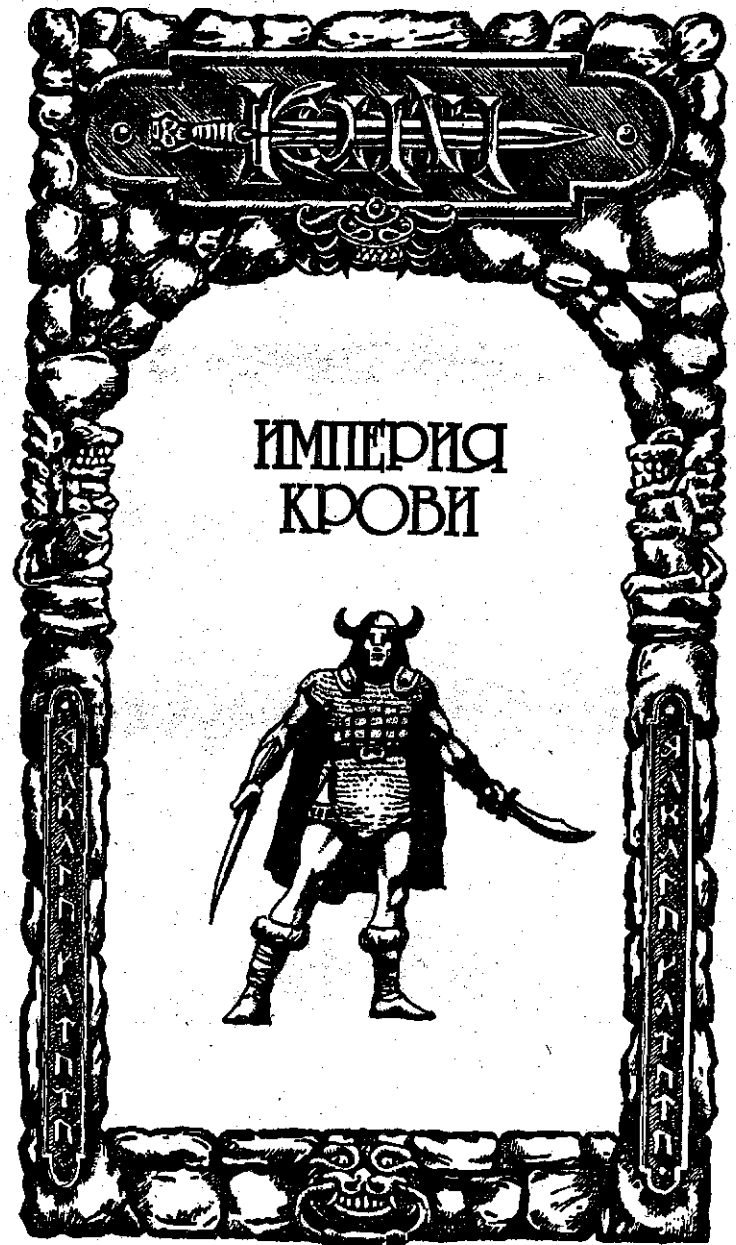
Когда старик исчез в дверях, Конан некоторое время молчал, потом перевел взгляд на сидящую рядом женщину. После странного появления и исчезновения чернокожего слезы сами собой высохли на ее щеках. Она смотрела на киммерийца с надеждой и тревогой.

Киммериец пожал плечами:

— Стало быть, старикашка получил назад свое добро... Что ж, девочка, я ухожу. Пешком. Плевать на коня. Очень уж мне не терпится покинуть ваш веселый Конверум. И чем раньше, тем лучше, пока еще кто-нибудь не пожаловал. Например, Ларго — с ним я еще почему-то не познакомился.

— Я с тобой! — запальчиво выкрикнула сестра мертвой... мертвого Аффендоса.

— Куда?
— Куда угодно!
— Да ты что, а дом? А богатство, к которому ты привыкла? Или бродяжничать потянуло?
— Мне ничего не нужно после того, как... как... Я люблю тебя!
— Когда ж ты успела?! Ты имя-то мое успела узнать? Я ведь твое так и не знаю.
Молодая женщина вымученно улыбнулась.
— Меня зовут Рохана... А как твое имя?
Конан рассмеялся.
— А я Конан. Конан из Киммерии.
Они смеялись долго, очень долго — стоя на коленях посреди смерти, разрушений и сгущающегося вечернего мрака.

Часть первая ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Глава первая

«З а каким демоном я потащился в этот трактир? — Конан потер переносицу, соображая, что же теперь делать. Корабль, на котором он собирался отчалить, ушел без него, и теперь лишь белые паруса еще виднелись на фоне моря, блестящего под лучами яркого солнца. — Фуад и Рустуф, наверное, решили, что я остался в этом занюханном городишке из-за красотки Дильбар...»

Варвар вздохнул и с тоской посмотрел на неказистые домики гирканского портового городка. Они, как наросты на поваленном стволе дерева, лепились по склонам косогора, уступами спускавшегося к морю. Придется ждать другого судна, а когда оно придет в это забытое богами место? Один Нергал знает, да и то вряд ли... Конан еще раз тяжело вздохнул и поплелся вдоль причала к невысокому строению у самого изгиба бухты — таверне «Морской ястреб», где он вчера выиграл у заезжего купчика с десяток золотых и так набрался на радостях, что не помнил, как ушел оттуда с какой-то местной прелестницей. Когда же, проснувшись поздним утром, Конан стремглав бросился к гавани, посудины, где он оплатил место и на которой намеревался доплыть до Аграпура, уже давным-давно отчалили, и киммерийцу оставалось лишь смотреть, как корабль, постепенно уменьшаясь, уносит все дальше и дальше

его друзей и надежду попасть на западный берег этого треклятого моря Вилайет.

Такого с киммерийцем давненько не бывало! Надо же, уцелеть в войне гирканского кагана Бартатуи против Согарии, спастись, несмотря на козни вендийской шлюхи Лакшми,— и проспать отплытие корабля! Конан сплунул, злясь на собственное легкомыслие, но лучше ему от этого не стало.

«А с Дильбар мы все-таки неплохо провели время,— усмехнулся он вдруг, вспомнив нечаянную виновницу своего опоздания.— Жаль только, что дом ее так далеко от порта. Ведь иначе Фуад с Рустуфом обязательно разыскали бы меня!»

Они были лихими ребятами, эти Фуад и Рустуф. Киммериец встретился с ними на поединках перед приближенными великого кагана Бартатуи. Собственно говоря, он спас им обоим жизнь, потому что победил в схватке сначала Фуада, а потом и Рустуфа, но, хоть челядь кагана и требовала прикончить проигравших, сумел убедить Бартатую пощадить их. Фуад был из Турана, а Рустуф — из казаков. Потом они вместе с варваром воевали в войске кагана против Согарии и пережили много опасных приключений.

Свой долг козак и туранец сполна вернули Конану, когда колдунья Лакшми и шаман Данакаи подстроили ему хитроумную ловушку, и великий каган, поверив в вину киммерийца, приказал предать его казни. Гулять бы варвару по Серым Равнинам, не подоспей его друзья вовремя. Их меткие выстрелы из луков остановили удар сабли, уже занесенной над головой Конана. Потом песчаная буря разметала отряд по степи, и варвар не встречал Фуада и Рустуфа до самой смерти великого кагана. В этот мерзкий городишко они прибыли вместе. Фуад заскучал по башням Аграпура, а Рустуфу хотелось найти братьев-козаков. Киммериец решил присоединиться к ним, хотя в Согарии мог получить высокий пост и большие награды.

— Не хочу я больше связываться со всякими правителями,— ответил тогда Конан Мансуру Альяше, который уговаривал варвара ехать с ним в Согарию.— Поеду на Запад с друзьями.

Юноша Мансур, поэт и превосходный фехтовальщик, прибыл в Гирканию, чтобы освободить свою невесту, княгиню Ишкалу, и так получилось, что вскоре повстречался с варваром и их пути тесно переплелись. Оба едва не лишились голов, но, слава богам, все окончилось для них благополучно, правда Мансур не сумел освободить свою возлюбленную, зато это удалось сделать киммерийцу. Теперь получалось, что судьба, вновь отвернувшись от Конана неизвестно за какие провинности, лишила его общества верных друзей.

Варвар толкнул ногой покореженную дверь кабака и, плюхнувшись на скамью за длинным щербатым столом, кивнул хозяину:

— Пива! И побольше...

— Ты же собирался отплыть на «Грозе Севера»? — проворно ставя перед ним жбан с пенистым напитком, удивился толстый Декити.

— Да вот, понимаешь ли, прособирался,— поморщился Конан, пробуя пиво.— Не слышал, когда еще какая-нибудь посудина появится в ваших краях?

— Кто их знает? — задумался на мгновение хозяин, шевеля губами и загибая толстые пальцы.— Сехид уже приходил, Абдалла отправился на север, вернется не скоро, «Вилайетский вымпел» будет через луну, не раньше...— Декити посмотрел на Конана с сожалением.— Придется тебе, киммериец, дней двадцать ждать здесь, а то и больше, если, конечно, кто из новых не пристанет к нашему берегу... Ну, скучать тебе, наверное, не придется?

Конан разочарованно присвистнул, положив руки на стол и сжав в бессильной ярости громадные кулаки. Вновь в нем поднялась волна досады на себя, Дильбар и даже на того толстосума, не умевшего

толком играть в кости. Не проиграй торговец столько, плыл бы Конан сейчас в Аграпур с друзьями, а не сидел бы в этой заплеванной харчевне!

— Принеси что-нибудь пожевать. — Киммериец поднял глаза на толстяка, все еще стоявшего рядом. — Да пива еще кувшинчик.

Он прихлебывал чуть горьковатый напиток, и понемногу к нему возвращалось, казалось бы, бесследно исчезнувшее хорошее настроение.

«Собственно говоря, кто меня ждет в Аграпуре? — усмехнулся про себя Конан. — Городские стражники? Наверное, они помнят, как мне удалось ускользнуть из каземата! По большому счету, мне вообще бы не следовало соваться в этот город, тем более что и давние мои дела еще не забылись».

Да, наследил он в Туране предостаточно! Происшедшее три года назад, в общем-то, вряд ли можно назвать серьезным проступком. Ну, помог варвар сбежать капитану Саудану прямо из-под носа у судьи, ну, прикончил при этом нескольких стражников... Великое дело, с кем не бывает! Так, тянет на несколько лет каторги на галерах или в каменоломнях. Конан сделал еще глоток. А вот то, что он натворил лет десять назад! Это будут помнить долго, и вряд ли его имя вычеркнут из списков «Убить на месте» или «Доставить в кандалах в столицу», которые хранились у любого туранского патруля или начальника мало-мальски приличной крепости, или отряда стражников. Конечно, среди этих храбрых воинов мало кто сумел бы прочесть тщательно оберегаемые свитки, но тем не менее киммериец был не таким уж заурядным человеком, чтобы какой-нибудь солдат, видевший его хоть раз в жизни, напрочь забыл, как выглядит известный государственный преступник. С годами число этих знакомцев, конечно, убывало, но все же кое-кто еще оставался в живых и запросто мог в любое мгновение истошно завопить: «Вот он, Конан! Держите киммерийца!» Что начнется после этого — сомневаться не приходилось.

А дело было вот в чем. Несколько лет назад ему пришлось срочно покинуть столицу Турана. Он убил сотника туранской армии, который к тому же оказался сыном верховного жреца бога Эрлика. Хотя Конан тогда уже сам дослужился до звания сотника и убил он того Оркана в честном поединке, но законы Турана суровы: поднявшего оружие на выходца из гирканской знати ожидает смерть, тем более что варвар был чужеземцем. Повод для их ссоры, в общем-то, казался киммерийцу не таким уж значительным. Подумавшись, застал его Оркан в постели своей любовницы!

«А Наркия была очень даже неплоха... — Киммериец хлебнул еще пива, устраиваясь поудобнее за столом. — Горячая девчонка, пожалуй, не хуже, чем Дильбар...»

Он погрузился в воспоминания о минувшей ночи, проведенной с местной красавицей, сравнивая прелести двух женщин. Хотя образ Наркии уже затянула плотная дымка времени, это было куда более приятно, нежели представлять себя дичью, за которой охотятся туранские стражники. Варвар повеселел, и его злость и досада на себя постепенно исчезли.

«Может быть, это боги хранят меня от необдуманных поступков? — подумал Конан, обводя взглядом зал таверны, который вдруг показался ему не заплеванным и мерзким, а вполне даже уютным. — Да и что зря страдать? Деньги, спасибо купчишке, есть. — Он с удовлетворением ощущал тугую кошель. — Направлюсь-ка я, пожалуй, на север. Сейчас лето, тепло, жратвы в степи навалом. Не спеша объеду море по берегу, а потом можно будет подумать, что делать дальше. Почему бы, например, не навеститься в Шади-зар? Давненько я там, надо сказать, не появлялся...»

А не был он там и правда очень давно. Когда-то, много лет назад, он пришел в этот город неоперившимся птенцом. Варвар хмыкнул про себя. Ну, не таким уж и неопытным: позади были многие сраже-

ния, кровь, смерть друзей, плен в Гиперборее, гладиаторские казармы Халогии. И все же он был очень молод — ему не исполнилось и семнадцати, а Шади-зар — вовсе не край света вроде Гипербореи или его родной Киммерии. Здесь проходили многие торговые пути, собирался разнообразный люд, попадались удивительные вещи, которые даже не снились юному киммерийцу.

Он вспомнил, как, измученный и голодный, наконец добрался до шадизарских стен и башен. Перед ним на широкой равнине лежал Город Негодяев — прекрасный и порочный, богатый и нищий, возделенная и опасная цель его странствия. Здесь, в святилище Бела, в воровских кварталах Пустыньки, сбудется сокровенная мечта, согревавшая его долгими ночами в холодных казармах Халогии. Здесь он станет искусным и удачливым вором! Дерзким, умелым, лучшим из всех! Он прибыл к городским стенам к вечеру, и заходящее солнце золотило лишь зубчатые верхушки башен и купола храмов. Городские стены были высоки и прочны, ворота, окованные широкими железными полосами, тяжелые, обожженные солнцем и побитые ветрами, уже закрылись.

Окажись на месте киммерийца обыкновенный крестьянин или торговец, вряд ли он стал бы стучать в тяжелые створки и беспокоить стражу. У простого путника один лишь вид высоких стен и мощных врат привычно вызывал должное уважение. Человек просто отошел бы от греха подальше за ближайший холм и скоротал там ночь, дрожа от холода и ожидая, когда у городских стен начнут собираться торговцы овощами и живностью из ближайших селений, когда подойдут караваны из далеких стран и когда стражники, опухшие от пьянства и бессонной ночи, проведенной за игрой в кости, лениво двинутся к воротам, и те как бы нехотя, с протяжным скрипом начнут отворяться.

Конан, однако, был парнем простым и бесхитростным и долго рассуждать не привык. Он не один

день провел в пути, несмотря на молодость и могучее здоровье, устал, был страшно голоден и, как всякий голодный, зол и нетерпелив. Огромные и крепкие шадизарские ворота не вызвали в нем трепета. Он просто воспринял их как помеху на своем пути. Ни мгновения не раздумывая, варвар подошел вплотную и грохнул по обшарпанной, обглоданной временем доске. Удар тяжелого, как кувалда, кулака обрушился на створку, и дерево загудело подобно большому барабану под колотушкой глашатая.

Стражник, подошедший к воротам и заглянувший в щель, уже собирался, помянув в очередной раз Нергала, послать прохожего подальше, но, встретившись с ним глазами, ощутил вдруг странную слабость в ногах. Стальной взгляд синих глаз, будто пронизывавший насквозь, заставил заморийца поежиться от непонятного чувства страха, хоть за толстыми створками ворот ему ничто не грозило. Приглядевшись внимательней, страж понял, что перед ним юноша, даже мальчишка, лет шестнадцати-семнадцати, не больше, но от путника исходила сила и мощь, присущие опытному бойцу, который пережил не одну битву.

Конан усмехнулся, вспомнив стражников, непонятно почему впустивших его тогда в неурочный час и даже не заикнувшихся о какой-либо мзде.

«Наверное, боги решили тогда позабавиться, — потянулся он всем телом. — Ну что ж, их право. Почему этот толстый боров не торопится со жратвой? — Варвар посмотрел в сторону кухни. — Давно пора что-нибудь приготовить. — Ноздрей коснулась упоительная волна ароматов. — Старается, видать, Декити, — подумал он. — Ну ладно, подожду. — Конан долил свою кружку пивом из жбанчика и обнаружил, что тот опустел. — Хорошо пошло, хотя, конечно, с аргосским нектаром и не сравнить...»

Глава вторая

Киммериец вновь задумался. Из глубин памяти непроизвольно всплывали, словно выбрасываемые на берег приливом, воспоминания давно ушедшей юности.

Многому он научился там, в Шадизаре, да и всяческих событий произошло столько, что обычному человеку хватило бы на целую жизнь. Конан быстро научился воровать, запросто вскрывая любые запоры. Многие местные старожилы отчаянно завидовали его удачливости и сноровке. Редкий человек на Арэнджунском базаре не знал его. Да что базар! Весь город если и не видел Конана, то слышать-то уж точно слышал о могучем, ловком, отважном и удачливом киммерийце. О его делах ходили невероятные слухи — такие, что, когда они доходили до ушей самого варвара, он не всегда сразу мог понять, что это, оказывается, о нем. Сногшибательные подробности его подвигов, навороченные умелыми языками опытных рассказчиков, превращали некоторые из его проделок чуть ли не в легенды. Теперь уже и не разберешь, что было на самом деле, а чего и не было. Такая слава нравилась варвару, а иногда оказывалась и полезной.

Да что там воровское ремесло! Читать научился! Правда, при воспоминаниях об обучении у мудреца Эль Арруба легкий холодок пробегал по спине даже сейчас, по прошествии стольких лет, но, как справедливо

рассудил киммериец, не всегда дорога к успеху бывает гладкой. Пожалуй, почти никогда не бывает. А уж о пользе грамоты и говорить нечего.

Его раздумья прервал хозяин, который принес блюдо с ароматно дымившимися сочными ломтями баранины.

— Приготовили специально для тебя, киммериец, — осклабился он, показав крупные и желтые, как у лошади, зубы. — Ты у нас сегодня первый посетитель.

— А как насчет скидки за почин? — с жесткой усмешкой поинтересовался Конан, принимаясь за пряное мясо. — Ладно, ладно, шучу, — увидев округлившиеся глаза хозяина, махнул он рукой. — Иди, я у тебя сегодня просижу долго. До вечера, может быть. Видишь ли, делать мне в этой дыре ну совершенно нечего.

«А что? — спросил он себя, лениво отрезая очередной солидный кусок баранины. — Не мешает и отдохнуть после праведных трудов... Здесь, в общем, не так уж и плохо! Солнце, степь, мягкая трава, мерная поступь коня... Демон меня побери! Коня же я продал! — вспомнил киммериец. — Ну да ладно. В Гиркании да не найти скакуна? Клянусь Кромом, табуны здесь едва ли не лучшие в Хайбории, есть из чего выбрать, были бы деньги. — Он снова с немалым удовлетворением ощущал кошель. — И чего я озлился на того купчика?.. Монеты у меня теперь есть, и немало!»

Варвар хлебнул пива и откинулся назад, опершись спиной о стену. Таверна была пуста, даже хозяин ушел из-за стойки. Косые лучи солнца проходили сквозь пыльные окна и светлыми нерезкими пятнами расплзались по деревянному полу, выцербленному за долгое время тысячами сапог посетителей. Конан закинул руки за голову и хрустнул плечами, разминая мускулы. Решено! Завтра он покинет этот городишко и поедет через степи к северному берегу моря, а там...

«Да там совсем рукой подать до Страны Амазонок! — вдруг подумал киммериец. — Навещу Акилу. Может быть, она успела соскучиться по мне...»

Конан прикрыл глаза, вспоминая события трехлетней давности. Встреча с сильной и прекрасной женщиной, опальной правительницей амазонок, в затерянном бритунском местечке Лонхе, путешествие к Джанагару, городу Опаловых Ворот, затерянному в знойной пустыне... Чего только не пришлось тогда испытать! И песчаные бури, и палящее солнце, схватки с монстрами и воинами, населявшими подземное царство. А какие три ночи подарила ему судьба, когда они плыли вместе с правительницей Акилой на плоту по подземной реке! Варвар с наслаждением потянулся. Не женщина — тигрица!

«И редкостно упрямая баба! — тут же добавил он мысленно. — Я вернул Акиле трон, спас от ее коварной сестрицы Бризейс. Можно сказать, из петли вытащил, а она не захотела даже ласково взглянуть на меня, словно между нами ничего и не было! Дела государства не позволяют ей, видишь ли, проводить со мной время! — фыркнул с досадой киммериец. — Сумасшедшие эти амазонки! Как они, бедняги, вообще умудряются жить без мужчин? Бабы, одним словом. А они все дуры! — вынес он, как ему казалось, окончательный и справедливый приговор женщинам-воительницам. — Точно, дуры! Хотя они тоже ничего бывают... Глупые вот только, — убежденно повторил он про себя. — Да, стоит к ним все-таки заехать».

Когда варвару пришлось поучаствовать в междоусобной борьбе амазонок, он еще тогда подумал, что их жизнь обязательно надо изменить, поскольку, по его мнению, эти женщины были достойны лучшего. Что для этого нужно сделать, он и сам не знал, вернее, ему был знаком один-единственный способ доказать этим надменным воительницам, что мужчина годится не только для продолжения рода. К сожалению, хотя на силы ему жаловаться никогда не приходи-

лось (в свое время, давно, правда, удалось ему как-то за одну ночь осчастливить два десятка наложниц правителя кочевых пастухов-номадов Бро Иутина), но все-таки женщин в этой стране оказалось слишком много.

«Вот бы иметь с собой сотенку-другую крепких мужиков, — прищелкнул языком Конан. — Тогда бы показали этим гордячкам, чего они лишают себя! Дуры!» — в очередной раз выругал он жителей далекой страны.

— Дай-ка еще пива! — крикнул он вошедшему хозяину. — Что-то жажда замучила после твоего завтрака.

— Еще бы! — фыркнул хозяин. — Ты умял столько еды, что и десятку солдат не справиться.

— Ну уж, — ухмыльнулся варвар. — Любите вы преувеличивать...

От унылого настроения, с которым он вошел в кабачок, не осталось и следа. Киммериец вообще никогда долго не предавался напрасным сожалениям по поводу совершенных ошибок или промахов. Конан расправился с очередным кувшином пива, расплатился с хозяином и вышел на улицу, щурясь от яркого полуденного солнца. Дел было немного: найти хорошего коня да прикупить кое-что из провизии. Завтра в путь!

Глава третья

Конан решил не путешествовать берегом моря, и на то было несколько причин. Во-первых, на спускавшихся вниз холмах гирканской степи нередко встречались овраги, которые пробивали сбегавшие по весне потоки вод, и дорога на первый взгляд короткая могла на самом деле оказаться трудной и длинной. Во-вторых, чуть севернее городка (варвар это знал точно) в укромных бухтах скрывались стоянки пиратов Красного Братства, а в одиночку к этой компании лучше было не соваться даже такому опытному и умелому воину, как киммериец. Лучше всего было подняться по склонам предгорий на степное плато и спокойно, как ему и мечталось, предаться прелести поездки по бескрайней равнине, наслаждаясь солнечным теплом. Чем он будет питаться, Конана не беспокоило: и мелкой, и крупной дичи в степи было полно, а каждый киммериец — прирожденный охотник, тем более что вино в паре бурдюков, лежавших в переметной суме одной из запасных лошадей, станет прекрасной добавкой к мясу, хорошо прожаренному на костре.

Расплатившись мелкой монетой со стражниками у ворот городка, Конан поднялся по узкой караванной тропе на перевал хребта, отделявшего узкое побережье от бесконечной гирканской степи, и бросил взгляд на сверкавшее позади зеркало воды. Несколь-

ко рыбацких баркасов черными точками выделялись на спокойном и еще как будто сонном море, но большого судна острые глаза варвара не заметили.

«Правильно поступил, — похвалил себя киммериец. — Кто знает, сколько тут проторчишь до прибытия какого-нибудь корабля?»

Он направил коней вниз по тропе, и покатые вершины горной гряды скрыли от взгляда и море, и лодки на нем, и лепившиеся вдоль берега домишки городка — со всех сторон теперь простиралась только плоская равнина, покрытая травой, которую лишь изредка оживляли сбившиеся вместе кусты или торчавшие, как часовые, одинокие низенькие деревца.

Два дня варвар наслаждался полным одиночеством, не забывая, впрочем, зорко оглядывать расстилавшуюся перед ним степь: неровен час — проворонишь отряд гирканских всадников и вновь, как совсем недавно, можешь оказаться в яме, где степняки держат рабов. Конечно, не каждый день вождю какой-нибудь орды придет в голову подчинить себе весь мир, для чего ему понадобится много, очень много невольников, способных на нелегкую воинскую работу. Рыть землю, вести подкопы крепостей, таскать тяжести, ворочать камни — все это за гирканцев делали рабы. Не будет же благородный всадник так унижаться, пусть за него трудятся ничемные простолюдины! Конан усмехнулся, вспомнив службу у кагана Бартатуи. Выдающийся был человек, да и замыслы у него, что ни говори, были грандиозные. Поработить весь населенный людьми свет, до самых дальних окраин, — это могло прийти в голову только великому человеку. Киммериец опять усмехнулся, но на этот раз совсем не весело. Неисповедимы прихоти богов! Такой большой каган, а погиб от руки обыкновенной шлюхи, вендийки Лакшми. Потаскуха, что не стоила и одной золотой монеты, прикончила великого воина!

«Впрочем, — вспомнил киммериец своего товарища Рустуфа, — вряд ли мне мог понравиться мир, ко-

торым правит один властелин. Козак прав: куда лучше, когда много мелких правителей постоянно воюет друг с другом. Тогда парням вроде нас легче добыть себе пропитание, а может быть, даже престол и корону...»

Варвар задумался, мысли вновь, как и в портовой таверне, перенесли его в Страну Амазонок, где теперь правила Акила. Он еще долго мог бы предаваться сладостным воспоминаниям, если бы его острые глаза не уловили на горизонте какое-то легкое, почти незаметное движение.

Киммериец быстрым движением руки направил коня в неглубокую ложину. «Похоже, всадники,— подумал он.— Хорошо, если я заметил их первым».

Собственно говоря, на таком расстоянии он не мог почти ничего толком рассмотреть, но клубы пыли, поднимаемые копытами, почему-то встревожили Конана.

«Может быть, просто стадо диких лошадей или антилоп,— размышлял он, спрыгивая на землю.— Но лучше затаиться. Осторожность никогда не помешает».

Киммериец стреножил лошадей и на несколько шагов поднялся вверх по склону. Он прилег за небольшой бугорок и осторожно выглянул из травы. Теперь у него не оставалось сомнений — это отряд всадников. Варвар не мог сосчитать, сколько их: так далеко отдельных людей было не различить.

«Повезло, что они движутся не в мою сторону.— Конан внимательно вглядывался в ровную степь.— Клянусь Кромом, их не менее пары дюжин!»

Теперь он уже мог разглядеть верховых. Отряд двигался наискосок от него, и что-то в поведении людей было необычным. Строй всадников то смыкался, то вновь ломался, рассыпаясь на отдельные группы по несколько человек в каждой. Почти сразу же киммериец догадался, в чем дело: погоня!

Теперь он уже четко видел, что один из всадников пытался оторваться от преследователей, но те, расхо-

дясь веером, не давали ему уйти в сторону. Отряд находился далеко, и пыль, что поднималась от копыт скакунов, мешала рассмотреть мелочи, но вскоре по поведению всадников варвар понял: им удалось настичь беглеца. Всадники собрались вместе, и Конану показалось, что некоторые из них спешили. Отряд остановился. Варвар довольно долго ждал, что же будет дальше, и наконец увидел, как люди вновь вскочили на лошадей и отряд понесся по степи.

«Слава богам, пронесло!» — облегченно вздохнул киммериец.

Ему совсем не хотелось встречаться с таким большим отрядом гирканцев. Конан слишком хорошо помнил, как верховые лучники заарканили и пленили его, и хотя с тех пор он научился пользоваться луком и веревкой из конского волоса не хуже любого степняка, вряд ли смог бы одолеть столько врагов сразу. Варвар подождал, пока уляжется пыль, поднятая десятками лошадиных копыт, и только тогда вернулся в ложину. Близился вечер, и пора было подумать о ночлеге. Киммериец огляделся, но места, подходившего для стоянки, поблизости не обнаружил. Кони хотели пить, а никаких признаков воды и в помине не было — только сухая, поросшая жесткой колючей травой выжженная земля.

— Нергал поберей этих кочевников! — выругался Конан. — Столько времени потерял... Вряд ли теперь до заката можно найти что-то подходящее.

Он вскочил в седло и выбрался из впадины, внимательно глядя по сторонам. Варвар был не новичок в степи и знал, по каким признакам можно отыскать еще не совсем пересохшую речушку или маленькое озерцо, но не увидел ни того, ни другого. Остаться совсем без воды ему не грозило: он был опытным путешественником, и одна из его лошадей несла на себе бурдюк с запасом воды.

— Ладно, израсходую часть запаса, — вслух произнес Конан и уже совсем было собрался остаться

здесь, как заметил впереди какое-то движение.— Стервятники!

Несколько крупных птиц кружили над степью, собираясь вокруг одного места. Они явно намеревались приземлиться, но что-то, похоже, мешало им.

«Наверное, нашли падаль,— отметил про себя варвар и вдруг сообразил, что все это происходит там, где недавно спешили всадники.— Прикончили беглеца и оставили труп на съедение хищникам и птицам. А может, несчастный еще жив? Надо проверить,— решил Конан, погоняя коней.— Не годится бросать человека на растерзание мерзким тварям».

Увидев приближавшегося всадника, птицы с недовольными криками взмыли ввысь, но не отлетели далеко, а продолжали кружить чуть в стороне. Зрелище, которое открылось киммерийцу, было не из приятных. Между четырьмя вбитыми в землю кольями, словно кожа, растянутая для сушки, был привязан молодой мужчина. Жертву хорошо обработали плетью: многочисленные багровые полосы сочились кровью, и раны уже успели облепить тучи насекомых. Голова мужчины была откинута назад, и когда варвар подошел ближе, то увидел, что волосы несчастного тоже привязаны к небольшим колышкам. Конану приходилось жить среди гирканцев, и он знал о такой казни: провинившегося привязывали в безлюдной степи, и стаи шакалов или стервятников рвали на части тело человека, неспособного сопротивляться. Конечно, степняки были далеко не столь жестоки, как иранистанские палачи, которые сдирали кожу с живых людей, но и такая смерть, которую выбрали гирканцы для своего соплеменника, была мучительной и страшной.

Варвар вытащил из ножен кинжал и несколькими быстрыми движениями освободил несчастного от пут. Молодой гирканец не приходил в себя, но был еще жив. Конан налил в кружку воды и плеснул ему в лицо. Мужчина застонал, открыл глаза и тут же снова

закрыл их. Он был сильно избит плетью и потерял много крови. Даже трава на том месте, где его распяли, побурела и намокла. Не появившись киммериец вовремя, гирканец непременно погиб бы.

— Ну, ну! Тебе повезло, парень, а теперь давай, приходи в себя.— Конан намочил водой тряпку и положил на лоб спасенному.

Тот шевельнул губами и снова открыл глаза.

— Выпей-ка.— Варвар поддержал его голову и дал отхлебнуть вина.

Взгляд гирканца стал осмысленным, и бедняга прохрипел, с трудом шевеля разбитым губами:

— Ты кто?

— Надо же, любопытный! Успеется, потом узнаешь,— усмехнулся киммериец.— Будь доволен, что, может быть, сумеешь очухаться.

Он осмотрелся вокруг, увидел примерно в пяти сотнях шагов заросли чахлого кустарника, взвалил гирканца на седло и, взяв в руку повод, направил туда коня. Небольшая ложбинка в степи, поросшая по склонам редкой растительностью, отлично подходила для ночлега. Конан положил спасенного на расстеленный плащ и развел небольшой костер, наломав для него сухих веток. Он подвесил к огню походный котелок, вылил туда пару кружек вина и бросил несколько щепоток сухих трав, извлеченных из грязноватого полотняного мешочка. За свою жизнь варвар кое-чему научился и удовлетворенно хмыкнул, когда гирканец, выпив несколько глотков приготовленного отвара, мгновенно уснул, дыша ровно и спокойно.

— Завтра проснешься, будешь человеком.— Конан смазал остатками варева раны и занялся скакунами: он прекрасно знал, что в степи благополучие, а то и жизнь человека во многом зависит от его лошади.

Напоив коней водой из бурдюка, варвар стреножил их, и животные принялись мирно пощипывать травку, выбирая наиболее сочные и свежие стебли. Киммериец внимательно окинул взглядом равнину,

на которую уже напоздали вечерние сумерки, и, удовлетворенный осмотром, позволил себе приняться за ужин. Прожевывая суховатое мясо подстреленной вчера дикой козы, варвар прислушивался к доносившимся звукам. Ничто не предвещало опасности, степь была безмолвна, лишь иногда тишину нарушал крик какой-нибудь птицы или чуть громче звучал мерный шорох, что издавали пасшиеся неподалеку кони. Небо постепенно покрывалось звездами, они разгорались все ярче и ярче, сгущалась тьма. Конан затушил костер, чтобы не привлекать внимания, и, завернувшись в плащ, улегся на землю.

«Будет утро, будут и новости.— Он сладко потянулся.— А сейчас не мешает отдохнуть».

Глава четвертая

Конан просыпался несколько раз за ночь не потому, что его действительно будил какой-нибудь шум, а скорее по выработавшейся за долгие годы привычке. Убедившись, что все в порядке и ничто ему не угрожает, варвар вновь погружался в сон и пробудился окончательно, когда на востоке уже начинала розоветь узенькая полоска неба. Он сел, с хрустом разминая плечи, и быстрым взглядом осмотрел окружающую его степь. Все было тихо и спокойно, кони стоя дремали на прежнем месте, выделяясь темными силуэтами на фоне светлеющего горизонта. Спасенный им гирканец спал, но, когда варвар поднялся и подошел к нему, открыл глаза и попытался вскочить на ноги. Однако Конан придержал его за плечо:

— Ишь, шустрый какой. Не прыгай, торопиться некуда.

— Кто ты? — повторил свой вчерашний вопрос гирканец.

— Да какая тебе разница? — засмеялся киммериец.— Подумай лучше о том, что случилось бы с тобой, не принеси меня старина Нергал снова в вашу треклятую степь.

— Спасибо тебе, кто бы ты ни был, спасибо твоему Нергалу, хотя я и не знаю, кто он такой,— серьезно ответил юноша.— Ты спас мне жизнь...

— Ты не знаешь Нергала? — изумился Конан. — Вот уж не ожидал! — Он опять рассмеялся, глядя в глаза спасенному гирканцу. — Но это пустяки. Думаю, рано или поздно ты с ним познакомишься. Как ты себя чувствуешь?

Гирканец в ответ слегка поморщился, потому что каждое движение по-прежнему причиняло ему боль, но его раны уже почти затянулись, и варвар, не скрывая удовлетворения, произнес:

— Не прошла даром вендийская выучка, кое-чего достиг. Теперь нам, как мне кажется, надо побыстрее уносить отсюда ноги, чтобы не попасться на глаза твоим приятелям. Не исключено, что они надумают вернуться сюда, чтобы полюбоваться на твои останки.

— Вряд ли, — махнул рукой гирканец. — Мы прекрасно знаем, как крепки веревки из конского волоса, так что возможности уцелеть нет никакой. — Он взглянул на варвара благодарным взглядом и смущенно добавил: — Я все время спрашиваю, кто ты, потому что никогда не видел здесь таких людей. Меня зовут Тайрад, я из орды Черепахи.

— А мое имя Конан, я родом из Киммерии.

— Из Киммерии? — наморщил лоб Тайрад. — Где это?

— Далеко отсюда. — Варвар махнул рукой куда-то на север. — Похоже, ты первый раз слышишь название этой страны. Правда, я и сам давненько не бывал на родине. А вот о клане Черепахи слышать приходилось, — добавил он и, глядя на удивленное лицо гирканца, спросил: — Ты, часом, не помнишь Ки-Де?

— Ки-Де? — переспросил Тайрад. — Я был мальчиком, когда он покинул орду. Это было давно. Его младший брат — мой хороший друг.

— За что тебя приговорили к смерти? — переменил тему киммериец.

— Если говорить коротко, — опустил голову юноша, — то мы выступили против нашего кагана.

— Дело обычное, — хмыкнул Конан, который за свою жизнь участвовал в стольких дворцовых переворотах и восстаниях, что перьев в хвосте павлина не хватило бы, чтоб сосчитать их. — Добычу не поделили?

— И это тоже, — согласился Тайрад. — Этот козел жаден до невероятности, и после наших набегов и сбора дани почти все достается ему и его сотникам, а мы, получаемся, рискуем своей шкурой за просто так. И все женщины у них, а мы, как последние бедняки, не можем иметь ни жен, ни наложниц.

— Действительно козел, — кивнул варвар. — А уж с женщинами — это вообще против ваших обычаев. Бедняги, — пожалел он Тайрада и его товарищей. — Если так будет продолжаться, ваш клан просто вымрет. Плюнули бы на него, Нергал ему в кишки, — посоветовал киммериец. — На коней — и куда-нибудь в Туран или Вендию. Мир большой, — оглядывая крепкую и гибкую фигуру гирканца, добавил Конан. — Я вижу, ты парень сильный, а такие везде могут найти свое счастье.

— Ты прав, — ответил Тайрад. — Мы с моими друзьями так и поступили, но я забыл впопыхах захватить одну вещь. Пришлось вернуться в орду, но тайно сделать это не удалось, и за мной бросились в погоню. Каган никого не отпускает из орды, а как они поступают с беглецами, ты видел сам. Мне еще повезло. Могли ведь привязать к четырем лошадям и разорвать на куски.

— Да уж, повезло, — усмехнулся варвар. — Я ведь совершенно случайно проезжал здесь, а иначе ты, может, и пожалел бы, что тебя не разорвали на куски. — Он помолчал немного. — Что теперь собираешься делать?

— Ты спас мне жизнь, — еще раз с благодарностью склонил голову гирканец. — Теперь она принадлежит тебе.

— Ну, не путай меня с вашими каганами, — поморщился Конан. — Разве я похож на работягу?

или какого-нибудь царька, которому нужны невольники?

— Прости меня, — развел руками Тайрад. — Я совсем не хотел тебя обидеть. Если ты не возражаешь, я отправлюсь на поиски своих друзей. Они, наверное, все еще ждут меня.

— Конечно, — ответил киммериец. — Я не держу тебя. Но... — Он задумался на мгновение, после чего продолжил: — Насколько я знаю гирканцев, ты и двух лиг не пройдешь пешком. Вы ведь выросли на спине коня и без него только спите да справляете нужду. Верно? — хохотнул он.

— Верно, — уныло кивнул гирканец.

Пока они говорили, варвар быстро и ловко развел костер, разложил снедь, вытащенную из седельных сумок, не забыв и про бурдючок с вином.

— Давай подкрепимся, — предложил он, наливая себе и Тайраду по кружке вина. — Как меня учил один хороший человек, не помню уж кто это и был, — киммериец одним глотком осушил вместительную кружку, — все дела надо по возможности делать на сытый желудок.

Гирканца упрашивать не пришлось, и некоторое время они в сосредоточенном молчании поглощали еду. Конан незаметно приглядывался к юноше, и чем дальше, тем больше тот ему нравился.

«Неглупый и смелый вроде бы, — думал варвар. — Только что-то он не похож на обычного гирканца».

И в самом деле, и лицом, и телосложением Тайрад отличался от всех гирканцев, с которыми Конану до сих пор приходилось встречаться. Юноша был выше ростом, раскосость его глаз была не такой ярко выраженной, как у остальных степняков, а кожа имела цвет не обожженной глины, а более светлый, желтоватого оттенка.

— Мои предки пришли в эти места откуда-то с востока, — словно отвечая на безмолвный вопрос варвара, объяснил Тайрад. — Они смешались с гирканцами,

взяв в жены местных женщин, но и сейчас мы не совсем похожи на остальных. Мы немного другие. Даже читать умеем! — с наивной гордостью добавил он.

«Действительно, — подумал киммериец, — есть чем гордиться. Для большинства гирканцев грамота — темный лес. Как в который раз не вспомнить добрым словом чародея Арруба!»

— Понятно, — кивнул Конан, наливая еще по кружке. — То-то я подумал, ты не совсем похож на гирканца.

— В орде Черепахи мы, потомки ниппонов, так звали наших предков, считаемся лучшими воинами!

— Не сомневаюсь, — отозвался варвар. — И понятно, почему каган не хочет отпускать вас из орды. — На несколько мгновений он задумался. — Послушай, у меня есть к тебе хорошее предложение. — Киммериец и сам не сразу понял, откуда у него появилась эта мысль. — На севере отсюда лежит страна, населенная одними женщинами. Знаешь о такой?

— Слышал что-то, — ответил Тайрад. — Это старая легенда...

— Вовсе не легенда! — перебил его Конан. — Я был в той стране несколько лет назад. Можно сказать, помог их правительнице вернуть ее трон, — гордо добавил он. — Но понимаешь, в чем дело? — спросил он. — Там одни женщины, а мужчин нет. Дикость! Хуже, чем варварство, хоть эти бабы и почитают свои порядки лучшими в мире.

— Ну и что с того? — не понял гирканец.

— А то, что я направляюсь как раз в те края и подумал: с помощью твоих ребят можно осуществить одну мою старую задумку.

— Какую?

— Не могу, понимаешь, спокойно смотреть, как живут эти бабы — в Хайбории их называют амазонками. Дуры, да и только. Они изредка проводят ночь с мужчиной, чтобы родить ребенка. И хорошо, если появляется девочка.

— А если мальчик? — полюбопытствовал Тайрад.
— Если повезет, как тебе сейчас, ребенок останется жив, а если нет...

— Ничего себе! — покачал головой гирканец.

— Ты еще не понимаешь, — продолжал киммериец, вдохновляясь с каждым словом открывающимися возможностями. — Ты только представь себе — тысячи женщин! Ты и каждый твой товарищ сможете иметь жен, сколько душа пожелает, — поднял руки варвар, — или сколько осилите, — добавил он, усмехнувшись.

— Они что, совсем беспомощные? — спросил Тайрад.

— Наоборот. Великолепные воины, — сказал Конан. — Конечно, нам, мужчинам, не равня, но почти все умелые и ловкие. Высокие, крепкие и невероятно сильные. — При этих словах ему вспомнилась Акила. — С ними главное, как мне кажется, начать, а потом все покатится, как лавина с гор. Сами будут проситься. Ясно, что я имею в виду?

— Хм-м... Интересно! — задумался гирканец, и варвар заметил, что в его глазах блеснуло лукавство. — Значит, говоришь, у тебя есть план?

— Угу, — подтвердил Конан. — Каждый год около сотни девчонок четырнадцати-пятнадцати лет отправляют на Северные Холмы. Совсем одних. Через год оставшихся в живых амазонки забирают обратно. Вот я и думаю, что с них можно бы и начать, а там...

— Я согласен! — радостно улыбаясь, Тайрад смотрел на варвара, ожидая распоряжений.

— Только не думай, что с ними можно будет поступить как с невольницами или с пленницами, которых вы добываете во время набегов. — Варвар бросил на него искоса взгляд и, заметив, что в глазах собеседника мелькнуло понимание, продолжил: — Нам предстоит завоевать целый народ, и даже не столько завоевать, сколько показать им, какая жизнь лучше. Тут вряд ли можно действовать оружием, тем более что нас совсем мало...

— Придется сначала расположить их к себе. Так? — нетерпеливо спросил гирканец.

— Ну, — хмыкнул Конан, и в его усмешке было заметно удовлетворение оттого, что юноша с полуслова сообразил, о чем идет речь. — Их надо постепенно, одну за одной, приучать к тому, что близость с мужчиной — не постыдное и неприятное занятие или только средство для продолжения рода. Раз или два раза в жизни, как у них принято. Вот глупые, — покрутил головой киммериец и, снова усмехнувшись, продолжил: — Нет, они должны понять, как это приятно...

— Да, — мечтательно протянул Тайрад. Потом он посмотрел на варвара, явно не решаясь задать вопрос.

— В чем дело? — прочитав в его глазах недоумение, насторожился Конан. — Говори, что тебя беспокоит.

— Да вот... — медлил в нерешительности гирканец.

— Боишься меня обидеть? — хохотнул варвар. — Не волнуйся, потерплю. Валяй, — подбодрил он юношу.

— Зачем тебе все это?

— Вот ты о чем! — рассмеялся киммериец. Он опрокинул в себя очередную кружку вина и, утерев рукавом рот, медленно проговорил: — Да, в общем, просто так. Я, понимаешь ли, опоздал на корабль в одном воюющем портовом городишке недалеко отсюда. У меня появилась пара лун свободного времени, пока буду добираться до западного побережья. Вот я и подумал, что не будет большого вреда, если по пути навещу старых друзей. Я кое с кем из них знаком, и довольно близко, — хмыкнул он. — А тут встретил тебя, и мне пришло в голову, что неплохо бы с твоей помощью наставить их на путь истинный... Я же говорю — они мои старые знакомые, душа болит, как они могут жить в подобной дикости.

— Но если богам угодно, чтобы так было устроено, — осторожно начал Тайрад, — разве можем мы, смертные, переделывать...

— Откуда ты знаешь, что богам угодно? — перебил его варвар. — Пока не начнешь действовать, ни за что не узнаешь, чего именно хотят боги. А дальше будет видно...

— Наверное, ты прав, — задумчиво протянул юноша. — Что ж, давай попробуем. Что мы теряем? Ничего. А приобрести, похоже, можно немало!

— Тогда поступим так, — решительно начал киммериец. — Я дам тебе одного коня, и ты поедешь искать своих товарищей. На севере, в трех днях пути, устье большой реки. Бывал там?

— Приходилось, — кивнул Тайрад.

— Если переправиться через нее, на том берегу сразу начинаются Северные Холмы. Я думаю, там и встретимся. — Конан задумался на мгновение. — Дней так через шесть-семь. Идет?

— Идет! — радостно взмахнул рукой гирканец, но тут же сморщился от боли.

— Опять прыгаешь, — добродушно попенял ему варвар и заговорицки подмигнул юноше. — Лучше береги силы. Довольно скоро они тебе очень пригодятся!

Глава пятая

Конан одолел дорогу до большой реки быстрее, чем рассчитывал, и, переправившись на правый берег, устроился на опушке леса вблизи подошвы высокой серой скалы. Отсюда он мог одновременно наблюдать, что происходит на берегу реки, и не опасаться нападения с холмов, потому что вряд ли кто, рискуя свернуть шею, вздумает карабкаться по отвесной стене монолита. На пустынном берегу не было никаких следов присутствия человека. Если люди когда-то и появлялись здесь, то давным-давно.

«Что ж, — решил варвар, — оно и лучше. Меньше людей — меньше сложностей. Подожду Тайрада с его друзьями, а пока поохочусь».

Он взял один из гирканских луков, запас стрел и отправился в лес, который покрывал склон горы, поднимавшейся к западу от его стоянки. Крутые каменистые склоны были для киммерийца привычны с детства, и он легко, словно олень, перепрыгивал с одного обломка скалы на другой, чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся из редкого леса, и зорко высматривая добычу. К полудню Конану удалось напасть на стадо косуль, и он подстрелил одну из них. Варвар укрепил тушу на нижней ветке одного из деревьев, рассчитывая забрать ее на обратном пути, а сам продолжил путь в надежде поживиться еще чем-нибудь. Напившись из горного ручья, он присел на камень, что-

бы передохнуть, но тут шорох в кустах заставил его насторожиться. Дзин-ны! Киммериец едва увернулся от пущенного сильной рукой камня, и тот высек искры, врезавшись в гальку на берегу речушки. Среди стволов Конан увидел мелькнувшую на мгновение босую ногу, потом чуть дальше в лесу шевельнулась ветка, послышался легкий хруст. «Ничего себе!» — успел подумать варвар, а его тренированное тело уже сжалось в комок, готовясь к прыжку.

Киммериец метнулся вверх по склону, не упуская из виду то заколыхавшиеся листья, то вдруг взлетевшую из кустов птицу.

«Не уйдешь, — стиснул зубы Конан, почти бесшумно продвигаясь чуть выше того пути, которым уходил нападавший. — Посмотрим, что ты за пташка!»

Пару раз он видел очертания загорелого тела, но ветви мешали как следует разглядеть противника. Варвар заметил впереди небольшую скалу, скорее, большой обломок гранита, нависавший над лесом, и огромными прыжками устремился туда. Достигнув вершины, он осторожно подполз к краю камня и посмотрел вниз.

«Ничего себе! — повторил он. — Девчонка!»

Юная девушка в рваной набедренной повязке и остатках рубахи, которые клочьями свисали с исхудавшего тела, сжимая в руке нож, настороженно озидалась вокруг. Спутанные волосы падали на лоб, и киммериец не видел глаз девушки, но и без этого понимал: она немало озадачена тем, что ее никто не преследует. Прислушавшись к звукам, раздававшимся из зарослей, и не почувствовав опасности, девушка заткнула нож за пояс рядом с пращей, присела на камень и, положив левую ногу на колено правой, склонилась, чтобы вытащить занозу. В это мгновение Конан бесшумно скользнул по гладкой поверхности скалы и спрыгнул вниз, приземлившись на расстоянии вытянутой руки за спиной незнакомки. Услышав шум, девушка вскочила, но даже не успела обернуться, как

стальные руки киммерийца обхватили ее за плечи и стиснули так, что она не могла даже пошевелиться. Девушка взвизгнула и, наклонив голову, попыталась укусь Конана, однако тот резким движением отвел ее руки назад. Пленница застонала от боли.

— Тихо! — прикрикнул на нее варвар. — Будешь вырываться, клянусь Кромом, оторву голову!

Он перехватил ее тонкие локти левой рукой, а правой нацупал нож за поясом девушки. Выдернув клинок, Конан отбросил его и затем повернул девушку к себе лицом. В ее глазах сверкнула ненависть, но киммериец не заметил в них и следа страха.

— Ты зачем метнула в меня камень? — встряхнув девушку за плечи, грозно спросил варвар.

Пленница молчала, исподлобья поглядывая на киммерийца. Он встряхнул ее еще раз, остатки рубашки лопнули, обнажив маленькие острые груди, покрытые грязными потеками. В другое время Конан не упустил бы возможности отдать должное ее прелестям, но сейчас ему было не до того.

— Говори, негодница, иначе я, клянусь кишками Нергала, разможу твою милую головку об этот камень! Или ты немая?!

Не получив ответа и на этот раз, варвар схватил пленницу за талию и резким движением поднял вверх, делая вид, что сейчас швырнет о скалу. Девушка вскрикнула и попыталась вырваться, но с таким же успехом она могла попробовать разжать челюсти крокодила. Конан шагнул к гранитному монолиту, и тут незнакомка выпалила:

— Отпусти!

— Гляди-ка! — присвистнул киммериец. — Заговорила. Ну давай, выкладывай все!

Он силой усадил ее на камень и разжал пальцы. Девушка обхватила обеими ладонями руки повыше локтей, там, где захват варвара оставил заметные следы на коже, подняла к нему искаженное ненавистью и отчаянием лицо и выкрикнула:

— Ты и твои приспешники — гнусные свиньи и подонки! Если бы я не поскользнулась, ты уже кормил бы рыб в ручье, ублюдок!

— Во дает! Люблю таких отчаянных! — расхохотался киммериец, глядя на пленницу, напоминавшую разъяренную кошку, которая того и гляди вцепится в глаза обидчику. — Кто тебя научил так ругаться? И про чьих это приспешников ты толкуешь?

— Тех мерзавцев, которые выловили почти всех моих подруг!

— Каких подруг? — спросил Конан, но тут же все понял. — Ты из Страны Амазонок, верно?

— Да! Как будто не знаешь!

— Мог ведь и не догадаться, — огрызнулся варвар. — Ты что же, думаешь, всему миру известно про вашу забытую богами страну? Но дело не в этом. — Он наклонился к девушке: — Кто переловил твоих подружек?

В глазах пленницы сначала появилось недоумение, потом она пристально посмотрела на киммерийца и, кажется, начала соображать, в чем дело.

— Так ты не из тех? — неуверенно спросила она.

— Из каких еще «тех»? — вскипел Конан. — Ты мне уже надоела: ходишь вокруг да около, а я до сих пор не могу ничего понять!

— Прости меня, — наклонила голову девушка, и на ее щеках полыхнул румянец. — Я приняла тебя за одного из мерзавцев, что охотятся на нас...

— Ясно... — проворчал киммериец. — Если я правильно тебя понял, есть какие-то люди, отлавливающие в лесу амазонок, которых ваши старейшины отправили сюда на испытание. Так?

— Да, — подтвердила молодая амазонка. — Нас было прошлым летом около сотни, кое-кто не выдержал зимних холодов, но еще весной нас оставалось много. А теперь, думаю, на воле не больше трех-пяти человек...

— Трех-пяти, — передразнил ее Конан. — Ты бредишь, красавица! Вам что, не приходило в голову

объединиться и дать отпор этим охотникам? Вместе вы справились бы с любым мужчиной. Я-то уж вашу сестру хорошо знаю!

— Мы должны научиться выживать поодиночке, — огрызнулась девушка. — Таковы наши обычаи, и не тебе их изменять, чужеземец! Нельзя никого просить о помощи, даже своих. Иногда, конечно, мы встречаемся случайно, но тут же расходимся...

— Экие дуры! — вспыхнул варвар. — Хорошо, хоть друг друга не перерезали, следуя вашим идиотским обычаям... Ладно, Нергал с тобой, это, в конце концов, ваши трудности... У меня своих дел хватает. — Он пристально взглянул на девушку. — Ты знаешь, где лагерь тех, кто охотится на вас?

— Нет, — удрученно вздохнула юная амазонка. — Они приходят с западной стороны леса. Два раза они пытались схватить и меня, но я убегала...

— Ишь, резвая... И давно они появились?

— Несколько недель назад, — неуверенно сказала девушка.

— Так, — задумчиво поскреб подбородок варвар. — А когда за вами придут?

— Уже скоро, я думаю, — ответила девушка и подозрительно взглянула на киммерийца. — А тебе зачем знать?

— Да так, — небрежно пожал плечами Конан, словно его вопрос был вызван самым обычным любопытством. — Может быть, встречу кого-нибудь из старых знакомых...

— Какие у тебя могут быть здесь знакомые? — презрительно фыркнула амазонка.

— Ну, например, — усмехнулся варвар, — я хорошо знаю вашу правительницу Акилу, и еще, скажем, ее подругу Паину...

Лицо пленницы вытянулось, рот приоткрылся, а глаза округлились от изумления, словно она увидела живое божество.

— Ты... Ты знаком с правительницей? — с трудом выдавила она из себя.

— Не просто знаком, — ухмыльнулся киммериец, — но и...

Он не стал продолжать, а лишь махнул рукой. Девушка смотрела на него со смесью почтения и неприязни. Впрочем, вспомнил варвар, амазонки всегда провожали его такими взглядами.

— Вот что я тебе скажу, крошка, — вновь обратился он к своей пленнице. — Пошли со мной, переждем какое-то время в моем лагере. Я, в общем-то, не настаиваю, — увидев протестующий жест девушки, продолжал он, — но предупреждаю: бегать по лесу, хоть ты и уродилась быстроногой, тебе осталось недолго. Если ты хочешь последовать за своими подружками, вольному воля. Похоже, эти ребята свое дело знают. Скоро и ты попадешь им в лапы.

— Нет! — отрезала девушка. — Я не дамся этим ублюдкам!

В ее словах было столько решимости, что киммериец понял: переубеждать это упрямое существо бесполезно.

— Как хочешь, — безразлично ответил он. — Я мог бы увести тебя в лагерь силой, но не буду делать этого. Пусть боги пошлют тебе удачу.

Он повернулся и, не оборачиваясь, быстро пересек поляну и скрылся в зарослях. Конан двигался практически бесшумно, и ни одна ветка не колыхнулась там, где он прошел. Казалось, громадная фигура варвара просто растворилась в воздухе.

Глава шестая

Конан ткнул острием ножа в подвешенную над костром ногу козули. Готово! Он бросил мясо на расстеленный на траве кусок ткани и, щедро плеснув себе вина из бурдючка, принялся за трапезу.

«Через пару дней подойдет Тайрад со своими молодцами, — отрезая очередной кусок мяса, размышлял он, — тогда можно будет попытаться отбить амазонок у этих охотников за девицами. Наверное, это работоторговцы из Турана. Вряд ли их больше десятка. Хотя... — Варвар задумался на мгновение. — Неплохо бы до прихода гирканцев разведать, где их лагерь, да и узнать заодно, сколько их там».

Он подбросил в костер пару толстых веток, из огня метнулся вверх сноп искр. Уже темнело, и на востоке засветился узкий серп молодой луны.

«Конечно, это могут быть и какие-то люди из местных, — подумал киммериец, — торманны или тунги. Хотя зачем этим кочевникам невольницы? Если только продать их работоторговцам. Помнится, этот ублюдок, как его там звали? — Конан задумался, медленно жуя горячее сочное мясо. — Аги... Аби... Точно, Агилульф», — вспомнил он наконец имя человека, который хотел продать его в рабство.

Несколько лет назад ему пришлось побывать чуть западнее этих мест. Буря разбила корабль, на котором он плыл по морю Вилайет, все погигли, спастись

удалось только киммерийцу. Он привязал себя к обломку мачты, и два дня его носило по свирепым волнам, пока море не выбросило на берег. Тогда варвара подобрал туранец Давас, державший лавку на берегу моря и торговавший с местными племенами. Земля здесь скудная, и небольшие народы не задерживаются подолгу на одном месте. Несколько лет, не больше. Когда почва истощается и в лесах почти не остается дичи, а в реках — рыбы, весь народ перебирается на другое место. Иногда, бывает, несколько племен оспаривают какой-то кусок земли. Тогда войны между ними идут кровавые и беспощадные.

«Свирепые ребята,— вспомнил Конан,— но настоящей воинской выучки нет. Простые люди,— вздохнул он, прихлебывая вино,— собственно говоря, почти такие, как и киммерийцы. Север. Глушь...»

Он участвовал в войне между камбрами и двумя другими племенами. Нельзя сказать, чтобы варвару пришлось слишком сильно трудиться, бывали в его жизни и более бурные времена, но опасностей, конечно, хватало, один Тотила чего стоил. Конан с удовлетворением вспомнил, какой удар нанес мечом этому надменному королю торманнов. Славный был бой! Клинок киммерийца вдребезги разнес череп противника вместе со шлемом. После этого воинов торманнов можно было брать едва ли не голыми руками.

«Но они же заключили союз,— вспомнил варвар.— Как я мог забыть! Теперь тунги, торманны и камбры объединились в одно племя, которым правят король Леогивильд и королева Альквина. Я же, можно сказать,— не без внутренней гордости отметил киммериец,— и посадил их на трон. Тогда они ушли дальше на запад. Вряд ли сейчас кто-то из этого племени вылавливает амазонок, да и ссориться с Акилой, скорее всего, не в их интересах. Это туранцы, точно,— решил он.— Давас же говорил, что каждый год сюда приходит корабль работорговца по

имени Яфдала. Это наверняка его промысел. Надо же и ему как-то кормиться. Но, похоже, у этой кормушки ему лакомиться недолго. Ладно, завтра все разведая».

Он завернулся в плащ, и скоро богатырский храп заглушил потрескивание углей догоравшего костра.

* * *

Киммериец взял с собой только меч и кинжал, справедливо полагая, что лук ему вряд ли понадобится, а лишняя амуниция будет только мешать. Сначала он шел берегом моря, потом, когда скалы подступили к самой воде, поднялся по склону и далее двигался лесом. Варвар шел так быстро, насколько позволяли заросли кустарника, и, внимательно оглядывая окружающий его лес, старался отыскать какие-нибудь следы охотников на амазонок. Он миновал скалу, где вчера беседовал с напавшей на него девушкой, прошел еще пару лиг, но нигде не было и намека на то, что в этих местах проходило множество людей. Конан решил подняться повыше: может быть, обозрев окрестности сверху, он увидит дым от костра или очага, который укажет на лагерь. Так он и сделал. Для киммерийца, сызмальства привыкшего лазать по крутым горным кручам, не составило большого труда вскарабкаться на ближайшую вершину невысокого хребта, что шел вдоль берега моря. Самое пристальное внимание варвар обратил на берег, изрезанный небольшими бухточками и заливами. Если сюда прибыли охотники за живым товаром, они наверняка должны были приплыть на корабле и оставить судно в удобной гавани.

«Нергал им в кишки,— в который раз прикладывал киммериец ладонь ко лбу, защищаясь от солнца,— никакого корабля я не вижу. Может быть, девчонка просто спатила от долгого пребывания в одиночестве среди скал, вот ей и стала мерещиться всякая чепуха!»

Он раз за разом внимательно оглядывал окружающий его пейзаж: голые, кое-где покрытые снежными шапками вершины гор, поднимавшихся дальше к северу; густые леса, теснившиеся в узкой долине и местами поднимавшиеся вверх по склонам; извилистый берег моря и несколько небольших скалистых островков на водной глади — никаких следов людей он так и не заметил.

«Определенно, ей все пригрезилось, — решил Конан. — Конечно, работоторговцы могли уже сняться с якоря, если действительно приставали здесь к берегу. Я их ищу, а они давным-давно плывут куда-нибудь в Султанапур, подсчитывая барыши. Не повезло Тайраду и его товарищам, — невесело усмехнулся варвар. — Но кто мог предположить, что все так получится?»

Он еще раз оглядел зеленые полосы леса, и вдруг ему показалось, что у подошвы высокой горы, возвышавшейся за стеной деревьев, что-то блеснуло. Конан напряг зрение. Точно! Еще раз и еще... Очень похоже, что по склону проходят несколько человек в латах или с металлическим щитами. Конан не мог разглядеть людей, но у него не оставалось сомнений, что краем леса, не так уж далеко от него, пробирается отряд воинов.

«Они идут на запад, — быстро прикинул варвар. — Выходит, девчонке все-таки не померещилось. Просто они чуть дальше, чем я мог предположить. Там берег поворачивает, и не исключено, что их лагерь разбит за теми скалами».

Киммериец повеселел и стал быстро спускаться по склону холма, чтобы обогнать отряд.

«Спрячусь в скалах и подожду, пока они подойдут, а может быть, и лагерь обнаружится там, за заливом».

Лес, росший у подножия холма, оказался довольно редким, почти без кустарника. Конан двигался быстро, но осторожно, постоянно оглядываясь. Спра-

ва от него, хлопая крыльями, снялась с ветки какая-то большая птица. Киммериец мгновенно пригнулся и замер, прижавшись к стволу ближайшего дерева: не исключено, что птицу кто-то спугнул. Так и есть! Послышался вопль сойки, потом затрещали сороки. Крики птиц на некоторое время затихли, потом вновь стали слышны, но уже чуть впереди.

«Кто-то идет по лесу». Варвар, пригибаясь, стремительно побежал к морю, торопясь достигнуть края леса, чтобы увидеть людей, которые, не таясь, шли где-то справа от него.

Он уже явственно слышал бряцание металла, похожее на звук колокольчиков, и человеческую речь. Пробежав еще пару сотен шагов, Конан услышал шум набегавших на берег волн. Море уже совсем недалеко, но опушка леса была окаймлена достаточно густым кустарником, закрывавшим берег.

«Отличное место для наблюдения... — Киммериец раздвинул ветки, осторожно вглядываясь в пустынный еще берег. — Сейчас они появятся».

Бряцание металла стало еще более отчетливым, словно большой отряд выходил из леса. Уже был слышен звук сапог, хрустевших по гальке, которая устилала берег, но Конан не видел никого, хотя слух говорил ему, что вот они, рядом, в пяти десятках шагов.

«Что за чушь? — Варвар потряс головой, стремясь отогнать наваждение. — Призраки? Но я же видел, как блестятели на солнце их доспехи!»

Шум шагов и обрывки речи начали удаляться, и вскоре все стихло, будто отряд скрылся за поворотом.

«Не может быть! — Конан, стараясь не выходить на открытое место, почти бесшумно проскользнул туда, где только что прошли люди. — Почему же я их не увидел?»

На мокром песке были отчетливо видны свежие следы. Варвар почувствовал, как по спине пробежал

неприятный холодок. Он не спускал глаз с этого места, тем не менее человек десять прошли здесь только что. Очередная волна, лениво набежав на песок, смыла часть следов и, шипя, откатилась обратно в море.

«Колдовство! — осенило киммерийца. — Ну и везет мне на такие дела! Надо как можно скорее убираться отсюда».

Старческий кашель, раздавшийся у него за спиной, едва не заставил Конана подпрыгнуть. Он резко обернулся. До линии кустарника, из которого он вышел, берег был пуст. Никого! У варвара зашевелились волосы. Он выхватил меч, сделал два шага к лесу и вдруг ощутил, что песок и галька под его ногами разъезжаются, будто он ступил на зыбкую почву болота. За спиной снова послышался кашель, и киммерийцу показалось, что он сопровождается другим звуком, похожим на треньканье колокольчика. Он взглянул назад, на скалы, скрывавшие поворот берега: те были подернуты дымкой, и их очертания казались нечеткими и подвижными, словно были не настоящими, а нарисованными на занавесе, который покачивался под порывами ветра. Конан резко обернулся к лесу. Деревья тоже изгибались и струились, будто виднелись сквозь пламя костра. Киммериец оторопел. Все: и море, и лес, и скалы — поднималось вверх, охватывая кольцом маленький кусочек берега, где он стоял. Варвару почудилось, что он скользит по краю воронки, и весь мир вокруг уменьшается в размерах и загибается по ее краям, скрывая от него небо. Зацепиться было не за что, песок и галька выскальзывали из-под ног, а руки, пытавшиеся нащупать что-то твердое, хватали лишь пустоту.

«Влип! — с тоской подумал Конан. — Как пить дать, пропал, Нергал мне в печень!»

Земля как будто засасывала его в свое чрево, а лес, море и горы по краям воронки начали сначала

медленно, а потом все быстрее и быстрее вращаться, и скоро весь мир вокруг варвара кружился с бешеной скоростью, а он сам уже не скользил, а стремительно падал куда-то вниз. Последнее, что он успел почувствовать, — дикая боль в голове, нараставшая так быстро, что киммериец не выдержал, и из его глотки непроизвольно вырвался страшный вопль.

Глава седьмая

Сознание возвращалось медленно. В мозгу еще роились какие-то смутные видения, но Конан уже ощущал спиной легкое покалывание стеблей соломенной подстилки и холод камня под левой ладонью. Еще два-три мгновения, и киммериец открыл глаза. Прежде всего он увидел гладкий розоватый свод из незнакомого материала, напоминавшего стекло. Потолок светился ровным светом, как будто за полупрозрачной перегородкой кто-то развел костер. Конан почувствовал, что его шею касается холодный ободок металла, попытался приподнять голову, но сделать этого не смог: толстый обруч безжалостно впился в горло.

«Ошейник! — догадался он. — Я прикован за шею к полу...»

Киммериец, насколько позволяли оковы, повернул голову и смог разглядеть небольшое помещение со стенами из розовато-серого камня. Он лежал навзничь на стоявшем посередине низком подиуме, застланном чем-то похожим на солому. Самое удивительное, что варвар нигде не смог обнаружить ни двери, ни люка, через которые его притащили сюда. Конан ощущал подстилку, потер стебли между пальцами, но они не рассыпались в труху, а остались такими же гладкими и упругими.

«Кишки Нергала! — выругался варвар. — Опять колдовство!»

Он пошевелил ногами и руками: вроде бы после вчерашнего стремительного падения в магическую воронку ничего не повредил. Вчерашнего? Одни демоны знают, когда это было! Может быть, с того времени прошел час, а может, сутки или даже целая луна... Киммериец набрал в легкие воздух, и его раскатистый крик эхом отдался в помещении со светящимся потолком:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало. Конан крикнул снова и внимательно прислушался. Тишина. Он еще раз повертел головой в надежде отыскать какой-нибудь предмет, до которого мог бы дотянуться, но комната оказалась совершенно пустой.

— Эй! — опять заорал варвар. — Куда вы все подевались, ублюдки!

Он просунул пальцы между шеей и обручем и попытался разжать полоску металла. Тщетно! Ошейник был сработан на совесть. Ничего не оставалось, как лежать, словно туша на столе мясника, и терпеливо ждать. Киммериец принялся более внимательно разглядывать помещение, но не обнаружил ничего нового. Он прикрыл глаза, собиравшись с мыслями и пытаясь до мелочей вспомнить, что же с ним произошло.

«Какие демоны потащили меня на этот треклятый берег? Что там было? — напрягал он память. — Да! Я искал лагерь работорговцев, заметил, как мне показалось, блеск оружия или доспехов, побежал к берегу... Следы невидимок... Потом земля разверзлась, и я провалился прямо сюда. Или в другое место, а сюда меня перетащили потом?»

Размышления варвара прервало далекое, еле слышное позвякивание, будто за стеной мерно трясли колокольчик. Треньканье не становилось ни громче, ни тише, звук раздавался с унылой монотонностью, словно кто-то хотел проверить нервы киммерийца.

«Чтоб вас!» — выругался про себя Конан, которого этот равномерный звон уже начинал порядком раздражать.

— Эй! — вновь завопил он.

Внезапно потолок начал подниматься, и свет, более яркий, чем раньше, засиял сквозь расширившийся проем между сводом и стенами. Одновременно варвар почувствовал, что подиум мягко поднимается вслед за потолком. Движение было еле заметным, но тем не менее постамент с лежавшим на нем варваром все-таки достиг края стен и остановился. Повернув голову налево, киммериец увидел просторный круглый зал, также выложенный серовато-розовым камнем и тоже без стен и дверей. Варвар лежал как бы посередине этого помещения, приподнятый над полом на высоту чуть больше локтя. Он посмотрел вверх: купол совершенно слился с таким же, только большим по размерам, сводом или растворился в нем.

— Кхе, кхе! — раздался кашель, который Конан слышал еще на берегу.

Киммериец повернул голову в другую сторону и увидел трех человек в белых длинных одеяниях, похожих на рясы жрецов. Троица сидела на небольшом возвышении, походившем на диван. С первого взгляда в обличье этих людей варвару показалось что-то необычное, и мгновением позже он понял, в чем дело. Близнецы! Они были похожи друг на друга как три капли воды — тощие старики с белыми длинными бородами, темными, словно прокопченными, лицами и длинными костлявыми пальцами рук, благочестиво сложенных на животе.

— С прибытием, киммериец! — внятно и громко сказал кто-то из стариков — кто именно, Конан не понял.

— Откуда вы знаете, кто я? — изумленно спросил варвар.

— Да уж знаю, — одновременно кивнули три старика, неодобрительно поглядывая на Конана ничего не выразившими, будто бы стеклянными глазами.

Варвар поразился, что три человека говорят о себе как об одном, но подумал, что, наверное, ослышался.

— Зачем вы меня держите здесь? — спросил он.

— Потом узнаешь, — хором сказали собеседники, подняв каждый правую руку. — А сейчас слушай.

— На кой демон мне слушать вас, старые олухи? — разозлился киммериец, который чувствовал себя, мягко говоря, неудобно. — Если вы, или ты, — съязвил он, — хотите убить меня, то попробуйте сделать это прямо сейчас, а не держите меня как жертвенного барана. Я воин, а не раб, и никогда им не буду!

— Хе-хе-хе... — захихикали старикашки, как будто их вновь охватил приступ кашля. — Какой прыткий! Мне такой и нужен. А насчет того, что никогда не будешь рабом — так не смертным это решать. Как надумают наверху, так и будет. Твой удел — повиноваться воле богов.

Старики одновременно подняли вверх левые руки, вытянутыми пальцами указывая в потолок.

— Тьфу! — вырвалось у варвара. — И без вас знаю, но сейчас не с богами беседую, а с вами, старыми козлами, Нергал вам в кишки!

— Хе, хе, хе! Нергал! — вновь залились дребезжащим смехом собеседники киммерийца. — Значит, не нравится тебе рабский ошейник?

— А вы как думаете, старая рухлядь?!

— Вот так и будешь лежать, если не перестанешь ругаться! — хором воскликнули старикашки. — И зря воображаешь, что не станешь рабом. Ты сейчас мой невольник, и будешь им так долго, как мне захочется. Ишь, какой гордец выискался! — Голоса зазвучали громче, в них послышались сварливые нотки. — Помолчи и внимательно слушай, что тебе скажут, дерзкий раб!

Варвар сжал в ярости кулаки, но все же промолчал, резонно посчитав, что бранью вряд ли можно смягчить свою участь. Похоже, лучше набраться терпения и ждать.

Глава восьмая

Вот теперь я вижу, что у тебя остался кое-какой разум,— хихикнули старики.— Я распоряжусь, чтобы с тебя сняли ошейник, если ты пообещаешь вести себя смирно. Ну как?

— Обещаю,— буркнул Конан.

Старики хлопнули в ладоши, и откуда-то сбоку прямо из стены появились два человека, удивительно напомнившие киммерийцу его самого: высокие статные мужчины с мощными мускулами и длинными темными волосами. Только цветом кожи и глаз они отличались от варвара: их лица были бледными, и казалось, что глаза им заменяют сверкающие черные осколки камня.

«Вот почему девчонка подумала, что я из этой компании,— догадался варвар.— Шагов с двадцати я и сам бы не различил...»

Слуги старикашек были одеты в короткие кожаные штаны, на груди и плечах тускло мерцали доспехи из зеленоватого металла.

— Снимите с него ошейник! — приказали старцы.

Через несколько мгновений варвар уже сидел на своем постаменте, потирая ладонями шею и хмуро поглядывая на стариков.

«Наверное, я смогу одним ударом вышибить дух из двоих, а потом сверну шею третьему», — примерился он.

— Не вздумай делать лишних движений,— словно прочитав его мысли, прокрипели старики,— иначе я отправлю тебя на корм собакам, хе-хе-хе!

— Почему вы говорите, словно один человек? — не удержавшись, полюбопытствовал Конан.

— Если тебя это беспокоит...— В мгновение ока старикашки встали друг в друга, словно пластины кхитайского веера, и теперь перед ошарашенным киммерийцем сидел один человек.— Иногда хочется и отдохнуть,— потирая руки, произнес он непонятную фразу, почти ласково глядя на варвара.— Мне от тебя нужно совсем немного,— продолжал колдун (а в том, что это был чародей, у киммерийца не осталось никаких сомнений).— Совсем немного...

— Говори! — перебил его варвар.

— Ты здоровый и крепкий мужчина,— не обратив внимания на дерзость Конана, сказал колдун.— Я уже давно ищу такого, но мне все попадались какие-то заморыши. Оскудел род людской, ох оскудел крепкими самцами,— печально вздохнул старичок, и его лицо исказила гримаса, будто он неожиданно проглотил что-то горькое.

Киммериец молчал, исподлбья глядя на своего нынешнего хозяина.

— Так вот,— продолжал старец,— у меня есть давняя мечта, точнее, даже две мечты.— Он неожиданно широко зевнул, но глаза его вспыхнули зеленоватым блеском, напомнив киммерийцу взгляд голодного волка.— Две мечты,— повторил колдун.— Первая — улучшить человеческую породу, потому что слишком много в мире хворых и убогих, невыносимое количество малорослых, плешивых и кривоногих. Этого больше терпеть нельзя! — почти выкрикнул он.— Во-вторых, новая порода людей должна жить в свободном мире, а для этого всех уродцев, что напрасно едят хлеб, следует уничтожить. Да! — хлопнул он рукой по колену.— Смыть с поверхности земли!

— Ну а я-то здесь при чем? — не понял варвар.

— Я наконец нашел подходящих женщин, — усмехнулся старик. — Посмотри...

Колдун вытянул вперед обе руки, и Конан с изумлением увидел, как одна из стен помещения растаяла, и перед ним возник лес, ползущий по склону горы, где два вооруженных арканами и булавами воина, которые только что освободили его от ошейника, преследовали высокую стройную девушку, которая пыталась ускользнуть от них. Картинка погасла, и ее сменила другая: за крепкой решеткой в большой комнате сидели несколько десятков девушек, мрачно глядевших прямо на него. Все они были молодыми, крепкими и высокими, с развитыми мускулами и загорелой кожей. Их ослепительную наготу едва прикрывали рваные набедренные повязки.

«Да это же те амазонки, которых оставляют на год в лесу, — догадался киммериец. — Девчонка права, они почти всех переловили...»

Варвар оглянулся на старика. Тот подмигнул ему, словно старому приятелю:

— Великолепные самки! Это тебе не испорченные изнеженные шлюхи из Шадизара или Аграпура!

Картина погасла, на ее месте вновь возникла стена, и колдун, опустив руки, продолжил свою речь, пристально глядя на Конана.

— Теперь, как ты понимаешь, — удовлетворенно потер он ладони, — у меня все готово. Скоро о Чойбалсаре узнает весь мир. — Старик гордо вздернул подбородок, и в повороте его головы почудилось что-то от стервятника или гиены, нацелившихся на падаль.

Киммерийца осенило: этот треклятый чародей по имени Чойбалсар хочет использовать его как племенного быка для выведения новой человеческой породы! Варвар едва сдержал стон.

«Ну и влип! По самые... Нет, глубже. По самые уши, Нергал мне в печени!»

Конан никогда не пропускал случая развлечься с красоткой, и за свою жизнь был связан коротко или подолгу со столькими женщинами, что сам уже не мог всех упомянуть. Но одно дело, когда занимаешься этим для удовольствия, а совсем другое, когда тебя заставляют. Однажды его уже использовали как племенного быка, благо сил тогда ему было не занимать. Со всем недавно, сидя в кабачке Декити, Конан вспоминал про тот подвиг. Произошла эта история в пустыне, где сходятся границы четырех держав: Заморы, Турана, Хаурана и Кофа. Никто в точности не мог сказать, где проходят рубежи, отделяющие одну страну от другой, и вот в этих местах и жили кочевники-номады, которые разводили на удивление выносливых и сильных ослов и не подчинялись никому из повелителей. Кроме скотоводства эти отчаянные головорезы не брезговали и грабежом, нападая на проходившие мимо торговые караваны, и по этому случаю Конан как-то сошелся на некоторое время с ханом гизов Сибаррой Кламом. После успешного налета они пировали в шатре этого мелкого правителя, и тот рассказал киммерийцу о хане хиршей Бро Иутине и о якобы имевшейся у того наложнице, за которую отдали — подумать только! — тридцать ослов.

Конан, разгоряченный вином, со свойственным молодости легкомыслием побился с Сибаррой об заклад, что переспит с этой женщиной, как бы ее ни охраняли воины Бро Иутина. Варвар поставил на кон великолепного скакуна по кличке Змей, а предводитель гизов обещал в случае успеха отдать варвару лучшего племенного осла. На том и порешили, и киммериец не мешкая отправился на восток, где кочевал со своими черными хиршами всемогущий Бро Иутин. Нельзя сказать, что Конану во всем сопутствовала удача. Он думал, что под покровом ночи проберется в шатер к наложнице старого хана, а вышло совсем по-другому: его пленили пятьдесят всадников в черных бурнусах и доставили прямоком к Бро

Иутину. А старый таракан, прознавший откуда-то про дерзкое намерение варвара, предложил ему не одну, а всех своих наложниц.

— Ну, не всех, — усмехаясь, протянул хан, — а хотя бы половину... Для ровного счета — два десятка. Идет? А дети мои последят, посчитают... Справишься, северянин, отпущу с миром, а не сумеешь — завернут тебя в свежие ослиные шкуры и оставят подыхать на солнышке. — Бро Иутин весело захохотал. — Представляешь? Солнце палит, шкуры сохнут, везде чешется, а почесаться — никак! Сдохнуть, не почесавшись, а? За все хорошее надо платить, северянин!

Смерть в сырых ослиных шкурах была не суждена киммерийцу. Он не ударил в грязь лицом и справился с невероятным заданием, хотя утром колени у него подрагивали, в пояснице ломило, перед глазами разливались радужные круги и ему казалось, что в ближайшие полгода он не захочет приблизиться ни к одной женщине.

— Ну, как? — спросил хан приставленного к варвару здорового молодца.

— Двадцать три, отец мой и повелитель! Клянусь серебряными грудями богини Иштар!

— Ну что, северянин, получил удовольствие? — засмеялся Бро Иутин, повернувшись к едва стоявшему на ногах Конану.

— Велика щедрость твоя, — ответил киммериец, — но до сих пор не ведаю я ее причины. Сибарра говорил, что твоих женщин охраняют пятьсот воинов, и никто не сможет приблизиться к ним. Я и в самом деле вижу, что их столько, — махнул варвар в сторону стана, — и все такие шустрые парни!

— Ха-ха, — загудел хан, — потому и шустрые, что треть, наверное, мои сыновья и внуки, да и много других кровей в них намешано. Теперь, видишь, прибавится и твоя... Думаю, приплод от такого жеребца будет добрым. А Сибарра — безухий осел и глупец, если все меряет по себе, да ищет выгоду там, где

можно найти только прошлогодние лепешки от моей скотины...

В общем, тогда Конан выиграл спор у хана гизов Сибарры, но долго помнил, как его использовал хитроумный старик Бро Иутин. Но это хорошо один раз, да и тогда он был куда моложе, а нынче киммерийцу этого совсем не хотелось. Что же, этот мерзкий колдун будет его держать здесь на такой, с позволения сказать, должности, пока не наступит старость?!

— Послушай, — вкрадчиво обратился варвар к старикашке, — зачем я тебе нужен, если у тебя есть такие молодцы, как те, что только что были здесь?

— Эти? — фыркнул колдун. — Хе-хе-хе... Они всего лишь призраки. Смотри!

Он хлопнул в ладоши, и вновь по его зову явились два статных молодца. Чойбалсар сделал правой рукой магический знак, очертания воинов подернулись дымкой и мгновенно растаяли в воздухе, словно утренний туман под лучами солнца. Ухо киммерийца уловило знакомое треньканье колокольчиков.

— Хе, хе, — вновь захихикал старикашка. — Вот и нет их! А колокольчик звенит, потому что как только они становятся невидимыми, так сразу и слепнут. Чтобы не столкнуться, значит, звонят в бубенчики. Эти слуги способны только работать или воевать, а потомства от них не дождешься. Сам понимаешь, ты для такого дела пригоден гораздо больше.

— Но подумай, — варвар решил подойти с другой стороны, — пока женщина родит, пока из детей вырастут взрослые, сколько лет пройдет!

— А я не тороплюсь, — довольно усмехнулся колдун. — Наш чародейский век долг, не то что у вас, тварей дрожащих. Со временем и тебе замену подберу, можешь не волноваться.

Не волноваться! У Конана от бессильной злости даже желваки заходили на скулах. Что же придумать, как выбраться из этой петли?! Совсем не хотелось ему остаток своих дней провести, лепя потомство

в этой преисподней — варвар не сомневался, что лого чародея находится глубоко под землей.

— Ты можешь особенно не торопиться, — ласково кивнул ему Чойбалсар. — Я вижу, мы договорились... Вот и чудесно, — не давая себе труда выслушать ответ киммерийца, продолжал старик. — Тебя подкормят, денек отдохнешь, да и за дело. Очередность самок установлю сам, хе-хе-хе. Тебе-то, должно быть, все равно, кто будет первой, а кто двадцатой.

«Каждый получает то, что хочет, — вспомнил варвар слышанную давно от кого-то присказку. — Я хотел изменить порядки, принятые у амазонок, и убедить их — или заставить — жить с мужчинами. Вот и достиг желаемого, напросился! И жаловаться некому — похоже, сам виноват...»

Колдун хлопнул в ладоши, и тут же появились три девушки, одетые в белые полупрозрачные хламиды, перехваченные в талии желтыми поясками. Женщины были невысокого роста, но отлично сложены, томной грацией движений напоминая варвару вендийских танцовщиц. Все трое были черноглазыми, с короткими темными волосами, и на первый взгляд могли показаться сестрами. Девушки с интересом и, как показалось варвару, кокетливо поглядывали на него.

«Тоже, небось, призраки, — подумал киммериец. — Похожи уж больно друг на друга...»

— Настоящие, — перехватив взгляд Конана, заверил его колдун. — На племя не годятся — мелковаты да и статью не особенно вышли, — пренебрежительно добавил он, — а все остальное у них на месте. Подойди ко мне.

Варвар повиновался, и Чойбалсар, протянув руку куда-то за спину, вытащил тяжелые металлические браслеты и замкнул их на запястьях Конана. Оковы тускло поблескивали позолотой и вызвали не особо приятные воспоминания о великом множестве ручных кандалов, которые за долгую и бога-

тую событиями жизнь киммерийцу не раз приходилось носить.

— Так будет лучше, кхе-кхе, — прокашлял старикашка и махнул рукой: — Ступай за ними.

Ошеломленный и помрачневший варвар безропотно позволил прелестницам подхватить себя под руки и увести. Одна из девиц подняла руку, на которой Конан заметил браслет, но не такой как у него, а из блестящего, отливающего синевой металла. Стена расступилась, и они очутились в длинной галерее без окон, конца которой не было видно, поскольку проход закруглялся и, похоже, охватывал овальный зал, из которого они вышли. Желтоватый свет лился с полукруглого потолка, так же как и в тех помещениях, где киммерийцу уже довелось побывать.

«Надо осмотреться, — решил он. — Всегда есть какой-нибудь выход, даже если сразу его и не видишь. Клянусь Белом, что-нибудь придумаю, не впервой!»

Он повеселел и уже оценивающим и заинтересованным взглядом окинул упругие груди и покачивающиеся бедра идущих рядом женщин.

Глава девятая

Полноводная река при впадении в море разливалась на множество мелких и широких рукавов. Бурная и порывистая в верхнем течении, здесь, среди песчаных отмелей и каменистых россыпей, она несла свои воды медленно и плавно, будто не торопилась слиться с волнами залива, которые набегали на берег и с шумом откатывались назад.

Большой отряд всадников переправлялся через протоки. Лошади, поднимая тысячи брызг, в которых сверкало множество мелких радуг, осторожно ступали в мелководье, ведомые твердой рукой седоков. Тайрад, выбравшись на противоположный берег одним из первых, остановился на галечной отмели, ожидая товарищей.

— Шахаб! — обратился он к одному из своих спутников, высокому, как и он сам, крепкому черно-волосому гирканцу. — Вот эта скала, видишь? Посмотри, Конан должен был остановиться там.

Парень кивнул и, подтолкнув коня пятками, направил его вверх по пологому холму к самой кромке леса, примыкавшего к большой серой скале, которая возвышалась над берегом. За монолитом виднелась гряда холмов, покрытых густой растительностью, а еще дальше вставали горы, чьи каменистые голые или покрытые снегом вершины терялись в зыбкой утренней дымке. Тайрад проводил спутника

взглядом и, приложив ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от лучей восходящего солнца, наблюдал, как его отряд заканчивает переправу. Из орды с ним ушли пять дюжин молодых, крепких и отважных воинов. Он рассказал своим друзьям о богатых землях, населенных женщинами, которым не хватает сильной мужской руки, и все как один сказали: «Мы с тобой!»

Шахаб возвратился достаточно быстро, но на немой вопрос своего предводителя лишь покачал головой:

— Никого нет! Я все осмотрел, кричал даже, но ответа не получил.

— Может быть, он отправился на охоту, — предположил Тайрад. — Мы договорились, что он будет здесь, у Серой скалы. — Гирканец еще раз внимательно огляделся и утвердительно кивнул: — Да, это здесь. Возьми пятерку людей и хорошенько прочешите окрестности. Поищите его лагерь, лошадей.

Шахаб вновь кивнул, и несколько всадников галопом поскакали по направлению к лесу. Между тем весь отряд выбрался на берег. Воины поправили упряжь, осмотрели копыта скакунов и начали с любопытством оглядываться по сторонам. Лесной пейзаж был совсем не знаком гирканцам, многие впервые видели так много деревьев в одном месте, да и изумрудный ковер трав, испещренный яркими пятнами цветов, что покрывал холмы, отличался от их родных степей, в это время года буровато-желтых.

— Нашел! — крикнул Шахаб, приближаясь к всадникам. — Но только лошадей и стоянку. Больше там никого нет.

— Значит, вернется. — Тайрад махнул рукой, призывая отряд следовать за ним. — Мы разобьем лагерь рядом.

Вскоре всадники спешили, распрягли лошадей, на поляне выросли несколько больших круглых шатров, и тишина, нарушаемая раньше только шуршанием прибоя и криками птиц, сменилась гулом

множества голосов, криками, конским ржанием, треском ломаемых веток.

Тайрад назначил караульных и отправил их к краю леса, несколько человек спустились вновь к реке, чтобы наполнить бурдюки свежей водой, кто-то погнал лошадей на поляну с густой сочной травой — все было сделано быстро, ловко и со знанием дела. Будь киммериец здесь, он наверняка бы порадовался выучке и дисциплине гирканского отряда. Но Конана не было. Солнце уже поднялось высоко, над поляной потянулся дымок костров, на которых готовилась пища. Прошло обеденное время, потом день стал клониться к вечеру, а варвар так и не появился.

Молодой предводитель гирканцев, потягиваясь, вышел из шатра и, всмотревшись в полосу леса, не поверил своим глазам: прямо на него ровным строем выходила шеренга воинов с натянутыми луками.

«Как же караул?» — мелькнула мысль, но в тот же миг послышался резкий свист: кто-то из гирканцев все же заметил опасность.

Лагерь зашевелился, и мгновение спустя несколько десятков его воинов как будто возникли из воздуха, держа луки с наложенными на тетиву стрелами. Строй выходивших из леса замер и остановился, и только тогда Тайрад смог разглядеть, что это женщины. Киммериец говорил правду: все они были высокими, сильными и стройными. Одежда амазонок состояла из безрукавок неопределенного цвета, подпоясанных широкими ремнями, на которых висели колчаны со стрелами и длинные мечи в деревянных ножнах, и коротких кожаных штанов. Лица женщин загорели так сильно, что даже не сразу становилась заметной черная полоса, проведенная на уровне глаз.

Два отряда настороженно застыли, направив друг на друга стрелы, вот-вот готовые сорваться с тетивы. Тайрад прикинул, что численность его воинов и отряда женщин примерно равна, но часть его людей пасла

лошадей в отдалении и была не видна отсюда. В то же время многие из гирканцев, застигнутые врасплох, как и он сам, не двигались, опасаясь нарушить хрупкое равновесие. Над поляной повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы да шумом кипевшего внизу прибоя. Никто не предпринимал никаких действий, ожидая команды предводительшей. Строй женщин вдруг дрогнул, и тут же Тайрад услышал стук лошадиных копыт — это оставшаяся часть его отряда, видимо заметив, что творится в лагере, обходила стороной цепь противника, замыкая их в полукольцо.

Предводитель гирканцев поднял правую руку и громко сказал, обращаясь к женщине, на стальном шлеме которой был прикреплен золотой знак в виде распростертого крылья орла:

— Ты убедилась, что нас больше? Более искусных лучников, чем гирканцы, — добавил он, усмехнувшись, — нет во всем мире. Опустите оружие!

Он махнул рукой своим воинам, и те, повинувшись приказу, ослабили тетивы луков. Женщины по команде предводительницы сделали то же самое. Над поляной пронесся облегченный вздох.

— Я предлагаю, вместо того чтобы перестрелять друг друга, — крикнул Тайрад, — для начала поговорить. Пусть твои отойдут в лес, — продолжал он, выходя вперед.

Предводительница амазонок сделала знак своим женщинам и те, пятясь и не спуская глаз с гирканских лучников, исчезли в густом кустарнике. Тайрад обернулся и махнул своим воинам. Те опустили луки. Потом он обратился к предводительнице, остановившись в десятке шагов от нее:

— Я готов выслушать тебя.

— Кто вы, и зачем пришли в наши земли? — сурово спросила женщина.

Сколько ей лет, определить было трудно. Может быть, двадцать пять, а может быть, и все сорок. Ее

бесстрастное лицо пересекали два шрама, один из них совсем свежий. Тело женщины было упругим и мускулистым, она стояла, чуть выставив вперед левую ногу, и ожидала ответа, впившись в Тайрада холодным взглядом серых, чуть ввалившихся глаз.

— Я не знал, что это ваши земли, — медленно проговорил гирканец, смело встречая взгляд воительницы. — Мне казалось, ваша страна находится севернее.

— Кто тебе это сказал? — нахмурилась женщина.

— Один киммериец.

— Киммериец? — В глазах амазонки вспыхнул, но тут же погас стальной огонек. — С какой это поры варвары управляют северным побережьем Вилайта? — усмехнулась она. — Как его имя?

— Он знает вашу правительницу, и зовут его Конан.

— Хм! — В глазах женщины мелькнуло нечто похожее на одобрение. — Я знаю этого человека, но что-то не вижу его среди вас.

— Он где-то недалеко, — ответил Тайрад. — По крайней мере, его стоянка и лошади вон там. — Он махнул рукой вправо.

— Интересно, — медленно проговорила амазонка. — Он мог бы оказаться нам полезен. Ты его друг?

— Да, — твердо ответил гирканец. — Я его друг. Он спас мне жизнь, и теперь она принадлежит ему.

— Он многим спас жизнь... — На губах женщины впервые появилось что-то похожее на улыбку. Она мгновение подумала и произнесла: — Значит, мы чуть было не перебили отряд друга Конана!

— Ну, это еще как сказать, — усмехнулся Тайрад. — Хотя вы и застigli нас врасплох, но ведь перед тобой не молокососы, а вооруженные гирканцы — лучшие в мире стрелки!

— Может быть... — Амазонка криво усмехнулась. — Мы встанем лагерем вон там, — объявила она и, пристально глядя на Тайрада, добавила: — Твоему отряду я разрешаю остаться здесь.

Тайрад вспыхнул было от такой дерзости, однако, хоть и с немалым трудом, пересилил себя, чтобы не вызвать ненужной ссоры.

— Хорошо, — спокойно кивнул он. — Пусть будет так. Я обещаю не чинить твоему отряду препятствий и не нападать на вас.

Уж если этой воительнице так хочется, чтобы ее считали хозяйкой этих земель, пусть потешит самолюбие. У них найдутся дела поважнее, чем воевать с надменными амазонками. Между прочим, надо признать, среди них немало очаровательных девиц, хоть они и строят из себя суровых недотрог. Но сначала надо дожидаться возвращения киммерийца. Тайрад повернулся, чтобы идти к своим, но, сделав два шага, бросил через плечо:

— Меня зовут Тайрад, я воин орды Черепахи.

— Я Паина, и если ты не против, завтра мне бы хотелось поговорить с тобой, — отозвалась воительница.

Гирканец повернул голову и кивнул в знак того, что знакомство состоялось и приглашение на разговор принято.

Глава десятая

Девушки провели Конана сквозь боковую стену, и они очутились в большом помещении, в середине которого находилась огромная ванна, скорее, даже небольшой бассейн, наполненная голубоватой благоухающей водой. Женщины знаками показали киммерийцу, чтобы он разделся и вошел в воду. Он повиновался и с удивлением отметил, что, когда женщины сбросили хламиды и, попрыгав в воду, принялись тереть мягкими губками его тело, у него не пробудилось ни малейшего желания или даже просто естественного интереса, хотя невольницы могли бы свести с ума любого мужчину.

«Что это со мной? — встревожился варвар. — Неужели этот мерзкий старикашка успел околдовать меня?»

Он попробовал разогнуть браслет, но толстое витое кольцо оказалось прочным — нечего было и думать снять его голыми руками, даже такими могучими, как у киммерийца.

«Ну нет, так не пойдет! — Конана даже пробрала дрожь, несмотря на то что вода была теплой, почти горячей. — Надо как-то выбираться из этой колдовской дыры, иначе, того и гляди, во мне вообще не останется ничего мужского!»

После купания женщины вытерли его насухо, умастили тело ароматным бальзамом и, не вернув

одежду, отвели в круглое помещение. Варвар попытался было заговорить с ними и потребовать свое платье, но девушки молчали, как будто не понимали его слов, и лишь заученно улыбались.

«Конечно, — мрачно подумал варвар, — зачем рабу одежда, особенно выполняющему обязанности, какими желает обременить меня колдун. Для такой работы она не нужна...»

Конан прилег на ложе, напоминавшее невысокий каменный подиум, на котором он очнулся. Чуть позже двое уже знакомых ему мужчин внесли огромный поднос, уставленный блюдами с едой и кувшинами с напитками. Поставив его рядом с ложем, они удалились. Варвар заметил, что их правые руки украшали такие же браслеты, как у прислуживавших ему женщин. Один из молодых, прежде чем исчезнуть, пройдя сквозь стену, поднял перед преградой правую руку.

«Теперь понятно, как они попадают в другие комнаты, — подумал киммериец. — Что ж, надо запомнить. А пока не мешает подкрепиться, раз уж принесли столько жратвы. Как говаривал мой старый друг Ши Шелам, никогда не следует оставлять на завтра то, что можно съесть сегодня».

Варвар принялся за еду, не спеша отправляя в рот кусок за куском, и вновь вспомнил те далекие времена, когда он, молодой и полный надежд, пришел в Город Негодяев Шадизар, чтобы обучиться воровскому ремеслу.

«Сколько мне было тогда? — спросил он сам себя. — Семнадцать? Или чуть меньше... Золотое время, ничего не скажешь. Многому удалось научиться, спасибо Ловкачу Шеламу, да и Денияре с Нинусом».

Несмотря на прошедшие годы, киммериец помнил своих верных шадизарских товарищей, и хотя их лица уже начинал скрывать густой туман времени, он все же не сомневался, что при встрече непременно узнает любого. Вместе с ними он испытал немало удивитель-

ных приключений, удачных налетов на дома местных богатеев — всего, чем обычно полна жизнь искателя приключений и свободного воина, каким он стал. За одни только страстные объятия и ласки прелестной Дениары можно было помнить Шадизар чуть ли не всю жизнь. Хотя с тех пор в жизни киммерийца и побывало множество подруг, но такое не забывается...

«А теперь вот норовят превратить в племенную скотину! — От ярости у варвара вновь сжались кулаки. — Нашел жеребца, как же! Вот тебе! — Киммериец сделал непристойный жест в ту сторону, где, по его мнению, должен был находиться старикашка Чойбалсар. — Я с тобой еще разберусь! Не первый такой умный и уж, конечно, не последний, и не таких боги наказывали! Ну а я им немного помогал... Один горбатый Лиаренус чего стоил. Его зеленые монстры были пострашней, чем любой из твоих воинов!»

Конан вспомнил, как выпестованные горбатым колдуном и его верным подручным колченогим Карбаном твари сожрали своего повелителя, словно стая оголодавших шакалов. Лиаренус только взвизгнуть успел, а ведь тоже хотел быть властелином мира! Или совсем недавно — великий каган Бартатуя, замахнувшийся на мировое господство, пал от руки вендийской шлюхи, и ни огромное войско, ни мощь и незаурядные способности великого полководца не спасли от маленького кинжала, на лезвие которого был нанесен смертельный яд. А офирская принцесса Синэлла, пытавшаяся возродить страшное древнее божество Аль-Кири? Ей это удалось, но, вместо того чтобы обрести власть над миром, она первая пала жертвой чудовищного создания. Или колдунья Гермия, возжаждавшая нарушить Великое Равновесие! Перед глазами варвара на миг всплыла заснеженная равнина, исполинская каменная голова, ее голос — скорее, не голос, а чудовищный рык, словно сама земная твердь говорила с ним... И безжизненное тело Гермии, осмелившейся выступить против этой силы,

жалкий скорченный комочек... А сколько еще стремившихся к безграничной, всеобъемлющей власти довелось встретить за эти годы киммерийцу? Но никому до сих пор не удавалось возвыситься над миром, да и никогда не удастся, потому что у каждого из них есть хотя бы одно уязвимое место, и гнев богов бьет туда без промаха! И у хихикающего и вечно кашляющего Чойбалсара тоже должны быть слабости, только бы узнать про них, найти, и тогда можно будет выбраться отсюда!

Расправившись с яствами, киммериец еще раз внимательно осмотрел надетые колдуном браслеты.

«Пожалуй, острым и крепким ножом я смог бы разомкнуть их, — решил он. — Опыт как-никак есть, и не такие замки поддавались...»

Конан оглядел стены своей темницы, постучал по полу и попытался дотянуться до потолка в надежде, что эта преграда окажется не такой прочной. Однако светящийся свод был слишком высоко, и сколько варвар ни пытался допрыгнуть до него, ничего не получалось.

«Ладно, — поняв тщетность своих попыток, заключил он. — Завтра посмотрим, а пока не поспать ли как следует?»

Киммериец растянулся на ложе и тут же уснул. В любых условиях он старался не поддаваться панике и сохранять спокойствие. Обычно сон варвара был крепким, но теперь его мучили кошмары, он несколько раз просыпался в холодном поту, ловя воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. То ему снилось, будто он бежит по полю на четвереньках и с ужасом видит, что его ноги и руки оканчиваются раздвоенными копытами, как у коровы, а мерзкий Чойбалсар погоняет его хворостиной. Он хочет схватить колдуна и сдавить ему горло, но как это сделать такими руками? Тогда он пытается поддеть старикашку на рога, но те оказываются мягкими, как пуховые подушки, и гнусный старик только

смеется, словно его щекочут. Или он видел себя в образе откормленного борова, валявшегося на загаженной соломе, около него мечутся десятки свиней и маленьких поросят с человеческими лицами и хихикают, хихикают, хихикают, пытаюсь заставить его подняться с ложа, но он не может пошевелиться и только поводит рылом из стороны в сторону в ответ на слишком уж докучливые приставания. Конан вновь пробудился и увидел перед собой только овал каменных стен да спокойный желтоватый свет, струившийся с потолка.

Под утро до слуха варвара донесся звук шагов. Он мгновенно проснулся, повинаясь выработанной за долгие годы привычке слышать даже во сне каждый шорох. Когда в комнате появился один из молодцов, Конан уже сидел на подиуме, протирая глаза.

«Утро, — отметил он. — Хотя какое здесь может быть утро или вечер... В этом логове всегда одно и то же: ни дня, ни ночи, ни зимы, ни лета — все едино... Тьфу! На редкость поганое место!»

Однако принесенную пищу он поглотил с завидным аппетитом, после чего, обхватив колени могучими руками, застыл на подиуме, соображая, что же предпринять, как найти выход из гнусного положения, в котором оказался.

Долго размышлять варвару не пришлось: в комнате возникли три уже знакомые женщины в белых хламидах и знаком приказали следовать за ними. Конан снова попытался заговорить с невольницами, но они, как и в прошлый раз, были безмолвны и только поглядывали на него искоса блестящими черными глазами.

В зале, куда они вошли, пройдя галерею и еще пару помещений, на резном кресле, покрытом мягким ковром, восседал старикашка-колдун, а чуть поодаль, рядом с плоским возвышением стояли три тучных человека с гладко выбритыми головами, одетые в голубые балахоны.

— Надеюсь, тебе понравилось, как о тебе позаботились? Кхе, кхе, — обратился к нему Чойбалсар.

— Понравилось, а как же, — буркнул киммериец.

— Ну вот и чудно! — радостно всплеснул руками колдун. — Сейчас и покажешь нам, на что способен.

Он кивнул толстякам, и те, семена мелкими шажками, вышли друг за другом и тут же вернулись, таща за собой одну из плененных амазонок. Девушка извивалась, пытаюсь вырваться, но безуспешно: все-таки бритоголовых толстяков было трое.

— Что тебе надо от меня, старый ублюдок? Пусть-те, жирные свиньи! — кричала пленница.

— Что, неплохую я тебе выбрал подружку для начала? Смотри, какая резвая! Тебе это должно понравиться, — хихикнул Чойбалсар, не обращая никакого внимания на вопли амазонки. — Приготовьте ее!

Пока двое держали девушку за локти, третий с расторопностью, неожиданной для такого тучного человека, сорвал с нее остатки одежды и шелковым платком туго завязал рот, пропустив его между губами наподобие уздечки. Теперь она могла только мычать, однако зеленые глаза амазонки по-прежнему метали молнии.

— Ну вот, — кивнул колдун, — и потише стало, да и не цапнет никого. Мне тебя надо беречь: что случится, так похожего найдешь не скоро.

Он откровенно издевался над киммерийцем, который мог только скрипеть в гнев зубами, лихорадочно пытаюсь найти выход из совершенно дурацкого положения. Тем временем толстяки бросили пленницу на подиум и, разведя в стороны ее руки и ноги, стали привязывать их к кольцам, вделанным в камень. Тело девушки напряглось, она из последних сил старалась вырваться из лап подручных колдуна, но они, споро закончив свое дело, отошли в сторону, оставив ее распластанной на ложе.

— Теперь дело за тобой. — Чойбалсар указал Конану на амазонку. — Действуй!

— Нет! — Варвар в ярости повернулся к колдуну. — Не дожدهшься, старый козел!

Старик, не изменившись даже в лице, щелкнул пальцами, и киммериец закричал. Начиная от браслетов по всему его телу прошла волна дикой, невыносимой боли, лишив возможности даже пошевелиться. Варвар как подкошенный рухнул на пол у ног старика.

— Соображай, дикарь, — поставив ему на лоб носок сафьянового сапога, процедил сквозь зубы колдун, — против кого выступаешь. Напиток! — бросил он, повернувшись к толстякам.

Один из них, держа в руках небольшой кувшинчик, просеменил к лежавшему неподвижно варвару и влил ему в рот несколько капель терпкой жидкости, от которой сразу же неприятно защекотало в носу. Боль прошла, и вместе с ней исчезло всякое желание сопротивляться и вообще что-то делать. Конан не ощущал себя человеком, способным на самостоятельные поступки, и, встав на ноги, тупо уставился на Чойбалсара.

— То-то, — наставительно сказал колдун. — Иди. — Он указал на каменное ложе, где лежала беспомощная амазонка, в глазах которой застыл ужас.

Киммериец повернулся и медленно пошел к ней, краем глаза заметив, что женщины в белых хламах подталкивают друг друга локтями, видимо, предвкушая завлекательное зрелище. Конан взобрался на постамент и вдруг с ужасом понял, что совершенно не способен сделать то, что от него ждет колдун. Правда, тут же страх сменился радостью, что ему не придется против своей воли насиловать молодую женщину на потеху старикашке и его подручным.

— Что там такое? — недовольно спросил Чойбалсар. — Давай, чего стоишь!

Старик привстал с кресла, но, внимательно взглянув на варвара, все понял.

— Хм! — пожевал он сухими губами. — Пожалуй, я совершил ошибку.

Колдун плюхнулся обратно в кресло и на мгновение задумался.

— Ладно! — бросил он через некоторое время. — Отведите его пока обратно. Мне надо подумать!

Глава одиннадцатая

«Дубина! — ругал себя Тайрад. — Это моя вина, я должен был, во-первых, не ставить лагерь так близко к лесу, а во-вторых, понять, что мы достаточно хорошо знаем степь, открытую местность, а в зарослях моих караульных эти наглые девки сняли в два счета».

Амазонки, усмехаясь, привели к лагерю гирканцев трех человек, которых Тайрад отправил в дозор. Связанные, с кляпами, они только бешено вращали глазами, косясь на своего предводителя и товарищей.

— Это тебе подарок от госпожи Паины, в знак ее расположения, — задорно глядя на Тайрада, выпалила одна из амазонок. — Завтра утром выходи на поляну между лагерями, она будет ждать тебя.

— Ладно, — хмуро бросил гирканец. — Развяжите их, — кивнул он своим воинам. — Они не виноваты.

Он вздохнул и, махнув рукой, направился в шатер, окончательно расстроившись. Все пока складывалось не так, как ему расписывал варвар, да и самого Конана нет целый день. Где его демоны носят?

На всякий случай Тайрад выставил вокруг стоянки дополнительные дозоры, все же опасаясь подвоха со стороны амазонок: мало ли что придет в голову этим воинственным и, мягко говоря, не особенно приветливым мужчинам воительницам? Однако ночь прошла спокойно, и утром предводитель гирканцев,

терзаемый любопытством — о чем собралась беседовать с ним эта суровая грубоватая женщина? — вышел из лагеря и направился к стоянке амазонок. Паина уже ждала его, присев на большой камень, который, как остров, вырастал из густой травы примерно в двух сотнях шагов от лагеря гирканцев.

— Привет тебе, Тайрад, — бросила она.

— Привет, — хмуро отозвался гирканец. — Зачем звала?

— Твой друг не объявился?

— Пока нет, — ответил Тайрад. — Ума не приложу, что с ним приключилось.

— Пару дней можно подождать, — сказала Паина, — но, поскольку ты его друг, у меня есть к тебе предложение.

— Какое? — оживился гирканец.

— Понимаешь, — начала амазонка, — в нашей стране в очередной раз возник бунт. Мне с правительницей удалось скрыться. Она с верными людьми пока отбивается от мятежников, а меня послала за девушками, которые проходят испытание здесь, в лесу. Вместе с моим отрядом нас будет полторы сотни, а это уже сила. Я с утра отправила людей к месту встречи, через день-два все подойдут. Вот я и подумала... — Она пристально взглянула на гирканца. Видно было, что Паина собирается сказать или предложить ему что-то важное.

— Говори, — подбодрил ее Тайрад.

— Вот я и подумала, — повторила Паина, — может быть, ты пока мог бы со своими людьми подучить моих женщин стрельбе из лука, раз уж считаешь, что вы самые умелые...

— Хм! — Гирканец задумался.

Предложение амазонки пришлось как нельзя кстати. Они с товарищами чуть не всю ночь ломали головы, как бы поближе сойтись с воительницами, но ничего путного так и не придумали. А тут добыча, можно сказать, сама плывет в руки. Только ни в коем случае нельзя показать своей радости. Тайрад наморщил лоб.

— Мы заплатим! — по-своему растолковав его сомнения, сказала Паина. — Золотом. Впрочем, если тебе это не по вкусу...

— Хорошо, я согласен, — с серьезным видом кивнул Тайрад.

— Тогда сейчас же и начнем, — приказала воительница. — Вон туда, на опушку, я пришлю десяток своих, а ты десять твоих лучников.

За право попасть в первый десяток наставников среди гирканцев чуть не завязалась драка, но Тайрад быстро утихомирил товарищей:

— Не торопитесь, иначе все испортите. Тут надо действовать тонко, — повторил он мысль, которую пытался втолковать ему варвар. — Кидайте жребий, и клянусь Предвечерней, шкуру спущу с того, кто попробует идти напролом. Они совсем дикие и от мужчин шарахаются — не приведи боги, спугнете.

Гирканец оказался прав. Сколько ни пытались гирканцы в силу своих возможностей и терпения подойти к женщинам по-дружески, они натывались лишь на холодное презрение, и даже мастерство лучших стрелков из лука ни на пядь не приблизило их к желанной цели.

— Дохлое ты дело задумал, — с силой воткнув стрелу в землю, сплюнул Шахаб. — Ничего у нас не получится. Напасть на них и взять силой — вот и все дела. Тоже мне, ведем себя так, будто ума лишились. С ними надо поступать как с рабынями! Нечего тут павлиний хвост распускать! Столько девок под рукой, а мы разводим какие-то дурацкие церемонии...

— Не горячись, — придержал его за рукав Тайрад. — Я кое-что придумал...

* * *

Под вечер, когда занятий с амазонками уже закончились и Тайрад с Пайной беседовали у большого камня, обсуждая дела на завтрашний день, юноша вдруг охнул и схватился рукой за поясницу.

— Что с тобой, гирканец? — спросила амазонка.

За прошедший день воительницы слегка изменили отношение к степнякам, насколько этого можно было ожидать от женщин, которые с детства воспитывались в пренебрежении и неприязни к противоположному полу. В словах Паины, обращенных к Тайраду, даже сквозило нечто похожее на человеческое участие.

— Да вот что-то спину прихватило, не понимаю даже, отчего. — Гирканец вновь поморщился. — Может быть, у вас в отряде есть врачевательницы? Я слышал, амазонки лихо умеют вправлять кости и владеют массажем.

— Да, — самодовольно подтвердила Паина, — наши женщины — искусные мастерицы в этом деле. Я пришлю тебе самую лучшую. Но... — Она заколебалась.

— Не беспокойся, — заверил ее Тайрад, — ничего не случится, клянусь честью воина орды Черепахи!

— Тогда приходи после заката солнца, тебя вылетчат, — бросила Паина и поднялась, давая понять, что разговор окончен.

Когда стемнело, гирканец подошел к охранному кольцу лагеря амазонок.

— Проведи меня к вашей врачевательнице, — обратился он к одной из дозорных. — Паина обещала, что мне помогут.

Тайрад понимал, что сильно рискует и, если ему не повезет, может испортить все дело и даже погибнуть. Правда, к амазонкам он отправился не с пустыми руками, а взял с собой флакон, который получил как-то от одного вендийского мудреца. Кудесник сбился во время песчаной бури с дороги в сухой полупустынной местности и непременно погиб бы, не повстречай он Тайрада. Гирканец дал путнику запас воды, коня и проводил до ближайшего селения. В благодарность вендиец подарил ему флакон с жидкостью, о которой сказал, что, если человек ее понюхает, он тотчас уснет, а десять капель, добавленные в питье, заставят его заснуть навеки. Зачем ему это хитрое снадобье, если ни

усыплять, ни лишать жизни он пока никого не собирался, гирканец тогда не понял, но подарок взял из простого любопытства, а кроме того, не мог отказать гостю. Из-за этого-то флакона Тайрад чуть не погиб, когда, вспомнив о нем, вернулся в орду. Слава богам, поблизости оказался варвар. Теперь гирканец задумал испытать зелье на первой же амазонке. Опасно? Конечно, но задуманное того стоило. Важно начать, вспоминал он наставления киммерийца, а потом...

Его провели в длинную невысокую палатку. Довольно скоро полог отодвинулся, и вошла женщина, которая несла в руке кожаный мешочек. Гирканец искоса взглянул на нее: красивое, хоть и суровое, лицо, шапка каштановых кудрей, холодный взгляд карих глаз, великолепная, словно выточенная из крепкого отполированного дерева, фигура, едва прикрытая короткой, подпоясанной кожаным ремнем туникой. Тайрад тут же громко застонал, изображая сильное страдание.

— Какие вы, мужчины, изнеженные! — фыркнула женщина, развязывая мешочек. — Наша госпожа приказала помочь тебе. Снимай одежду и ложись на живот. — Она указала на ворох шкур, лежавших в углу.

Тайрад, зажав в руке флакон, повиновался, и женщина, смазав ладони пахучим составом из серебряного кувшинчика, который принесла с собой, принялась растирать спину гирканца. Ему было чрезвычайно трудно сохранять спокойствие, поскольку мягкие и в то же время сильные руки женщины будили в нем настоящий вулкан.

— Ну как? — массируя поясницу, спросила женщина. — Тебе лучше?

— Еще бы... — едва выдавил Тайрад, лихорадочно соображая, как осуществить задуманное.

Растерев ему спину, женщина прикрыла гирканца бараньей шкурой и присела рядом:

— Сейчас тебе полегчает.

Тайрад резко перевернулся на спину и выбросил правую руку, сунув флакон к носу амазонки. Она не

успела даже отшатнуться и, вдохнув колдовского зелья, бессмысленным и затуманенным взглядом уставилась на мнимого больного. Прислушавшись к звукам снаружи и убедившись, что вокруг тихо, гирканец уложил женщину на ложе из шкур, затем, сорвав с нее одежду, лег рядом и притянул к себе обмякшее тело. Внезапно амазонка всхлинула и сама прижалась к нему. Ласково поглаживая нежную кожу на ее груди и животе, Тайрад быстро разделся. Женщина обняла его еще крепче, и с ее губ сорвался полный истомы стон. Амазонка открыла глаза: они уже не казались сонными, как было несколькими мгновениями раньше. Со счастливой улыбкой она принимала ласки гирканца, который старался вовсю, чтобы подарить ей высшее наслаждение...

Потом они сидели, обнявшись, на ложе из мягких шкур, и женщина благодарно и ласково смотрела на Тайрада, поглаживая рукой его плечи и грудь.

— Как жаль, что такое бывает только раз или два в жизни...

— Кто мешает нам заниматься этим каждый день? — вкрадчиво поинтересовался Тайрад. — Как тебя зовут?

— Килара, — ответила женщина. — Я была один раз с мужчиной, но тогда все было иначе. Наши обычаи таковы, что... — начала она, но гирканец перебил ее:

— Знаю. И все это потому, что вы подобно упрямым ослицам не хотите их изменить.

— Ну, я была бы не против, — вздохнула женщина, затуманенным взглядом посмотрев на Тайрада, — но остальные...

— Что — остальные? — хитро прищурившись, спросил гирканец. — У тебя есть подруги, которые не выдадут нас вашей предводительнице?

— Паине? — вздрогнула женщина. — Если она узнает, меня ждет суровое наказание! Могут на всю жизнь сделать рабыней... Подруги у меня, конечно,

есть.— Она лукаво поглядела на гирканца.— Ты что же, можешь...

— Угу! — кивнул головой юноша.— Если хочешь, зови их.

— Ладно,— кивнула Килара.— Но ты не будешь возражать, если потом мы с тобой...

— Ну конечно,— чуть не рассмеялся Тайрад, никогда не чувствовавший себя так превосходно.— И, если захочешь, много-много раз...

Когда урожай поспел, следует немедленно собирать его! Гирканец поцеловал женщину, и она вышла. Через некоторое время Килара вернулась, ведя за руку подругу, смуглую, черноволосую девушку, застенчиво и несколько испуганно глядевшую на Тайрада...

Когда уже под утро гирканец, слегка пошатываясь от усталости, вышел из палатки, он увидел шестерых женщин, с которыми успел познакомиться ночью. Они оживленно делились впечатлениями: локоны разместились по щекам, груди трепетно вздымалась под легким полотном рубаш.

— Спасибо за лечение,— обратился он к ним.— Спина совсем прошла. И,— гирканец, усмехнувшись, торжественно поднял палец,— обратите внимание и расскажите подругам, какие крепкие ребята разбили лагерь недалеко от вас.

Глава двенадцатая

Рабыни колдуна, на лицах которых было написано легкое разочарование, повели киммерийца обратно, подталкивая друг друга локтями и хихикая. Конан плелся со смешанным чувством униженности и облегчения. Как только его оставили в одиночестве, варвар упал на подиум, обхватив голову руками.

«Медлить больше нельзя,— думал он.— Надо действовать, иначе старикашка превратит меня в животное без воли, а может быть, и без разума. Но что я могу сделать?»

Неуемный киммериец не мог успокоиться, тем более что положение его было не из приятных. Но сколько он ни раздумывал над своей участью, как ни искал выхода, в голову не приходило ни одной хоть мало-мальски стоящей мысли. Конан уставился в ровно освещенный потолок — его гладкий желтоватый свод не помог найти ответа, повел глазами по стенам — везде плоская поверхность, как будто специально устроенная для того, чтобы взгляд человека не мог за что-нибудь зацепиться.

Киммериец заскрипел зубами от бессильной ярости. Вдруг послышались шаги, и в проеме расступившейся стены показался один из черноволосых гигантов с подносом в руках. Когда он наклонился поставить его на пол, киммериец, даже не успев подумать, что

делает, сцепленными руками резко ударил слугу чародея по затылку. Бедняга свалился на пол и, дернувшись несколько раз, затих. Варвар, двигаясь, словно во сне, быстро перевернул его на спину и, выдернув кинжал из-за пояса неподвижного великана, начал лихорадочно ковырять острием замок своего браслета. Обучение воровскому ремеслу в Шадизаре не пропало даром: вскоре металл звякнул, и браслет упал на пол.

«Вдруг этот ублюдок, пользуясь магией, может меня видеть?» — мелькнула в голове мысль, но другого выхода все равно не было, и Конан принялся за вторую руку.

Покончив с «подарками» Чойбалсара, киммериец снял с руки черноволосого молодца браслет из синеватого металла и надел себе на запястье. Подняв правую руку перед стеной, он с удовлетворением убедился, что «ключик» работает: преграда расступилась, и он мог выйти в галерею. Варвар так и поступил. Он очутился в длинном коридоре, который уходил вперед, закругляясь влево. Осторожно, чутко прислушиваясь к каждому шороху, Конан пошел вперед, пытаясь найти входы в другие помещения, но ничего не обнаружил. Варвар шел достаточно долго и размышлял о том, как же колдун и вся его челядь попадают в нужные им комнаты. Стены с обеих сторон коридора были совершенно гладкими, и сколько киммериец ни всматривался в них, он не мог увидеть ничего похожего на двери.

«Нергал мне в кишки! — выругался он. — Как же эти ублюдки определяют, куда идти?»

Единственное, что он знал точно: по левую руку от него были залы, где находился Чойбалсар. Варвар запомнил это, когда его несколько раз вели из комнаты в комнату.

«Тысяча демонов! — наконец догадался он. — Я хожу по кругу! Надо побыстрее решаться на что-то, пока не начался переполох. Как же отметить место, чтобы не кружить здесь без конца?»

Это оказалось непросто. Конан оглядывался вокруг, тщетно пытаясь найти что-нибудь подходящее. На стенах не было ничего, на чем мог бы задержаться взгляд. Хорошо бы оторвать кусок ткани от одежды и бросить его на пол, но киммериец был наг, словно только что родившийся ребенок. Оставить на полу кинжал? Но это его единственное оружие... Варвар остановился на миг, лихорадочно соображая, как поступить.

«Волосы!» — внезапно осенило его.

Киммериец отхватил кинжалом, добытым у охранника чародея, прядь волос и положил ее у стены, а затем помчался по коридору, считая шаги:

— Один, два... Десять... Пятьдесят... Семьдесят... Сто... Когда же он, к демонам, кончится?

Наконец он заметил за изгибом стены темное пятно и, подбежав к нему, убедился, что это прядь его черных волос. Он облегченно вздохнул:

— Все! Сто шестьдесят шагов... Длинный коридорчик! — Конан представил себе кольцо, отмеренное его отнюдь не мелкими шагами, и чуть не присвистнул. — Ничего себе выстроил хоромы мерзкий старикашка!

Вдруг он услышал неподалеку переливчатый женский смех. Варвар мгновенно присел на корточки и прислушался. Смех раздавался где-то впереди и, казалось, удалялся. Конан бесшумными шагами, прижимаясь к левой стене, двинулся за источником звука, и за изгибом коридора увидел спины девушек, которых колдун предоставил ему в услужение. Они шли не оборачиваясь и оживленно болтали. Остановившись, одна из них подняла правую руку, и стена в этом месте сделалась чуть светлее. Потом женщина повела рукой, преграда исчезла, и прислужницы, весело щебеча, скрылись в каком-то помещении.

«Вот в чем дело! — сообразил киммериец. — Значит, из коридора можно определить, есть тут проход или нет».

Недолго думая, поскольку времени на особые размышления не было, Конан, не доходя десятка шагов до того места, где скрылись рабыни колдуна, подошел к стене и проделал те же манипуляции, что и женщина. Войдя в помещение, он узнал комнату, где очнулся после того, как попал в плен к Чойбалсару. Варвар обследовал стены, но других проходов не обнаружил и вернулся в коридор.

Неожиданно он нос к носу столкнулся со вторым охранником колдуна. Тот с изумлением уставился на киммерийца, но пока соображал, что все это значит, и успел лишь открыть рот, варвар резким движением всадил ему кинжал в бок. Стражник охнул и стал оседать на пол. Киммериец подхватил его и, раздвинув стену, оттащил тело гиганта в каморку, из которой только что вышел. Там он бросил воина на ложе, где парой дней назад лежал сам, прикованный цепями.

— Отдохни здесь, не знаю уж, призрак ты или нет, — усмехнулся Конан, бросив последний взгляд на бездыханное тело. — Однако надо торопиться. Если Чойбалсар и не обнаружил еще моего исчезновения, то вряд ли это случится скоро.

Конан вновь выбежал в коридор и стал открывать подряд все проходы в стенах. Роскошно убранный зал с ложем, покрытым мягкими коврами... Не то! Дальше! Еще пара помещений... В обоих пусто, но дальше никаких выходов обнаружить не удалось. Пока киммерийцу везло: на пути не попадался никто из челяди колдуна. Он раздвигал стены коридора и попадал все в новые и новые комнаты, но из них был только один выход — обратно. Наконец Конан влетел в очередное помещение и настороженно замер: потолок не светился! Варвар лихорадочно оглядывался по сторонам, ища какой-нибудь подвох и в любой миг ожидая нападения. Все было тихо. Он поднял руку с браслетом к потолку и чуть не закричал от восторга: свод раздвинулся! Высокий узкий колодец вел куда-то вверх, и металлическая лестница, прикрепленная к стене, терялась в полумраке.

«Вот он, выход! — возликовал киммериец. — Скорее, пока этот проклятый Чойбалсар ничего не обнаружил!»

Он уже ухватился за первую перекладину, но тут вспомнил: «Пленницы! Ведь чародей держит здесь несколько десятков амазонок. Я же их и пошел искать, собственно говоря... Получается, что все это время провел впустую. Ну нет, дело надо довести до конца!»

Киммериец не привык бросать начатое на середине, такой уж у него был характер. Он вновь вернулся в коридор и принялся открывать одну за другой невидимые двери, каждое мгновение ожидая встретить кого-нибудь из слуг или рабов колдуна или, что еще хуже, напороться на чародейскую ловушку, на которые Чойбалсар, по всей видимости, был большой мастер. Пока ему везло. Пройдя несколько пустых помещений, варвар наконец наткнулся на большой зал, перегороденный высокой, доходившей до потолка решеткой. За решеткой сидели, лежали и стояли несколько десятков пленниц, которых колдун показал Конану в первый день. Теперь у них отобрали даже те жалкие тряпки, что прикрывали их наготу, и у варвара на миг потемнело в глазах: столько прекрасных юных девушек одновременно он, пожалуй, не встречал в своей жизни, хотя повидать ему пришлось много. Увидев киммерийца, амазонки столпились у решетки, настороженно и враждебно глядя на него.

— Меня прислала за вами ваша правительница Акила, — крикнул Конан первое, что пришло ему в голову. — Времени на разговоры у нас нет. Кто хочет остаться здесь, чтобы послужить этому мерзавцу Чойбалсару в качестве племенных самок, может оставаться. Остальные — за мной, только, — он приложил палец к губам, — без суеты и шума. Понятно?

Девушки молчали, недоверчиво поглядывая на могучего голого мужчину.

— Этот ублюдок чуть было не воспользовался мной! — вдруг воскликнула одна из амазонок.

Конан хотел было возразить и объяснить девушкам, что не виноват, но на это ушло бы слишком много времени. Ни мгновения не сомневаясь в своих действиях, он поднял руку с браслетом и провел ею вдоль решетки. Стальные прутья на его глазах как бы размягчились, превратившись в подобие тонких канатов.

— Быстро! — скомандовал Конан и открыл проход в коридор. — За мной!

Они успели пробежать несколько шагов, как вдруг наткнулись на выходивших откуда-то из помещений внутреннего круга трех евнухов, тех самых толстяков, что приволокли «на свидание» к варвару несчастную девушку. Увидев киммерийца, они завизжали тонкими бабьими голосами так громко, что у Конана заложило уши.

— Нергал вам в задницу, жалкие кастраты! — гаркнул варвар и, не раздумывая, вломился в первый попавшийся вход в комнату внутреннего круга.

Ему повезло еще раз, сказочно повезло! В дальнем конце обширного и роскошно убранного зала он увидел распростертого на ложе Чойбалсара и двух девушек-рабынь, которые умащали его тело благовониями. Появление киммерийца вызвало у них такой же ужас, что и у евнухов, оставшихся в коридоре: они дружно завизжали, пожалуй, даже еще более громко, чем толстяки. Колдун, не сразу сообразив, в чем дело, и, видимо, разнеженный массажем ласковых женских ручек, недовольно повернул голову в сторону варвара, но времени на то, чтобы спасти свою жизнь, ему было отпущено богами совсем немного. Чародей не успел им воспользоваться. Пущенный меткой рукой кинжал уже летел в его сторону и воткнулся прямо в открытый рот, который хотел произнести какие-то слова заклинания. Что собирался сказать Чойбалсар, уже никто никогда не узнал: клинок пронзил череп насквозь. Кровь фонтаном брызнула на покрытое пушистыми тканями ложе, окропляя пол и белые одежды рабынь. Тело старца качнулось и рухнуло вниз. Дернувшись пару раз, колдун затих.

Конан, подскочив к нему одним гигантским прыжком, выдернул кинжал изо рта чародея и двумя взмахами клинка отсек его голову — на всякий случай. Отбросив ее ногой в сторону, варвар, не обращая внимания на оцепеневших служанок, бросился обратно в коридор. Жилище Чойбалсара было устроено так, что звуки из одного помещения не достигали другого. Когда стена распахнулась, киммериец сначала было подумал, что попал не туда: в коридоре было тихо, как в могиле. Но нет, через миг Конан увидел толпу нагих амазонок, которые расступились при его появлении, и перед ним открылось зрелище, не уступавшее по красочности тому, что он оставил в покоях чародея: три растерзанных в клочья тела евнухов валялись друг подле друга с оторванными головами.

— Ну и ну! — присвистнул варвар. — Прямо дикие кошки... — усмехнулся он, взглянув на пылающие ярким румянцем лица девушек. — Ладно, воспитывать вас мне сейчас некогда. За мной!

Не оглядываясь на амазонок, он побежал по коридору к комнате с раскрывающимся потолком. Может быть, особой спешки теперь и не требовалось, поскольку колдун был мертв, но киммериец считал, что лучше побыстрее убраться из проклятого подземелья.

Конан быстрым движением руки раздвинул потолок и крикнул:

— Все вверх, там должен быть выход наружу!

Девушки повиновались, и одна за другой стали ловко карабкаться по лестнице, исчезая в полумраке колодца. Киммериец полюбовался мгновение их ловкостью и сноровкой, а затем вернулся в коридор, решив, что не годится ему, воину, оставаться голым, словно последнему рабу. После нескольких неудачных попыток он наконец попал в ту каморку, где оставил черноволосого гиганта. То, что увидел варвар, особенно его не удивило: труп исчез, а на ложе валялась только кучка одежды. Конан натянул на себя короткие кожаные штаны, поблагодарив мысленно колдуна, что его вой-

ны были такими же мощными, как и он, потом, немного поразмыслив, набросил на плечи и грудь тускло блестящие доспехи. Они тоже пришлось впору, как и кожаные добротные сандалии с пряжками, и киммериец мог посетовать только на то, что у прислужников Чойбалсара не было никакого оружия — оно бы ему сейчас пригодилось.

Девушек в помещении уже не было. Варвар поглядел наверх, но тоже никого не увидел.

«Экие шустрые, — похвалил он мысленно амазонок, — уж такие не растеряются!»

Ухватившись за нижнюю перекладину, Конан подтянулся и стал быстро карабкаться наверх. Лестница несколько раз оканчивалась на небольших каменных площадках, но каждый раз вверх уходил новый пролет. Наконец повеяло свежим лесным воздухом, и киммериец различил проблески дневного света. Еще несколько ступенек, и он уже просовывал голову в узкое отверстие в скале, лихорадочно размышляя, сможет ли протиснуться наружу плечи. Об этом варвар так и не узнал: внезапно в глазах у него потемнело, он ощутил мощный удар по темени и, цепляясь руками и ногами за перекладины лестницы, полетел вниз.

— Давайте! — Зеленоглазая амазонка, которую покойный Чойбалсар выбрал в качестве первой жертвы, взмахнула рукой, и остальные, напрягая все силы, подкатили к лазу огромный кусок скалы, наглухо закрывая отверстие.

— Зачем нам эта двуногая скотина? — весело переговаривались друг с другом девушки. — Пусть остается со своим старикашкой в подземелье!

Они в последний раз кинули взгляд на дело своих рук и, спустившись по узкой каменистой тропе к берегу моря, стайкой двинулись к тому месту, куда, по их расчетам, скоро уже должен прийти за ними отряд амазонок.

Часть вторая ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХОЛМАХ

Глава первая

Утром, как и вчера, Тайрад пошел к условленному месту на встречу с Паиной. Предводительницы амазонок еще не было, и молодой гирканец, присев на камень и расслабленно уронив между коленями руки, наблюдал за утренней суетой в их лагере.

«Прав был киммериец, — вспоминая подробности прошедшей ночи, думал юноша. — Теперь среди амазонок у нас есть не меньше шести единомышленниц, и не исключено, что вскоре их станет намного больше. Как это варвар говорил? — попытался вспомнить он. — Ах, да! Лавина! Похоже, Конан был недалеко от истины. Не зря боги свели его с нами», — самодовольно заключил гирканец.

Он бросил еще один взгляд на стоянку амазонок и увидел, что в его сторону, выйдя из ближайшей палатки, направляется Паина. Когда она подошла поближе и хмуро приветствовала его, Тайрад заметил, что женщина чем-то сильно взволнована.

«Не о моих ли подвигах ей стало известно? — мелькнуло в голове гирканца, и он на миг ощутил легкое беспокойство. — Да нет, этого быть не может. Вроде бы никто ничего не заподозрил, а мои укрощенные тигрицы должны молчать. Все-таки я старался изо всех сил!»

— Что-нибудь случилось? — любопытствовал он на всякий случай.

— Да,— кивнула Паина.— К месту встречи не пришла ни одна девушка.

— Надо подождать, может быть, они неправильно определили день,— пожал плечами Тайрад.— У вас как заведено?

— Обыкновенно,— буркнула амазонка.— С первого новолуния после того, как зацвел желтый цветок, отсчитать пять дней. Девушки обучены этому с детства. Прошло уже три дня, как они должны были собраться, но нет ни одной девчонки.

— Ни одной? — переспросил юноша.

— Ни одной. Я послала дюжину лучших охотниц прочесать лес в округе. Надеюсь, к вечеру они кого-нибудь обнаружат.

— Да... — протянул гирканец.— Ты же очень рассчитывала на них. Все-таки почти сотня воинов.

В ответ Паина только вздохнула, и Тайраду стало даже жалко эту суровую и неприступную женщину.

— Может быть, в таком случае тебе пригодятся мои парни? — осторожно начал он.— Посмотри на них,— махнул он рукой в сторону своего лагеря.— Ребята крепкие, отличные воины. Это большая сила, и, клянусь ордой Черепахи, в бою они не подведут...

— Да видела я их... — Амазонка фыркнула, потом задумалась, отвернувшись и не глядя на Тайрада.— А кстати, где же твой друг Конан? Ведь его тоже до сих пор нет?

— Верно. Пропал куда-то, как и твои девушки,— ответил гирканец.

— Да... — поднялась Паина.— Но я не сомневаюсь, что мы разберемся со своими трудностями. Присылай десятков воинов, как договаривались вчера. На то же место.

— Будут,— коротко кивнул Тайрад, радуясь в душе, что отношения с амазонками, хоть и не такие тесные, какие были сегодня ночью, продолжаются.

— Ну ладно,— сказала предводительница.— Кстати,— обернулась она вдруг,— помогла тебе моя врачевательница?

— Еще как! — Гирканец склонил голову, скорее, чтобы скрыть улыбку, чем в знак уважения.— Я никогда в жизни не чувствовал себя лучше!

— Вот видишь,— самодовольно усмехнулась Паина,— вы так не умеете, хоть и лучшие в мире стрелки. Если кто заболел, обращайся. Я не потому беспокоюсь, что мне жаль ваше племя,— как бы спохватилась она.— Вдруг все же нам придется нанять твоих воинов, тогда каждый человек, даже мужчина, будет на счету.

— Спасибо тебе, непременно обращусь.— Тайрад едва справлялся с душившим его хохотом.

— Ладно,— как-то подозрительно поглядев на него, медленно проговорила Паина.— Я пошла...

Гирканец повернулся и, едва не рыдая от смеха, пошел к своему лагерю.

Собрав воинов, он под завистливые вздохи товарищей поведал о своих ночных похождениях и о том, что, по всей видимости, их может нанять правительница Акила для участия в междоусобной войне амазонок.

— Подготовкой займемся немедленно,— сказал Тайрад, обращаясь к своим полусотникам Шахабу и Ярихану.— Не забудьте выделить по пять человек на обучение амазонок.

Это замечание вызвало восторженные восклицания десятка счастливых и долгие горестные вздохи остальных.

— Не грустите,— усмехнулся Тайрад.— Если все пойдет как надо, обиженным не останется никто. Только потерпите чуток.

— Тебе хорошо,— бросил кто-то из гирканцев,— а нам какво?

— Зато сил накопишь,— под смех собравшихся отпаривал предводитель.— В общем, за дело.

День проходил удачно. Поглядывая на опушку, где гирканские лучники давали уроки стрельбы амазонкам, Тайрад заметил, что иногда некоторые пары, состоящие из учителя и ученицы, стараясь не привлекать к себе особого внимания, отходили от остальной группы и потихоньку исчезали в лесу.

«Видно, Килара и ее подружки поработали, — с удовлетворением подумал юноша. — Ну, теперь дело пойдет!»

Когда лучники вернулись в лагерь, им было что порассказать оставшимся. Вокруг каждого из них собрался кружок слушателей, и разговоры перемежались завистливыми вздохами тех, кому не посчастливилось обзавестись хотя бы одной ученицей. В расположении амазонок тем временем происходило что-то странное: гирканцы видели, как женщины заматались между палатками, слышались громкие встревоженные крики. Тайрад, чтобы получше разглядеть, в чем дело, подошел к границе своего лагеря. В тот же миг он увидел, что к нему мчится одна из амазонок, выкрикивая:

— Тайрад! Позовите Тайрада!

— Я здесь! — Он побежал навстречу девушке. — Что случилось?

— Паина срочно зовет тебя!

Гирканец прибавил шагу, и скоро они оказались среди возбужденно переговаривавшихся женщин. Увидев Тайрада, они расступились, и он вошел в образованный ими круг, посреди которого стояла почти голая юная девушка, худая и изможденная, а рядом с ней — Паина и еще две вооруженные амазонки.

— Тайрад! — повернулась к нему предводительница. — Вот единственная девушка, которую удалось отыскать в лесу. Она говорит, что еле убежала от киммерийца, который гнался за ней по лесу, но не смог поймать.

— Фью! — присвистнул гирканец, бросив взгляд на девушку. — Этакая пичужка убежала от Конана? —

Он еще раз недоверчиво посмотрел на нее. — Не может быть! Пусть расскажет, как было дело, — обратился он к Паине.

Из сбивчивого рассказа девушки можно было понять, что киммерийцев или похожих на него людей было двое или даже трое. Они выловили всех девушек и куда-то увели их. Как-то раз один схватил и ее, но потом отпустил, сказав при этом, что знает правительницу Акилу.

— Чуть какая-то! — усмехнулся Тайрад. — Когда я расстался с Конаном, он был один-одинешенек. Ты говоришь, их трое? — наклонился он к девушке.

— Да, — твердо ответила амазонка.

— Я недавно познакомился с ним и, наверное, не так хорошо знаю... — повернулся он к Паине. — У него есть братья-близнецы?

— Он говорил, что у него не осталось родственников, — задумчиво произнесла женщина.

— Значит, у вашей красавицы не все в порядке с головой. — Тайрад выразительно покрутил пальцем у виска. — Немудрено. Так долго скитаться в одиночестве по лесу...

Если бы не молниеносная реакция двух женщин, успевших схватить девушку за руки, лицо гирканца наверняка бы украсила парочка свежих шрамов.

— Ты сам сумасшедший! — извиваясь в руках державших ее воительниц, крикнула амазонка.

— Подожди, — недовольно поморщилась Паина.

Девушка замолчала, с ненавистью глядя на гирканца.

— Опиши еще раз того, кто отпустил тебя, и постарайся вспомнить, что именно он сказал.

— Огромный, с черными волосами. — Девушка приложила ладонь к плечу. — Вот такими. Глаза синие, как... Как... — Она не могла подобрать сравнения.

— Достаточно, — перебила ее Паина. — Это он, Конан. Что этот человек тебе сказал?

— Говорил, что не трогал никого из наших и намеревался взять меня к себе в лагерь, но я не захотела. Тогда он сказал, что я свободна...

— А дальше что? — спросил Тайрад.

— Он ушел в лес... Потом опять появился — уже не один, но я все равно сумела убежать...

— Когда это было? — спросил юноша.

— Дня три... Нет, четыре дня назад.

— Правильно, — кивнул гирканец. — А остальные, те, кто нападал на ваших, их ты когда видела?

— Почти все лето! — выкрикнула девушка. — Это они, — обернулась она к Паине, — всех наших...

— Хватит! — с неожиданной яростью гаркнул Тайрад, окончательно потеряв терпение. — Шесть дней назад я с киммерийцем встретился в степи, и он шел со стороны Согарии. Не морочь нам голову! Он не мог появиться здесь раньше, чем три-четыре дня назад. Это были другие люди, просто, наверное, похожие на него. Тем более что их двое... — Он опять с подозрением посмотрел на девушку.

— Да, ты прав, — согласилась Паина. — Но куда же он делся?

Глава вторая

Конан приоткрыл глаза и ощущал голову. Что ж, могло быть и хуже. Крови нет, небольшая шишка на затылке и вторая, но уже огромная, на лбу... Это не так страшно. Он присел на корточки, вспоминая, что же с ним произошло. Пошевелил руками и ногами — похоже, при падении он ухитрился ничего не сломать.

— Экие гадючки! — ругнулся он, привыкая к полумраку колодца. — Вот и спасай после этого сумасшедших баб!

Киммериец вздохнул и принялся карабкаться вверх по лестнице. Поднявшись на самый верх, он обнаружил, что отверстия, через которое он хотел выбраться наружу, больше нет: кто-то привалил снаружи огромный камень. Варвар уперся спиной в стену колодца и попробовал ногами сдвинуть глыбу, но даже с его чудовищной силой этого сделать не удалось.

— У, суки! — еще раз выругался он, погрозив кулаком камню. — Я до вас еще доберусь, курицы безмозглые, клянусь Кромом!

Иначе выбраться из каменного мешка он не мог. Не ковырять же кинжалом гранитные стены! Киммериец вздохнул еще раз и стал спускаться вниз, в покинутое им, как он полагал, навсегда обиталище колдуна Чойбалсара. Внутри было по-прежнему тихо, но варвару показалось, что свет, струившийся с потоло-

ка, как будто стал слабее. Конан попытался пройти в коридор и это ему удалось не без труда, стена раскрылась, но как-то не до конца, и он протиснулся сквозь нее, словно через вату.

«Ого! — мелькнуло в мозгу киммерийца. — Логово начинает рушиться. Надо поторопиться!»

Он побежал по коридору, раскрывая невидимые входы и заглядывая в комнаты, но ничего такого, что указало бы ему на другой выход из подземелья, не обнаружил.

«Рога Нергала! Неужели придется сдохнуть в этом подземелье?!» — Эта мысль подстегнула варвара, и он с удвоенным рвением принялся обшаривать все комнаты в надежде найти-таки выход.

В покоях колдуна все так же лежал обезглавленный труп старикашки, а в дальнем углу в луже застывшей крови — его голова. Конан обшарил все стены, пытаясь открыть браслетом тайный выход, но тщетно.

«А где же рабыни? — вспомнил вдруг варвар. — Надо найти их. Может быть, эти девки знают, как выйти отсюда?»

Он вновь вернулся в коридор и принялся открывать одно за другим расположенные по кольцу помещения. Ни выхода наружу, ни женщин киммериец не обнаружил. По спине его пробежал холодок.

«Думай, варвар, думай! — подгонял он себя. — Шевели мозгами, не то подохнешь здесь, как мышь».

Открыв следующую комнату, Конан понял, что уже был здесь. Круг замкнулся.

«Может быть, в той же каморке, где лестница, есть еще один выход?» — Мысль не показалось варвару удачной, но не мог же он просто опустить руки и ждать смерти.

Он побежал по коридору, в очередной раз попал в комнату с лестницей наверх и попробовал раздвинуть стены колдовским браслетом. Тщетно! Потолок вновь послушно открылся, а стены даже не вздрогнули. Пол!

Конан лихорадочным движением провел правой рукой над плитами пола и — о чудо! — поверхность слегка вздыбилась и нехотя поползла в стороны, открывая ступени лестницы, ведущей вниз.

«Это я здорово придумал. Спасибо, Солнцеликий, надоумил!» — воздал должное своей сообразительности киммериец, не забыв вознести хвалу Митре. Не мешкая он стал спускаться по гладким, как будто только что вытесанным в камне ступеням.

Лестница заворачивала куда-то вбок, и варвар, сжав в правой руке кинжал, послушно повернул. Блеснул неяркий свет — Конан очутился в огромной пещере, свод которой терялся высоко вверх. В противоположном ее конце, шагах в двустаях от входа, блестела вода небольшого залива, а еще дальше тянулась полоса дневного света. Море?

Все пространство вокруг было усеяно огромными камнями выше человеческого роста. Киммериец, ликуя, заторопился к воде. Пройдя несколько шагов, он заметил большие белые пятна, в беспорядке разбросанные по каменному полу пещеры совсем недалеко от входа. Сначала он подумал, что это просто светлые камни, но взглядевшись, еще крепче сжал в руке кинжал. Сомнений не оставалось, это были тела трех рабынь Чойбалсара. Конан огляделся вокруг. Кто же расправился с несчастными женщинами? Все они лежали в неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами, словно кто-то сильный и огромный растрепал их тела, как пучки соломы.

— Осторожно! — сам себе сказал киммериец, медленно двигаясь к воде и внимательно осматриваясь по сторонам.

Вдруг земля в нескольких шагах от него вздыбилась, и оттуда показалась отвратительная змеиная голова величиной с пивную бочку. Страхивая комья земли и мелкие камни, голова вращала глазами и разевала пасть, усеянную крупными, острыми, как кинжалы, зубами. За головой потянулась толстая

чешуйчатая шея, и через все более расширяющуюся яму выбралось уродливое короткое туловище огромного монстра, видом напоминавшего то ли лягушку, то ли ящерицу. Длинный хвост с зазубренными шипами на конце завершал облик жуткой рептилии. Так вот чьей жертвой пали несчастные рабыни, пытавшиеся убежать из логова колдуна! Старикашка сгинул, но не все охранники подземелья покинули этот мир вместе с ним.

Конан, сжавшись в комок, медленно, чтобы не выдать себя резким движением, отполз к большому камню и спрятался за ним, надеясь, что чудовище не заметит его. Напрасно! Монстру не нужны были глаза, чтобы обнаружить человека. Хищные ноздри с шумом втянули воздух, и тварь направилась точно к тому месту, где укрылся варвар. Огромная лапа с тремя когтистыми пальцами поднялась и накрыла камень, пытаясь схватить киммерийца. Однако Конана там уже не было. С быстротой хорька он метнулся вперед и помчался вдоль каменной стены, стараясь добежать до спасительной воды.

Монстр хлестнул хвостом, но варвар каким-то непостижимым прыжком уклонился от удара, который вряд ли оставил бы его в живых. Чудовищу пришлось разворачиваться, но большие камни мешали ему двигаться, и киммериец выиграл еще два десятка шагов. До берега их оставалось всего пять, может быть, семь десятков, и хотя Конан еще не знал, принесет ли ему спасение полоска блестящей серебряной водной глади, он изо всех сил стремился к ней, ибо другого выхода не видел. Тварь уже развернулась и, скрежеща когтями о камни, медленно направилась за убежавшим варваром. Толстые лапы монстра едва шевелились, но зато шаги были гигантскими. Двадцать локтей, еще двадцать — и киммериец, обернувшись назад, с ужасом увидел, что голова гада скоро нависнет над ним. Он кожей ощущал шумное злобное дыхание. Не успеть!

Конан остановился на мгновение и, уже ни на что не надеясь, метнул кинжал прямо в глаз монстра. На какой-то миг тварь замерла, потому что клинок попал точно в цель и, видимо, причинил чудовищу ошущимую боль. Его пасть раскрылась, но из нее не вырвалось ни звука, и вскоре толстые лапы вновь пришли в движение. Однако этой заминки киммерийцу было достаточно, чтобы уйти от погони. Он влетел в воду, поднимая тучи брызг, и, поскольку глубина начиналась почти от берега, нырнул и поплыл под водой, стараясь уйти как можно дальше, к манящей впереди полоске дневного света.

Он плыл долго, перед глазами уже начали плясать красные круги, а грудь, казалось, вот-вот лопнет от нехватки воздуха. Наконец он вынырнул, отчаянно глотая воздух, и сразу же взглянул на берег. Монстр поводил змеиной головой в поисках убежавшей добычи, но пока не видел киммерийца. Конан вновь нырнул и поплыл дальше, так как успел заметить, что по полоске света, как по невысокому тоннелю, может выйти в море. Варвар не знал, умеет ли рептилия плавать, но уже чувствовал, что избежал участи трех рабынь. Вынырнув второй раз, он увидел вдали на берегу все еще вертевшего головой гада.

«Выкуси!» — хмыкнул Конан и, нырнув в последний раз, появился на поверхности уже на воле, а заходящее солнце так обрадовало его, что киммериец едва не завопил от восторга.

Он быстро поплыл вдоль скалы, стремясь на всякий случай уйти подальше от пещеры. Добравшись до берега, варвар припустил бегом и остановился только тогда, когда скала превратилась в небольшой выступ среди бескрайнего моря слева и нагромождения камней и растительности справа. Теперь киммериец позволил себе рухнуть на прибрежную гальку и застыть, раскинув руки, безмерно радуясь тому, что счастливо избежал участи племенной скотины, не

разбился при падении с лестницы и не попал в лапы или пасть жуткого монстра-рептилии.

«А с этими сучками я еще разберусь! — мрачно пообещал он себе, хотя уже точно знал, что не будет особенно мстить юным и по-своему несчастным девчонкам. — Глупые курицы! Их еще учить и учить уму-разуму. Этим мы с гирканцем и займемся, — беззвучно рассмеялся Конан, потом встал и направился к своей стоянке. — Наверное, Тайрад уже пришел со своими и ждет меня, а я тут прохлаждаюсь!»

Глава третья

Поскольку ты согласен пойти к нам на службу, твоим воинам придется приступить к делу прямо сейчас. — Паина говорила медленно, словно все еще сомневаясь в том, что правильно делает, принимая предложение Тайрада. — Лангда сказала, что охотники на людей появлялись откуда-то с запада. Это, конечно, туранские работорговцы. Может быть, они еще не успели увести пленниц...

— Понятно, — перебил ее гирканец. — Я возьму человек тридцать воинов и поищу их лагерь. Он должен находиться где-то на побережье.

— Мы подождем еще несколько дней, — хмуро продолжала амазонка. — Если не отыщем девушек, придется выступить с теми силами, что есть. — Она тяжело вздохнула. — Ничего не поделаешь.

Сборы заняли немного времени, и скоро отряд из тридцати гирканцев направился вдоль кромки моря к тому месту, где, по предположениям Паины, мог находиться лагерь работорговцев. Берег был извилистым и изобиловал заливчиками и бухтами. Иногда скалы подходили к самой воде, и приходилось пробираться поверху, поднимаясь высоко над морем.

— Смотри! — Шахаб протянул руку с плетью вперед, указывая предводителю на дальнюю полосу берега, еле выступавшую среди покрытых зеленью возвышенностей.

— Что там? — всмотрелся Тайрад. — Постой, похоже, это люди. Пешие... Давай-ка остановимся. Направь вперед несколько человек на разведку.

Отряд спешился и укрылся в зарослях кустарника. Посланные разведчики скоро вернулись. Их лица раскраснелись от возбуждения. Перебивая друг друга, они рассказали, что навстречу движется толпа женщин.

— Их, наверное, человек сто! И они совсем голые! — Всадники с трудом сдерживали нетерпение, так им хотелось выйти навстречу женщинам.

— Спокойно! — остановил их гирканец. — Действуем, как условились. Никакой силы. Понятно? Бакаси!

Словно из-под земли перед Тайрадом возник рослый воин.

— Возьми человек десять и осторожно, чтобы вас не заметили, пройдите лесом за тот мыс. — Тайрад указал рукой направление. — Потом, когда девушки минуют вас, зайдите им в тыл, но не показывайтесь, пока я не свистну. Главное — не спугнуть их. Понятно? Никто не знает, кто они и куда собрались. Если это те, которых ждет Паина, то, не приведи боги, если они разбегутся по всему побережью.

Гирканец кивнул и поспешил исполнять приказ.

— Остальные расположитесь вдоль тропы в кустах! — скомандовал Тайрад. — Цепью!

Он и еще пять человек, укрывшись за поворотом тропы, остались поджидать амазонок. Ждать долго не пришлось. Гомон, смех, звонкие выкрики девичьих голосов отдавались гулким эхом среди скал, отделявших тропу от берега моря. Когда Тайрад, прищипорив коня, выскочил на тропу, девушки остановились, с недоумением взирая на неожиданно возникшее препятствие.

— Кто вы? — спросил гирканец.

— А твое какое дело? — надменно ответила одна из амазонок, красавица с зеленоватыми, словно нефриты, глазами, ничуть не смущаясь тем, что совер-

шенно нагой стоит перед мужчиной. — Ты думаешь, что сможешь остановить нас?

При этих словах девушки угрожающе подняли руки, их лица стали свирепыми. Казалось, еще мгновение — и они бросятся на одинокого всадника, чтобы растерзать его в клочья.

— Охолоните, курочки, я не один, — усмехнулся гирканец.

Он пронзительно свистнул, и из лесной чащи выступила цепь вооруженных воинов. Девушки присматривались, тем более что путь назад тоже был отрезан: за их спинами появился десяток всадников.

— А кроме того, — продолжал юноша, — я послан как раз для того, чтобы найти вас.

— Кто тебя послал? — В голосе девушки уже не было прежнего вызова: амазонка прекрасно понимала, что они бессильны перед хорошо вооруженными воинами.

— Паина. Знаете такую?

По рядам девушек прошелестел изумленный ропот. Когда шум голосов умолк, амазонка, стоявшая впереди, ответила:

— Разумеется, знаем, но мы и без твоей помощи доберемся до места встречи.

— Встреча должна была состояться несколько дней назад, — продолжал Тайрад, — вас не было, вот Паина и попросила моих воинов разыскать хоть кого-нибудь.

— У нас были на это серьезные причины. — Девушка, по всей видимости, не особенно хотела иметь дело с гирканцем. — Мы все расскажем самой госпоже Паине.

— Дело ваше, — усмехнулся гирканец, покосившись на своих воинов, которые просто пожирали глазами стоявших перед ними обнаженных девушек: столько красавиц они, пожалуй, в своей жизни не видели ни разу, даже на невольничьих рынках.

— Ладно, — махнул плетью Тайрад. — Значит, сами доберетесь до места встречи?

— Не беспокойся,— вызываясь усмехнулась амазонка,— здесь мы знаем каждый камень.

— То-то оно и видно,— не удержался от язвительного замечания гирканец.— Ну что ж, можете идти.— Он съехал с тропы под слитный грустный вздох своих товарищей.— Но у меня есть к вам один вопрос,— обратился он к девушке, которая, судя по всему, была старшей.

— Что еще? — довольно злобно спросила она.

— Вам не попадался на пути мой товарищ? Или, может быть, вы что-нибудь знаете о нем?

— Какой еще товарищ?

— Высокий, черноволосый такой, сильный...

— Нет,— отрезала девушка, но гирканец по неуклюжему движению ее глаз догадался, что амазонка лжет.

Он сурово взглянул на ее подруг. Многие смущенно опустили глаза.

— Постой! — Тайрад направил коня прямо на первую девушку.— Лгать ни к чему. Вы расскажете мне все, что знаете, или я вытряхну это из вас силой.

Его товарищи при этих словах угрожающе подняли луки.

— Ну! — Юноша перегнулся через круп коня и схватил ближайшую к нему девушку за волосы.— Будешь говорить?

Амазонкам ничего не оставалось, как поведать гирканцам обо всем, что произошло в подземелье колдуна.

— Так вы сбросили его вниз? — переспросил Тайрад, вне себя от бешенства.

Девушки, шумно выдохнув, нехотя закивали.

— Ты, ты и ты...— Гирканец плетью отделил нескольких амазонок от подруг.— Поедете с нами на то место. Если с киммерийцем что-нибудь случилось, то, клянусь ордой Черепахи, я вас тут же и вздерну на ближайшем суку. Остальные убирайтесь с моих глаз!

Он бросил одну из девушек в седло впереди себя. Она не сопротивлялась, осознавая свою вину. Несколько воинов последовали примеру своего командира, и весь отряд поскакал по тропе.

— Показывай, куда ехать, змея! — Тайрад стиснул плечо пленницы.— И моли богов, чтобы мой друг был жив!

Глава четвертая

Варвар услышал вдалеке приближавшийся конский топот и, соблюдая осторожность, покинул тропу, поднялся чуть вверх по склону холма и укрылся в зарослях. Увидев несколько десятков всадников, галопом мчавшихся мимо него, киммериец еще глубже вжался в траву, чтобы не выдать своего присутствия, но, разглядев среди них знакомое лицо, вскочил:

— Тайрад! Стой!

Всадники осадил коней, и передний, соскочив с седла, бросился к нему:

— Конан! Ты жив?!

— А что мне сделается? — усмехнулся варвар, обнимая товарища. — Я вижу, ты уже начинаешь завязывать знакомства. — Он указал на девушку, застывшую на крупе лошади и с ужасом глядевшую на него, словно перед ней стоял призрак.

— Ты оказался совершенно прав, — шепнул ему гирканец и заговорщицки подмигнул. — Дела уже идут как надо!

— Молодец! — захохотал Конан, хлопнув его по плечу. — А за ними, — он показал на девушек, — кто-то пришел?

— Конечно. Уже несколько дней здесь встали лагерем амазонки, — ответил гирканец, — а этих мы встретили только что.

— Понятно, — протянул варвар и вдруг скроил свирепую мину. — Пожалуй, прежде чем приниматься за серьезное дело, придется кое с кем посчитаться. И я даже знаю, с кого начать! Она мне хорошо знакома, вот эта, зеленоглазая. — Он указал на амазонку, сидевшую в седле Тайрада.

Девушка побледнела так, что это было заметно даже под покрывавшим ее кожу слоем загара и грязи. Наказание вряд ли было для нее чем-то необычным, поскольку воспитание амазонок не отличалось особой мягкостью, но чтобы ее осмелился отхлестать плетью мужчина! Низшее существо, годное исключительно для продолжения рода их славного племени... Вынести такое она не могла! Конечно, только что они были пленницами двуногого самца, но тут совсем другое дело: тот все-таки был колдуном, а к волшебству амазонки относились со смешанным чувством уважения и страха. Пленница Тайрада сжала кулачки, готовая на все.

— Ты пожалеешь об этом! — выкрикнула она. — Никто не имеет права трогать нас здесь!

— А бросать человека в пропасть, значит, вы право имели? — приближаясь к ней, рявкнул киммериец. — Дай-ка мне плетку, Тайрад!

— Ингер, беги! — крикнул кто-то из девушек.

— Пусти! — взвизгнула амазонка и, спрыгнув с коня, метнулась в сторону, однако двое всадников, быстро спешившись, схватили ее и, не обращая внимания на ее попытки освободиться, подвели к варвару.

Остальные девушки, не в силах помочь подруге, молча наблюдали, удерживаемые крепкими руками гирканцев.

Амазонка тяжело дышала, с ненавистью глядя на киммерийца, который, ухмыляясь, внимательно разглядывал ее с головы до кончиков пальцев на ногах.

— Ну что, начнем, пожалуй? — поигрывая плеткой, усмехнулся варвар и посмотрел на Тайрада.

— Нет! — Девушка с новой силой принялась вырываться.

Соплеменники Тайрада были не слабыми мужчинами, но даже они с трудом удерживали разъяренную амазонку.

— Помолчи! — гаркнул Конан, с усмешкой продолжая разглядывать обнаженную молоденькую девушку.

Он понимающе подмигнул гирканцам, державшим ее: варвар прекрасно видел, какая буря бушует в душе каждого из них. Подруги несчастной амазонки продолжали рваться из крепких мужских объятий, пытаясь прийти ей на помощь, но степняки не ослабляли хватки.

— Поверните ее спиной ко мне! — скомандовал киммериец. — Она должна понести наказание!

Гирканцы выполнили его приказ, но Конан почему-то медлил, пристально глядя на Тайрада.

— Может быть, простишь ее? — понял наконец его намек гирканец. — Демон затуманил мозги этим женщинам.

— Ты думаешь? — недоверчиво спросил варвар. — Раз вмешался демон, я вполне могу исправить положение. — Он медленно направился к обреченной пленнице, занося руку с плетью и примеряясь для удара.

Девушка не могла видеть его, но почти одновременный вскрик подруг заставил ее вздрогнуть.

— Подожди! — Поняв теперь все, уже уверенным голосом остановил его Тайрад. — Все мы совершаем ошибки, но их можно исправить и не так болезненно. Я прошу тебя простить этих неразумных девчонок.

— Ладно, — остановившись, как бы нехотя буркнул Конан. — Только ради нашей дружбы... Да и жалко, конечно, такую кожу портить... Пусть благодарят Крома и тебя, гирканец. Так и быть, прощаю.

Во взглядах девушек, направленных на Тайрада, можно было прочесть благодарность и даже, как это ни странно, что-то похожее на уважение.

— Раб тянется к доброму надсмотрщику, — тихо шепнул юноше киммериец. — Не упusti возможности, парень!

Глава пятая

Когда отряд вернулся к месту стоянки, молодые амазонки, прибывшие ранее, уже оделись в обычное платье женщин этого племени и почти ничем не отличались от соплеменниц. В лагере воительниц, впрочем, как и у гирканцев, царил порядок: каждый занимался своим делом, и встречать возвратившихся вышла только Паина, предупрежденная дозорными. Она ничуть не удивилась, увидев варвара, и на ее суровом лице не дрогнул ни один мускул, когда она сухо кивнула ему, будто последний раз они виделись сегодня утром или, в крайнем случае, вчера вечером.

— Здравствуй, Паина! — спрыгивая с коня, приветствовал ее киммериец. — Рад тебя видеть в добром здравии. Слышал краем уха, что в ваших краях опять какие-то беспорядки? — Он внимательно смотрел на амазонку, ожидая ответа.

— Как обычно, — мрачно бросила Паина. — Нашей Акиле вечно нейдет, и она пожинает плоды своих поступков.

— Ты слишком требовательна к своей повелительнице, — усмехнулся Конан. — Клянусь хвостом Нергала, все ваши беды оттого, что вы живете совершенно невозможной, на мой взгляд, жизнью... — принялся развивать он свою теорию, но, увидев, как исказилось лицо собеседницы, решил не раздражать ее: — Впро-

чем, это не мое дело. Мне сказали, — переменял он тему, — что ты собираешься выступить на днях, чтобы прийти на помощь вашей правительнице?

— Да! — коротко ответила амазонка. — Я думаю, через пару дней мы будем готовы.

— А оружия у вас хватает? — осведомился Конан.

— Неподалеку есть один торговец оружием, Давас, — сказала Паина. — Завтра я направлю к нему отряд.

— Давас? — встрепнулся варвар. — Я его хорошо знаю. Пару лет назад мы с ним встречались. Если хочешь, к нему могу съездить я... — Тут киммериец не удержался, чтобы легонько не шлепнуть по округлому задку пробежавшую мимо него одну из пленниц гирканцев, которых те наконец с видимой неохотой выпустили из своих рук.

Девушка бросила на него сердитый взгляд, но промолчала, видя, что одна из знатнейших женщин ее племени снизошла до разговора с киммерийцем.

— Хорошие девочки, — протянул варвар, проводив взглядом обнаженных молодых женщин, которые легкими шагами устремились к лагерю амазонок. — Но стервы первостатейные, — ухмыльнулся он. — Чуть не отправили меня на Серые Равнины. Вот ваше воспитание. Никакого уважения к прославленному воину.

— Ты, наверное, приставал к ним, как всегда, — фыркнула Паина, и впервые за время их разговора на ее лице появилось какое-то подобие улыбки, — а наши девочки, сам знаешь, постоять за себя умеют.

— Клянусь Кромом, и в мыслях не было! — воскликнул варвар. — Просто-напросто они так воспитаны, что любого мужчину готовы съесть живьем...

— Что ты говорил о Давасе? — перебила его амазонка, которую больше интересовала иная тема. — Он твой приятель?

— Во всяком случае, — ответил киммериец, — мы с ним расстались по-доброму. Если хочешь, могу предложить свои услуги.

На том и порешили, и на следующее утро киммериец в сопровождении двух гирканцев выехал из лагеря и направился вдоль берега моря на запад. Они вели с собой в поводу несколько лошадей, на которых собирались привезти оружие для сотни новых девушек из войска амазонок. Конан рассчитывал управиться за три-четыре дня. Главное — застать Даваса на месте. С тех пор как они виделись, прошло несколько лет, и Конан не мог поручиться, что туранец не оставил промысел.

Покачиваясь в седле под мерный цокот конских копыт, варвар предавался воспоминаниям о недавних годах, когда шторм, разразившийся на Море Бурь, или отце Океанов, как называли море Вилайет, чуть не лишил его жизни. Его, привязанного к жалкому обломку корабельной мачты, несколько дней носило по вздыбившимся волнам, и варвару оставалось только молить богов, чтобы он не потерял сознания, когда волны вынесут его к берегу, и успел разрубить путы, пока его не расплющит в лепешку о прибрежные скалы. Наверное, тогда его мольбы были услышаны, потому что киммериец, хотя и не помнил как, но очнулся живым в темной низкой хижине из грубо отесанного камня среди бочек, ящичков и тюков. Это и была самая северная лавка из обширной торговой сети братьев Кир из Аграпура, которой управлял туранец Давас. Достойный торговец прогуливался по берегу затихшего после бури моря Вилайет в надежде найти что-нибудь ценное среди выброшенных на берег обломков кораблекрушения и наткнулся на Конана, который не подавал признаков жизни. Туранец уже хотел было сбросить его в воду, резонно полагая, что духи утонувших моряков должны обитать в море, но «утопленник» вдруг застонал, и это спасло его.

Давас предложил тогда киммерийцу перезимовать вместе с ним, но беспокойный характер не позволил Конану просидеть несколько лун на одном месте. Варвар отправился наниматься на службу к одному из местных князьков, именующему себя королем Одоаком.

Перед мысленным взором киммерийца проплыли его друзья и враги того далекого времени: гордая правительница камбров Альквина и ее верный рыцарь Леогивильд, предводитель торманнов гигант Тотила, за спиной которого болталась связка скальпов побежденных врагов, коротышка Одоак, спесивый король тунгов, — много было и веселого, и грустного, но, слава богам, выбрался из всех передряг живым и здоровым.

Тяжелее всего пришлось киммерийцу, когда его занесло в замок, принадлежавший другому миру из страны Демонов, где время текло с иной скоростью, нежели здесь, в мире людей. Варвар приглянулся повелительнице этого страшного и необычного королевства и лишь ценой невероятных усилий, оставив за собой множество трупов, сумел пробиться обратно, к солнечному свету. А чудовище из мира призраков! Киммериец даже поежился, вспоминая громадного, как слон, монстра, покрытого черепашиным панцирем, с огромными клешнями и множеством тонких, словно у паука, ног... Не всякий племенной туранский скакун смог бы посостязаться в беге с мерзкой тварью! Кроме того, чудовище обладало тремя хвостами, источавшими яд, который растворял даже бронзу. Только невероятная ловкость и отвага варвара помогли ему одержать победу в схватке с этой дрянью. Конечно, ему помог старый волшебник Рерин. Если бы не его посох, вряд ли бы сейчас Конан ехал на вороном гирканском скакуне, вдыхая свежий воздух, приправленный запахами моря, что ласково плескалось об изрезанный бухточками песчаный берег. Пожалуй,

монстр, который совсем недавно встретился варвару в пещере старикашки Чойбалсара, был только жалкой тенью того чудовища...

* * *

Когда из-за поворота показалась бухта, где, по всем расчетам, должна была находиться лавка Даваса, киммериец подумал, что ошибся, и в изумлении протер глаза. Там, где стояла хижина торговца, выросло целое поселение, состоявшее из не менее чем трех десятков каменных и деревянных строений. Возле уходящего в море причала покачивались на волнах две шхуны под туранскими флагами, множество людей сновало по берегу, и даже отсюда, за тысячу шагов, были слышны стук топоров, уханье копра, который забивал сваи, крики десятников, звон металла.

— Вот что, ребята, — начал Конан, когда по его знаку отряд свернул в лес, чтобы не маячить на виду, — похоже, здесь идет большая стройка, и наше появление не всем может понравиться. Спрячьтесь в лесу, а я пойду один. Если не вернусь к завтрашнему утру, не ждите меня и возвращайтесь в лагерь. Нет! — твердо сказал он, увидев протестующие жесты своих спутников. — Не возражайте. Там много людей, и нам не справиться со всеми, если что-то пойдет не так. Против сотни воинов нам не выстоять.

Варвар вновь вскочил на коня и направил его вниз по тропе. Он не взял с собой оружия, кроме кинжала, который заткнул за пояс, справедливо рассудив, что лучше не вызывать лишних подозрений. Когда он подъехал поближе к селению и звуки строительства и гомон людских глоток заглушили шум прибоя, его остановили два вооруженных всадника.

— Стой! Ты кто такой?

— Я мирный странник, — скромно ответил киммериец. — Хотел навестить своего старого знакомого, торговца Даваса. Здесь ли он?

— Поезжай вон туда, — указал один из стражников на высокое каменное строение. — Господин Давас, управляющий торговым домом братьев Кир, живет в этом доме.

Второму стражнику что-то не понравилось в варваре, и он долго смотрел ему вслед, размышляя, не ошиблись ли они, пропустив этого человека. Однако Конан не был вооружен и не проявлял враждебности, и стражник успокоился.

Глава шестая

Конан проехал по проулку, застроенному длинными деревянными домами, и остановил коня возле каменного строения. Варвар спешил, привязал повод к воткнутому в землю песту и, толкнув тяжелую, окованную полосами железа дверь, вошел внутрь. В обширном помещении, напоминавшем обычную туранскую таверну, было пусто. Человек, стоявший за стойкой, поднял голову:

— Чего желает господин? Вина, пива?

— Плесни-ка красного туранского, да кружечку-то возьми вон ту, побольше, — облакачиваясь на прилавок, кивнул ему киммериец. — Ты не знаешь, где мне найти Даваса?

— Господина Даваса, — поправил его человек, наливая в глиняную кружку вина из пузатого кувшина. — Он у себя, наверху. Как доложить?

— Скажи, что с ним хотел бы перекинуться парой слов его старый приятель Конан из Киммерии, — пригубивая напиток, ответил варвар. Он бросил на прилавок серебряную монету: — Постарайся, чтобы твои слова не коснулись лишних ушей.

Слуга ухмыльнулся, попробовал монету на зуб и, спрятав ее за пазуху, исчез за маленькой дверцей. Конан взял кружку и сел за столик, выбрав место так, чтобы видеть оба выхода из зала таверны. Осторожность никогда не помешает. Ждать пришлось недо-

лго. За дверцей слышались шум шагов, голоса, и в зал вышел Давас. Он окинул взглядом помещение и, убедившись, что, кроме варвара, в нем никого нет, воскликнул:

— Не верю своим глазам! Сколько лет прошло, киммериец?

— Да уж не один день, — обнимая негоцианта, усмехнулся варвар. — Тут так все изменилось!

— Как видишь, — присаживаясь рядом с ним, согласился Давас. — Строится крепость и город: властитель Турана решил расширять свои владения. Так каким ветром тебя вновь сюда занесло?

— На сей раз с востока, — ухмыльнулся Конан, и в нескольких словах рассказал ему о событиях последних месяцев.

— Оружие на сотню воинов? — почесал затылок туранец. — Столько у меня нет, к сожалению. Правда... — Он задумался, но через мгновение отрицательно покачал головой: — Нет, Яфдала на это не пойдет.

— Яфдала? — переспросил варвар. — Знакомое имечко, клянусь Белом! Уж не работорговец ли, обмоchi его бешеный шакал?

— Он, — кивнул Давас. — Его назначили здесь главным, и вся торговля теперь идет через него. Без его разрешения я вряд ли смогу что-то сделать. Ты видел пхуны у причала?

— Угу, — ответил киммериец. — Правда, одна из них, как мне показалось, повреждена.

— Точно, — покрутил головой торговец. — Как ты углядел? У нее же пробоина с борта, который не виден с берега.

— Что я, первый раз вижу корабль? — фыркнул Конан. — И дурак заметит, что посудина кренится на один борт.

— Их сильно потрепала буря, — объяснил туранец. — Не так, конечно, как тебя тогда, — дружески толкнул он в бок киммерийца. — Помнишь?

— Как не помнить... Но неужели ничего нельзя сделать с оружием? — возвратился варвар к волнующей его теме.

— Вторая посуда набита вооружением, — понизив голос, заговорил Давас. — Скоро придет еще пара судов с рабами и воинами. Я же говорю, здесь строится большой город.

— Думаешь, этот ублюдок не согласится продать мне оружие?

— Сомневаюсь... — покачал головой торговец. — Хотя он больше всего на свете любит деньги, но боюсь, сейчас сможет устоять. Сам понимаешь, ему это может выйти боком.

— Надо что-то придумать, — не сдавался Конан. — Готов побиться об заклад — ты наверняка что-нибудь припрятал.

— Кое-что есть, — не стал спорить Давас, — но для тебя слишком мало...

В это мгновение дверь распахнулась, и в таверну ввалились несколько вооруженных человек в доспехах туранской армии во главе с офицером. Гогоча, стражники заняли длинный стол недалеко от стойки, и слуга расторопно поставил перед ними большие кружки и кувшины с вином.

— Будет слишком шумно, — покосившись на стражников, заметил Давас, — давай лучше поднимемся ко мне. Там и обмозгуем, что и как.

Они встали и направились к маленькой дверце за стойкой таверны. Конан мельком взглянул на новых посетителей и тут же пожалел, что пришел сюда: офицер явно был ему знаком. Но самое скверное, что тот, похоже, также узнал киммерийца.

— Стой! — Офицер начал приподниматься из-за стола, выхватывая из ножен изогнутый туранский меч..

И тут Конан вспомнил, где они встречались. Отнюдь не на дружеской пирушке. Офицер возглавлял дозор, который пытался схватить киммерийца в ту-

ранской степи несколько лет назад. Тогда варвар спас от рабства на галерах капитана корабля «Утренняя звезда» и пару его матросов. Правда, старому морскому волку Саудану не повезло, и он погиб здесь же, на берегу моря Вилайет, но это было позже, а в тот день киммериец успешно сдерживал натиск пятнадцати всадников, пока его товарищи спасались бегством. Командовал туранскими стражниками как раз этот офицер, который теперь с круглыми от изумления глазами таращился на варвара. Помнится, Конан обозвал его в тот раз то ли ослиной задницей, то ли крысиным дерьмом, а такое не забывается, тем более что от погони киммерийцу удалось ускользнуть.

— Хватай его! — истошно завопил сотник, и его подчиненные, быстро смекнув, в чем дело, вскочили на ноги.

Варвар понял, что ему не уйти: в грудь уперлись две алебарды, а по бокам уже стояли еще несколько вояк с мечами наготове.

— Что, попался? — торжествующе завопил сотник. — На этот раз не смоешься, киммерийская вошь!

Давас попытался было отстоять приятеля, но стражник и слушать ничего не хотел.

— Помолчи, купчишка! — толкнул он туранца в грудь. — Это не просто разбойник. Здесь дело государственной важности. Ну-ка! — кивнул он одному из стражников. — Одна нога здесь, другая там, быстро к господину Яфдале! Доложишь, что пойман крупный преступник... — Он наморщил лоб, пытаясь вспомнить, как зовут этого черноволосого киммерийца, но поскольку думать не привык, то сплунул и обратился к варвару: — Как тебя зовут-то?

— Пошел ты... — Конан сопроводил свои слова жестом, не оставлявшим сомнений в том, куда послал сотника. — Задница ты ослиная, — добавил он, усмехнувшись. — Как мозгов у тебя не было, так и нет!

— Я тебе сейчас! — взмахнул кулаком офицер, но ударить варвара не осмелился, несмотря на то что тот

находился в окружении его солдат: вояка прекрасно помнил, как быстро и ловко может действовать киммериец.

Стражники отняли у Конана кинжал, мешочек с монетами, что дала ему Паина на покупку оружия, и, когда за киммерийцем захлопнулась тяжелая дверь подвала, он в очередной раз понял, сколь неожиданными бывают повороты судьбы. Конечно, того, что он натворил в свое время в Туране, хватило бы с лихвой на три-четыре смертных казни, а описания его внешности хранились у всех командиров дозорных отрядов и начальников стражи, но за давностью лет и неграмотностью доблестных воинов можно было не особенно опасаться, что кто-то узнает его. Но все в жизни бывает! Надо же, чтобы этот ублюдок оказался таким памятливым и попался ему в неподходящее время, а точнее, он сам сунулся в неподходящее место. Конан уселся на жесткую подстилку и задумался. Немедленного возмездия не будет, скорее всего, его попытаются отправить отсюда на ближайшем судне в Аграпур или Султанапур. А пока посудина плывет, мало ли что может случиться... В основном он сожалел, что не выполнил обещание, данное амазонкам, да и Тайрад остался без его поддержки...

От мрачных мыслей киммерийца оторвал скрип дверных петель. В камеру протиснулся не кто иной, как Давас в сопровождении толстого стражника, крохотные глазки которого, сверкавшие масляным блеском, выражали одновременно страх и неимоверную жадность.

— Можешь сказать ему пару слов на прощание, — хохотнул толстяк, пересчитывая монеты. — Господин Яфдала сообщил, что арестанта отправят на каменоломни к остальным рабам, а потом, если он там не сдохнет, увезут в Аграпур, где, — он выразительным жестом чиркнул по шее, — сам понимаешь... — И стражник оглушительно захохотал так, что все его тело затряслось, словно студень.

— Почтенный Раджаб оказался настолько добр, что позволил повидать тебя, — сказал Давас. — Я ничего не мог сделать, — развел он руками, приближаясь к варвару. — Дай хоть обниму тебя на прощание...

Торговец вскинул руки, его кафтан распахнулся, и Конан заметил, как на груди Даваса тускло блеснула сталь, а присмотревшись внимательнее, увидел висевший на тонкой нитке кинжал, до той поры прикрытый воротником.

«Молодчина Давас, — мысленно похвалил его киммериец и, делая вид, что обнимает приятеля, ловким движением сдернул клинок и мгновенно спрятал его под рубашкой. — А стражник этот — не только жадюга, но и редкостный дурак», — ухмыльнулся он.

— Но, но, хватит нежностей, повидал своего висельника, и ладно, — потянул Даваса за рукав стражник. — Свидание окончено.

Когда дверь вновь закрылась, варвар с удовлетворением рассмотрел подарок Даваса. Купец знал толк в оружии: он принес киммерийцу длинный и изогнутый кофский кинжал, особенно удобный в ближней схватке. К его рукоятке тонкой нитью были прикручены две золотые монеты.

«Хорошо, что здесь не настоящая тюрьма, — размышлял Конан. — Так, подвал какой-то...»

Он еще раз мысленно прошел тем путем, которым его привели сюда, вспоминая каждую мелочь из того, что увидел.

«Так, так... Прихожая, точнее темный чулан, потом справа дверь в комнату, где может находиться караул... Потом еще какой-то проход. — Варвар прикидывал, что будет делать, если сумеет выбраться из камеры. — Главное — постараться не шуметь. Если сюда сбежится много стражников, клянусь кишками Нергала, вся затея может рухнуть».

Подождав, пока за окном стемнеет, киммериец заколотил в дверь, надеясь, что стражник его услышит. Варвару повезло.

— Чего тебе надо? — Из-за толстых досок двери голос говорившего звучал глухо.

— Почтенный, — жалобным голосом протянул Конан, — у меня осталась еще золотая монета, и мне очень хочется пить.

— Покажи! — Дверь слегка приотворилась, но ее узкий проем был ограничен цепью, замкнутой снаружи и не позволявшей двери раскрыться дальше.

«Башка-то его пролезет? — прикидывал варвар, старательно изображая на лице подобострастие и кротость, на какую только был способен. — Ладно, рискну!» — решил он.

— Вот, любезнейший. — Он повертел перед глазами толстяка золотой монетой, наблюдая, как зажигается алчный огонь в маленьких глазках.

— Не положено тебе ничего, — с возделением взирая на монету, прогундосил достойный страж, — но я посмотрю, что можно сделать. Подожди!

Дверь захлопнулась.

«Ключнул! — возликовал киммериец. — Наверное, хочет подождать, когда рядом не окажется лишних глаз».

Он не ошибся: вскоре вновь послышались шаркающие шаги и звон цепи. В образовавшуюся щель заглянул стражник.

— Давай деньги! — шепнул он.

— Покажи! — потребовал варвар.

— Вот! — Раджаб просунул в проем глиняный сосуд, в котором что-то плескалось.

— Благодарю тебя, почтеннейший. — Конан протянул ему монету.

Стражник так и не смог понять, что же случилось в следующий миг. Стальные пальцы арестанта как клещами ухватили его подбородок и втянули голову несчастного, обдирая уши, внутрь камеры. В горло толстяка уперлось холодное лезвие ножа.

— Теперь тихо и очень спокойно шевели руками. — Ледяной голос варвара не оставлял стражу

никакого выбора. — Отомкни цепь, да не дергайся, иначе...

Трясущимися руками почтенный Раджаб снял цепь, и киммериец очутился в коридорчике.

— Сегодня у меня хорошее настроение, и тебе, отрыжка осла, несказанно повезло, — приложив палец к губам, шепотом сообщил Конан. — Я оставляю тебя в живых. Понял, мешок с дерьмом?

Стражник закивал, не в силах вымолвить ни слова.

— Давай сюда кошель, — потребовал варвар. — Мздоимство — не богоугодное дело.

— Возьми все, только пощади... — стуча зубами, завыл толстяк.

— Я же сказал: тихо! — зловещим шепотом дынул ему в ухо киммериец и ударом, способным свалить с ног быка, двинул бедняге под ложечку.

Тот охнул и осел на пол. Варвар сорвал с незадачливого стража перевязь с кривым туранским ятаганом, вытащил из-за пазухи кошель с монетами и швырнул обмякшее тело в камеру.

«Повезет — выживет, — мрачно ухмыльнулся киммериец, мягкими неслышными шагами направляясь вверх по грубо сколоченным ступеням, туда, где тускло мерцал свет масляной лампы. — Лучше, если там сейчас никого не будет. И мне спокойней, и им хорошо».

Конан отнюдь не был кровожадным и считал, что крови надо проливать столько, сколько необходимо для дела, и ни капель больше, поэтому всегда, хотя и не задумываясь пускал в дело меч, предпочитал не делать этого. Выбравшись наверх, он увидел, что там никого нет и, удовлетворенно хмыкнув, осторожно выглянул наружу. В сгущающихся сумерках киммериец разглядел костры дозорных на окраинах селения, но на улицах было тихо и пустынно. Самым шумным местом оказалась таверна, из окон которой доносился шум голосов, грохот стучавших по столам кружек — в общем, обычные вечерние звуки питей-

ного заведения. Стараясь держаться в тени, варвар направился к причалу. Фонари, закрепленные на носках шхун, покачивались в такт прибоя, вдали маячили фигуры нескольких стражников, охранявших подход к кораблям.

Шорох, раздавшийся в нескольких шагах от киммерийца, заставил его сжать рукоятку ятагана. Из бокового переулка начала медленно вытягиваться тень человека. Варвар одним прыжком скрылся за углом дома и осторожно выглянул наружу. Давас!

— Иди сюда! — тихо позвал приятеля Конан.

— Ты? — изумился негоциант, приближаясь к нему. — А я как раз направлялся вызволять тебя из неволи. Почти вся стража, кроме дозорных снаружи, бражничает в таверне. Здесь осталось только двое.

— Двое? — переспросил киммериец. — Там только толстяк. Где же второй?

— Вот он! — шепотом воскликнул Давас, указывая рукой на причал.

Варвар взглянул туда и увидел покачивающуюся фигуру, которая приближалась к ним медленными неверными шагами.

«Сейчас обнаружит толстяка и завопит на всю округу, — сообразил киммериец. — Придется попросить его не шуметь».

— Я сейчас! — бросил он туранцу и, подождав, пока стражник зайдет в дом, скользнул за ним. Через несколько мгновений варвар вернулся. — Все в порядке! — шепнул он приятелю. — Теперь надо подумать о деле.

— Ума не приложу, как выбраться отсюда. — Давас выглядел озабоченным, это было заметно даже в полутьме. — Чтобы дозорные не заметили, нам придется ползти, как змеям. Я решил, что мне тоже нет смысла оставаться здесь.

— У меня есть план получше, — шепотом сообщил Конан. — Ты говорил, что оружие на той шхуне?

— Угу.

— На причале стоит пара-тройка стражников. Они тебя знают?

— Здесь все знают друг друга.

— Вот и хорошо, клянусь Белом, — развивал дальше свою мысль киммериец. — Возьми кувшинчик вина и постарайся отвлечь их. Я попытаюсь проникнуть на корабль и оттуда дам тебе знак. Вдвоем мы сможем управиться с этой посудиною, а догнать нас в море будет не на чем. Вторая шхуна не на ходу, так ведь?

— Так, — подхватил Давас. — Ты хочешь...

— Ну да! — кивнул варвар. — Меня ведь послали сюда за оружием, а не прохладиться по тюремным камерам. Кстати, спасибо тебе. Второй раз спасаешь мою шкуру.

— Сочтемся, — усмехнулся туранец. — Ну ладно, я пошел. Надо все сделать побыстрее, пока не сменилась стража.

— Удачи тебе! — Конан, выбирая места потемнее, направился к берегу чуть в стороне от причала, где в неверном свете качавшихся фонарей вырисовывались фигуры стражников.

Оставалось подождать, когда Давас сделает свою часть работы.

Глава седьмая

О жидание не затянулось. Вскоре киммериец увидел, как к стражникам присоединился еще один человек, а потом они уселись на край причала спиной к нему, и вскоре громкие голоса донеслись до ушей Конана. Наступило время действовать. Варвар, оглянувшись вокруг, тихо вошел в море. Холодная вода взбодрила его, но наслаждаться купанием было некогда. Конан осторожно, стараясь не выдать всплеском своего присутствия, поплыл к шхуне, которая темным пятном выделялась на фоне чуть более светлого, хотя и безлунного неба, усыпанного яркими звездами. Он подплыл к кораблю и, прикасаясь рукой к борту, обогнул его с внешней стороны, чутко прислушиваясь к звукам наверху.

На палубе стояла мертвая тишина, и казалось, на посудине не было людей, но свет в одном из окошек на корме напомнил киммерийцу, что нельзя забывать об осторожности. Он приблизился к якорной цепи и, взяв в зубы кинжал, стал карабкаться наверх, продолжая внимательно прислушиваться, но, к его счастью, кроме голосов стражников на причале и плеска воды о борт шхуны, ничто не нарушало ночного спокойствия. Добравшись до носа корабля, варвар заглянул на палубу и убедившись, что там никого нет, перевалился через борт.

Дальше все было просто. Он прополз вдоль борта до задней надстройки, скользнул в проход, ведущий

на нижнюю палубу, и тихо подошел к двери, из-за которой слышались негромкие звуки разговора. Судя по голосам, внутри было не более трех-четырех человек. Всего-то! Справиться с ними не составит особого труда.

Он вытащил из ножен ятаган, взял в левую руку кинжал и затаился у двери, решив немного подождать: отловить противников по одному было бы гораздо проще. Вскоре послышались шаги, и в коридорчик, потягиваясь, вышел невысокий широкоплечий человек. Не заметив затаившегося за дверью варвара, он не спеша поднялся на палубу. Конан прислушался, как удаляются звуки его шагов, и рывком отворил дверь. В каюте находились двое, судя по форменной одежде — офицеры туранского флота. Увидев киммерийца, они оцепенели от неожиданности и потянулись за оружием, но Конан не дал им опомниться.

— Лечь на пол! — гаркнул он. — Иначе пошибаю ваши глупые головы, клянусь Кромом! И не дай вам боги закричать. — Для большей убедительности он ткнул мечом в грудь одного из офицеров.

Мощная мускулатура и кривой клинок в явно умелых руках подсказали морякам, что лучше не искушать судьбу и выполнить приказ киммерийца. Конан, разорвав на полосы скатерть, лежавшую на столе, связал им руки за спиной и на всякий случай заткнул одному из пленников рот кляпом. Рывком поставив на ноги второго, как ему показалось, старшего, он спросил:

— Еще кто на корабле есть?

Человек отчаянно замотал головой.

— Врешь! Где же команда? Говори!

— На... На берегу, — выдавил из себя моряк.

— Все? А почему нет охраны у трапа?

— Должна быть, — замотал головой офицер. — Он, наверное, болтает с береговой стражей. Его сменщик вышел только что...

— Понятно! — рывкнул варвар, затыкая и ему рот кляпом. — Ну и порядочки у вас! Никакой дисциплины. Куда только смотрит ваш капитан? Клянусь кишками Нергала, у меня он давно бы болтался на рее.

Он проверил, крепко ли связаны пленники, и, выбравшись на палубу, огляделся по сторонам. Голоса стражников на причале звучали еще громче, веселье, судя по всему, било ключом, стало быть, лучшего времени, чтобы отчалить, ждать не приходилось. Однако надо было как-то позвать Даваса. Конан почесал в затылке, пытаясь найти приемлемое решение, и внезапно его осенило.

«Вот тут, пожалуй, пригодятся мои морские волки», — решил он.

Варвар вернулся в каюту и вытащил одного из моряков на палубу.

— Ты знаком с торговцем Давасом? — спросил киммериец, приставив лезвие кофского кинжала к горлу пленника.

Тот в знак согласия усиленно заморгал.

— Сейчас позовешь его сюда, — приказал варвар, — но смотри у меня, чтоб без фокусов! — Он вытащил кляп изо рта моряка: — Зови!

— Господин Давас! — хриплым голосом крикнул пленник. — Зайди к нам, дело есть!

Голоса на причале стихли, потом три фигуры отделились от остальных и направились к шхуне.

— Своих матросов оставь там, — прошипел ему в ухо Конан. — Боги тебя отблагодарят, если ты спасешь им жизнь. Мне тоже ни к чему лишняя кровь.

— А вы оставайтесь! — крикнул офицер матросам. — Но присматривайте за морем!

— Хватит! — Варвар вновь засунул ему кляп в рот. — Молодец! Я тобой доволен.

Давас легко вспрыгнул на палубу и приблизился к стоявшим в полутьме Конану и плененному моряку.

— Капитан! — шепотом воскликнул он. — А я думал, ты в таверне...

В глазах офицера промелькнул ужас. Конан посмотрел на него, и из его глотки вырвался сдавленный смешок.

— Да я пошутил насчет реи. Не мое дело, как твои матросы несут службу. Клянусь хвостом Нергала, мне просто повезло, что у тебя на корабле такой бардак! Так что не волнуйся слишком. Посиди пока внизу.

Подойдя к борту, киммериец двумя взмахами меча перерубил причальные канаты, в то время как Давас, напрягаясь изо всех сил, крутил рукоятку ворота, поднимающего якорную цепь. Цепь громко лязгала, но стражники и матросы, занятые вином и оживленной беседой, не удостоили ни малейшим вниманием звуки, раздававшиеся со шхуны.

— Я им принес полбочонка моего лучшего вина, — сбрасывая трап в воду, шепнул туранец.

— Отлично! Пусть лакают, нам меньше хлопот. — Варвар натягивал трос, поднимая косой парус на передней мачте, и посудина медленно разворачивалась под легким ночным ветерком, отходя от причала. — Прикрути фонарь, — шепнул он Давасу. — Яркий свет нам ни к чему. Когда отойдем от берега, надо будет проверить, не забыл ли еще капитан морское дело, — ухмыльнулся киммериец. — Не нам же мозоли натирать, когда на судне есть моряки!

* * *

— Эй, Гафур, фонарь погас на шхуне, — заплетаясь языком проговорил стражник. — Капитан надерет тебе задницу за такую службу...

— Он сегодня что-то добрый, — ответил тот, поднимаясь. — Пойду взгляну на всякий случай.

Легкий туман, наползавший с моря, скрыл фигуру матроса, который нетвердой походкой направлялся к трапу.

— Начальство тоже небось занято тем же, что и мы,— ухмыльнулся один из стражников.

— Офицеры тоже люди,— поддержал его второй матрос.— Вино никому еще не вредило...

Вдруг по причалу, спутнув прикорнувших на камнях чаек, пронесся дикий вопль. Птицы снялись с места и, крича, закружились над берегом.

— Шхуна! Нет ее! — Из клочьев тумана показался Гафур с перекошенным от испуга лицом.— Исчезла!

— У тебя видения! — захохотал второй матрос, и все собутыльники залились веселым смехом.— Допился, дурак!

— Сам дурак, ослиное дерьмо! Иди посмотри! — завопил Гафур.

Когда веселая компания столпилась у причальных столбиков, на которых болтались обрывки перерубленных киммерийцем канатов, хмель мгновенно выветрился из затуманенных выпивкой голов, потому что каждый почувствовал на своей шее холодок лезвия топора: в Туранской Империи подобные промашки карались беспощадно.

Глава восьмая

После полудня двое гирканцев, сопровождавших варвара, вернулись в лагерь. Они мчались, не жалея скакунов, чтобы быстрее донести плохую весть. Тайрад и Паина, нахмурившись и не произнеся ни слова, выслушали их рассказ о том, что произошло: Конан не вернулся, как было условлено.

— Много там народу? — спросил Тайрад.

— Если судить по тому, что видно издалека, не менее трех-четырёх сотен. И два корабля у причала.

— Клянусь Предвечерней, нам их не одолеть! — с отчаянием воскликнул гирканец.

— Твой Конан всегда любил рисковать,— процедила амазонка.— Надо же и голову иметь на плечах! Соваться одному в туранский укрепленный лагерь... Но у вас, мужчин, с мозгами всегда было неважно,— не удержалась она, чтобы по привычке не обругать ненавистный ей сильный пол.

Тайрад, уже привыкший к тяжелому характеру амазонки, ковырял носком сапога землю, размышляя о том, как помочь киммерийцу.

Паина покачала головой и отчеканила:

— Времени у нас больше нет. Выступаем завтра с тем, что имеем.

— Может быть, подождем еще день? — предложил гирканец.

— Чего еще ждать? — пожалла плечами амазонка. — Впрочем, ты можешь остаться. Отправляйся к туранцам вызволять друга, если он еще жив, конечно! А у нас, как ты понимаешь, есть дела поважнее. Правительница Акила надеется на нашу помощь.

— Чем, интересно, ты собираешься воевать? — усмехнулся юноша. — Обломками ножей и пращами?

— Не твое дело, — отрезала Паина. — Мы завтра выступаем. Если ты решил остаться, обойдемся без вас. До утра у тебя есть время подумать.

Она круто развернулась и, не оглядываясь, направилась в лагерь амазонок. Гирканец, мрачно сплюнув, пошел к своим.

* * *

Шхуна, подгоняемая легким ветерком, весело скользила по ровной глади моря. Конан вытащил на мостик кресло из капитанской каюты и, удобно устроившись на нем, покрикивал на метавшихся по палубе пленных туранских офицеров:

— Косой парус! На задней чуть приспусти! Так, хорошо! Можете немного передохнуть.

Давас, ухмыляясь, стоял за штурвалом. Они шли недалеко от берега. После восхода солнца киммериец не выходил в открытое море и старался вести шхуну под прикрытием бухточек и небольших островков. Кто его знает, вдруг их заметят туранские корабли, которые вот-вот должны были подойти к этим местам?

— Эй, капитан!

Моряк быстро вскочил на ноги и, подобострастно вытянувшись, ожидал приказаний.

— Возьми штурвал! А ты, — киммериец кивнул второму офицеру, — полезай наверх и внимательно смотри за морем. Помни, твоя жизнь в твоих собственных руках. Если пропустишь наши корабли, будешь первым, кто отправится кормить рыб. Давас, — повернулся он к приятелю, — присмотри за ними, а я спу-

шусь в трюм, взгляну, что за товар они везли. — Варвар посмотрел на берег и добавил: — Скоро уже прибудем, так что неплохо бы знать, с чем.

Конан довольно долго осматривал тюки с оружием и амуницией, после чего, поднявшись наверх, сообщил Давасу:

— Ты был прав, там всего навалом. Хватит не то что на сотню амазонок, а и нам еще останется. Будет чем порадовать мою подругу Паину.

Однако в расчеты варвара вкралась ошибка. Через некоторое время ветер ослабел, потом совсем затих, и шхуна в полном штиле застыла посреди глубоко врезавшейся в берег бухты, ни на локоть не продвигаясь вперед.

— Нергал мне в печени! — выругался киммериец, когда все надежды на то, что к вечеру они доберутся до лагеря, испарились как дым. — Что делать?

Можно, конечно, было добраться до берега вплавь, а там попробовать пешком дойти до стоянки, но что бы это дало? Весел на посудине все равно не было, а чтобы перевезти такое огромное количество оружия и доспехов на единственной лодчонке, подвешенной на корме корабля, нужно было несколько дней: берег хотя и был отлично виден, все же находился не в трех локтях.

— Не расстраивайся, — успокоил Конана торговец. — Сам знаешь, полное спокойствие у самого берега долго не продержится, к вечеру обязательно поднимется ветерок, тогда и поплывем. Ну не к вечеру, так к утру доберемся.

— Ты прав, — махнул рукой варвар. — Эй, соколы! — крикнул он туранцам. — Тащите вино, вы неплохо потрудились и имеете право на отдых. Считайте, что я вами доволен.

* * *

Тайрад долго совещался с товарищами, как поступить: подождать ли возвращения варвара или идти вместе с амазонками. Собственно говоря, исход сове-

та можно было предсказать заранее, так как за те несколько дней, что гирканцы натаскивали девушек в стрельбе из лука, у них появилось по крайней мере по одной, а то и по несколько подружек среди учениц, и теперь они не хотели разлучаться друг с другом. Как Тайрад ни отстаивал свое мнение, что надо еще хотя бы день повременить, решение было почти единодушным — идти с отрядом Паины.

Утром, едва первые лучи солнца высветили полосу неба над горной грядой, отделявшей с востока степи от северных лесов, оба лагеря были на ногах, и через некоторое время шатры и палатки были свернуты и погружены на выючных лошадей, а длинная цепь всадников извилистой змейкой потянулась к заросшему лесом перевалу. Тайрад, который ехал в хвосте колонны, несколько раз оборачивался назад в надежде, что вот-вот на поляну вылетит варвар на покрытом пеной от бешеной скачки коне, но все было тщетно. Видимо, ему уже никогда не придется встретиться со своим спасителем. Отряд въехал в лес, и море скрылось из виду. Однако перелесок быстро закончился, уступив место обширному зеленому лугу на седловине хребта. Тайрад, услышав громкие крики впереди, поднял голову и увидел, что несколько всадников столпились на самом гребне и, глядя назад, размахивают руками и что-то кричат ему. Пришпорив коня, он подскочил к ним поближе.

— Корабль! — указывая на море, которое вновь показалось за вершинами деревьев, крикнул ему Шахаб.

И правда, из-за скалы, ограничивавшей линию залива, медленно, словно нехотя, выплывала двухмачтовая шхуна. Но корабль находился так далеко, что рассмотреть, чей он и кто на борту, было невозможно.

— Может быть, киммериец? — предположил Тайрад.

— Вполне вероятно, — согласился один из гирканцев, который сопровождал варвара. — Около причала стояли два корабля.

— Так, — обрадовался юноша. — Ты скажи в голову колонны, скажи Паине, чтобы она остановила отряд, а вы, — он кивнул двоим гирканцам, — вернитесь назад и осторожно осмотритесь, кто это приплыл сюда. В случае опасности дайте нам знать.

Один из посланных вскоре вернулся, доложив, что корабль встал на якорь, и трое человек на лодке плывут к берегу.

— Что за люди?

— Не знаю. Галаз остался там, чтобы разобраться.

В это время подскочила Паина, которой сообщили о том, что происходит на берегу. На ее суровом лице было написано недовольство:

— Зря остановились. Это, скорее всего, пираты...

Амазонка не успела еще договорить, как послышался стук копыт скачущего во весь опор коня, и вылетевший на поляну Галаз радостно завопил:

— Это Конан! Он сказал, чтобы все возвращались! На корабле полно оружия!

— Он сказал, — проворчала Паина, но повернулась к сопровождавшей ее амазонке: — Дай команду всем вернуться на берег.

* * *

Весь день с корабля на берег перевозили оружие и доспехи, распределяли их между людьми, подгоняли амуницию. Лишь к вечеру донельзя утомленные, но довольные, Конан и его товарищи наконец смогли позволить себе присесть у костра с кружкой доброго туранского вина, коего тоже оказалось немало в трюмах шхуны.

— Не знаю уж, что с вами и делать, — прихлебывая из кружки, обратился варвар к своим пленникам, туранским офицерам. — Отпускать никакого смысла

нет, да и за то, что приключилось, вас по головке не погладят...

— Скорее погладят топором по шее,— вставил словечко Давас.

— Точно,— засмеялся киммериец и продолжал: — Зарезать вас было бы надежнее всего, но... — Он посмотрел на помертвевших от ужаса туранцев.— Но вроде бы ребята вы неплохие, распустились вот только на своей посудине... Что присоветуешь? — повернулся он к Тайраду.

— Подари их Паине,— предложил тот.— Я не очень-то доверяю туранским офицерам, поэтому взять в свой отряд не могу, а амазонки используют их на племя,— засмеялся он.

— К-как... Как это на племя? — заикаясь, переспросил туранец.

— Не бойся — не съедят же они тебя,— захохотал варвар, которому донельзя понравилось предложение Тайрада.— Может быть, вам даже понравится...

Глава девятая

На следующее утро, затопив шхуну в водах залива, отряд выступил в путь. Амазонки и гирканцы в новеньких доспехах и туранских шлемах с плюмажами выглядели и живописно, и устрашающе.

— Что я тебе говорил? — кивнул киммериец Паине.— Вот это армия, не то что толпа твоих голых девок, хотя, надо признать, они прекрасно выглядят без одежды! Теперь можно и твоей правительнице помочь. Вперед!

Перевалив через горный хребет, цепочка всадников растянулась по степи, раскинувшейся на обширном плато. Впереди виднелись вершины гор, намного более высоких, чем у моря, некоторые пики были покрыты снежными шапками.

— За теми горами ваша страна.— Варвар подсккал к предводительнице амазонок, которая ехала в середине колонны.

— Да,— коротко бросила Паина, видимо не желая вступать в беседу.

— Мне нужно поговорить с тобой,— не сдавался киммериец.

— Вижу,— кивнула женщина.

Она взглянула на свое окружение, и те без слов поняли приказ и поскакали вперед, оставив предводительницу наедине с варваром.

— Что ты хочешь узнать?

— Мы не успели с тобой поговорить о том, что происходит в вашей стране...— начал киммериец, но Паина не дала ему даже закончить фразу:

— Я же тебе сказала: правительница Акила вновь ослушалась заветов предков и стала жить с Этельвульфом...

— Этельвульфом? — в свою очередь перебил ее варвар. — Акила рассказывала мне, что так звали отца ее сына.

— У тебя неплохая память, — усмехнулась Паина.

— Интересно... Выходит, я для нее оказался недостаточно хорош, а этот асир...

— У вас, кобелей, только одно на уме. — В голосе собеседницы послышались нескрываемые нотки презрения. — Из-за ее блудливости все наше государство может погибнуть, и потом такие, как эти, — она кивнула, не оборачиваясь, куда-то назад, и Конан понял, что она имеет в виду скачущих сзади гирканцев, — завоюют наши земли и города и будут брать наших женщин в жены или наложницы... Насмотрелась я на такие порядки и в Лонхе, и в Заморе.

— Что же тут плохого? — вновь не удержался киммериец. — Это и есть нормальная жизнь для женщины и мужчины, клянусь стройными бедрами луноликой Иштар!

— Нам до твоей Иштар...— начала Паина, но, сплюнув, благоразумно предпочла не продолжать.

Варвару вскользь брошенное название городка Лонх напомнило, как он впервые встретил правительницу Акилу и ее верных подруг, среди которых была и Паина. Некогда великий и процветающий, находившийся на перекрестке многих караванных путей, Лонх к тому времени, когда его посетил Конан, лежал в руинах. Окрестные пастухи пасли коров и овец там, где когда-то цвели пышные сады богатых торговцев. Стены города от времени и оттого, что за ними никто давным-давно не присматривал, осыпались, местами в

них зияли огромные проломы. Тяжелые ворота сгнили, и каждый, кто хотел войти внутрь, мог это сделать совершенно беспрепятственно. Сброд, который составлял тогда большую часть жителей этого бритунского селения, наверное, собрался со всей Великой Хайбории. Там были купцы и дезертиры из армий соседних земель, жители гор и пустынь, немедийцы и аквилонцы, заморанские шлюхи и профессиональные убийцы... Казалось, их специально принесла сюда неведомая сила, чтобы создать здесь ярмарку человеческих пороков и разнообразных мерзостей.

Вот в этом некогда богатом городе, вновь обретающем жизнь, киммериец и увидел Акилу, правительницу амазонок, племени, которое он тогда, как совсем недавно Тайрад, считал порождением глупых баек бродячих факиров. Но эта женщина-легенда во плоти — и какой! — поразила тогда Конана до глубины души. Варвар впервые в жизни встретил женщину, которая, пожалуй, не уступала ему в искусстве владения мечом, а уж потягаться с киммерийцем в фехтовании могли лишь несколько человек во всем подлунном мире. Как она расправилась с подонком Арпадом, заносчивым ублюдком, который осмелился оскорбить ее! Конан прикрыл глаза и словно наяву увидел: открыв рот в беззвучном крике, на землю падает бандит, который судорожно хватается за живот, а серые внутренности скользят между его пальцами; рядом, гордо расправив плечи, стоит сильная и прекрасная в своей мощи женщина, с презрением наблюдая за агонией недавнего обидчика. Тогда киммериец почувствовал, что хочет эту женщину больше всего в жизни, и воспоминание об этом даже сейчас пронзило его.

Акилу сопровождали три женщины: Экуна, Ломби и Паина, и еще карлик Джеба. Он погиб вместе с первыми двумя во время трудного путешествия в далекий и загадочный город Опаловых Ворот Джанагар, затерянный где-то между Хорайей, Замбулой

и Кутхемесом среди самой дикой и безводной пустыни, какую варвару только приходилось видеть. А Паине удалось выжить, впрочем, как и самому Конану, и правительнице Акиле, несмотря на то что их подстерегало множество смертельных опасностей.

«А жива ли Акила?» — поймал себя на мысли варвар и оглянулся на Паину, которая с отрешенным видом молча ехала рядом.

— Значит, с Этельвульфом... — задумчиво повторил варвар, отогнав усилием воли нахлынувшие воспоминания. — Ладно, боги им судьи... — Он повернулся к Паине: — Так кто же выступил против Акилы на сей раз? И почему народ не поддержал правительницу?

— Народ! — фыркнула амазонка. — Когда кто-нибудь нарушает обычаи и уклад жизни, простые люди обычно следуют за жрицами, а не за отступниками, даже если это и сама правительница. Надо голову на плечах иметь, не первый же раз!

— Как решился асир вновь появиться в ваших краях? — вернулся варвар к сильно занимавшей его теме: узнав, что Акила предпочла ему Этельвульфа, он испытывал нечто весьма похожее на ревность.

— Откуда мне знать? — пожала плечами Паина. — Она встречалась с ним тайно, даже от меня. — В голосе амазонки явно послышалась обида. — Но Энида пронюхала каким-то образом, и вот видишь, теперь неясно, удастся ли Акиле вообще уцелеть, не говоря уж об ее троне.

— Энида? Кажется, я помню эту девицу. Она была неплохим воином... Но ведь тогда она выступала на стороне Акилы против Бризейс. Теперь, видно, ей самой захотелось попробовать вкус власти... Но главное не это. Смотри, Паина, — усмехнулся киммериец. — Помнишь те времена, когда ты и ваша правительница боролись против ее сестрицы Бризейс? Чего вам тогда не хватало в первую очередь?

— Не понимаю... — вопросительно посмотрела на него амазонка.

— Каждый раз вам не хватает оружия, — торжественно поднял вверх палец Конан, — и его придется везти из дальних мест. Теряется много времени, и я не поручусь, что на этот раз мы успеем...

— Все в руках богов, — мрачно отозвалась Паина.

— Это верно, — не стал спорить варвар. — Хотя ты только что и обругала прекрасную Иштар. Но на богов надейся, а сам не зевай. Ваши обычаи не позволяют иметь собственное оружие. Что вы можете сделать сами? Копье и лук? А кузнецов у вас нет и быть не может. Женщина-кузнец! — захохотал Конан. — Я даже представить себе этого не могу. Женщина-оружейник! Вы даже стременами не пользуетесь, и уздечки у вас веревочные!

— Ну и что? — с вызовом спросила амазонка.

— А то, — продолжал гнуть свою линию киммериец, — что хотя вы храбрые и сильные девушки, все равно вас когда-нибудь завоюет хорошо вооруженный князек или, что еще хуже, Туранская Империя. Видишь, как они расползаются по побережью? Уже под самым вашим носом начинают строить большой город. Сейчас самое время напасть на них и сбросить в море, чтобы неповадно было в этих местах обосновываться. А чем вы можете биться против них? Пращами?

— Туранцам никогда не победить нас! — вспыхнула Паина. — Слабаки! Что они, что эти... — Она вновь мотнула головой назад, указывая на гирканцев. — Без лошадей они как дети, а мы...

— Э, нет, — протянул Конан, — не скажи. Я много где побывал и немало видел. Когда из крепости, которая скоро вырастет там, на берегу, выползет вот такая колонна, — он протянул руку вперед, указывая на отряд в новенькой туранской амуниции, — все в кирасах, со щитами и саблями, да, может, и не такая, — поправился он, — а раз в десять побольше... Что вы будете делать?

— Мы будем сражаться, пока всех не перебьем! — гордо ответила воительница.

Глава первая

— Ха! — засмеялся киммериец. — Клянусь Кромом, тебе понадобится отряд раз в пять больше, чем у них. Вы сумеете набрать двадцать тысяч хороших воинов? Вот сейчас мы с отрядом в две сотни вполне можем разнести в клочья тысячу ваших амазонок и только потому, что все наши воины носят металлические щиты, защищены латами и шлемами... — Он вздохнул и с укором посмотрел на Паину, удивляясь, как она не понимает очевидного.

Некоторое время они ехали молча. Амазонка, чувствуя, что варвар прав, не хотела из гордости признавать поражение в этом споре. Наконец после долгого раздумья она спросила:

— Наверное, ты в чем-то прав, но я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Ты только не хватайся сразу за кинжал, — предупредил ее Конан. — Нам сейчас ссоры ни к чему. — Он на мгновение задумался, но потом твердо продолжил: — Правительница Акила, может быть, сама того не подозревая, поступает единственно правильно...

— Ничего себе! — Впервые за долгое время киммериец услышал некое подобие смеха. — Правильно поступает! Второй раз остается без трона!

— Но все же, — осторожно заметил Конан, — если бы вы жили нормальной жизнью...

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась амазонка. — Жить как другие народы, вместе с мужчинами?

— Что-то вроде этого, — осторожно ответил варвар.

— Нечего и думать! — отрезала Паина. — Вот ты к чему затеял весь этот разговор! Пока я жива, в нашей стране такого безобразия не будет! — Она хлестнула плетью коня и усккала вперед, оставив киммерийца в одиночестве.

На третий день отряд пересек степное плато и оставалось лишь преодолеть горный перевал, чтобы достичь равнины, на которой начинались земли амазонок. Конан, имевший богатый опыт военных походов, послал вперед несколько групп всадников, чтобы они разведали обстановку у прохода через хребет, а остальным дал команду спешиться и остановиться на привал. Как обычно, амазонки встали своим лагерем, а гирканцы — несколько в стороне, ближе к перевалу.

— Теперь первыми пойдут мои воины. — Киммериец говорил тоном, не терпящим возражений, и Паина молча слушала его, признавая превосходство варвара в военном деле. — Если на перевале все тихо, мы спустимся на равнину и тогда дадим знак, чтобы твой отряд присоединился к нам. Зажжем костры, вы увидите. Дальше, — продолжал Конан, — если не встретим в этих местах противника, ты наладишь связь со своими сторонниками, а там посмотрим.

— Странно... — Амазонка озабоченно потерла переносицу. — Мы договаривались, что здесь нас будут ждать посланные от Акилы, но никого нет...

Крики, раздавшиеся на краю лагеря гирканцев, заставили собеседников повернуть головы. К ним скакали во весь опор несколько всадников. Варвар разглядел, что в некоторых седлах было по двое седоков.

— Вот и твои посланницы,— усмехнулся он.— С доставкой к стоянке.

Действительно, гирканцы привезли с собой нескольких амазонок — как выяснилось из дальнейшей беседы, — все, что осталось от разбитой армии правительницы Акилы.

— Не успели! — Паина яростно воткнула копье в землю чуть ли не до середины. — Говорила я, не надо было тебя ждать!

— Положение не из приятных... — Конан одним движением выдернул копье и вручил его амазонке, — но зачем же портить оружие? Чем ты собиралась воевать? Голыми руками голых девиц? — Варвар не удержался от смеха, но тут же посерьезнел. — Расскажи все подробно, — обратился он к одной из девушек.

Из слов амазонки следовало, что Акила со своими сторонницами отошла на север страны и там успешно отбивала атаки превосходивших по численности отрядов мятежниц. Однако, когда подошли основные силы Эниды, войска Акилы были наголову разбиты. Плененную правительницу вместе с ее приближенными увезли в древний храм, расположенный на берегу озера Ульмен, а ее уцелевшие сторонницы скрылись в лесах.

— Ульменский храм! — с горечью воскликнула Паина. — Нам его никогда не взять с тем войском, что у нас есть. Там такие стены!

— Много войска было у Акилы? — спросил киммериец.

— Несколько тысяч, — ответила девушка. — Но сколько осталось, я не знаю. Может быть, несколько сотен...

— Да, дела... — поскреб затылок Конан. — Как я понимаю, первым делом надо вызвать Акилу из плена, собрать рассеянные по лесам остатки ее отрядов и только тогда, клянусь Кромом, можно попытаться выступить против Эниды.

— Но как ты собираешься вызвать правительницу? — упавшим голосом спросила Паина.

— Надо подумать, — спокойно ответил варвар. — Во всяком случае, нужно пересечь горы, скрытно подойти к храму, а уже потом разработать подходящий план. Что происходит в стране? — вновь обратился он к амазонке.

— Мы не были в городах после поражения, но говорят, что там все спокойно. Эниду признали новой правительницей, скоро произойдет коронация, и еще ходят слухи... — Девушка всхлипнула.

— Какие слухи? — побелев, спросила Паина.

— Что Энида хочет не просто казнить Акилу, а принести ее в жертву перед всем народом во время своей коронации.

— Да это же прекрасно! — воскликнул Конан и, увидев обращенные к нему недоуменные лица собеседниц, разъяснил: — Значит, Акила жива; и у нас еще есть время. Надо только действовать тихо, без лишнего шума. Карта у вас есть?

Паина отдала распоряжение, и вскоре перед киммерийцем развернули пергамент, который оказался ему знакомым.

— Нергал мне в печень! Да это же та самая карта, которой я пользовался несколько лет назад! У вас что, одна карта на всю страну? Я не ошибся, Паина?

Та молча кивнула.

— Ну ладно, не будем об этом, — усмехнулся варвар, довольный тем, что получил в очередной раз возможность напомнить амазонкам о преимуществах нормальной, с его точки зрения, жизни. — Посмотрим, как туда лучше добраться. Нам везет, — внимательно разглядывая потертый на сгибах листок, сообщил он. — Храм находится среди густых лесов и не так уж далеко отсюда. Впрочем, — заметил киммериец, — для вас это не новость. Есть кто-нибудь, кто хорошо знает эти места?

Паина обвела взглядом своих приближенных, и вперед выступила высокая светловолосая женщина.

— Меня зовут Майке. Я родилась в Ульменском храме.

— Молодец, — похвалил ее Конан, как будто в этом была ее заслуга, — ты скрытно проведешь по лесам наш отряд. Сумеешь?

Женщина в ответ лишь презрительно фыркнула.

— Вот и отлично, — спокойно кивнул варвар. — Тогда, — повернулся он к Паине, — спускаемся в долину, а дальше твоя красавица поведет нас.

* * *

— Вот, смотри!

Проводница раздвинула ветви кустарника, и перед взором Конана открылась гладь обширного водоема, на противоположном берегу которого, словно утес, вывышалась каменная глыба крепости. За стенами находился Ульменский храм. Озеро длинной полосой разрезало поросшие лесом холмы, и его правый берег терялся где-то далеко в изгибах скалистых берегов на востоке.

— Да-а, — только и мог вымолвить киммериец.

Храм даже отсюда, с противоположного берега, представлялся неприступной крепостью, его стены соперничали высотой с гигантскими соснами и елями, густо облепившими склоны холма.

— Как же вам удалось построить такое чудовище? — поинтересовался варвар, помнивший, что в поселениях амазонок каменные дома даже в два этажа были большой редкостью.

— Никто не знает, кто построил Ульменскую крепость и храм, — ответила Паина. — Он стоит здесь с незапамятных времен.

— Я так и думал, — усмехнулся Конан. — Строить должен мужчина, а вам, даже если бы вы имели в достатке рабов, такое возвести не под силу.

— Убедился, что мы не сможем вызволить правительницу отсюда? — не обращая внимания на его колкость, отрезала амазонка. — Придется отби-

вать ее у конвоя, когда Энида прикажет перевезти Акилу в столицу.

— Нет, — возразил киммериец, — никто не знает, под какой охраной ее повезут. А если их будет тысяча человек? Ты уверена, что нашим двум сотням это будет под силу? Майке, сколько народу в крепости?

Проводница, которая до прибытия отряда уже успела разведать здесь обстановку, коротко ответила:

— Около пятидесяти человек, если считать вместе со жрицами.

— Сейчас самое время вытащить ее оттуда, — начал варвар. — Конечно, хотя в крепости и не так много амазонок, наш отряд взять ее не сможет. Нужны лестницы, таран, чтобы разбить ворота, опыт, наконец... А ни у ваших женщин, ни у гирканцев его нет.

— Так что же ты предлагаешь?

— Я пойду один. Нужны только веревки и крючья, а они, я помню, были на корабле с оружием. Надо только все приготовить.

— Один? — с сомнением взглянула на него Паина.

— Вы все вряд ли можете мне помочь. Ни гирканцы, ни твои девушки не умеют лазать по стенам. Останетесь в лесу, будете ждать, когда мы вернемся с Акилой. Майке опишет мне все помещения крепости и храма, расскажет все, что о нем знает. В общем, я должен попробовать... Клянусь Кромом, другого выхода я не вижу!

Они вернулись в лагерь, который был разбит в чаще леса, и Конан весь день провел, подготавливая амуницию, а также дотошно выясняя у Майке все подробности, от которых зависел успех его рискованного предприятия.

Глава вторая

Ближе к вечеру, когда солнце уже скрылось за вершинами вековых деревьев, обнимавших берега озера, киммериец в сопровождении десятка амазонок направился к храму. Предосторожность оказалась не лишней: по пути через лес им встретился дозор войск Эниды. Завязалась короткая, но кровопролитная схватка, и варвар в очередной раз стал свидетелем того, с какой жестокостью могут биться эти с виду милые и привлекательные девушки.

Перед самыми стенами Конан попрощался со спутницами и вдоль берега направился к крепостной башне, которую наметил для того, чтобы пробраться внутрь убежища служительниц культа амазонок. По словам Майке, именно в этой башне содержались узницы, которых время от времени заточали в казематы за тяжелые провинности. Киммериец, считавший, что к цели надо идти кратчайшим путем, решил подняться по стене, расправиться наверху со стражей и пробиться в подземелье.

Девушки, сопровождавшие его, растворились в наступающих сумерках, и варвар остался один перед каменной громадой. Он подождал еще немного, затаившись в ивняке. Убедившись, что у подножия стен никого нет да и на вершине башни движения не заметно, киммериец осторожно приблизился к старым выщербленным камням, из которых неведомы-

ми строителями был когда-то построен этот замок. Время, поработавшее над кладкой, оказалось союзником Конана, потому что ему даже не понадобились крюки и веревки: щели между блоками и сколы на глыбах были для него, сызмальства привыкшего лазать по крутым горам, подобны лестнице. Беспшумно и стремительно, как огромная ящерица, киммериец забрался на вершину башни и осторожно приподнял голову над парапетом. К его удивлению, на площадке башни никого не было. Варвар внимательно осмотрелся. Точно — никого!

«Дела! — подумал он. — Что же это, никакой стражи на самой высокой башне крепости? Чудеса, клянусь хитроумным Белом!»

Киммериец ловко перебросил тело через изъеденный временем парапет и беспшумно спрыгнул на площадку, потом легко, словно птица, пересек ее и заглянул внутрь крепостной стены. Во мраке ночи его сначала ослепили два ярких пятна горевших во дворе костров: одного у ворот, другого — за низким длинным зданием, которое занимало почти все внутреннее пространство, ограниченное стенами. Все было так, как описывала Майке: одно большое каменное двухэтажное строение с крытой галереей по всему периметру и несколько небольших деревянных построек, прилепившихся к стенам. По словам амазонки, центральное здание было связано с башнями системой галерей, сейчас уже вросших в землю и представлявших собой нечто вроде небольших возвышений. Конан подождал, пока глаза привыкли к свету, и еще раз внимательно осмотрелся. Он разглядел несколько вооруженных амазонок, сидевших у обоих костров, выложенные камнем дорожки среди высокой травы, мощеную площадку перед воротами крепости — все это лежало перед ним как на ладони. Огонь костров, отражаясь от стен, освещал даже кромку крепостных стен, и человек, привыкший к столь тусклому освещению, мог достаточно хорошо все видеть.

«Хитрые девки! — похвалил амазонок киммериец. — И факелов для стражниц не надо».

Он еще раз бросил взгляд на стены с двумя башнями, чуть пониже той, на которой сидел, прижавшись к парапету, и его зоркие глаза различили несколько человеческих фигур на площадках башен.

«Очень странно, — еще раз удивился он, — почему же никого нет здесь, на самой высокой башне?»

Варвар, пригибаясь, чтобы его не заметили, обошел площадку по кругу и попытался взглянуть на крепостную стену. Едва он высунул голову, как услышал голоса внизу, и тут же спрятался. Конан нашел щель в парапете и приник к ней, стараясь разглядеть то, что происходило внизу, на кромке крепостной стены. Терпеливо дожидаясь, он заметил двух амазонок, удалявшихся от его башни по вершине стены. В отблеске огня, зажженного внизу, иногда мелькали наконечники их копий или алебард — чего именно, киммериец разглядеть не смог.

«Они настолько уверены в неприступности этих стен, — подумал варвар, — что даже не надевают ни шлемов, ни доспехов. Что ж, это мне только на руку!»

Он подполз к противоположному краю башни и увидел, что и с этой стороны по стене прохаживаются две стражницы. Они направлялись как раз в его сторону, а поскольку от уровня площадки на стене до киммерийца было не более десяти локтей, он хорошо рассмотрел не только вооружение амазонок, но и их лица, когда они поворачивались, чтобы возвратиться к башне, расположенной над воротами. Проследив за ними взглядом, Конан увидел, как они подошли к башне, вошли внутрь нее и снова появились на площадке. Затаив дыхание, варвар ждал, что же будет дальше, и вскоре заметил, как они опять спустились на стену и двинулись в его сторону.

«Они ходят по стене от башни до башни, но почему не поднимаются сюда?»

Варвар, пригнувшись, перебежал площадку и увидел тех амазонок, которых заметил первыми: тихо переговариваясь, они шли к нему.

«Кром! — Конан стиснул рукоятку меча. — Почему никто не идет сюда ни со стены, ни изнутри? Ну ладно, я, пожалуй, сейчас сам спущусь к ним!»

Киммериец исследовал площадку башни, но не обнаружил никакого хода вниз, а лишь беспорядочное нагромождение шершавого камня. Наконец ему стало понятно, почему сюда не заглядывал дозор: из башни не было выхода внутрь. Скорее всего, когда-то ход существовал, но, видимо, со временем он обрушился, и амазонки считали, что эта башня неприступна со всех сторон.

«Беспечные девчонки! — обругал их варвар, который знал толк и в обороне крепостей, и в нападении на них. — Как так можно? Наверное, здесь давно не было ни войн, ни осад, вот они и не понимают, что такое возвышающаяся над крепостными стенами глыба камней. Впрочем, — хмыкнул он про себя, — спасибо Белу, что надоумил меня залезть именно сюда. На другой башне мне пришлось бы потруднее!»

Порадовавшись своему везению, киммериец принялся обдумывать, что делать дальше. Спуститься на стену и свернуть шею караульным, а потом идти вниз по башенной лестнице внутрь? Или спуститься на веревке по внутренней стене во двор и попробовать поискать удачи там? И то, и другое представлялось Конану слишком рискованным, и он на мгновение задумался, чтобы как можно тщательнее взвесить оба варианта. Как обычно бывает в таких случаях, жизнь сама подсказала решение. Скрип дерева где-то совсем рядом заставил варвара сжаться в комок и приготовиться к прыжку. Он прислушался: сомнений не было, кто-то поднимался вверх по приставной лестнице.

«Болван! — обругал себя киммериец. — Конечно же, я не разглядел лестницу из-за толстой кладки пара-

пета. Они поднимаются сюда, чтобы осмотреть площадку!»

Варвар стремительно метнулся на звук и, пригнувшись, застыл у кромки ограждения башни. Ступени скрипели все громче, и наконец ему чуть ли не на голову опустилась рука. Женщина, перебравшись через парапет, оглядела площадку и, обернувшись, крикнула вниз:

— Здесь все тихо...

В это мгновение ее взгляд наткнулся на варвара, и в тусклом свете он увидел, как рот амазонки открывается — через миг раздастся громкий крик тревоги.

Киммериец, однако, оказался быстрее: его клинок блеснул, словно молния, и из горла жертвы вырвался только хрип, вряд ли способный достичь слуха ее товарок. Конан заботливо подхватил оседающее тело, чтобы шум падения не потревожил вторую стражницу. Он уложил амазонку на площадку и почувствовал, что ему стало не по себе: все-таки пришлось убить женщину, не колдунью и не какую-нибудь мерзавку — это он делал нередко и совершенно спокойно, а просто более слабое, чем он сам, существо, которое не причинило ему вреда.

«Но она неизбежно подняла бы тревогу, и тогда мне конец. Я вынужден был поступить так. Возможно, боги простят меня, — вытирая кинжал о тунику жертвы, решил варвар. — И все-таки ей не надо было принимать сторону самозванки Эниды!»

Теперь предстояло решить, что делать с подругой амазонки. Вряд ли она будет подниматься сюда, когда поймет, что с ее напарницей что-то произошло. Скорее всего она просто поднимет тревогу, сбегутся другие женщины, и все рухнет. Надо действовать быстро и без шума. Варвар выглянул за кромку парапета: в темноте он различил еле заметную фигуру.

— Ну что ты там застряла? Спускайся! — Стражница в полумраке не могла разглядеть, чья голова показалась над перилами.

Конан видел в темноте не хуже кошки. Достаточно было чуть-чуть света, чтобы он действовал так же уверенно, как другой человек в яркий полдень. Киммериец прицелился, метнул нож и одновременно прыгнул вниз. Он мягко приземлился рядом с амазонкой, которая еще не успела упасть на площадку, хотя нож вошел точно в ямочку на ее шее, и кровь хлестала струей, заливая одежду женщины.

«Уф!» — тоскливо вздохнул варвар, глядя на крепкое стройное тело, едва освещенное тусклым светом отдаленных костров. — Чего только не приходится совершать ради торжества справедливости...»

Времени на сожаления у него не оставалось. Сколько его пройдет, пока остальные стражницы обнаружат пропажу подруг, Конан точно не знал, однако мог предположить, что это случится достаточно скоро. Он, в очередной раз вздохнув, осторожно, чтобы не запачкаться в крови, приподнял тело женщины и перебрал его через кромку стены. Пусть для начала поищут их на башне, это лучше, чем если они сразу наткнутся на трупы. Тогда у него появится несколько минут лишнего времени.

Мягко ступая, варвар направился по стене тем путем, которым прохаживались стражницы. Он решил спуститься вниз внутри башни, поскольку теперь его присутствие здесь рано или поздно обнаружат. Лучше встретиться с противником в узком проходе, нежели в открытом со всех сторон дворе. Кто знает, может быть, убирая амазонок по одной, он сможет без особого шума достичь цели? Во всяком случае, теперь это был единственно возможный путь.

Глава третья

Приблизившись к башне, варвар без труда обнаружил вход в нее по неяркому свету, проникавшему откуда-то снизу сквозь невысокий проем в стене. «Лестница освещена факелом или лампой», — догадался киммериец, осторожно заглядывая внутрь.

Он прислушался и, не обнаружив ничего подозрительного, ступил на тесную площадку, откуда уходили две винтовые лестницы: вверх и вниз. Ступени были выцерблены почти так же, как и крепостная стена, по которой Конан взобрался на башню. Но если там это было к стати, то здесь приходилось ступать с большой осторожностью, рискуя при неверном шаге с грохотом полететь вниз. Варвар, держаась за стену, сделал пару оборотов по лестнице.

Свет стал более ярким, и тут же киммериец услышал голоса, которые, как ему показалось, приближались снизу. Он остановился и замер. Стены заглушали звуки, слов было не разобрать, но в одном сомневаться не приходилось: наверх шли несколько человек. Винтовая лестница не позволяла разглядеть, что происходит внизу, значит, решил варвар, придется действовать наудачу, не поднимая, разумеется, лишнего шума. Когда голоса зазвучали отчетливо, Конан сделал несколько быстрых прыжков вниз, навстречу амазонкам. Оторопевшие стражницы не успели понять, что происходит, как двумя резкими

ударами киммериец свалил с ног сначала одну из них, а потом и вторую. Упершись спиной и ногой в стены лестничного пространства, он задержал их тела, чтобы те не покатались вниз по крутым ступеням. Затем варвар рванул рубаху на одной из женщин, мгновение невольно полюбовался полными крепкими грудями и, вздохнув, связал пленниц спина к спине. Потом он заткнул амазонкам рты тряпками, на которые разодрал одежду второй стражницы, и устроил обеих так, чтобы они не свалились вниз. Конан не столько опасался, что женщины могут расшибиться при падении, сколько хотел избежать лишнего шума.

Вновь прислушавшись, киммериец продолжил путь. Пока все шло хорошо. Сейчас он доберется до хода внутри крепостной стены, связывавшего две башни, и останется только достичь каземата, где держат Акилу. Разумеется, тюремные помещения охраняют, но варвара это не особенно беспокоило: хотя в ловкости амазонок и их способности сражаться до конца он не сомневался, все же такие сильные женщины, как Акила, среди них встречались редко. Женщины — это все же женщины, сражаясь против настоящего мужчины, они не могут рассчитывать на победу.

Он благополучно, лишь иногда по привычке поминная Нергала, спустился по неровным и щербатым ступеням до конца лестницы и попал в квадратное помещение с двумя дверьми. Они оказались новенькими и крепкими и приятно пахли смолой.

«Что ж, — отметил про себя Конан, — кое-что все-таки они делают. Надеюсь, и петли не ленятся смазывать...»

Он осторожно приоткрыл одну из дверей — к его радости, она не закрипела. В узкую щель варвар увидел пустынный двор и отблески костра, находившегося недалеко, но прикрытого заросшим травой земляным валом.

«Проход между зданиями, но мне туда не нужно. — Киммериец закрыл дверь и повернулся к другой. — Значит, эта — к большой башне».

За дверью начинался длинный прямой коридор, стены которого скудно освещались факелом, горевшим в конце прохода, за которым угадывался поворот или вход в другое помещение. Кроме потрескивания пламени, Конан ничего не услышал, поэтому решительно направился вперед, вытаскивая на всякий случай короткий меч. Он старался идти бесшумно, насколько позволял пол, некогда выложенный плитами, но теперь превратившийся в подобие каменной осыпи, которая встречается на горных тропах.

«Клянусь стариной Белом, мне пока везет, — поспешил порадоваться тому, как удачно все складывается, варвар, — еще несколько шагов, и я у цели!»

Он пребывал в том состоянии, которое всегда охватывало его в момент наивысшего напряжения сил и нервов. Казалось, мышцы становились более упругими и послушными, готовыми к действию — варвар запел бы, будь это возможно! Стены тесного каменного подземелья вдруг словно раздвинулись, и он вновь ощутил себя маленьким мальчиком на напоенном запахах цветущем лугу, под ярким солнцем; увидел протянутые к нему руки матери, нежные и ласковые. Это была одна из немногих запомнившихся ему счастливых картин детства среди множества мрачных и тяжелых воспоминаний ранних лет. Может быть, этого вовсе и не было, и он сам придумал и держал в памяти эту сладостную сцену...

...Когда Конан с трудом разлепил глаза, он увидел прямо над собой несколько пар стройных загорелых ног, уходивших куда-то ввысь, к каменному своду. Киммериец попытался повернуть голову, но не смог: она была с двух сторон сжата шершавыми деревянными колодками. Он также не мог пошеве-

лить ни рукой, ни ногой: в запястья и лодыжки впивались жесткие кожаные ремни. Обнаженная спина ощущала сырость холодного каменного пола.

— Очнулся, дружок? — Над ним склонилось женское лицо с темными немигающими глазами.

Волосы женщины — черные, такие же густые и слегка вьющиеся, как у него самого, были коротко острижены и делали ее похожей на стигийку. Сходство усиливали полные губы и сильно загорелое лицо с небольшим шрамом над левой бровью. Киммериец вращал глазами, стараясь понять, где он и что с ним происходит, но видел только обступивших его женщин в коротких кожаных штанах.

— Ты слышишь меня? — Удар в низ живота заставил варвара вздрогнуть, все тело, распытое, как кожа для просушки, пронзила резкая боль.

— Поставьте его на ноги, — скомандовала черноглазая женщина.

Что-то заскрипело, и Конан почувствовал, как его тело начало подниматься, и скоро он уже стоял, точнее, висел, привязанный к деревянному помосту, а перед ним в довольно обшпирном, но невысоком помещении с одним небольшим оконцем стояли шесть амазонок и о чем-то переговаривались, но их голоса звучали невнятно, поскольку уши варвара были закрыты деревянными планками.

«Попался! — пронеслось в мозгу Конана. — Как же это я мог проморгать их?»

Киммериец не мог вспомнить, что с ним произошло. Последнее, что осталось у него в памяти — он шел по подземному коридору, а потом вдруг почему-то возникли картины детства...

«Нергал мне в кишки! — осенила его мрачная догадка. — Колдовство, не иначе! Когда же это все кончится?!»

Одна из женщин подошла к нему и, приподнявшись на носках, раздвинула планки, сжимавшие его голову.

— Что тебе надо в нашем храме, свинья? — спросила его женщина с черными глазами. По всей видимости, она была здесь главной.

Варвар лихорадочно соображал, что бы такое придумать, но времени на размышления ему не дали.

— Освежи его память, Мерл! — скомандовала старшая.

Одна из амазонок взмахнула многохвостой плетью, и Конан почувствовал, как ее концы ожгли его бедра и низ живота. Наверное, в кожаные ремешки были вплетены кусочки металла. Он стиснул зубы, чтобы не закричать. Женщина нанесла удар мастерски, ее умению могли бы позавидовать даже иранистанские палачи, известные тем, как лихо умели орудовать бичом.

— Еще! — послышался голос черноглазой.

Плеть взвилась вновь, и киммериец едва не взвыл, но, собрав всю волю, сдержался.

— Осторожней, не отбей его сокровище, — рассмеялась старшая, и все подхватили ее хохот. — Хороший самец, крепкий. Правительница Энида будет довольна. Ну! Кто же ты? — вновь обратилась она к киммерийцу. — Немой, что ли? Азельма, проверь!

Одна из женщин подошла к варвару и ножом раздвинула его зубы.

— Язык есть, госпожа Мэгенн! — объявила она.

— Раз есть, рано или поздно заговорит. Дай-ка ему еще пару раз...

Пытка продолжилась. Женщины с интересом рассматривали Конана, который, насколько позволяли путы, дергался под ударами плети. При этом амазонки отпускали такие замечания по поводу особенностей его телосложения, что их непристойности могли бы поучиться портовые грузчики Аграпура. Правда, киммерийца не волновали их злые шутки: тело покрылось потом, смешанным с кровью, он едва терпел жалящие удары плети.

— Достаточно! — почти теряя сознание от боли, услышал он голос женщины, которую называли госпо-

жой Мэгенн. — Забьешь до смерти, а он нам еще пригодится.

Женщины в последний раз бросили взгляд на Конана и, по знаку Мэгенн, вышли, оставив киммерийца распятым на доске. В его воспаленном мозгу лихорадочно метались мысли о спасении, но боль в истерзанном теле не давала сосредоточиться, и варвар впал в тяжелое забытие.

Глава четвертая

Лагерь отрядов был разбит как обычно: женщины в одном месте, гирканцы отдельно от них, шагах в ста, на большой поляне, чуть поднимающейся по склону холма. Густой лес окружал их со всех сторон, и, для того чтобы враг не мог подобраться к стоянке, оба отряда назначали дозоры, уходившие далеко в чащу. Договорились, что гирканцы будут охранять свою, южную, часть лагеря, а амазонки, поскольку их гораздо больше, присмотрят за остальной местностью, в особенности ближе к озеру, за которым находился храм и единственная в этих глухих местах дорога, ведущая в глубь страны к их столице Барун-Урту.

Ингер, молодая амазонка, назначенная в караул, который заступал в сумерки, в очередной раз выслушала наставления командира и вместе с напарницей, красивой статной женщиной лет тридцати по имени Гнатена, направилась в лес. Они шли с предельной осторожностью, но все равно сменяемый дозор заметил их раньше, чем они подошли к месту встречи. Ингер поняла это, когда ей в спину уперлось что-то острое, а затем из кустов, размахивая дротиком, со сдавленным смешком выскочила амазонка. Следом появилась ее подруга.

— Тебе все шутить, Майке! — недовольно проворчала напарница Ингер. — Все в порядке?

— Просто отлично! — подмигнув ей, ответила Майке, и Ингер вдруг почему-то показалось, что в их словах таится какой-то скрытый смысл.

— Удачи! — бросили амазонки на прощание, и через несколько мгновений скрылись в густых зарослях, тянувшихся почти до самого лагеря.

Ингер крепче сжала дротик и проверила перевязь с коротким кофским мечом — им удобнее всего было вести бой в зарослях. Ей хотелось не оплошать на первом в своей жизни боевом задании, девушка была напряжена, по телу время от времени пробежала легкая дрожь. Гнатена, наоборот, расслабленно опустила на траву и, бросив рядом дротик, повернулась к молодой амазонке:

— Садись! И не забывай прислушиваться к тому, что происходит вокруг. Сама знаешь, в лесу уши оповестят об опасности быстрее, чем глаза. Тем более скоро стемнеет...

Девушка последовала примеру старшей подруги и присела рядом на маленький бугорок, вслушиваясь в тишину. Ночь обещала быть ясной, на смену заходившему солнцу уже выплыла луна, и ее светлый диск виднелся над вершинами деревьев. Теплый ласковый летний воздух струился между стволами и успокаивал. Скоро Ингер тоже прилегла на траву. Через некоторое время где-то вдаль прокричал коростель. Напарница Ингер встрепнулась, замерла на мгновение, а затем скомандовала:

— Оставайся здесь, а я осмотрю окрестности!

Ингер кивнула и, сжав дротик, затаилась за кустом можжевельника. Гнатена, словно змея, бесшумно проскользнула между двумя березами и исчезла из виду. Крик коростеля повторился, и девушка услышала, как совсем недалеко от нее ухнул филин, будто отвечая пернатому собрату. Амазонки с раннего детства много времени проводили в лесу, собирая лесные плоды и ягоды, а потом и охотясь, они отлично знали голоса всех птиц, которые жили в

лесах их страны. Снова пронзительно крикнул коростель, и Ингер почудилось в его пении что-то необычное.

«Что-то здесь не так,— решила амазонка и, нарушив приказ напарницы, пошла туда, где, по ее мнению, должна была сидеть птица. — Надо посмотреть, в чем дело».

Она двигалась медленно, почти ползком, прислушиваясь, как перекликаются пернатые певцы, и ее уверенность в том, что это могут быть вовсе и не птичьи голоса, все росла.

«Неужели? — обожгла ее мысль, и девушка прикинула к земле, чтобы не выдать себя. — Голосом филина явно кричит Гнатена, значит, она подает сигнал тому, кто выдает себя за коростеля! Предательство?..»

Ингер была смелой девушкой, а годичное пребывание в одиночестве в лесу еще больше закалило ее характер, она нисколько не боялась и горела желанием узнать, что происходит. Она уже сложила руки, чтобы огласить лес криками сойки, но передумала. Этот сигнал услышат другие дозорные, передадут в лагерь, и все поднимутся по тревоге. А если она все-таки ошибается?

«Но как только я их увижу, сразу же подам сигнал тревоги», — решила амазонка, подползая все ближе и ближе, как ей казалось, к напарнице, кричавшей голосом филина.

Она проползла еще немного и вдруг сообразила, что потеряла направление. Нет, она не свернула со своего пути, но птицы замолчали, и девушке было непонятно, куда идти дальше. Ингер приподнялась на колени, чтобы посмотреть вокруг сквозь ветви кустарника и стволы вековых деревьев. Лунный свет, сменивший вечерние сумерки, падал на широкие листья и замшелую кору деревьев и причудливыми тенями пятнал стволы и землю. Впереди что-то блеснуло. Ингер показалось, что она уловила какое-то движение.

«Ну и достанется же мне, если все это окажется только моей выдумкой,— подумала Ингер, и по ее спине, отзываясь на яркие воспоминания о девятихвостой плети, которой обычно наказывали нерадивых амазонок, пробежал легкий озноб. — Но раз уж я сюда залезла, надо до конца во всем разобраться».

Землю здесь покрывали кочки и бугры, и девушка поползла вперед на четвереньках: так было легче. Время от времени Ингер поднимала голову, внимательно глядела по сторонам, и ее подозрение, что впереди кто-то есть, постепенно перерастало в уверенность. Ей даже показалось, что она слышит приглушенные голоса и легкий смех. Девушка проползла еще немного, словно охотничья собака, высматривающая добычу, и взобралась на пологий, поросший низкой травой холм, за которым открывалась круглая маленькая полянка, не более десяти-пятнадцати шагов в длину. Сквозь переплетение стеблей густого кустарника, росшего на гребне, ей было плохо видно, что там происходит, и амазонка отвела в сторону ветку, стараясь не произвести ни малейшего шороха. На всякий случай Ингер привстала на одно колено и сжала в правой руке дротик, готовая метнуть его при первом признаке опасности.

Она чуть не вскрикнула, когда увидела в десятке шагов от себя двух стоявших друг против друга людей. Гнатена (в свете луны, заливавшем поляну, Ингер сразу узнала ее) была совершенно обнажена, ее руки скользили по телу мужчины: она стаскивала с него одежду, а он, положив руки ей на бедра, гладил их и прижимал женщину к себе.

— Ты мне мешаешь,— услышала Ингер сдавленный шепот своей напарницы. — Так я никогда не смогу раздеть тебя...

Мужчина тихо засмеялся и повернул голову в сторону бугра, с которого, затаив дыхание, наблюдала за ними девушка. Она, вздрогнув, замерла, боясь по-

шевелиться и выдать себя, но этот человек вряд ли был способен сейчас чувствовать что-либо, кроме близости подруги и ее горячих рук. В свете луны, пробивавшейся сквозь ветви деревьев, они походили на двух пятнистых животных, гибких и сильных. Их движения были полны чувства, неведомого Ингер, которая превратилась в изваяние, не в силах ни шелохнуться, ни оторвать глаз от поляны.

Гнатена наконец справилась с последними застежками на одежде мужчины, и он, подняв ее на руки, повернулся спиной к наблюдавшей за ними девушке, которая дышала не менее жарко, чем любовники. Она часто-часто облизывала внезапно пересохшие губы и, вытянув шею, словно журавль, который выглядывает из тростника, чуть не наполювину вылезла из укрытия.

Мужчина (она теперь узнала и его — это был туранец, который пришел вместе с Конаном) опустил женщину на траву, и высокие стебли, словно полог, почти скрыли от Ингер обоих. Она вздрогнула и очнулась, но так и не смогла оторвать взгляд от того места, где колыхание травы выдавало присутствие пары, занимавшейся любовью. Иногда свет выхватывал плечо мужчины или руку женщины, или оба тела, сплетенные в объятиях, и вновь только жаркий шепот и прерывистое дыхание нарушали тишину спящего леса.

Девушка напряженно вслушивалась в новые для нее звуки, по ее телу перекатывались жаркие волны, а кожу покрыли мелкие капельки пота. На миг перед глазами Ингер промелькнул зал в пещере колдуна, где она, нагая, привязанная к каменному ложу, с ужасом глядела на приближавшегося к ней варвара. Она вздрогнула, вспомнив охватившее ее тогда чувство отвращения к грязному самцу, и, переведя взгляд на обнаженных мужчину и женщину, которые в этот миг встали на колени, прижавшись друг к другу, удивилась.

«Неужели это другое?» — спросила себя Ингер, не в силах отвести глаз от двоих, пребывавших — она в этом не сомневалась — в полном блаженстве и неге.

Ее тело напряглось как тетива лука, отвердевшие соски, казалось, были готовы прорвать ткань рубахи, а кончики пальцев онемели. Ингер словно околдовали. Она отложила в сторону оружие, забыв, для чего пришла сюда. Неожиданно совсем рядом раздался легкий шорох, но амазонка почему-то не насторожилась, почувствовав на себе взгляд.

«Он видел все вместе со мной?» — успела мелькнуть мысль, и щеки юной амазонки запылали от нахлынувшего стыда.

Ингер, не раздумывая, потянулась было к оружию, но молодой мужчина, скорее, даже юноша, сильными и цепкими руками схватил ее за плечи и резко дернул назад. Затем он перехватил правой рукой ее локти, а ладонью левой зажал рот. Это было, наверное, лишнее, потому что девушка, замороженная необыкновенным зрелищем, вряд ли смогла бы даже вскрикнуть. Однако, придя в себя от замешательства, вызванного неожиданным нападением, она коленом попыталась ударить противника в живот, но тот увернулся, на миг ослабив хватку. Этого оказалось достаточно, чтобы Ингер вырвала правую руку и вцепилась ему в горло. Юноша начал разжимать ее пальцы, амазонка схватилась за рукоять меча и, сцепившись в объятиях, не менее крепких, чем та пара на поляне, они покатались вниз, к подножию холма.

* * *

Гнатена и Давас, скрытые гребнем и слишком занятые друг другом, чтобы обращать внимание на что-либо еще, не слышали шума борьбы.

— Я не смогу без тебя, — сказала женщина, потягиваясь всем телом под взглядом Даваса, который восхищенно смотрел на нее. — Теперь мне понятно, почему Акила...

— Акила? — переспросил Давас. — Ваша правительница?

— Да... — задумчиво произнесла Гнатена. — Я хочу сказать, что понимаю ее, хотя раньше осуждала...

— Ты осуждала свою правительницу за то, что она встречалась с отцом своего ребенка? — Давас кое-что слышал об Этельвульфе и Акиле от киммерийца. — Как это было?

— Никто точно не знает, — ответила Гнатена, — даже Паина, хотя она самая близкая подруга правительницы. Говорят, этот асир, Этельвульф, случайно оказавшись недалеко от этих мест, встретил своего сына. Тогда, узнав от него, что Акила жива, он пришел в столицу. Как он пробрался в город — неизвестно. Мне рассказывали, что он иногда приходил во дворец, а иногда они встречались в одном из селений, где была небольшая резиденция правительницы. Это продолжалось долго... Наверное, полгода.

— А как сюда попал их сын? — спросил тураец. — Где он жил все это время?

— Я и этого точно не знаю, — ответила амазонка. — Говорят, в то время он жил в одном из храмов где-то на севере, а Акила и Этельвульф тайно навещали его.

— Ну и что же они думали делать дальше?

— Понятия не имею. — Гнатена подвинулась поближе к Давасу. — Во всей этой истории много таинственного и непонятного для непосвященных, но одно я теперь знаю твердо: правительница ни в чем не виновата. Мы неправильно жили раньше.

— Ты быстро обратилась в новую веру, — вновь обнимая ее, усмехнулся Давас. — Совсем перестала чтить заветы предков. Впрочем, не могу сказать, что мне это не по вкусу.

* * *

Ингер опрокинулась навзничь, а ее противник сел на нее верхом, коленями придавив руки амазонки к

земле. Она, выгнувшись всем телом, попыталась ногами скинуть его, но ничего не вышло: юноша был явно сильнее. Он приложил палец к губам, показывая тем самым, что хочет, чтобы она не шумела, потом протянул руку к ее талии и выхватил из ножен кофский меч.

— Тихо! — шепотом предупредил ее юноша. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

Он ослабил захват, и Ингер присела, поджав под себя ноги и настороженно глядя на незнакомца. Без оружия она не могла сопротивляться да и, бросив короткий взгляд на противника, поняла, что ей вряд ли бы помогло умение владеть мечом.

Юноша был без рубахи, и его могучие мускулы напомнили ей киммерийца, которого она видела в подземелье колдуна, а потом в отряде гирканцев. Да и ростом он, пожалуй, не уступал варвару. Русые с рыжим отливом волосы обрамляли красивое лицо со светлыми глазами, оттенок которых Ингер не могла разглядеть в призрачном свете луны. Юноша был, наверное, ее лет или чуть постарше.

Она не могла определить его возраст, потому что до последнего времени почти не видела мужчин. В стране амазонок рождающихся мальчиков убивали, а тех мужчин, которые предназначались для продолжения рода, обычно увозили в отдаленные храмы, и, кроме женщин, которые должны были стать матерями да служительниц богов, их никто больше не видел. Только попав в подземелье колдуна Чойбалсара, Ингер впервые увидела мужчин, а потом Конана и гирканцев Тайрада.

Амазонка не мигая смотрела на юношу, чувствуя почему-то не страх, а, скорее, любопытство. Он тоже пристально глядел на нее. Ингер поймала его взгляд и поняла, что во время схватки ее одежда изрядно истрепалась и она сидит перед мужчиной почти голая.

Второй раз за эту ночь ее лицо вспыхнуло от смущения. Ингер стянула рукой полы разорванной

туники и чуть отодвинулась от юноши, но в тот же миг почувствовала, что ей этого не хочется.

— Не бойся,— успокаивающе повторил незнакомец.— Мое имя Вульф. Я сын вашей правительницы Акилы. А кто ты?

— Я Ингер, из отряда Паины,— ответила девушка и вновь удивилась своим ощущениям: ей вовсе не было противно разговаривать с мужчиной, хотя их всегда учили ненавидеть самцов.

— Паины? — недоверчиво переспросил юноша.— Она здесь?

— Да, наши отряды недалеко отсюда. Мы пришли, чтобы вызволить правительницу из плена.

— Ясно,— ответил Вульф, и Ингер почувствовала в его голосе облегчение.— У тебя не найдется что-нибудь поесть? — неожиданно спросил он.

— Нет,— развела руками Ингер, отпустив полы туники, но, тотчас спохватившись, вновь попыталась прикрыть наготу.— Но я могу отвести тебя в лагерь.

— Я три дня не ел,— совсем по-детски признался Вульф.— С тех пор, как убежал из-под стражи. Люди Эниды схватили нас, но мне удалось вырваться, и вот несколько дней я скитался по этим чащам. Я слышал, что Паина ушла за девушками, находившимися в лесу, но не знал, куда именно и когда вернется.

— Как ты вообще попал к нам? — спросила Ингер, которая уже совсем оправилась от смущения.

— Ну, все было не так просто,— усмехнулся Вульф.— Ты ведь знаешь, у вас принято убивать мальчиков, когда они появляются на свет. То же вы делаете и с мужчинами, после того как они становятся вам не нужны. Верно?

— Да,— кивнула амазонка, и впервые в жизни почувствовала легкое беспокойство, словно их обычаи были дурными.

— Да,— передразнил ее юноша.— И никто никогда не задумывался, зачем вы так поступаете.

— Мы...— попыталась ответить Ингер.

— Моя мать первая отважилась нарушить обычай,— не дослушал ее Вульф.— Родив мальчика, она не дала убить меня и помогла бежать моему отцу.

— Где же ты был до сих пор?

— Меня воспитывала семья из Бритунии. Они были мне как отец и мать и никогда не рассказывали, кто я на самом деле.

— Но как же ты узнал?..

— Случайно,— ответил юноша.— Мой отец родом из Асгарда, его имя Этельвульф. Он самый могучий воин на всем севере, а может быть, и во всей Хайбории,— гордо добавил он.

— Могу себе представить,— произнесла Ингер, глядя на выпуклые мускулы юноши, который, к ее удивлению, нравился ей все больше и больше.

— Да,— усмехнулся Вульф.— Он почти такого же роста, как я, но сильнее,— вздохнул он.— Все-таки он настоящий мужчина, воин, а я пока еще многого не умею.

— У тебя есть время научиться,— с неожиданной для себя теплотой сказала амазонка и, испугавшись своего порыва, замолчала, опустив голову.

— Ты думаешь? — с надеждой спросил Вульф. Его светлые глаза блеснули, и он продолжил: — Мы с отцом даже ничего не знали друг о друге и встретились случайно. Я же говорю, меня воспитывала бритунская семья. Однажды воинский отряд во главе с моим отцом проходил по нашей деревне, и мы увидели друг друга. Все сразу заметили,— поднял он голову,— как мы похожи. Они просто остолбенели, представляешь? — Он схватил ее за руку и посмотрел прямо в глаза.— И мы тоже, и отец, и я. Ты знаешь, что такое зеркало? — неожиданно спросил он.

— Знаю,— неуверенно произнесла Ингер, чувствуя тепло его руки. Ей хотелось, чтобы он не отнимал ладонь как можно дольше.

— Наверное, ни разу и не видела,— усмехнулся Вульф.— Это такое стекло, в котором ты видишь

свое отражение, как в воде, но только гораздо яснее. У нас в деревне у старосты было зеркало, он привез его из дальнего путешествия, так все ходили смотреть на себя. У вас такую штуку не встретишь,— несколько высокомерно добавил он.— Дикая страна.

— Зачем нам эти игрушки? — с вызовом ответила девушка, выдергивая руку.— Они ведь не помогают охотиться или воевать!

— Верно,— согласился Вульф.— Но ты можешь увидеть в нем свое лицо и узнать, красивая ты или нет.

— Красивая? — повторила Ингер.— А зачем это?

— Глупая! — воскликнул Вульф.— Чтобы понравиться... Ах да,— остановился он, и в его голосе послышалась досада.— Ведь вы...

— Что мы? — спросила девушка.

— Да ладно,— махнул он рукой,— тебе этого не понять. Из ваших женщин никто не поймет. Только моя мать...— Юноша замолчал.

— А я красивая? — неожиданно вырвалось у Ингер.

— Ты? — Он пристально посмотрел на нее.— Ты очень красивая, красивее всех девушек, которых я когда-либо видел.

— Да? — переспросила она, стараясь казаться равнодушной, но в глубине души была несказанно рада тому, что нравится юноше.

— Очень,— горячо повторил Вульф.

В это мгновение послышался тихий свист. Это Гнатена условным сигналом сообщала о том, что вернулась. Молодые люди, вздрогнув, отпрянули друг от друга.

— Спрячься пока,— шепнула Ингер.— Я расскажу напарнице, что встретила тебя, и она решит, что делать.

Юноша нырнул в кусты, но тут же появился вновь.

— Возьми свой меч,— протянул он ей клинок.— И ничего не бойся: я здесь, рядом.

Ветви чуть колыхнулись, и он исчез. Ингер свистнула в ответ, и вскоре рядом с ней появилась Гнатена. Даже в темноте было видно, как блестят ее глаза.

— Все в порядке,— сообщила она.— Никого вокруг нет. Ты что это такая взбудораженная? — заметила она.— Что-нибудь произошло?

Девушка рассказала ей обо всем, умолчав, разумеется, о том, что видела на поляне.

— Как же ты не услышала его? — возмутилась Гнатена.— Почему не подала сигнал тревоги?

— Я не хотела поме...— запальчиво воскликнула Ингер, но тут же оборвала себя на полуслове.

— ...Помешать? — договорила за нее подруга.— Кому? — Она резко повернула девушку лицом к свету: — Ты видела? — В голосе Гнатены звучала надежда, что она ошибается.

— Да,— беззвучно выдохнула молодая амазонка.

— Все? — упавшим голосом спросила женщина.

— Не знаю,— смущенно ответила Ингер.— Потом он на меня напал, и...

— Боги! — с отчаянием воскликнула Гнатена.— И он тоже видел?

— Наверное,— опустила голову девушка.— Я даже не заметила, когда он появился.

— Ты не расскажешь об этом Пайне? — попросила напарница.— Знаешь, что меня ждет? Умоляю,— она схватила девушку за руку,— не выдавай меня!

— Зачем мне доносить на тебя? — Ингер неожиданно резко вырвала руку.— Не бойся, я этого не сделаю,— прибавила она уже мягче.

— Спасибо,— обняв ее, прошептала Гнатена.— Если бы ты знала...— Она замолкла, а потом тихо спросила: — Где он?

— Здесь. Вульф! — обернувшись к кустам, негромко позвала Ингер.

Послышался шорох ветвей, и на поляне появился юноша.

— Ты действительно сын Акилы? — спросила Гнатена, но, взглянув на него пристальней, сама же и ответила: — Вижу, ты похож на нашу царицу. Бедняжка, сейчас мы тебя отправим в лагерь. Но к мужчинам, — усмехнулась она. — Так будет лучше.

Гнатена сложила ладони, и по лесу разнеслось уханье филина. Вскоре вдали послышался голос коростеля. Ингер усмехнулась. Женщина, взглянув на нее, все поняла.

— Значит, ты что-то заподозрила потому, что я не точно подражаю голосу птицы?

Ингер только кивнула в ответ. Гнатена сокрушенно покачала головой и вновь повторила крик филина. Ответ раздался снова, уже ближе, и на поляну вышел Давас.

— Что случилось? — шепотом спросил он, с некоторым подозрением глядя на Ингер и Вульфа.

— Это свои, — успокоила его Гнатена. — Отведи к Тайраду этого мальчугана. Он сын нашей правительницы, уже несколько дней скитается по лесу. Видишь, какой голодный и оборванный. Завтра расскажем обо всем Паине.

— Ничего себе мальчуган! — По губам Даваса, который был почти на голову ниже Вульфа, скользнула добродушная усмешка. — Пойдем, — кивнул он юноше. — Доставим тебя к нашим. Обогреешься и подкормишься, это я тебе обещаю. Ну, до встречи, — кивнул он подруге.

— До встречи. — Вульф повернулся к Ингер, которая только молча кивнула ему.

— А ты ему приглянулась! — обняв за плечи немного смутившуюся Ингер, сказала напарница, когда шаги мужчин затихли вдали. — Каков зверь! — восхищенно добавила она. — Не уступит статью даже Конану.

— Конан уже старый... — только и смогла ответить Ингер.

— Глупенькая! — засмеялась Гнатена. — Впрочем, ты по-своему права. Вам все люди нашего возраста кажутся стариками. Наверное, и моей дочке тоже, — добавила она и вздохнула.

Глава пятая

Киммериец с трудом разлепил глаза. Тело налилось бесконечной тупой болью. Он был все еще привязан к деревянной доске, временами впадал в забытие и, очнувшись, не понимал, где находится. Варвар уже потерял счет времени, ему казалось, что он висел здесь распятым всегда. Внезапно Конану показалось, что открываются двери, но эти звуки столько раз уже возникали в его воспаленном мозгу, что он перестал обращать на них внимание. Однако на этот раз все было наяву. В каморку в сопровождении двух женщин, вооруженных короткими мечами, вошла Мэгенн.

— Ну что, вспомнил, кто ты такой? — спросила амазонка и, не дождавсь ответа, коротко бросила: — Развяжите!

Когда женщины ножами перерезали удерживавшие киммерийца ремни, он упал, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Это тебя научит хотя бы немного уважать нас, Конан из Киммерии! — усмехнулась Мэгенн, наблюдая, как варвар тщетно пытается встать на ноги, опираясь на локти.

Услышав свое имя, Конан вздрогнул и медленно поднял голову.

— Удивлен? — засмеялась женщина. — Кто же у нас не знает спасителя Акилы? Один раз ты уже помог

ей победить сестру и вновь взойти на трон, а теперь, похоже, намереваешься повторить это. Верно?

Киммериец попытался кивнуть в знак согласия, но у него это плохо получилось.

— На цепь его! — распорядилась Мэгенн. — Вставай!

Варвар наконец с трудом поднялся. Ему завели руки назад и, надев на сложенные вместе запястья обруч, пропустили цепь между ногами и накинули петлю на шею. Чтобы цепь не душила его, он вынужден был наклониться, но тогда удержать равновесие можно было лишь согнув ноги в коленях.

— Пошли! — раздалась новая команда, и одна из женщин натянула свободный конец цепи.

С трудом передвигая ноги, Конан почти на корточках последовал за ней.

— Ха-ха! — залилась веселым смехом Мэгенн. — Смотрите, точь-в-точь косолапый медведь!

Они миновали длинный полутемный коридор и стали подниматься по лестнице, что было чуть легче, чем идти по прямому полу. Пройдя пару маршей, они оказались в просторном зале, в дальнем конце которого на помосте, покрытом звериными шкурами, восседала женщина в богатом убранстве. Варвар сразу же узнал ее — это была Энида. Когда-то она командовала одним из отрядов войска амазонок, выступавших на стороне Акилы. Теперь, как он знал, положение изменилось. Энида вот-вот провозгласит себя правительницей амазонок.

— Вот этот дикарь, правительница! — Мэгенн, поклонившись, приблизилась к помосту. — Мы к твоему приезду немного вправили ему мозги, чтобы понимал, что к чему.

Энида весело улыbnулась — не ему, а просто так, видно, от полноты чувств, и варвар заметил, что она изрядно пьяна.

— Да уж вижу! — рассмеялась Энида. — Славно поработали, только вот шкуру ему сильно попортили. Ты не перестаралась? Он еще годен для дела?

— А как же! — отозвалась Мэгенн. — Я знала, что такой зверь нам еще пригодится.

— Хм! — с интересом разглядывая варвара, будто видела его впервые, буркнула правительница. — Ты права, самец подходящий. Я еще тогда, три года назад, могла это понять.

Киммериец, согнувшись, исподлбья наблюдал за ними. К нему возвращалась ясность мыслей, но жажда сильно мучила его и мешала сосредоточиться.

— Послушай, Энида, — прохрипел он. — Я с удовольствием повеселюсь вместе с вами, только дай сначала глоток воды!

Тут же он получил увесистый удар от стоявшей сзади прислужницы. Она шлепнула его плашмя мечом, и варвар почувствовал, как лопнула кожа и потекла кровь.

— Не забывайся, раб! — прошипела Мэгенн. — Заговорил, надо же!

— Дайте ему напиться, — усмехнулась Энида. — Пусть не думает, что мы такие уж жестокие.

Прислужница принесла кружку с вином и поставила ее на пол перед Конаном. Руки варвара были скованы за спиной, поэтому он встал на колени и сначала, как собака, лакал вино, а потом, схватив кружку зубами, опрокинул остаток в глотку.

— Ловко! — засмеялась правительница. — Еще хочешь?

Киммериец кивнул. Вино прекрасно освежило его, и он решил вести себя тихо, чтобы не нарываться на лишние неприятности.

«Дальше видно будет, — подумал он. — Если уж попался, как желторотый юнец, придется не спешить. Случай всегда представится, надо только его не проморгать».

Варвар расправился со второй кружкой и почувствовал, что, когда жажда отступила, его начинает одолевать зверский голод. Неизвестно, сколько он провисел в этой каморке, может быть, и не один день.

— Теперь, правительница, не прикажешь ли ты меня накормить? — смиренно обратился он к Эниде.

— До чего же мы так дойдем? — расхохоталась она. — Наешься, а потом и женщину захочешь, наверное? А?

Все присутствующие в зале тоже рассмеялись, кроме киммерийца, которому было совсем не весело. Энида кивнула, и перед киммерийцем поставили блюдо с кусками мяса. Он снова встал на колени и, как животное, принялся рвать его зубами. Конан действительно походил на зверя: громадный, с копной черных спутанных волос и засохшими потеками крови на голом теле, он алчно отгрызал мясо от костей, урча от удовольствия. Его мало заботило, что о нем думают окружающие. Главное, надо было успеть набить брюхо, пока неожиданное расположение правительницы не сменилась вспышкой гнева.

Он оказался прав. Блюдо еще не опустело, а прислужница, видимо по знаку госпожи, унесла остатки пищи. Варвар тщательно облизал перепачканные жиром губы и только тогда взглянул на Эниду. Она разговаривала вполголоса с Мэгенн, но, заметив движение киммерийца, повернула к нему голову.

— Что будем делать с ним, Мэгенн? — спросила правительница, позевывая.

По ее лицу было заметно, что пирушка продолжалась уже довольно долго, и властительница несколько притомила.

— Как обычно? — склонила голову Мэгенн.

— Хм! Нет, пожалуй, не стоит, — потянулась правительница. — Сейчас война, не до потомства. Хотя... — Она задумалась на мгновение. — Пусть. Оставь его пока при себе. Этих мы скоро перебьем, может, тогда он нам и понадобится.

— Хорошо, повелительница, — вновь склонила голову Мэгенн, и во взгляде, направленном на него, варвар уловил хищный блеск, словно в лесной чаще мелькнули глаза голодного волка.

— Устала я что-то... — снова потянулась всем телом Энида. — Пойду, пожалуй, отдохну.

Она, пошатываясь, встала, и Мэгени почтительно подхватила ее под руки.

— Да, вспомнила, — зевнула правительница. — Чтобы зря пищу не переводить, используем его завтра. Выживет, его удача, а нет — и пес с ним. Самцом больше, самцом меньше, какая разница? Или не так? — хихикнула она, поворачиваясь к Мэгени.

— Разумеется, госпожа, — ответила та.

— Вот именно, — прервала ее Энида. — А сейчас немедленно спать, меня уже ноги не держат.

Она забросила руку на шею Мэгени и, почти повиснув на ней, покинула зал. Варвар внимательно следил взглядом за уходившими женщинами.

«Что это с ней случилось? — недоумевал он. — Такая крепкая была девица. Спилась, что ли, от безделья? Совсем нет порядка у этих амазонок!»

Ему встречались, и нередко, мужчины, которых страсть к вину превращала в жалкую тень когда-то могучих воинов, но чтобы такое происходило с женщиной? Все же не какая-то там портовая шлюха... Его раздумья прервал голос прислужницы:

— Пойдем, раб!

Вновь натянулась цепь, и киммерийца повели обратно по лестнице, потом по коридору, но уже в другую каморку. Его втолкнули внутрь, и дверь с лязгом захлопнулась. Конан пристроился на соломе, наваленной в углу, и тотчас провалился в глубокий сон.

Глава шестая

У тебя есть дочка? — удивленно спросила Ингер.

— Да, — ответила Гнатена. — Во всяком случае, когда я родила ребенка и кормила полгода грудью, она была жива и здорова. Вот второй был мальчик, — вздохнула она.

— Понимаю, — кивнула девушка.

Когда у амазонок рождались дети, мальчиков сразу убивали, а девочек первое время держали вместе с матерями, но потом забирали от них, и они воспитывались со своими сверстницами под присмотром воспитательниц. Женщины возвращались к своим делам и больше никогда не встречались с дочерьми. Никто не знал своих родителей, а родители не знали детей. Правда, иногда сходство двух женщин бросалось в глаза, и это могло породить соответствующие сложности, но служительницы храмов и отряды стражи зорко следили за этим и тотчас же их разделяли: одну из женщин отправляли в другую деревню или в дальний отряд, чтобы они больше не встречались друг с другом. Так было с незапамятных времен, и амазонки воспринимали все это как само собой разумеющееся. Иногда, конечно, бывало, что материнский инстинкт проявлялся с особой силой, но тогда правители сурово наказывали непокорную. Ей могло повезти, и тогда она отделялась поркой и заточением

в темницу, но столь же вероятно она могла распротиться с жизнью во время церемониальных жертвоприношений.

Исключение в стране амазонок было сделано для царствующего дома: правительницы, ее сестер, если они были, а также для высших служительниц храмов, командиров больших отрядов, заодно исполнявших роль наместниц в городах и подчиненных им деревнях — в общем, для знати. Поэтому такие понятия, как мать, дочь или сестра могли применяться только в высшем обществе, а остальные амазонки были просто женщинами — охотницами, воительницами, прислужницами.

Другие дела, также необходимые для жизни: строительство домов и крепостей, прокладка дорог, шитье одежды и заготовка пищи на зиму — выполнялись всеми сообща под руководством старших женщин, которые кое-что смыслили в этом и потому считались носительницами знаний. Но прежде всего амазонки должны были быть храбрыми, выносливыми, умелыми воительницами, великолепно владеть копьем, дротиком, пращей и кинжалом. Воительницы считались высшей кастой, все стремились стать ими, и лишение звания воина за какую-либо провинность считалось среди амазонок самым суровым наказанием. Все девочки с раннего возраста обучались искусству обращения с оружием и верховой езде, умению найти пропитание в лесу и защититься от холода и снега. Страна амазонок была суровым краем, и таким же был характер большинства населявших ее женщин, что, ко всему прочему, умело поддерживалось служительницами богов и командирами.

Все здоровые женщины (а других в стране не было, потому что рожденных с какими-нибудь изъянами тут же убивали, как и мальчиков) независимо от положения и происхождения должны были выполнить Главную Обязанность. Она состояла в том, что один или два раза в жизни женщина проводила

время с мужчиной, чтобы не исчез род отважных воительниц и не оскудела их земля. Других отношений с самцами, как презрительно именовали мужчин амазонки, у суровых обитательниц Северных Холмов — так они называли эти покрытые густыми лесами горы, рассеченные долинами с множеством озер и полноводных рек, — не было. Мужчина считался грязным, презренным и бесполезным существом, годным лишь для продолжения рода, гладиаторских боев во время праздников да тяжелых работ на строительстве пограничных укреплений и добыче камня, причем правительницы старались, чтобы это происходило как можно дальше от селений амазонок.

Меньше встречаются — меньше соблазнов, так считали женщины из знати и были совершенно правы, потому что многие из них исполняли Главную Обязанность несколько чаще, чем предписывалось обычаями, и бывало, что мужчина, прежде чем попасть в Зал Тайнства, где должен был дать начало новой жизни, долгое время проводил в храме у старших служительниц, которые определяли его пригодность к этому чрезвычайно важному делу. Некоторые проверявшие, случалось, входили во вкус, но обычно тайная служба и знатные амазонки старались не оповещать об этом остальных, если, конечно, не преследовали каких-то других целей. Вот когда сведения о проступках соперницы можно было использовать в продвижении наверх или, что бывало нередко, в борьбе за трон — тогда весь поток обвинений выплескивался в общество, которое обычно горой вставало за сохранение обычаев и традиций.

— Я хочу спросить, — неуверенно начала Ингер. — Мне показалось... Показалось, что быть с мужчиной... — Она замаялась, но Гнатена пришла ей на помощь:

— Доставляет удовольствие?

— Да,— смущенно кивнула девушка.— Но почему же тогда воспитательницы нам говорили...

— Ты еще девочка,— погладила ее по плечу Гнатена.— Но я тоже была такой, и когда дважды была в Зале Таинства, ничего, кроме отвращения и боли, не чувствовала.

— Как же ты тогда...— начала Ингер.

Она знала по рассказам подруг, которые, в свою очередь, знали это от других, что ничего хорошего в Зале Таинства для большинства женщин не происходило, хотя появлялись слухи, что некоторым якобы нравилась Главная Обязанность. Девушки до пятнадцатого года воспитывались отдельно и только после Испытания почти сразу же отправлялись в один из храмов для совершения Главной Обязанности, а уже потом вливались в общество.

— Это совсем другое! — мечтательно произнесла Гнатена и некоторое время молчала, видимо вспоминая о Давасе.— Этот человек научил меня испытывать удовольствие, и теперь меня можно назвать отступницей.— Она повлажневшими глазами почему-то с вызовом посмотрела на Ингер.

— Мне кажется,— тихо сказала девушка,— что я немного понимаю тебя.

— Понимаешь? — удивилась Гнатена.— Ну, разве что чуть-чуть...— Она ласково улыбнулась напарнице.— Я уверена, этого нельзя понять до конца, если не ощутишь сама. Я поделюсь с тобой одной тайной... — Она наклонилась к уху Ингер, хотя вокруг не было ни души.— Многие женщины из нашего отряда поступают так же, как и я.

— Да ты что? — чуть не подпрыгнула девушка.

— Тихо! — приложила палец к губам Гнатена.— Сама понимаешь, что за это нам может быть. Когда мы ждали вас, рядом с нами остановился отряд Тайрада, и Паине,— она почти беззвучно рассмеялась,— Паине пришла в голову великолепная мысль, что неплохо бы нашим женщинам научиться стрелять

из лука, как гирканцы. С этого все и началось...— Она счастливо улыбнулась.— Я вот что тебе скажу. Все наши воспитательницы и служительницы храмов врут и морочат нам головы. «Это плохо, это скверно!» — скривив губы, передразнила она кого-то.— Конечно, раньше я им верила. А теперь и представить не могу, как жила до сих пор...

— Но ты же была в Зале Таинства?

— Глупышка,— покачала головой Гнатена.— Это совсем другое. Когда меня в первый раз привезли в храм, не в Ульменский, в другой, за Холмами, я думала так же, как и ты, да и все девушки тоже. Мы только что прошли Испытания. Тогда наши женщины взяли в плен нескольких ваниров. Это я теперь понимаю, какими могут быть мужчины,— амазонка усмехнулась,— а тогда мне было просто страшно... Да и противно. Нам ведь все уши прожужжали, что самцы мерзкие, грязные...

— Страшно? — переспросила Ингер.

— Да,— кивнула Гнатена.— Нас сначала осмотрели храмовые служительницы, потом несколько дней мы жили в кельях, нас хорошо, очень вкусно кормили, но все равно было как-то неуютно и тревожно. В день исполнения Обязанности нас привели в Зал. Было нас...— Она задумалась, припоминая.— Трое. Да, трое, — уверенно закончила женщина и взглянула на Ингер, которая во все глаза смотрела на нее.— Ты ведь об этом не знала?

— Нет,— замялась девушка.— Я слышала про Зал, что там происходит, но как это все...

— Так вот,— продолжала Гнатена,— в Зале было несколько каменных постаментов, покрытых шкурами, и вокруг них огороженное перилами возвышение. Там сидели старшие воспитательницы. Нас раздели и приказали лечь на ложе, а потом привязали руки и ноги к кольцам, вделанным в камень.

— Совсем, как меня! — сорвалось с губ Ингер.

— Тебя? Где?

— В подземелье у колдуна.— И девушка рассказала Гнатене все, что приключилось с ней в подземелье.

— Говоришь, он не смог? — переспросила женщина, давась от смеха.

— Да,— засмеялась в ответ Ингер.— Я плохо помню, но колдун дал ему что-то выпить, и все вот так получилось, а потом старик сказал, что допустил ошибку.

— И что дальше?

— Дальше ничего. Колдун велел своим слугам увести его, а меня отвязали и отправили обратно к остальным девушкам.

— А потом?

— Прошло совсем немного времени, и киммериец — это мы потом узнали, что он из Киммерии, никогда раньше не слышала о такой стране... Он показал нам лестницу. Мы убежали... Вот и все.

— Тебе, считай, повезло,— выслушав девушку, заметила Гнатена.— Со мной было хуже. Они тоже, наверное, дают мужчинам какое-то снадобье, но оно действовало совершенно наоборот. Мне попался здоровенный ванир. Не такой, конечно, как твой Вульф,— засмеялась она,— но настоящий зверь...

— Почему это «мой»? — смутилась Ингер, но слова женщины неожиданно оказались ей приятны.

— Твой, твой,— махнула рукой Гнатена,— у него чуть глаза из орбит не вылезли, когда он смотрел на тебя. Ну ладно. Слушай дальше.— Она помрачнела. Видимо, эти воспоминания были ей крайне неприятны.— Он набросился на меня, как жеребец. Ты видела, как это происходит у животных?

— Угу,— опустила голову девушка.

— Вот так и со мной. Я даже закричала. Мне казалось, он разорвет мое тело пополам. А эти на возвышении смеялись и подбадривали его и еще двоих криками — одновременно со мной на соседних ложах были привязаны мои подруги.

— А потом?

— Когда этот великан слез с пьедестала, воспитательница осмотрела меня и сказала, что все хорошо. Затем через день меня еще раз отдали на растерзание этому же ваниру, и на этом все закончилось.

— Все?!

— Да,— ответила Гнатена.— Через месяц, когда стало ясно, что ребенок будет, меня и других, таких же, как я, оставили в храме. Я побыла с моей девочкой полгода, и больше ее никогда не видела. Да уж и не увижу...— грустно вздохнула женщина.

— А вдруг...— попыталась утешить ее Ингер.

— Нет,— покачала головой женщина.— Я и узнать ее не смогу, столько уже лет прошло...

Раздался тихий свист.

— Смена идет.— Гнатена приподнялась с травы и ответила условленным сигналом.— Возвращаемся в лагерь, подружка.

Глава седьмая

Поспать как следует варвару не пришлось. Загремели засовы, и стражница, просунув голову в камеру, коротко бросила:

— Вставай, тебя зовет госпожа.

Конан резко вскочил, забыв о цепи, но она немедленно напомнила о себе, впившись в тело.

«Мерзавки! — проворчал про себя киммериец. — Нергалово племя!»

Стражница взяла конец цепи, и варвар поплелся за ней снова на полусогнутых ногах, проклиная в душе изобретательность амазонок, знавших толк в пытках. Впрочем, путь оказался недолгим, они свернули за угол коридора и вошли в низкое помещение, откуда тянуло запахом горевших углей.

«Это еще что? — спросил себя Конан. — Кузница, что ли?»

Однако он ошибся. В комнате находились три женщины: две стражницы с мечами и еще одна, в кожаном фартуке. Она повернулась к жаровне, на которой лежали раскаленные металлические прутья, и киммериец на мгновение залюбовался линией ее спины и округлостью ягодиц, потому что фартук был надет прямо на голое тело.

«Аппетитная! — причмокнул варвар. — Но мне совершенно не нравится то, что эта девица сейчас со

мной сделает. В пыточную привели, не иначе. Чего же эти девки хотят от меня?»

Ему приказали встать в угол и надели на крюк обруч, скреплявший его руки. Заскрипел ворот, и Конан повис в воздухе, едва касаясь носками пола.

— Что вам от меня нужно? — прохрипел он.

Женщины молча смотрели на него, словно не слышали вопроса.

— Вы что оглохли, суки?! — загремел варвар, но и на его крик они не обратили ни малейшего внимания.

В коридоре послышались шаги, и в камеру вошла Мэгени. Она мельком взглянула на висевшего под перекладиной киммерийца и уселась на покрытую малиновой накидкой скамейку.

— Свободны, — кивнула она стражницам.

— Что тебе надо? — спросил киммериец, яростным взглядом сверля свою мучительницу.

— Сейчас узнаешь, — усмехнулась Мэгени. — Я рада, что ты заговорил. Может быть, обойдемся малой кровью, если, конечно, ты будешь хорошим мальчиком. — Последние слова она произнесла с особенным выражением, и ее глаза вновь напомнили Конану глаза лесного хищника. — Ты пришел за Акилой, так?

— Так, — выдохнул варвар, понимая, что глупо отрицать очевидное.

— Вряд ли ты решился один забраться так далеко в глубь нашей страны.

— Почему нет? — усмехнулся киммериец.

— Вот об этом мы сейчас и поговорим, — улыбнулась Мэгени. — У тебя есть сообщники?

— Сообщники? Зачем они мне?

— Но, может быть, ты им нужен. Ответишь, где Паина?

— Паина? — изобразил удивление варвар. — Знал я эту женщину, скрывать не буду. Только года три прошло с тех пор.

— Врешь! Ее послали за девушками, прошедшими Испытание, и сколько мы ни ждали, ни она, ни девушки не вернулись.

— Подождите еще, наверное, что-то их задержало.

— Гонцы уже обыскали все в тех местах. И обнаружили только следы лагеря.

— А при чем здесь я? Ты можешь забить меня до смерти, но откуда мне знать, куда делась ваша Паина?

— У меня есть подозрение, что ты пришел вместе с ними.

«Ну уж этого я тебе не скажу,— пообещал про себя киммериец. — Она сомневается... Может, и выкручусь как-нибудь».

— Послушай, уважаемая,— начал он медленно, словно выдавливая из себя слова.— Я пришел повидать правительницу Акилу — не сомневаюсь, тебе известно, что мы с ней были близко знакомы,— и уже здесь узнал, что ее заточили в храм. Клянусь Нергалом и всеми его кишками, что я знать ничего не знаю ни про Паину, ни про девушек.

— Если ты врешь, я прикажу спустить с тебя по кусочкам твою дубленую киммерийскую шкуру.— Видно было, что подозрения Мэгенн ни на чем не основаны.

— Бей сколько твоей душе угодно, жги каленым железом, но что я могу тебе сказать? Я на самом деле ничего не знаю про это.

— Ладно,— махнула рукой женщина.— Сейчас посмотрим. Мерл, можешь приступать! — повернула она голову к палачу.

Киммериец внутренне сжался, готовясь к удару бича или ожогу раскаленным железом, но женщина в фартуке поднесла к губам варвара кружку с горячим вином, приправленным каким-то снадобьем.

«Пить или нет? — подумал Конан.— С этих сук станется подсунуть какую-нибудь колдовскую дрянь, от которой, кроме других неприятностей, будет еще и поносить несколько дней. Нет уж, пусть сами пьют!»

Он сжал зубы.

— Выпей,— поднявшись со скамьи, посоветовала ему Мэгенн.— Это поддержит тебя. Думаю, ты успел немного утомиться. А если не станет пить,— выходя из камеры, бросила она палачу,— можешь делать с ним, что хочешь. Разрешаю.

«Выбора нет,— решил Конан.— Нергал с ними, попробую».

Жидкость оказалась на удивление вкусной. Когда киммерийца вели обратно в камеру, его начала одолевать зевота и по всему телу разлилась приятная слабость. Он улегся на солому и мгновенно заснул. Сон его сопровождали чудесные видения.

* * *

Конану снилось, что с него сняли цепи и он наконец смог с невероятным блаженством вытянуть руки и ноги. Потом его вывели из камеры и повели длинным подземным коридором к выходу во двор. Варвар с наслаждением хлебнул свежего воздуха, показавшегося ему после подземелья просто нектаром. Его привели в жарко натопленный деревянный низкий домик. Он напомнил варвару баню, которую он видел когда-то у бритунцев. Северные немногословные великаны любили там мыться, без усталости хлеща себя связанными в пучки березовыми ветками. Как-то киммериец попробовал это, и ему очень понравилось. Сейчас он не ошибся: его действительно привели, чтобы помыться. Две женщины в кожаных фартуках, таких же как у палача, очистили его тело от грязи, пота и запекшейся крови с помощью кадки горячей воды, настоянной на можжевеловых ветках, и связки растрепанных веревок, примерно таких же, какими вилайетские матросы мыли палубы кораблей, только без рукояток. Варвар почувствовал себя свежим и отдохнувшим.

Дальше видение поплыло, женские голоса растворились в птичьем клекоте и мычании коров. Конан

почему-то снова увидел протянутые к нему руки матери. Кто из спящих может сказать, сколь долго продолжают зыбкие смутные видения? Но вдруг сон вновь стал более ясным и четким.

Киммерийца опять вели по длинному каменному коридору, однако он сознавал, что это не узкий и затхлый проход в подземелье. Здесь чистый деревянный пол и стены казались сложенными более ровно, а может быть, просто были новее. Стены коридора внезапно подернулись туманом, и сон опять стал нечетливым.

Послышалось жужжание пчел или мух, зазвучали неясные голоса, сначала где-то внизу, потом с боков, а затем и со всех сторон. Люди говорили, но ни слов, ни кто их произносит, Конан разобрать не мог, будто многоголосый гул слился с шелестом крыльев тысяч огромных мух, и он замахал руками, пытаясь их отогнать. Но кому же это удастся во сне? Руки двигались медленно, нехотя, они были слабыми и непослушными, словно кипа хлопка или шерсти, и насекомые облепили его лицо, не давая вздохнуть.

Киммериец напряг все силы и попытался проснуться, чтобы отогнать наваждение, но сон опять превратился почти в явь, и варвар хотел было ущипнуть себя, чтобы проверить, спит он или нет, но тут же забыл об этом, ибо очутился в поистине чудесном месте. Оно настолько поразило его воображение, что все остальное перестало его волновать.

Овальное помещение с тремя небольшими зарешеченными окнами на высоте его роста было устлано коврами. Они целиком закрывали стены и пол, придавая комнате сходство с огромным ларцом изящной кхитайской работы, внутренние стенки которого обычно драпировались вышитым шелком. Мебель была низкая, из темного полированного дерева, с мягкими спинками и резными вычурными ножками и подлокотниками. Чувствовалось, что мастер, изгото-

вивший ее, потратил, может быть, не один год упорного труда, чтобы сотворить такое чудо. Было похоже, что Конан в своих сновидениях попал в дом иранистанского вельможи или, того выше, во дворец самой раджассы где-нибудь в далеком Прадешхане. Однако он трижды мог поклясться хоть Кромом, хоть Нергалом, хоть самим Светлоликим Митрой, что все это происходит в Ульменском храме, потому что на одной из кушеток восседала та самая сука Мэгенн, по приказу которой его хлестали плетью, оставили неизвестно сколько времени висеть распятым, чуть не прижгли раскаленными прутьями и чем-то опоили.

Правда, сейчас она уже не казалась ему такой мерзкой, как наяву, тем более что была весьма приятной, пожалуй, даже красивой женщиной. Мэгенн была одета не как обычно, в кожаные штаны и белую рубаху, а наряжена в легкий шелковый хитон со множеством складок, и стоило ей чуть шевельнуться, как складки распадались и сквозь почти невесомую ткань просвечивало загорелое, как у всех амазонок, тело.

— Хорошо, что ты все-таки пришел, — пропела она, и варвара поразило, что даже голос женщины, показавшийся ему там, внизу, хриплым, сейчас звучал нежно и мелодично.

Киммериец хотел ответить, но губы не слушались его, они были таким же неподатливыми, как и руки, которыми он в предыдущем сне пытался отогнать рой надоедливых насекомых. Мэгенн поманила его к себе, и он повиновавшись, подошел к столу, стоявшему перед ее кушеткой, и сел в большое кресло, такое удобное, что оно сразу мягко приняло его в свои ласковые объятия.

— Что выберешь? — заботливо спросила Мэгенн, указывая на изящные кувшинчики и графины. — Бахтанское, зингарское, аргосское?

Конан опять собрался ответить, но она понимающе усмехнулась и сама налила в его кубок красного,

как кровь, терпкого и ароматного аргосского нектара, лучшего вина во всех хайборийских землях. Варвар осушил кубок и непроизвольно щелкнул языком от восхищения вкусом этого дарованного богами напитка, покрутив головой в знак одобрения. Кубок снова оказался наполненным, киммериец вновь опрокинул его, и он почувствовал себя счастливым и беззаботным, каким можно быть только в благословенном детстве или сладостном сне. Если б так могло продолжаться вечно! Неуловимая мысль метнулась в затуманенном мозгу варвара и тут же пропала, потому что мысли, пришедшие во сне, а особенно в таком чудесном, чудесным же образом и испаряются. Когда проснешься, в памяти остается только что-то зыбкое, неуловимое, словно вкус выпитого вина на языке. Такую мысль, кажется, вот-вот схватишь, уловишь, а она тускнеет и исчезает, пока не растает совсем, словно уходящий в туманное море корабль.

Мэгенн, приподняв руки, хлопнула в ладоши, и киммериец полюбовался ее полной налитой грудью, просвечивавшей сквозь легкую ткань. Женщина перехватила его взгляд и призывно улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами. На ее зов в комнату вбежали две молоденькие девушки, которые принесли подносы с яствами. Они грациозно поклонились и поставили блюда на стол. Девушки были совершенно нагими, юными и стройными, они напомнили варвару таких же юных амазонок, томившихся в пещере колдуна, однако смотрели на него совсем не так, как те девчонки, что безжалостно столкнули его вниз, в подземелье. Их взгляды были открытыми и восхищенными. Перехватив один из них, Мэгенн резким движением руки велела девушкам удалиться.

Она вновь наполнила кубки и указала Конану на лакомства. Тот отдал им должное, запивая чудесным напитком. Скоро щеки женщины разругались, и

она стала нравиться ему еще больше — варвар уже с трудом сдерживал себя. Мэгенн заметила это и залилась, глядя на него, серебристым смехом. Только тогда он понял, что наг, и она все видит. Киммериец потянулся к ней всем телом и почувствовал, как вновь становится сильным и крепким, а руки его снова налились мощью, как всегда. Женщина отпрянула от него, но только на миг, чтобы, изогнувшись в сладостной истоме, сбросить через голову шелковое невесомое одеяние и предстать перед ним во всем блеске зрелой красоты. Варвар обнял ее и бросил на ложе. Она, расслабившись, приняла его, и вновь сон Конана стал туманным, и он какое-то время ничего не помнил и не ощущал...

— Расскажи мне что-нибудь! — тихо и устало произнесла Мэгенн, прильнув к его широкой груди.

Киммериец почувствовал вдруг неистребимое желание поведать ей о себе — обо всем, что случилось с ним в последнее время, и он рассказывал, поглаживая ее короткие черные волосы, шею и стройную спину. Женщина слушала внимательно, не перебивая, а варвар все говорил и говорил, сам удивляясь своей многословности. Конан рассказал про Тайрада, колдуна Чойбалсара, про план покорения амазонок, про отряд Паины, разбивший лагерь недалеко от храма, и чем больше он говорил, тем больше изумлялся тому, как четко звучит его голос, как явственно он ощущает нежность кожи припавшей к нему женщины... И вдруг с ужасом и пронзившей все тело болью киммериец понял, что это уже не сон. Сон непонятно когда кончился, и он, зачарованный магией этой гнусной бабы, выдал своих друзей, сторонников Акилы, и его болтливость и глупость могут обойтись им слишком дорого. Он в ярости отшвырнул от себя женщину.

— Сука! Клянусь кишками Нергала, я сейчас оторву тебе голову, мерзкая тварь!

Мэгенн уже стояла на ногах, и в правой руке ее блеснул кинжал. Что клинок в руках слабой женщи-

ны против такого воина, как Конан? Он метнулся к ней, намереваясь перехватить в запястье тонкую руку и раздробить голову амазонки о стену. Но это был не кинжал. С металлической пластины сорвался огонь, синие искры, как маленькие молнии, ударили в варвара, и он мгновенно застыл, потеряв способность двигаться, а потом рухнул, как сноп соломы, к ногам хохотавшей колдуньи Мэгенн. Теперь ее смех не казался киммерийцу серебристым. Нет! В нем слышался звон меди и стали.

— Что, тупой дикарь, понял, как надо укрощать таких, как ты? Ведь все рассказал, а как поначалу сопротивлялся! Завтра же... Нет, еще сегодня наша армия повяжет твоих сообщников, и ты еще успеешь увидеть их за решеткой рядом с собой. Жалкий предатель! — Она издевательски захохотала.

Киммериец лишь скрипел зубами от злости, но не мог даже пошевелинуться.

«Что же я наделал? Всех предал... У, гадина! — Последнее относилось к колдунье. — Но я еще считаюсь с тобой, подлая змея, клянусь Владыкой Могильных Курганов!»

— Заковать его, и в камеру! — бросила Мэгенн вошедшим стражникам.

На варвара вновь надели цепи и, когда он смог идти, вывели из комнаты. Все это время Мэгенн не одевалась и сидела нагая, словно дразня киммерийца роскошным телом, которое он так недавно сжимал в жарких объятиях.

— Кстати, — бросила она на прощание, — а ты совсем неплох, мой мальчик!

Последнее слово звучало злой издевкой, но Конан молча проглотил оскорбление, сжав кулаки в немой бессильной ярости. «Погоди, подлая тварь, ты свое еще получишь! Лишь бы унести ноги отсюда...»

Глава восьмая

Однако унести ноги из подземелья было совсем непросто. Варвар обшарил всю камеру, надеясь найти выступающий из стены камень, чтобы попыбовать сточить звено цепи, но кладка была очень старой, и плиты рассыпались в песок, едва он начинал водить по ним обручем, сковывавшим руки. Тогда киммериец попробовал дотянуться до узенького окошка, но встать в полный рост ему никак не удавалось: цепь, затягиваясь на шее, душила его.

«Нергалово племя! — честил он амазонок, но более всего укорял самого себя за то, что попался на уловку подлой колдуньи. — Не надо было пить эту отраву... Из-за нее я все выболтал, — сокрушался киммериец, но поправить сделанное было уже нельзя. — Хотя, — подумал он, — был у меня разве другой выход? Все равно бы заставила проглотить эту гадость. Которая, кстати, очень походила на великолепное аргосское... — Поразмыслив, Конан решил, что в колдовских руках любой может превратиться в безвольную игрушку. — Так что нечего зря скулить. Сейчас надо искать выход!» Он снова заметался по камере.

Однако ему упорно не везло. Отчаявшись, он упал на солому и заснул, справедливо рассудив, что грядущие неприятности лучше встречать в хорошей форме, а в том, что неприятности еще будут, он не сомневался ни на миг.

Утром ему дали похлебку из овощей с кусочками мяса, и варвару вновь пришлось лакать это варево, как собаке. Про себя он решил, что лучше так, чем морить себя голодом. Некоторое время его не беспокоили, и Конан подумал, что про него забыли, но он ошибался: загрохотал засов, и на пороге появились стражники. Ему не составило бы большого труда раскидать их, даже вооруженных, будь он свободен. Они заковали его по-новому. Теперь руки киммерийца были соединены спереди, а короткая цепь проходила к шее назад, так что он не мог поднять руки выше пояса, но зато мог распрямить ноги. Подталкивая в спину остриями мечей, стражники вывели Конана во двор, повели вдоль стены к каменной изгороди, открыли решетчатую дверь, втолкнули его внутрь и вновь закрыли решетку.

Варвар огляделся. День был пасмурный, клочья низких облаков быстро бежали по небу, иногда порывы свежего ветра приносили мелкий дождь, но все равно киммериец был рад тому, что оказался на вольном воздухе, а не под низкими сводами ненавистного подземелья. Он стоял на небольшой, шагов двадцати в ширину и длину, арене, а перед ним на возвышении за низкой оградой сидели несколько амазонок, среди которых он узнал правительницу Эниду и Мэгени. Других женщин он видел впервые, видимо, это были придворные или кто-то из знатных амазонок или военачальниц, судя по перьям на их шлемах и пышным одеждам, не принятым у простого люда этой страны.

— Сейчас ты нам покажешь, на что способен, самец! — провозгласила седая женщина в темной накидке, приподнявшись со своего места. — Дайте ему оружие!

По ее знаку одна из стражниц, стоявших на площадке, бросила варвару грубо обработанную деревянную дубину с сучковатым утолщением на конце. Конан взял ее в руки, насколько позволяли облучи, и, подняв голову, спросил:

— И что же вы хотите увидеть? Как я буду драться, если не могу поднять руки?

— Это и будет самым забавным! — засмеялась Мэгени. — Я думаю, — повернулась она к Эниде, которая горящими от возбуждения глазами смотрела на киммерийца, — мы славно повеселимся!

— Пожалуй! — согласилась правительница. — А кто его противник?

— Я приказала привести того, рыжего, — повернулась к ней седая жрица. — Они почти одного роста, так что мы сможем позабавиться подольше.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Энида. — Недаром ты у нас старшая воспитательница, Иподима. Соображаешь...

Польщенная похвалой правительницы, седая женщина стремительно понялась со своего места и командовала:

— Рыжего!

Сбоку от Конана что-то закрипело, он повернул голову и увидел, что в ограде была и вторая дверь, подобная той, через которую провели его. На арене появился огромный рыжебородый человек, не уступавший ростом киммерийцу, такой же мощный, со свирепым выражением лица, украшенного свежим багровым рубцом поперек левой щеки. Увидев его, зрительницы закричали наперебой:

— Эй! Рыжий! Покажи киммерийскому ублюдку, на что ты способен, бородач!

Похоже, подобные представления тут уже происходили, а рыжебородый победил всех противников. Он, как и варвар, был раздет и так же скован. Ему тоже бросили дубину.

— Сходитесь, дикари! — подала команду Иподима. — Кто останется жив, получит великолепный обед!

Ее слова были встречены радостным хохотом и улюлюканьем зрителей. Бойцы закружили по арене, присматриваясь друг к другу.

— Я выбью тебе мозги! — прохрипел рыжий великан.

— Попробуй,— усмехнулся киммериец, покрепче сжимая дубинку.

Противник, как понял варвар по его выговору и копне рыжих волос,— несомненно, уроженец Асгарда. Значит, придется драться до конца. Эти люди, как и киммерийцы, не были трусами и не просили пощады, не отступали, даже получив серьезные раны, и сражались до тех пор, пока могли держать в руках оружие и пока билось сердце. Конан давненько не бывал в родных местах и почти отвык от того, что можно встретить подобного себе человека — остальные народности были куда как мельче и не столь могучи.

«Может так случиться, что это мой последний бой,— подумал варвар.— Жаль, если придется умереть не на поле битвы, а в шутовском поединке на потеху этим сучкам...»

— Клянусь Кромом, легким для тебя бой не будет,— пообещал киммериец.

Конан был спокоен и холоден. Уж если так сложилась судьба, надо умереть достойно, попытавшись, однако, сделать все возможное, чтобы уступить эту участь противнику. Варвар решил не бросаться первым на рыжего, а подождать, пока тот нанесет свой удар.

— Вы кто, курицы или мужчины? Начинайте! — орали зрительницы, жаждавшие крови.

Скованные цепями бойцы не могли размахнуться как следует, и пока им самим было не очень-то понятно, как действовать, чтобы нанести разящий удар. Асир не выдержал первым, он прыгнул на Конана и, отклонившись всем телом, попытался ударить противника по голове. Киммериец стремительно отскочил вправо, перед ним на мгновение мелькнула незащищенная голова со спутанными рыжими волосами, но он промахнулся. Рыжий чуть не поскользнулся на мокрой от дождя траве, но резко обернулся и встретил новый удар варвара. Противники снова разошлись. Амазонки кричали:

— Бей! Давай!

Рыжий вновь бросился на него.

— Прощайся с жизнью!

— Не торопись хоронить меня! — Варвар ловко отбил удар, направленный ему в грудь, и врезал асиру по ноге.

Тот не ожидал такого отпора и, взыв от боли, опустился на одно колено. Хрясь! Дубина Конана разметала траву, а рыжий успел увернуться и сильно ткнул киммерийца в бок, распоров кожу. Из раны показалась кровь, которая багровой струйкой потекла по бедру.

— Молодец, асир! Прикончи его! — закричала седая жрица.

— Киммериец! Поддай рыжему! — слышался чей-то ответный вопль.

«Ого,— зорко следя за противником, подумал варвар.— Неужели еще и ставки делают, гадюки?»

Он быстро пошел на бородача и замахнулся дубиной, насколько позволяли скованные руки. Тот выставил свое оружие, чтобы отбить удар, широко расставив ноги для устойчивости. Конан стремительно отпрыгнул сначала вправо, потом вновь к асиру и стопой подцепил одну из его расставленных ног. Парировав направленный на него удар, варвар одновременно отпрянул назад, дернув ногу рыжего. Тот не устоял и рухнул на спину.

— Видишь, мой бьет! — истошно завизжала одна из зрительниц. — Давай, киммериец!

— Бей его, асир! — подхватила другая, и на возвышении поднялся невероятный шум.

Женщины вскочили с мест, вопили, улюлюкали. Непередаваемое зрелище: двое перепачканных кровью голых мужчин, нелепо размахивавших дубинами, — доставляло им немалое удовольствие.

Конан подпрыгнул к лежавшему на земле противнику и врезал дубиной ему по голове, но тот непостижимым образом сумел увернуться и вновь ощути-

мо зацепил варвара, на сей раз по ноге. Теперь уже взвыл киммериец. Боль была сильной, и на мгновение он потерял способность двигаться. Этого оказалось достаточно, чтобы рыжий вскочил на ноги. Он попытался сразу же напасть на варвара, но Конан отмахнулся дубиной и задел руку соперника. Асир теперь стал гораздо менее заносчивым, чем в начале схватки.

— Кончай его, Конан! — раздался чей-то крик, и киммериец узнал хрипловатый голос Мэгенн.

— Разделяйся с черноволосым! — подбадривал кто-то асира.

Противники уже потратили немало сил, оба тяжело дышали и налитыми кровью глазами напряженно следили за движениями друг друга.

— Чего вы застыли, как лягушки? — закричала одна из амазонок. — Бейтесь, грязные самцы!

Зрительницы словно соревновались в том, кто полнее оскорбит мужчин. Горя от нетерпения, стали забрасывать противников комками мокрой глины. Им хотелось, чтобы это жестокое зрелище не прерывалось ни на миг. Рыжий опять не выдержал и первым бросился на варвара. Конан видел, что тот не слишком уверенно держит дубину левой кистью, а значит, способен бить только справа. Это давало киммерийцу существенное преимущество, и он уже не сомневался, что победит, однако медлил. Ему не хотелось ни за что ни про что лишать жизни такого могучего бойца, почти равного ему и в силе, и в ловкости.

Киммериец, согнувшись и держа дубину наготове, старался двигаться так, чтобы находиться ближе к правому боку соперника. Асиру приходилось все время поворачиваться, а варвар все быстрее и быстрее кружил вокруг него, словно хотел очутиться за спиной противника. Сила силой, но мозги иногда тоже бывают не лишними. Рыжий бородач, разгоряченный схваткой, не сообразил вовремя, что ему следует отойти назад, поближе к стене, чтобы у киммерийца было

меньше свободы передвижения. Это вряд ли спасло бы ему жизнь, но с учетом того, что бойцы слабели, неизвестно, как все могло обернуться. Вместо этого асир решил перехитрить варвара и встретить его мощным ударом справа. Однако Конан был начеку, он ждал этого шага и, не дав рыжебородому развернуться, ногой ударил его в бок. Пошатнувшись, тот начал терять равновесие, и киммериец нанес смертельный удар. Хруст кости не заглушили даже визгливые вопли амазонок.

— А-а-ах! — пронесся вздох наверху.

Все было кончено.

— Прости меня, асир. — Конан, опустившись на одно колено, посмотрел в тускнеющие глаза соперника. — Так решили боги. Выжить мог только один.

Рыжий не ответил. Его голова бессильно свалилась набок, из разmozженного черепа на траву струилась кровь.

Глава девятая

Амазонки на возвышении прыгали, кричали, как безумные, и правительница вопила едва ли не громче всех. Шума эти три-четыре десятка женщин производили не меньше, чем толпа из нескольких сотен человек, и варвар подумал, что они вряд ли избалованы зрелищами.

«Ненормальные, тьфу! — в который уже раз обозвал киммериец амазонок и еще больше проникся мыслью, что его задумка совершенно верна. — От такой идиотской жизни действительно завоешь, как волк, клянусь Кромом!»

Однако сейчас собственный завтрашний день волновал его гораздо больше, чем далекое светлое будущее этих бешеных баб. Конан только что избежал смерти, скорее, по воле богов, чем благодаря своему воинскому искусству: рыжий асир не уступал ему почти ни в чем и допустил только одну ошибку, которая оказалась для него роковой. Варвар стоял в центре арены, опираясь на свою дубину, и исподлобья наблюдал за бесновавшимися наверху женщинами.

— Хватит! — вдруг крикнула Энида. Ей, видимо, хотелось продолжить забаву. — Что будем делать с ним дальше? — обратилась она к Мэгенн.

Вероятно, колдунья была у нее главным советником во всех вопросах. Мэгенн махнула кому-то рукой, и несколько прислужниц принесли подносы с закуской и большие кувшины вина.

— Это ты здорово придумала! — Правительница схватила самую большую кружку.

Энида опрокинула в себя вино столь же лихо, как умел это делать какой-нибудь портовый грузчик в гавани Султанапура, и потребовала еще. Остальные женщины, стараясь не отстать от повелительницы, последовали ее примеру.

«Боги! — присвистнул про себя варвар. — Ну и здоровы они хлестать вино... А пьяная баба страшнее войны! Что же меня ждет, когда они совсем окосеют?»

— Ну, так что дальше? — невнятно, поскольку ее рот был забит лакомствами, спросила правительница у Мэгенн.

— Может быть, выпустим против него волчицу?

— Ха-ха! — залилась довольным смехом Энида, и остальные зрительницы подобострастно ей вторили. — Это будет забавно! А если он ее убьет?

— Не убьет, — заверила ее Мэгенн. — Мы оставим ему только дубину.

Конан, внимательно прислушивавшийся к тому, что происходило наверху, облегченно вздохнул. На него выпускают волчицу? Да он ее голыми руками придушит, даже если с него не снимут оковы. Как-то в ранней юности он победил целую стаю голодных волков... А шандаратские мастафы? Случалось ему вести бой и с этими тварями, собаками в два раза больше и мощнее серых хищников, и ничего, пока еще жив. Киммериец облегченно вздохнул, но продолжал стоять согнувшись, не подавая голоса, чтобы не раздражать своих мучительниц.

— Тогда освободите его от цепей! — крикнула правительница. — Иначе представление закончится слишком быстро.

Несколько стражниц выбежали из зарешеченных дверей и, приказав варвару лечь на спину, сняли с него цепи, на всякий случай уперев концы копий ему в грудь. Когда Конану разрешили встать, он поднялся и впервые за несколько дней смог выпрямиться во весь

рост. Киммериец с наслаждением потянулся всем телом, разминая застоявшиеся мышцы, а затем вышел на середину арены и равнодушным взором окинул возвышение, где находились амазонки. Его спокойствие было напускным: он прикидывал, сможет ли одним махом одолеть стену и очутиться на площадке. А там уж он всласть поработал бы дубиной!

«Эти курицы сейчас пропустят еще по кружечке, — размышлял варвар, — и вряд ли смогут сообразить, что к чему, когда я окажусь среди них. Охранницы стоят по бокам и не сумеют быстро пробраться к центру. Может, действительно стоит попробовать?»

Он сделал несколько небольших шагов по арене направо, налево, еще направо, с каждым движением незаметно приближаясь к возвышению. Но не он один был здесь трезвым. Мэгенн, бросив на киммерийца внимательный взгляд, сделала знак стражницам, и несколько женщин вышли чуть вперед и встали у самых перил.

«Осел! — выругал себя Конан. — Надо было сразу же, чего мешкал?»

— Где же волчица? — недовольным голосом спросила Энида, обращаясь к седой жрице.

— Сейчас, правительница, сейчас! — торопливо ответила Иподима и сказала что-то вполголоса одной из стражниц. Что именно, варвар разобрать не смог.

— Поскорей! — капризно тянула Энида. — И еще по кружечке всем.

Прислужницы вновь наполнили кружки, и веселье продолжилось. Варвар глядел на хмелевших женщин и прикидывал, как же выбраться из этого осиног гнезда. Его размышления прервал скрип открываемой решетки. Он обернулся, приготовившись отразить нападение серого хищника, и застыл, словно пораженный молнией. Перед ним стояла Акила! На арену выпустили женщину, которую он никогда и ни с кем не перепутал бы, потому что второй такой просто не было на свете. Вот кого эти пьяные бабы называли волчи-

цей! Свергнутая правительница, даже не взглянув на варвара, подошла к неподвижно лежавшему на земле рыжему асиру и, опустив голову, долго смотрела на него. Даже веселившиеся наверху амазонки, заметив ее застывший взгляд, прикованный к бездыханному телу, слегка поутихли. Акила подняла голову и, отыскав глазами Эниду, громко крикнула:

— Предательница! Мерзавка! Ты убила Этельвульфа!

— Ха-ха-ха! — состроила пьяную гримасу новая правительница. — Вот и не утадала, похотливая коза! Это не я, это он! — И Энида, приподнявшись с места, указала на киммерийца, но, пошатнувшись, вновь плюхнулась на скамью. — Дикарь, что с него возьмешь! Но ты можешь ему отомстить, подружка!

Амазонки, расценив пьяную речь правительницы как удачную шутку, снова залились смехом. Конан похолодел: он только сейчас понял, что в поединке убил возлюбленного Акилы.

— Акила! — воскликнул он, предостерегающе подняв руку. — Я не хотел, так получилось! Ты должна понять...

Глаза Акилы, обращенные к нему, полыхали бешеным огнем. В их блеске варвар ясно прочел: будь ее воля, она разорвала бы сейчас его на куски. Гнев и боль ослепили женщину, и она была готова броситься на Конана, не думая о последствиях. Амазонка походила на разъяренную пантеру, которая собралась в комок, готовясь к прыжку. Как и на киммерийце, на ней не было ни клочка одежды, и он не мог оторвать глаз от безупречного нагого тела своей бывшей возлюбленной. Прошедшие годы ничуть не изменили прекрасных линий ее груди и бедер, гордого поворота изящной головы на стройной и сильной шее, крепких мускулистых ног. Варвар в который уже раз подивился, что, несмотря на невероятно развитую мускулатуру, амазонка не выглядела мужеподобной. Он непроизвольно сглотнул слюну, зачарованный красотой этой

великолепной женщины, которую ярость, полыхавшая в светлых глазах, делала еще более прекрасной.

— Акила...— снова попытался обратиться к ней киммериец, но крик Мэгген прервал его:

— Ты можешь отомстить этому ублюдку! Убей его!

Прямо к ногам Акилы, сверкнув в лучах на мгновение выглянувшего солнца, упал брошенный сверху меч.

— Покажи нам, что ты еще не разучилась им пользоваться!

Амазонка на миг подняла глаза к площадке, где сидели зрительницы, и некоторые из них невольно отпрянули, испугавшись волны ненависти, исходившей от свергнутой правительницы.

— Что же ты медлишь? — подбодрила ее Энида. — Все в твоих руках, подруга! Ты можешь рассчитаться за гибель твоего асира. Действуй!

«Наверное, пришел мой смертный час, — мелькнуло в голове варвара. — Не могу же я, даже спасая свою жизнь, убить Акилу!»

Кроме того, он ничуть не сомневался, что рассчитывать на победу, выходя на бой с дубиной против меча, было бы безумием. Киммериец слишком хорошо помнил, как на его глазах Акила расправилась в Лонхе с Арпадом. А ведь тот отчаянный и многоопытный наглец отнюдь не был слабым или неумелым фехтовальщиком. Однако его не спасло ничто: ни стремительные выпады, ни уловки, на которые он был, по всей видимости, большим мастером. Акила располосовала его от бедра до плеча, словно свиную тушу. Теперь она, слегка пригнувшись, приготовилась уничтожить своего бывшего возлюбленного. Конан понял: что сейчас, когда гнев затуманил ее разум, Акила просто-напросто не услышит его, а значит, ему ничего не остается, как принять бой.

Женщина издала сдавленный крик и бросилась на киммерийца. Удар меча был стремительным и точным, но варвару удалось отбить его. На траву полете-

ли щепки от дубины, и амазонки встретили начало поединка одобрительными воплями. Акила чуть отступила назад, но тут же сделала выпад и нанесла горизонтальный удар. Киммериец ожидал этого, он отклонился назад, и лезвие широкого меча просвистело в волоске от его живота. Амазонка на миг потеряла равновесие, и Конан мог бы ударить ее дубиной, но не стал — он просто не смог! — делать этого и просто отскочил в сторону.

— Опомнись, Акила! — крикнул он, но женщина, издав яростный боевой клич, нанесла резкий удар мечом справа налево, стремясь достать противника.

Крики на площадке подсказали варвару: он получил первую рану. В пылу схватки он не почувствовал боли, царапина оказалась совсем небольшой, но на его бедре тем не менее выступила кровь, и зрительницы завопили пуще прежнего:

— Давай, Акила! Покажи этому грязному самцу, что такое настоящая амазонка!

Киммериец увернулся от следующего удара и понял: в пылу безумного гнева женщина не может вести схватку разумно. Ей надо было использовать верхний, острый конец меча, наносить уколы, от которых трудно защититься обломком дерева. Тогда Конану пришлось бы гораздо труднее. Но Акила, утратив обычное хладнокровие, старалась разрубить его на куски и сделать это как можно быстрее, поэтому у варвара, пожалуй, появлялась надежда уцелеть. К счастью, дубина оказалась крепкой, и удары меча, хоть и отбивали щепки, не могли ее перерубить. Пока киммериец довольно-таки успешно противостоял яростным атакам амазонки.

Она вновь сделала выпад, выписывая клинком замысловатые узоры, нанося удары справа налево и слева направо. Конан спасся только благодаря невероятному проворству, уклонившись от первого удара и вовремя подставив дубину, когда меч со свистом пронесся обратно. Затем он сделал резкий бросок вперед

и поймал запястье Акилы левой рукой, отбросив свое оружие. Она попыталась вывернуться, но варвар все же был сильнее. Женщина вцепилась свободной рукой в его локоть, и они застыли друг перед другом, глаза в глаза. Их тяжелое дыхание было слышно даже наверху. Зрительницы притихли, понимая, что сейчас решается исход схватки. Если киммерийцу не удастся вырвать меч из рук Акилы, то отступить он уже вряд ли сможет и погибнет.

Амазонка, зарывчав, словно львица, попыталась коленом ударить варвара, но он подставил ногу и тут же сделал резкий рывок вниз, увлекая за собой женщину. Он упал на спину, и клинок пронесся в пальце от его лба. Хватка противницы чуть ослабла. Конан крутанул ее запястье, и Акила выпустила эфес. Тут же киммериец резко дернулся в сторону и, перевернувшись, подмял амазонку под себя. Их тела сплелись, но не в страстном любовном объятии, а в смертельной схватке двух хищников, в которой варвар оказался чуть сильнее.

— Акила! — успел выдохнуть он, но тут же получил удар по затылку от одной из выбежавших на арену стражниц и потерял сознание.

Энида не хотела, чтобы в этом поединке выжил киммериец. Акила была нужна для церемониального жертвоприношения в день коронации, поэтому правительница, увидев, что Конан побеждает, подала знак прекратить схватку. Варвар, конечно, не собирался убивать свою бывшую возлюбленную, но Энида этого не знала.

— Уберите их! — крикнула Мэгенн.

Акилу с трудом одолели полдюжины стражниц, но она, уже схваченная десятком рук, все порывалась в ярости броситься на Конана, который, очнувшись, приподнялся и с трудом сел. В голове гудело, и он словно издали слышал команду колдуньи:

— Киммерийца в цепи и обратно в камеру. Представление окончено!

Глава первая

Гвардейцы Эниды, ее отборные и преданнейшие отряды, расположившиеся лагерем около Ульменского храма, конечно, не присутствовали на гладиаторских поединках, но зато прочесали все окрестности леса, о которых упомянул в беспамятстве Конан. Однако нашли они только следы стоянки нескольких сотен человек и больше ничего: опытная Паина отвела войска от Ульменского озера. На следующий же день, когда киммериец не вернулся из похода в крепость, амазонка выставила дозоры значительно дальше от лагеря, чем обычно, и разведчицы обнаружили, что к храму движется большое войско. Тогда Паина, собрав своих командиров и пригласив предводителя гирканцев Тайрада, предложила спешно сняться с места, чтобы не рисковать последними верными Акиле войсками. Так и решили. К вечеру от отряда остались только следы, которые и обнаружили посланные Мэгенн амазонки.

— Скорее всего, киммериец попался в лапы к Эниде, — объявила Паина, когда на новом месте собрала совет командиров. — Вытащить его и Акилу из крепости мы не сможем, поэтому будем следить за дорогами: рано или поздно их повезут в столицу.

— Да, — вздохнул Тайрад, — наверное, ты права. Нет ли у кого-нибудь из твоих женщин верных лю-

дей в храме? Может быть, они смогут нам рассказать что-нибудь полезное.

— Есть, — ответила Паина. — Несколько наших девушек воспитывались в Ульмене, и наверняка у них остались там подруги.

Вызвали Майке и отправили ее и еще одну женщину на разведку. Через день они вернулись и рассказали про поединок варвара с Этельвульфом и Акилой.

— Вот до чего доводит блуд! — в сердцах воскликнула Паина, выслушав шпионов. — Что Конан ухлопал рыжего, горевать особенно не приходится, они друг друга стоили. Мне все равно, кто из них остался в живых. В конце концов, это дело богов. Но от руки варвара вполне могла пасть и наша правительница. Расскажите в отряде о происшедшем. Пусть все знают, что влечет за собой нарушение наших обычаев. В последнее время мне кажется, что у вас установились слишком хорошие отношения с этими гирканцами.

Женщины побледнели, но, взяв себя в руки, приняли наперекор уверять Паину в своем пренебрежительном отношении к самцам.

— Идите, — махнув рукой, отослала их Паина. — Но смотрите у меня!

Ее подчиненные вышли, а женщина надолго задумалась. Даже если ей не показалось и в отряде на самом деле что-то происходит, она не может ничего изменить. Не то время! Не пошлешь ведь всех девушек в храм, чтобы их наказали! Кто тогда будет спасать плененную Акилу? Она одна? Верная подруга правительницы горестно вздохнула и бессильно уронила руки. Каждый человек на счету, сейчас не до того, чтобы выискивать смутьянок.

«Когда победим, всех отступниц, если они действительно есть, примерно покараем, — успокоила она себя. — Сейчас надо думать, как спасти Акилу, да и этого киммерийца в придачу. Такой воин нам бы сейчас очень пригодился».

* * *

А Конан в это время трусил мелкой рысцой за лошадью, привязанный длинной веревкой за скованные запястья к луке седла. Обычно амазонки пользовались попонами, которые набрасывали на спину коней, и лишь немногие всадницы сидели в седлах. Кроме варвара и Акилы в столицу амазонок Барун-Урт везли еще нескольких пленников: двоих мужчин, которые, по всей видимости, выполнили свое предназначение в Зале Таинства, а стало быть, более не имело смысла сохранять им жизнь, и трех амазонок, наверное в чем-то сильно провинившихся. Никаких иллюзий насчет того, зачем их отправляют в столицу вместе с войском и кортежем Эниды, пленники не питали: перед отходом из Ульменской крепости одна из охранниц торжественно объявила, что всех их принесут в жертву в честь коронации новой правительницы.

Несколько сот всадников вытянулись в длинную цепь. Когда проезжали через лес, колонна сжалась в тесный строй: командиры опасались нападения отряда Паины. Однако все прошло благополучно и, выехав на открытое место в долину, войско растянулось вновь. Акила бежала рядом с варваром, на одного всадника впереди него. Киммериец не понимал, почему их разместили так близко друг от друга. Наверное, это была идея Эниды или Мэгенн: пусть варвар всю дорогу видит перед собой обнаженное тело своей бывшей возлюбленной, может быть, это причинит ему новые страдания. На привалах всех пленников размещали врозь, чтобы они не смогли сговориться о побеге. Конан ни на миг не оставлял мысли о бегстве, но амазонки не спускали с него глаз и не позволяли себе расслабиться. Киммериец несколько приуныл, но все же надеялся, что Тайрад со своими гирканцами придумают, как вызволить его из плена. В пути он перекидывался шуточками с конвоирами и несколько раз пытался обратиться

к Акиле, чья спина мелькала в двух десятках шагов от него, но правительница не отзывалась, словно не слышала его слов.

«Не пойму я эту женщину,— недоумевал варвар.— Неужели она совершенно забыла то, что было между нами? Или она так любила своего Этельвульфа? Странно, раньше я об этом не догадывался... Неужели,— не мог взять в толк киммериец,— со мной ей было хуже?»

Конана захватило чувство, весьма похожее на ревность. Варвар не привык уступать кому бы то ни было.

«Акила всегда была немного странной,— возвращался он к своим невеселым размышлениям.— Или я плохо ее знал. Все-таки амазонки сильно отличаются от обычных женщин. Правда,— вспомнил киммериец фразу одной портовой шлюхи,— сколько ни моргай, от бабьего тела не избавишься, будь ты правительница или последняя прачка».

За раздумьями варвар не заметил, как они въехали в большое селение, и очнулся, лишь когда услышал вопли и улюлюканье амазонок, которые толпами высыпали приветствовать правительницу и поглазеть на пленников, плетущихся на привязи. Некоторые из них узнали варвара, и он несколько раз слышал, как кто-то выкрикнул его имя.

«Нергал им в печень! — выругался про себя киммериец.— Собрались, словно на зверинец поглазеть! Им повезло,— горько усмехнулся он,— я ведь как-никак большая знаменитость, редкий зверь в этих краях...»

Одно лицо в толпе показалось ему знакомым, он пригляделся внимательнее. Точно! Это зеленоглазая девчонка, которую он хотел отхлестать плетью, то есть, разумеется, делал вид, что хотел. Значит, про него не забыли и соглядатаи Паины следят за передвижением войска новой правительницы! Девушка незаметно для других улыбнулась ему.

«Молодец Тайрад! — возликовал в душе Конан.— Я в нем не ошибся! Число обращенных в мою веру растет, гирканцы, похоже, старались от души, клянусь хитроумным Белом!»

Варвар, несомненно, был прав, ведь именно ему пришла в голову мысль превратить суровых амазонок в нормальных женщин.

«Только плата за доброе дело может оказаться слишком высокой,— нахмурился киммериец.— Отрежут голову тупым ножом — и нет пророка!»

И все-таки его настроение значительно улучшилось: если о нем не забыли, то, вполне вероятно, он вскоре обретет свободу. Варвару в жизни приходилось побывать и не в таких передрыгах, но сейчас он чувствовал себя так, словно попал в мельничное колесо и выбраться из лопастей никак не может... Уж больно все хорошо продумано у этих амазонок!

«Да,— подытожил он,— женщины они аккуратные и исполнительные, этого у них не отнять».

Отряд проехал селение, и через некоторое время Конан услышал, что к мерному топоту конских копыт прибавился еще какой-то посторонний шум. Обернувшись на мгновение, он увидел приближавшуюся на белом коне Эниду. Правительницу сопровождала свита, остальные воительницы приветствовали ее радостными криками. Она проскакала мимо, даже не удостоив киммерийца взглядом, но около Акилы придержала скакуна.

— Ну как, все еще не жалеешь о том, что сделала? — чуть наклонившись, чтобы видеть лицо пленницы, спросила Энида.

Видимо, дорога наскучила новой правительнице, и ей захотелось развлечься, поиздевавшись над побежденной соперницей.

— Подлая тварь! — ни мгновения не задумываясь, ответила Акила.— Тебе этого все равно не понять.

— Как ты смеешь дерзить правительнице! — Одна из приближенных Эниды взмахнула плетью, чтобы ударить беззащитную жертву.

— Не надо, — остановила ее Энида. — А ты, презренная блудница, еще пожалеешь о том, что натворила!

— А не пойти ли тебе к... — просто ответила Акила. — Ты гнусная предательница и просто подстерегла момент, чтобы занять трон, а больше тебе ничего не нужно. Только будь уверена: долго ты на нем не продержишься!

— Я охраняю заветы наших предков! — взвизгнула Энида. — Ты и тебе подобные оскверняют наши обычаи, и кто-то должен заступиться...

Акила резко остановилась — так, что конь, к которому были привязаны веревки, стягивавшие ее запястья, взвился на дыбы. Киммериец еще раз отметил про себя, насколько прекрасны линии ее сильного, мускулистого, но женственного тела.

— Да на тебя настоящий мужчина и взглянуть не захочет, пиявка! — Амазонка обернулась к Эниде и плюнула ей в лицо.

Правительница отшатнулась, ее конь рванулся, и она чуть не вылетела из седла. На нее тут же налетела замешкавшаяся всадница из свиты. Некоторое время перед варваром кружился хоровод, раздавались сердитые выкрики.

«Ругаются, как шадизарские фонарщики, клянусь хвостом Нергала, — хохотнул Конан. — Сейчас хорошо бы смыться, — подумал он, пытаясь ослабить оковы, но у него ничего не вышло: амазонки, как он справедливо заметил, были весьма аккуратными женщинами. — Ну что ж, — решил киммериец, когда понял, что все попытки тщетны, — значит, боги пока не вспомнили обо мне. Жаль Акилу, я ведь еще в прошлый раз твердил ей, что надо как-то менять их жизнь. Послушала бы меня тогда, сейчас не плелась бы за конским хвостом, а сидела бы на троне. Да и мне было бы гораздо лучше...»

Между тем суматоха улеглась, запутавшуюся упряжь расцепили. Энида, багровая от ярости, не могла оставить последнее слово за плененной, но все еще невероятно сильной соперницей:

— А кто захочет теперь посмотреть на тебя? Твой дружок сейчас гуляет по Серым Равнинам, шлюха!

— Боги накажут тебя за это, мерзавка, — убежденно сказала Акила. — Ты сдохнешь, захлебнувшись пьяной блевотиной! Мой любимый мертв, но ты, кажется, забыла, что его сын на воле. Его рука настигнет тебя, шелудивая сука!

«Здорово она ей выдала! — подивился киммериец. — Узнаю прежнюю Акилу!»

Эниду от последних слов передернуло, и правительница испуганно взглянула на Акилу, будто она, а не эта женщина была закована в кандалы и шла пешком в дорожной пыли нагая, словно последняя рабыня.

— Как ты смеешь! — Плеть одной из амазонок вновь взметнулась вверх, но Энида перехватила руку охранницы.

— Не стоит портить ей шкуру! — прошипела правительница. — Она нам еще пригодится...

Стегнув коня, она поскакала вперед, за ней устремилась свита. Отряд двинулся дальше. Конан, однако, успел поймать взгляд новоиспеченной правительницы и весело ей подмигнул.

— Энида, — усмехаясь, крикнул он, — может быть, Акила и не права. Я могу тобой воспользоваться, а уж я-то, можешь не сомневаться, настоящий мужчина. Как, не желаешь попробовать?

— Ах ты дрянй!.. — завизжала Энида, и несколько плетей одновременно опустились на варвара.

Тот втянул голову в плечи и только громко смеялся, уворачиваясь от ударов.

— Тебе, наверное, достался хилый мужичок в Зале Таинства, — съязвил киммериец напоследок, —

вот ты теперь и злишься, завидуешь тем, кому повезло больше!

Получив последний удар, он торжествующе захохотал, обернувшись к правительнице. Она втянула голову в плечи, и варвару показалось, что в ее глазах мелькнул страх.

«Надо же, а ведь она действительно чего-то боится, — подумал Конан. — Кого? Не меня же... Жриц? А может быть, Мэгенн? Но почему?»

Ответов на эти вопросы у него пока не было.

Глава вторая

Киммериец не ошибся: девушка, которую он видел в толпе, была Ингер. Паина со своим отрядом пробиралась по лесным тропам вслед за войском Эниды и посылала шпионок во все селения. У ее девушек повсюду были подруги, и необходимые сведения они добывали легко. Сколько ни уговаривали Паину Тайрад и даже некоторые ее командиры напасть на превосходящие силы правительницы, чтобы отбить пленников, она не решалась: коварная самозванка могла убить Акилу.

— Нет! — коротко отвечала Паина каждый раз, когда возникал этот вопрос. — Мы можем потерять весь отряд и погубить правительницу. Подождем до Барун-Урта, там нам будет проще освободить Акилу.

— Почему проще? — недоумевал Тайрад. — Мы не сможем даже войти в город. Ты хоть это понимаешь?

— Предоставь это мне, — отрезала амазонка. — В конце концов, ты мой наемник, а спорить со мной, будто командир отряда.

— А если Конана убьют по дороге?

— И пес с ним, — хмуро ответила Паина. — Меня прежде всего волнует моя повелительница, а не твой приятель. Если хочешь, попробуй отбить его сам. Я рисковать не желаю.

Тайрад мрачно ковырял носком сапога землю, понимая, что одних гирканцев для такого дела явно недостаточно.

— То-то,— закончила разговор предводительница амазонок.— Если не будешь лезть вперед, может быть, и твой варвар уцелеет. Они ничего с ним не сделают, пока не придут в столицу. Мэгенн приберегает их для торжественного жертвоприношения.

— Мэгенн? — удивился Тайрад.— Я думал, что правительница сейчас эта, как ее?... Энида,— вспомнил он.

— Много ты понимаешь,— усмехнулась Паина.— Новая правительница полностью в руках колдуньи. Сама Энида не способна ни на что, кроме как смотреть в чашу с вином. Если бы не Мэгенн, она не выходила бы из запоев и, думаю, давно бы сдохла. А у этой колдуньи есть какое-то снадобье, которое приводит правительницу в чувство, и после него Энида день или два не притрагивается к вину.

— Да... — протянул гирканец.— Хороша властительница. Даже у нас в орде такого не бывает, хоть порядки и дикие. Клянусь Предвечерним Небом, никогда бы не подумал...

— Не тебе судить! — вскипела амазонка.— Наши порядки ничем не хуже любых других. Мы следуем им много веков и менять не собираемся, даже если каким-то гирканцам они пришлись не по вкусу.

— Ладно,— примирительно сказал Тайрад,— не сердись. Пусть будет по-твоему, я согласен подождать.

Он пошел к своим, сокрушаясь, что ничем не может помочь варвару.

«Что делать? — подавленно думал гирканец.— Придется следовать указаниям Паины, другого выхода нет».

В нелегком походе, однако, были и приятные мгновения. Подозрения Паины были совсем не беспочвенны: почти все женщины из ее войска с нетерпением

ожидали сумерек, когда отряд останавливался на ночлег, чтобы вновь встретиться со своими мужчинами из отряда гирканцев. Замысел Конана претворялся в жизнь, да с таким успехом, о котором и мечтать не мог его создатель. Мужчин было меньше, чем женщин, желающих — и желающих страстно! — испытать радости любви, но выручала присущая амазонкам воспитанная с детства дисциплина: женщины сами установили между собой очередь и строго ее придерживались, чтобы никто не оставался в обиде. Тайраду оставалось только следить, чтобы эта сладостная обязанность не слишком истощила силы его воинов. Он ограничил время свиданий половиной ночи и строго следил за соблюдением этого правила, потому что, если бы его гирканцам дали волю, они начали бы падать с седел во время дневного перехода. Привычка повиноваться была впитана с молоком матери и у гирканцев, так что любовники без особого сожаления внимали голосу разума. Давно не видевшие женщин молодые воины и впервые познавшие сладость взаимного чувства амазонки были и так счастливы. Они прекрасно подходили друг другу во всех отношениях. Киммериец со своим варварским умом попал в самую точку, лучшего не мог придумать даже просвещенный мудрец!

* * *

Однако самому Конану приходилось не сладко: в столице амазонок Барун-Урте, куда наконец добралось войско Эниды, его бросили в подземелье царского дворца. Он по привычке простучал все стены, подергал решетки узилища и понял, что оно построено на совесть. Сбежать отсюда не мог никто. Угрюмо уставившись в добротную каменную кладку камеры, варвар уселся на соломенную подстилку и ждал. Что еще оставалось делать? Только надеяться на товарищей, которые не оставят его в беде.

«Сколько раз я попадал в такие переделки за свою жизнь? — задумался киммериец.— Так... Халоба... В

Шадизаре три, нет, четыре раза... Потом в Арэнджуне... — Очень скоро Конан сбился со счета. — Что вспоминать прошлое, лучше подумать, как ускользнуть и на сей раз, чтобы эта тюрьма не оказалась последней... — мрачно пошутил варвар. — Не исключено, что мою голову собираются разлучить с туловищем, а меня это совершенно не устраивает. Кстати, а почему это не несут поесть?»

Он принялся дубасить кулаками в железную дверь. Грохот раздался по всему подземелью и вскоре вернулся испуганным эхом.

— Чего тебе надо? — В двери отворилось маленькое окошечко.

— Вы что, собираетесь уморить меня голодом? — гаркнул киммериец.

— Совсе нет! — лениво отозвалась стражница, лица которой Конан не видел. — Тебя ждет совсем другая участь. Зачем кормить, если скоро тебе перережут глотку? Только добро зря переводить. — Окошечко захлопнулось.

Варвар еще немного поколотил по двери — так, на всякий случай, но больше никто не отозвался. Он вновь присел на солому, хлебнул воды из щербатого кувшина и задумался. Ничего умного в голову не приходило. Конан сжал кулаки.

— Ну нет! Я еще жив, клянусь Кромом! Кое-кто из вас обломает об меня зубки, проклятушие бабы!

Он потряс кулаками, словно напоминая богам о своем существовании, хотя отлично знал, что вряд ли Кром вступится за него: мрачный повелитель Могильных Курганов никогда не обращал внимания на тех, кому дал жизнь.

Снова послышались шаги, распахнулась дверь и в камеру вошли стражницы с обнаженными мечами. Киммериец прикинул, сумеет ли что-нибудь сделать, но острия сразу трех клинков уперлись ему в грудь:

— Не вздумай дергаться! Надень вот это.

Ему бросили какую-то оранжевую тряпку, и варвар, поминая Нергала и удивляясь, к чему бы это, напялил на себя одеяние, оказавшееся длинным балахоном с широким вырезом на шее.

— Пошли!

Подталкиваемый мечами и остриями алебард, киммериец проследовал со своими тюремщицами по коридорам подземелья к выходу. Его провели по мощенному каменными плитами двору, и Конан услышал рокот множества голосов, раздававшихся из-за бревенчатой изгороди, которая отделяла дворец от города. Когда его вывели на площадь, толпа, окружившая ее полукольцом, взорвалась криками. Впереди варвар увидел возвышение, еще более высокое, чем в Ульменском храме. Там среди множества разодетых в яркие одежды женщин киммериец разглядел Эниду, лицо которой опухло от пьянства. Рядом с ней находилась Мэгенн — губы колдуньи змеились в зловещей усмешке. Она, склонив голову, что-то говорила на ухо правительнице, и Энида тупо кивала в такт ее словам. Увидев варвара, амазонки оживились и, показывая на него, заговорили более оживленно, однако из-за шума толпы он не мог разобрать ни слова. Площадь была украшена множеством флагов, гирлянд из можжевельных веток, а все амазонки, собравшиеся здесь, сменили по случаю праздника обычные кожаные штаны и рубахи на яркие одеяния. В глазах рябило от радужного многоцветья. Женщины напомнили Конану стаю южных птиц в пестром оперении, которых он видел когда-то в Стигии.

Варвара, однако, не волновало, как похорошели вонительницы. В другое время он, пожалуй, отметил бы, что короткие просторные туники с глубокими разрезами по бокам, сквозь которые проглядывало упругое загорелое тело, делали женщин привлекательными и желанными, но сейчас его больше заботила собственная судьба. Киммериец быстро окинул взгля-

дом толпу, надеясь отыскать в ней знакомые лица, но никого из отряда Паины не обнаружил. Попадались амазонки, которых он явно видел не впервые, но Конан сообразил, что, вероятно, встречался с ними несколько лет назад, когда вместе с Акилой участвовал в борьбе против ее сестры Бризеис. Киммериец невольно подумал, что на сей раз может и не выкрутиться.

Ему вновь пришлось повиноваться: в грудь и спину уперлись острия нескольких алебард и копий. Зная нрав и способности варвара, Энида приказала ни на мгновение не спускать с него глаз. Конана подвели к сооружению из коротких бревен, похожему на низкую коновязь, и приказали встать на колени, сопровождая команды уколами копий. Руки киммерийца привязали к верхнему бревну так, что голова оказалась на плоской деревянной площадке неприятного бурого цвета.

«Засохшая кровь... — По спине варвара пробежал холодок. — Неужели это конец?»

Конан был мужественным человеком и не боялся смерти, но погибнуть вот так, не в поединке с врагом или в схватке с гигантским монстром, а как баран, зарезанный на скотном дворе?! Неужели помощь не подоспеет, и он бесславно умрет под топором амазонки, ставшей палачом, вместо того чтобы, как положено женщине, растить и воспитывать детей? Киммериец глухо зарычал и, напрягая все силы, попытался разорвать ремни, притянувшие его руки к перекладине. Тщетно! Крики толпы усилились, слышались улюлюканье и свист. Варвар с усилием повернул голову вправо и увидел еще пятерых мужчин, стоявших на коленях и привязанных так же, как и он сам. Тогда он посмотрел в другую сторону: в пяти шагах от него стражницы привязывали Акилу, одетую в оранжевый балахон.

— Ну вот, Акила! — забыв на миг о своем отчаянном положении, не удержался варвар. — Я же говорил, что ваши идиотские порядки надо менять. Послушайся ты тогда моего совета...

Амазонка ничего не ответила и отвернулась от киммерийца. Наверное, она так и не смогла простить ему смерть возлюбленного.

— Хотя сейчас, когда, может быть, мы одной ногой ступили на Серые Равнины, — продолжал Конан, — взгляни на меня! Поверь, я не хотел смерти рыжего асира. Один из нас должен был умереть. Понимаю, ты бы предпочла, чтобы это был я...

Акила по-прежнему молчала.

— Я тебе все прощаю! — великодушно воскликнул варвар. — Но неужели ты не помнишь, что когда-то мы с тобой были друзьями, да и не только. Ведь мы хорошо проводили время, признайся, Акила?

Ответа не последовало. Неожиданно взвыли трубы. Они звенели так громко, что киммериец удивился, откуда у амазонок столько инструментов и трубачей. Что-то в прежние годы он не помнил, чтобы обряды суровых воительниц сопровождала такая какофония. Конан не мог видеть, что происходит сзади, но женщины на возвышении замерли: похоже, приближался какой-то торжественный момент. Конан не ошибся. Ворота дворца распахнулись, и через расступившийся строй вооруженных амазонок прямо на него двинулась колонна женщин, одетых в кроваво-красные туники. Возглавляла процессию седая амазонка, которую он уже видел в крепости Ульмен.

Колонна разделилась. Часть женщин направилась к приговоренным, а Иподима и еще две амазонки подошли к возвышению, на котором сидела правительница. Приготовленные к жертвоприношению располагались полукругом, и киммерийцу было хорошо видно, что по четыре женщины в красном встали возле каждого из них. Перед собой он тоже видел двух амазонок, значит, за спиной стояли еще двое. Трубы снова надсадно взвыли, и седая жрица согнулась в низком поклоне. Энида поднялась на ноги — было заметно, что это ей удалось не без труда, — взмах-

нула рукой, и на площади воцарилась тишина. Безмолвие длилось долго, казалось, ему не будет конца. Варвар чувствовал, как толчками пульсирует в жилах кровь. Надежды на спасение у него не осталось.

Правительница плюхнулась обратно в кресло, площадь вновь огласилась торжествующими воплями. Седая жрица направилась к осужденному на казнь, привязанному с краю. Одна из сопровождавших протянула ей поднос, сверкнувший на солнце, Иподима, взяв с него кривой огромный нож, больше похожий на серп, остановилась перед несчастным, которому выпала честь открыть список жертв. Конан видел, как приговоренный забился, стараясь вырваться из пут, но седая амазонка ловким заученным движением запрокинула его голову и уверенно полоснула ножом по горлу. Кровь фонтаном брызнула из рассеченной шеи, толпа амазонок взревела от восторга. Третья женщина тут же поднесла к страшной ране чашу.

Толпа ревела. Женщина, выждав, пока чаша наполнится доверху, передала ее жрице. Иподима взяла чашу и подбросила ее вверх. Кровь разлетелась во все стороны багровыми каплями, вызывая восторг бушующей толпы, а амазонки направились к следующей жертве. Конан, не в силах оторвать глаз от кошмарного зрелища, даже сейчас не смог не удивиться звериной жестокости амазонок.

«Нергал мне в кишки, эти бабы хуже волков! Тьфу!»

Процессия мало-помалу приближалась к нему: серп, чаша, следующая голова, брызги крови, серп, чаша... Когда Иподима ловко расправилась с очередной жертвой, привязанной рядом с Конаном, он понял, что очередь — за ним. Крики беснующейся толпы показались ему особенно громкими.

«Видно, я здесь в большом почете», — пронеслось в голове варвара. Однако он ошибся.

Крики внезапно перешли в вопли ужаса, слышался топот множества ног, амазонки, стоявшие ря-

дом с киммерийцем, вздрогнули, и по их напряженным взглядам он понял, что на площади происходит что-то необычное. Конан не мог видеть, что случилось, но вдруг услышал тонкий свист. Он взглянул на возвышение, где сидела правительница со свитой, и увидел только выставленные вперед щиты, в которые на его глазах вонзались острые иглы. Стрелы! Конечно же! Гирканцы! Только они могли так стрелять. Варвар почувствовал, как его ногу придавило чье-то тело, и тут же прямо перед ним упала еще одна амазонка. Покосившись вправо, киммериец увидел, как толпа зрителей, теснимая непрерывно стреляющими из луков всадниками, прижала к ограде дворца вооруженную стражу, и амазонки не могут даже воспользоваться оружием, чтобы отразить нападение.

— Вот он! — услышал варвар знакомый голос, и тут же два удара ножа освободили его от пут.

Конан вскочил на ноги.

— Тайрад! — радостно завопил он. — Я знал, что ты успеешь!

— Я у тебя в долгу, — коротко бросил гирканец. — Держи!

Он протянул варвару длинный узкий меч. Конан схватил оружие и быстро окинул взглядом площадь. Наверху, где сидела знать во главе с правительницей, видимо, уже поняли, что с нападавшими не справиться, и амазонки, прикрываясь щитами, торопливо покидали возвышение. Стража, смешавшись с толпой, которая все напирала и напирала на нее под градом стрел, была бессильна что-нибудь предпринять. Вся правая часть площади опустела, если не считать десятка всадников, которые беспрерывно стреляли из луков, сдерживая толпу. Киммериец услышал отчаянный звонкий крик:

— Мать! Я здесь!

Кричал высокий молодой мужчина, который показался варвару похожим на рыжего асира, убитого на арене. Юноша спрыгнул с коня и ножом перерезал

ремни, привязывавшие к перекладине руки правительницы.

— Вульф! — воскликнула амазонка, обнимая юношу.

«Это сын Акилы и Этельвульфа, — понял Конан. — От хороших родителей — хорошие дети... Ну и вымахал парень! Совсем скоро из него получится добрый воин».

— Быстрее! — услышал он голос гирканца. — Надо сматываться, пока они не подозвали подмогу.

Варвар вскочил на подведенного к нему коня и вдруг краем глаза заметил, как сверху одна из амазонок отводит руку, собираясь метнуть дротик.

— Акила! — отчаянно крикнул он, бросаясь к ней.

Услышав его вопль, амазонка вздрогнула, но не успела увернуться от пущенного сильной рукой дротика. Киммериец почти достал рукой его древко, но наконечник глубоко вонзился в грудь Акилы, прямо под левой ключицей.

— Мать! — в ужасе воскликнул Вульф, который уже держал под уздцы коня, приготовленного для Акилы.

Конан подхватил на руки падающее тело своей бывшей возлюбленной. Она, вздохнув, посмотрела на него, но в глазах ее уже не было жизни.

— Нет! — закричал варвар. — Акила, не умирай! Ты не можешь умереть!

Он вскочил на коня, подхватил амазонку и помчался вслед за гирканцами, которые по команде Тайрада отходили с площади. Кавалькада стремительно пронеслась по пустынным улицам. Все жители собрались на праздник на центральной площади, и лишь в некоторых местах киммериец насчитал примерно два десятка трупов, лежавших на мостовой. У одного из домов по команде Шахаба все спешили.

— Дышит? — спросил гирканец.

Конан приложил ухо к груди Акилы, но не услышал биения сердца.

— Нет, — коротко бросил он. — Но мы должны забрать с собой ее тело. Не оставлять же его этим сукам!

Подскакали Вульф с Тайрадом и еще трое гирканцев.

— Все целы?

— Вроде все, — ответил Шахаб.

— Снимайте упряжь. Где Дейдра?

— Сейчас...

Полусотник коротко свистнул, и из ворот вышла статная амазонка лет тридцати с длинными светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Конан лишился дара речи: до чего хороша! Женщина бросила на него быстрый взгляд, но тут же отвернулась и подошла к коням.

— Давайте все во двор, живо! — скомандовал Тайрад.

Всадники быстро спешили и, сняв с коней седла, протиснулись в узкую калитку, а затем побежали к сараю в дальнем углу двора. Конан, держа на руках Акилу, поспешил за ними, краем глаза успев увидеть, как женщина, которую называли Дейдрой, делает странные движения руками перед двумя десятками коней, оставленных гирканцами.

«Никак опять колдунья?»

Киммериец задержался на мгновение. Кони, взвившись на дыбы, бросились обратно к площади, откуда уже слышались крики погони.

— Что ты застыл, как изваяние? Пошли! — Дейдра схватила варвара под локоть. — Никто не должен заметить, куда мы исчезли.

Киммериец последовал за ней. В сарае их ждал только Шахаб.

— Спускайтесь, — показал он рукой на люк в полу. — Конан, там внизу двое с носилками. Положи на них Акилу.

Варвар, согнувшись и бережно придерживая тело Акилы, спустился по ступенькам вниз. При тус-

клом свете факелов он разглядел обширное подземелье, где стояли пятеро гирканцев и Вульф. Юноша бросился к матери, которую осторожно уложили на носилки, будто она могла еще что-то чувствовать.

— Разделяю твое горе, мальчик,— положил руку на плечо Вульфа киммериец.— Жизнью человека распоряжаются боги...

Последним по лестнице кубарем слетел полусотник.

— Все в порядке,— доложил он Тайраду.— Копну сена сверху я задвинул на место.

— Ну вот,— удовлетворенно вздохнул предводитель гирканцев.— Пусть теперь попробуют нас найти. Пошли!

— Куда? — удивленно спросил варвар.

— Этот подземный ход ведет в пещеру, которая находится далеко от города,— объяснил Тайрад.— Сейчас обрушим лаз, и никто не догадается, что мы ушли этим путем. Пусть ищут по дорогам или переворачивают весь город!

Глава третья

Увидев бездыханное тело Акилы, Паина бросилась на него и горько зарыдала. Варвар был изумлен: он не мог даже предположить, что эта суровая женщина способна так страдать из-за гибели своей госпожи и подруги. Киммериец и раньше не сомневался в ее преданности Акиле и видел готовность вцепиться в глотку каждому, кто может представлять опасность для правительницы, но не мог и представить, насколько сильны ее чувства.

«Впрочем, в этом, наверное, нет ничего удивительного,— подумал варвар.— Суровые обычаи делают жизнь этих несчастных женщин ущербной. Что было в жизни Паины, кроме преданности своей правительнице? Да ничего...»

Амазонка сама приготовила тело Акилы к погребению, убрав его венками и гирляндами цветов. После похорон Паина, Конан, Тайрад, Вульф и Дейдра собрались, чтобы решить, как действовать дальше.

— Как вам удалось найти подземный ход? — любопытствовал варвар.

— Он существует давно, чуть ли не сотню лет,— ответила Паина.— Мужчин, которые создали его, как ты понимаешь, казнили. В царской семье передавали сведения о подземном ходе из поколения в поколение. В последние годы о нем знали совсем немногие, а с недавних пор — только я и Акила...—

Амазонка запнулась. Видно было, что она едва сдерживала слезы. — Даже шпионы из тайной службы о нем не догадывались. Энида и Мэгени — тоже. Может быть, он нам еще пригодится.

— Что ты собираешься делать? — спросил Тайрад.

— Не знаю... — Паина посмотрела на него пустыми глазами. — К чему теперь все? Акила мертва, и для меня борьба с Энидой потеряла всякий смысл.

— Я отомщу этой гадине за смерть матери, — упорно сдвинул брови Вульф, — чего бы мне это ни стоило.

— Паина, — мягко вступила в разговор Дейдра, — ты же видишь, какова новая правительница. Жалкая игрушка в руках Мэгени. А уж эту тварь я хорошо знаю. Она очень опасна!

— Она, разумеется, редкостная мерзавка, — сухо отозвалась амазонка. — Ну и что? Теперь это касается только Эниды...

— Никому неизвестно, что у нее на уме, — покачала головой Дейдра. — А если Мэгени пожелает и всех нас сделать такими же куклами для своей потехи, в какую она превратила Эниду? Не знаю, как тебе, а мне бы этого не хотелось. Пока у нас есть хоть какая-то надежда победить, пока мы можем воспользоваться помощью гирканцев и Конана, — женщина бросила быстрый взгляд на варвара, но тут же опустила глаза, — пока...

— Что «пока»? — передразнила ее Паина. — У нас все равно в двадцать... Нет, — поправились она, — в сорок раз меньше людей, чем у правительницы. И ты надеешься победить?

— Что-то я раньше не замечал за тобой трусости, — язвительно заметил Конан.

— И не заметишь, — вспыхнула амазонка. — Я только говорю, что борьба будет нелегкой.

— Конечно, — вставил слово Тайрад, — но вспомни, как три десятка наших людей сумели противостоять толпе из двух тысяч амазонок.

— Сказал тоже, — фыркнула Паина. — Они были без оружия!

— Почти все женщины — да, — согласился Тайрад, — но стражниц там было не менее трех сотен, да на улице мы убили еще около двух десятков.

— Вы напали неожиданно, — не сдавалась амазонка. — Конечно, гирканцы прекрасно подготовлены и смогли кое-чему научить моих женщин, но все равно нас очень мало, чтобы всерьез рассчитывать на победу.

— Что же тогда делать? — В голосе Тайрада звучала растерянность. Он вовсе не хотел прекращать борьбу против самозванки: новые отношения с амазонками пришлись гирканцам по вкусу, и они не собирались покидать эту страну. — Мы... — Он замолчал и вопросительно взглянул на варвара.

— Я заплачу твоим людям, — по-своему поняла его Паина. — Не беспокойся, получите все, как договорились.

— Мы не сомневались в этом, — усмехнулся киммериец. — Но Дейдра права. — Он посмотрел долгим взглядом на молодую женщину, отчего та слегка смутилась и снова потупила взор. — Если не скинуть эту вечно пьяную бабу с трона, никто не поручится, что все амазонки очень скоро с легкой руки колдуньи не превратятся в бессловесное стадо. Ты этого хочешь? — Он скрестил руки на груди и взглянул прямо в глаза Паине.

— Чего тебе надо от меня? — недружелюбно проворчала амазонка. — Акила мертва, и кто же, по-твоему, может занять ее место?

— Копыта Нергала! — потерял терпение варвар. — Да разве это главное? Я не могу решать за твой народ, что ему делать. Спроси своих женщин, — добавил он, — чего они хотят. Впрочем, — усмехнулся варвар, — я тебе прямо сейчас могу сказать, чего они не хотят: жить под властью Эниды, которой Мэгени вертит так, как ей угодно.

— Откуда ты знаешь? — почти выкрикнула Паина.

— Оттуда, — показал пальцем вверх Конан. — Пока я сидел в ваших подземельях, мне было видение, — не моргнув глазом, соврал он.

— Видение? — недоверчиво переспросила Паина. — Тебе, варвару, видение о жизни амазонок? — Она покачала головой и впервые за последние дни на ее губах появилось какое-то подобие улыбки. — Так я и поверила тебе, киммериец! И что же именно ты видел?

— Что, интересно? — спросил варвар. Он почувствовал, что амазонка заинтересовалась, и теперь надо было тщательно подбирать слова, чтобы не испортить хорошее начало. — Не знаю, поймешь ли ты...

Краем глаза он следил за собеседниками: все прямо-таки впились в него глазами, особенно Вульф.

«Мальчишку убедить будет легко, — увидев его расширенные зрачки, подумал Конан, — а вот как с этой хранильницей дурацких традиций...»

Он сел поудобнее, скрестив под собой ноги и прикрыв глаза, словно какой-нибудь вендийский мудрец, лихорадочно соображая, что бы такое сказать. Киммериец принялся медленно раскачиваться, будто пытался что-то вспомнить, а на самом деле стараясь выиграть время. Как назло, в голову не приходило ничего подходящего.

«Хвост Нергала! Думай, варвар!» — уговаривал он себя.

— Не можешь вспомнить? — язвительно спросила амазонка.

— Нет, размышляю, стоит ли вам все это рассказывать, — ответил Конан. — Слишком страшная картина. Боюсь, как бы ты не повредила умом.

— Говори! — потребовала Паина. — Я видела в жизни столько, что уж и твою речь как-нибудь выдержу.

— Так вот... — торжественно начал киммериец. В колеблющемся свете факелов его лицо казалось не-

подвижной маской. Слушатели притихли, замороженно глядя на него. — Виделись мне толпы ваших амазонок, которые кружились в каком-то медленном танце, но двигались они неуверенно, не в такт, словно все происходило во сне или под воздействием злых чар...

— Магия? — перебила его Паина.

— Не знаю. — Наблюдая за ней, варвар заметил, что его слова произвели на амазонку впечатление. — Мне показалось, что они не вполне владеют своими телами.

— Дальше? — нетерпеливо спросила женщина.

— А дальше совсем плохо, — скроив скорбную физиономию, продолжал Конан. — Со всех сторон откуда-то появились толпы мужчин, которые набросились на них, и амазонки не могли сопротивляться. Они смеялись... Нет, скорее, глупо хихикали и позволяли делать с собой все что угодно...

— Не может быть! — Этого Паина вынести не могла. — Дурацкое видение! У вас, самцов, только одно на уме, поэтому вы и видите такие сны! К тому же до сих пор я что-то не слышала, чтобы ты был мудрецом или магом. — Она вызывающе посмотрела на киммерийца.

— Нет, Паина! — вмешалась Дейдра. — Конан был во власти Мэгени, а ты знаешь, как она может вторгнуться в любую душу. Наверное, ему привиделось то, что было в мыслях у колдуньи.

— Ты думаешь? — с сомнением взглянула на нее амазонка. Она плохо разбиралась во всем, что не касалось охоты и боевого искусства, поэтому слова чародейки поколебали ее недоверие к рассказу киммерийца, хоть и не развеяли его. — И отчего же амазонки были такими?

«Похоже, ты начинаешь мне верить... — подумал варвар. — Осталось только добавить несколько убедительных подробностей. Умница Дейдра, без нее мне бы не справиться». Он посмотрел на женщи-

ну, и ему показалось, что она незаметно ему подмигнула.

— Что тут непонятного? — непочтительно вмешался Вульф. — Они были пьяными в стельку. У нас в селении... — начал было он, но Паина перебила юношу.

— У нас в селении! — фыркнула она, предразнивая его. — Ты разве не знаешь, что амазонки почти не употребляют вина, только по очень большим праздникам.

— Ну да, — недоверчиво покачал головой киммериец. — А Энида и ее приближенные? Сколько я ни видел их, почти всегда были под хмельком, если не сказать сильнее, — добавил он, усмехнувшись.

— Вот тебе и ответ, — подхватила брошенную им мысль Дейдра. — Мэгени хочет, чтобы весь наш народ скатился в омут пьянства. Тогда она без труда возьмет в свои руки власть. И сейчас уже Энида подчиняется ей.

— Вот именно, — продолжил Конан. — Несколько лет назад я попал к снежным гирканцам, недалеко отсюда, там, — он неопределенно махнул рукой, — на севере...

— Знаю, — кивнула Паина. — Они живут за горами, где всегда снег.

— Угу, — подтвердил варвар, радуясь, что разговор пошел по нужному руслу, и предводительница амазонок уже не ставит под сомнение якобы привидевшиеся ему картины. — Когда мы приехали в селение с одним человеком, как его... — Он наморщил лоб, припоминая. — Да, Кунанбаем. — Имя старосты вспомнилось одновременно с омерзительной картиной: пьяного гирканца возят лицом по снегу, чтобы тот очухался. — Так вот, шаман смог разговаривать только с детьми. Все взрослые были словно сосновые чурки, до того напились.

— Что же делать? — растерянno, как совсем недавно Тайрад, развела руками Паина. От ее уверенности в себе и надменности не осталось и следа. Слова

киммерийца и то, что его поддерживала Дейдра, окончательно убедили женщину в грозившей амазонкам страшной опасности.

— Есть одна мысль... — Гирканец лукаво посмотрел на варвара. — У твоих женщин везде могут найтись верные подруги, так ведь? — повернулся он к Паине.

— Ты же видел, как мои шпионки проникали во все селения, которые мы проезжали, — ответила амазонка.

— Пошли их туда еще раз. Пусть они расскажут, что ждет вашу страну, если на троне останется Энида. Уверен, твоих сторонниц сразу же станет в десятки раз больше. Пусть приходят к нам, и...

— К кому это, «к нам»? — подозрительно спросила Паина.

— К тебе, конечно, — успокоил ее Тайрад. — Ты же у нас главная...

— Ты думаешь, амазонки поверят?

— Многие за последнее время видели новую правительницу, и мне кажется, не все довольны ее поведением, — вставила Дейдра. — Она нарушает наши обычаи...

— Энида правительница, ей многое дозволено... — пыталась сопротивляться Паина, но всем уже было ясно, что она сдается.

— Ты же видишь, что происходит, если забываются заветы предков, — продолжала Дейдра.

Этот последний довод сразил суровую амазонку. Заветы предков были для нее святы, и смысл своей жизни она видела в том, чтобы сохранять их в первозданной чистоте и, разумеется, служить Акиле, но поскольку ее повелительницы не стало, то слова чародейки окончательно убедили Паину.

— Верно! — твердо сказала она. — Энида принесет гибель нашему народу. Ты прав, киммериец. — Амазонка взглянула на Конана, и тот с изумлением понял, что она благодарна ему.

«Еще немного, и из меня сотворят верховное божество амазонок, — хохотнул про себя варвар. — Выходит, на что-то иногда способны и мои неповоротливые мозги!»

С постным выражением лица он поклонился Паине:

— Я только хотел помочь тебе...

Дальше все было уже просто. Решили, что основные силы соберутся в этих пещерах, которые имели много разветвленных ходов на ту сторону гор, в долину. Там разместятся отряды Тайрада, которые займутся обучением вновь прибывающих амазонок стрельбе из лука и прочим премудростям военного искусства. Это как нельзя более соответствовало планам киммерийца, а Тайрад едва не подпрыгнул от восторга. На амазонку большое впечатление произвело то, как ловко были спасены приговоренные, и она теперь нисколько не сомневалась, что амазонкам есть чему поучиться у гирканцев.

Если войска Эниды нападут, можно будет легко ускользнуть по множеству коридоров и подземных залов, да и оборону в пещерах организовать достаточно легко, поскольку преимущество в численности в узких проходах сводилось практически на нет. Когда распределяли обязанности, дело нашлось всем, только варвар, внимательно наблюдая за советом, пока помалкивал.

— Мне нужно несколько человек в помощь, — встав со своего места после окончания совета, обратилась к Паине Дейдра. — Буря потрепала мою хижину, придется чинить крышу и...

— Зачем несколько? — встрепнулся Конан. Ему с первого взгляда приглянулась эта стройная красивая женщина, и он не хотел упускать возможность познакомиться с ней поближе. — Я мог бы справиться и один! — Киммериец согнул руку в локте, напрягая свои чудовищные мускулы и краем глаза наблюдая за Дейдрой. — Как, подойду?

— Подойдешь, — поморщившись, ответила за колдунью Паина — у нее не было больше сил ни возражать, ни спорить. — Иди с ней. Хижина так хижина. Лишних людей у меня все равно нет, — махнула она рукой, смирившись с тем, что не все идет так, как ей хотелось бы. Главное — победить Эниду.

Глава четвертая

Тр-р-рах! Глиняная кружка с треском разлетелась на куски. На стене рядом с зеркалом расплылось темное пятно.

— Ты посмотри, на кого я похожа! — визжала Энида, швыряя все, что попадалось под руку. — Разве такой должна быть правительница амазонок? Ты мне обещала, что я буду выглядеть словно майский цветок, а кто там в зеркале? Прошлогодня свекла! Отвечай, мерзавка!

Мэгенн терпеливо переживала очередную вспышку гнева повелительницы, на всякий случай отойдя чуть в сторону, чтобы не получить по лбу каким-нибудь тяжелым предметом, которые, пущенные крепкой еще рукой Эниды, летали по комнате.

— Ты не выполняешь своих обещаний! — Ярость правительницы не утихала. — Ты вообще ни на что не способна! Даже не предупредила, что три десятка самцов могут напасть на нас! Самцов! Какой позор! Ты понимаешь, что это значит и как мои подданные теперь смеются над своей правительницей?! Я выгнать тебя в три шеи и приглашу другую колдунью! Чтоб на твою грудь шакал помочился, сука ты воющая! — Энида распалялась все больше и больше, трясясь, как в припадке. — Молчишь, дрянь?! — Она подбежала к Мэгенн и ткнула ее кулаком в грудь.

Удар оказался чувствительным, и колдунье пришлось сделать пару шагов назад, чтобы удержаться на ногах.

Две охранницы с интересом наблюдали за происходящим. Обычно вспышки гнева Эниды были короткими и проходили без свидетелей. Пары кружек вовремя поднесенного вина с особым настоем трав обычно хватало, чтобы повелительница амазонок успокоилась. Потом она входила во вкус и пила уже без остановки два, а то и три дня подряд, после чего Мэгенн, если требовалось, возвращала ее в нормальное состояние.

— Акила и киммериец ускользнули из-под самого носа! — продолжала бушевать Энида. — Во время великого праздника! Нам даже пришлось из-за этого отложить коронацию! А что, если бы нас не успели прикрыть щитами? — Правительница вцепилась в волосы Мэгени и стала трясти колдунью так, что ее голова беспомощно моталась из стороны в сторону. — Значит, в самом центре нашей столицы кто захочет может стрелять из луков по правительнице амазонок! Я брошу тебя в подземелье, бездельница паршивая! За тобой есть кое-какие делишки, и, между прочим, их вполне хватит на то, чтобы ты заменила на жертвеннике сбежавших!

Короткие волосы колдуньи выскользнули из руки Эниды. Правительница, тяжело дыша, остановилась, но ее глаза продолжали метать молнии. Мэгенн стало по-настоящему страшно. Что-то она упустила. Конечно, она виновата. Она должна была предусмотреть, что гирканцы нападут на столицу и спасут пленников. Это непростительная ошибка. Но если бы нынешний разговор происходил где-нибудь подальше от царского дворца! Мэгенн только скрипнула зубами от бессилия. Обычно, разъезжая по стране, Энида полагалась на охрану Мэгенн, а здесь, как назло, всюду были верные правительнице дворцовые охранницы.

— Повелительница... — Колдунья почтительно склонила голову, пытаясь остановить не на шутку разошедшуюся Эниду. — Я искуплю свою вину! Не пройдет и трех дней, как я найду беглецов и в цепях приведу к тебе.

Она не сомневалась, что сможет узнать, где находятся Акила и варвар. Сумеют ли их поймать — это другое дело, но выбора у Мэгейн тоже не оставалось: если Энида бросит ее в тюрьму, то вряд ли удастся оттуда выбраться даже с помощью магии.

— Двух,— уставившись на колдунью тяжелым взглядом, заявила Энида. Она уже немного успокоилась, и только дыхание, тяжелое и прерывистое, еще не восстановилось.— Два дня тебе, и если снова не выполнишь обещания, то пеняй на себя, мерзавка! Уведите! — Она махнула стражницам.— Поместить в малый зал и поставить охрану, чтоб не сбежала.

— Повелительница,— вновь склонила голову Мэгейн.— Но ведь все колдовские принадлежности в моих покоях...

— Тебе их принесут,— отвернулась Энида.

— Кто же сделает тебе маску на лицо, кто даст трав?

— Два дня обойдусь как-нибудь без тебя,— злобно огрызнулась правительница.— Есть и другие амазонки, знакомые с чародейством. Пошлю на худой конец в горы за этой, как ее?.. — Затуманенный мозг Эниды с трудом выискивал на задворках памяти имя.— Дид... Дейд...

— Дейдра? — услужливо подсказала Мэгейн.

— Вот-вот,— усмехнулась Энида.— Всегда найдутся те, кто готов услужить правительнице амазонок. Не можешь делать то, что от тебя требуется, в два счета заменим!

— Я хочу тебя предупредить, повелительница, что Дейдра всегда была дружна с Паиной.

— Сама разберусь,— отрезала правительница.— Занимайся лучше своим делом. Помни, у тебя только два дня! Уведите!

* * *

Когда ее проводили в комнату, указанную правительницей, и оставили одну, Мэгейн опустила на ска-

мью и глубоко задумалась. Все складывалось крайне неудачно. Еще немного времени, и Энида оказалась бы полностью в ее власти. И надо же случиться такому, чтобы неприятель проник прямо в столицу! Да еще в такой день... У всех ворот стояла стража, а гирканцы, как вихрь, налетели невесть откуда. Но не об этом надо сейчас думать. Необходимо во что бы то ни стало разыскать следы Акилы и Конана, иначе Энида сдержит свое обещание, и тогда конец всем надеждам. Да что надежды? Правительница непременно прикажет пытать ее, она обожает смотреть, как мучаются жертвы. Мэгейн поежилась, по ее коже пробежал озноб.

Нынешняя правительница амазонок происходила из знатного рода, и поначалу ее жизнь ничем не отличалась от жизни всех приближенных к царскому двору. Вот только сложилось так, что ей не пришлось выполнить Главную Обязанность, потому что несколько раз, когда приходила ее очередь, что-нибудь случалось: то рана на охоте, то болезнь. Энида так и осталась девственницей. Обычно таких женщин посылали служить в храмы, но Акила распорядилась, чтобы Энида, поскольку молодая амазонка обладала незаурядным воинским мастерством, обучала других девушек.

Когда Бризейс свергла сестру с трона и несколько лет управляла страной, Энида через верных ей людей поддерживала связь с Акилой и помогла ей восстановить справедливость. У Эниды было два серьезных недостатка: склонность к вину и чрезмерная жестокость, но преданность Акиле и хорошая служба до поры до времени хранили ее от неприятностей. Правительнице не раз докладывали, что Энида развлекалась весьма своеобразно: посещала подземелья, где томились пленные мужчины, и наблюдала за жестокими пытками, которым сама же приказывала их подвергнуть. Поначалу правительница закрывала на это глаза. Подумаешь, самцом больше, самцом меньше. Все равно их удел — жертвенник, а в каком состоянии их туда

приволокут, в конце концов, не так уж важно. Однако терпение правительницы лопнуло, когда ей стало известно, что Энида приказала насмерть запороть кнутами двух амазонок, которые провинились не так уж сильно. Простить подобное было уже нельзя, и Эниде припомнили все прежние грехи. Она в то время командовала столичным гарнизоном, и Акила сначала хотела бросить ее в тюрьму, но потом сжалась и, лишив высоких званий, послала командовать отрядом в Ульменскую крепость, как раз туда, где жила в то время Мэгенн.

Колдунья слыла большой мастерицей по приготовлению вина из разных лесных и болотных ягод, и это помогло двум женщинам сблизиться. Когда через некоторое время Акила, простив провинившуюся, вернула ее в столицу, та выхлопотала и для Мэгенн перевод в храм Барун-Урта. В душе Энида затаила зло на свою повелительницу за пережитое унижение. Когда Мэгенн узнала о связи правительницы с Этельвульфом, то поняла, что пробил ее час. Колдунья взяла дело в свои руки и, во-первых, постаралась, чтобы о том, что правительница нарушила обычаи предков, узнало как можно больше женщин, а во-вторых, постоянно разжигала в Эниде затаенное пламя ненависти и в конце концов подтолкнула ее к мятежу. Переворот удался, и последние несколько лун Мэгенн была вторым лицом в стране, тем более что Энида из-за страсти к вину во многом зависела от колдуньи.

Главной заботой Мэгенн было подыскивать правительнице развлечения в пыточных подвалах и на аренах и держать ее в полупьяном состоянии, что удавалось до тех пор, пока неожиданный налет гирканцев не расстроил все ее замыслы. Теперь надо придумать, как выбраться из ямы, в которую она угодила по собственному недосмотру. Мерзавка Энида! Ей кто-то доложил, что в покоях колдуньи есть потайной выход из дворца, поэтому она и поместила ее сюда. Ну ничего, еще не все потеряно! Мэгенн громко хлопнула в ладоши.

— Принеси мне из моих покоев зеленую корзину, — приказала она вбежавшей прислужнице, — а из под-земелья что-нибудь из вещей киммерийца и Акилы.

«Главное — напасть на след беглецов, — размышляла колдунья, ожидая, пока ее указание будет исполнено. — Энида уже этому обрадуется, а дальше все должно пойти по-прежнему. Она скоро поймет, что я ей необходима. Деваться ей некуда!»

Служанка принесла корзину, и Мэгенн принялась раскладывать на столе колдовские принадлежности: шкатулки и флаконы с магическим зельем, череп летучей мыши, несколько старинных потертых пергаментных листов, хрустальные шары, маленький бронзовый треножник с площадкой в виде кленового листа, связку волчьих клыков, пожелтевших от времени, шелковый платок с вытканными на нем непонятными для непосвященных письменами — все, с помощью чего она надеялась обнаружить, где прячутся беглецы.

— Почему ты не принесла того, что я просила? — Только сейчас колдунья заметила, что руки служанки пусты.

— Госпожа, — развела руками амазонка, — на них же не было никакой одежды. Мы осмотрели вместе со стражниками обе камеры, там ничего не осталось...

Мэгенн похолодела. Она могла найти человека, только если имела какой-то принадлежавший тому предмет, подобно собаке, которая чует запах и идет по следу.

— Беги на площадь, пригодятся и ремни, которыми они были привязаны к жертвеннику. Да шевелись, иначе пожалеешь о том, что родилась на свет!

«А если на площади уже все убрали? — Колдунья вновь прошиб холодный пот. — Тогда мне конец!»

Ноги не держали ее, и Мэгенн тяжело опустилась на скамью, будто жизненные силы ее были на исходе. Такое случалось с ней впервые.

«Мне страшно... Нет! — Она с силой сжала кулаки, пытаясь остановить дрожь. — Только не раскидывать, иначе действительно все пропало».

Мэгенн налила несколько капель жидкости из одного флакона, добавила что-то из другого, подсыпала порошка, перемешала и залпом осушила бокал. Сердце забилося сильно-сильно, как во время быстрого бега, но через несколько мгновений дрожь исчезла. Она вновь стала спокойной и деловитой. Страх ушел.

Появилась служанка с целой охапкой обрывков кожаных ремней.

— Вот госпожа, все, что нашли!

— Идиотка,— вместо благодарности прошипела Мэгенн.— Я же тебе сказала принести вещи Конана и Акилы, а ты? Притащила весь мусор, что нашла на площади! Ладно, ступай!

«Хорошо, что есть хоть что-то,— подумала она.— Тех, кому перерезали глотки, сразу же отсеем, а потом посмотрим, где находятся эти двое».

Колдунья принялась за дело, смешивая жидкости, поджигая щепотки порошка и внимательно разглядывая хрустальные сферы.

— Ничего не понимаю...— Мэгенн повторила магические действия, время от времени перелистывая пожелтевшие листы пергамента. — Все верно, поджигаем, поворачиваем этот шар, потом этот... Один живой, а все остальные мертвы. Но ведь Акила только ранена... или ремней, которыми она была привязана, здесь не оказалось?

И тут ее осенило.

— Нет, я еще не лишилась рассудка! Все очень просто! Готова поклясться: Акила тоже убита! — Под каменными сводами пронесся торжествующий вопль колдуньи. — Рана от дротика оказалась смертельной, в этом все дело!

Мэгенн вновь позвала прислугу:

— Немедленно беги в покои правительницы и сообщи повелительнице, что Акилы больше нет в живых. Стой! — вдруг остановила она служанку. — Лучшее я это сделаю сама. Стража!

Под конвоем стражниц колдунья проделала обратный путь из малого зала до царских покоев.

— Что, уже? — Энида поджала губы, увидев колдунью.

— Еще не все,— с радостной улыбкой ответила Мэгенн,— но я счастлива сообщить, что бывшая правительница мертва и теперь вряд ли кто захочет противостоять тебе, моя повелительница!

— Неужели? — Губы правительницы растянулись в улыбке.— Это точно?

— Три раза проверила,— не моргнув глазом, сообщила колдунья. — Магия показывает одно и то же. Теперь осталось только найти киммерийца.

— Молодец.— Энида вздохнула.— Мой гнев, возможно, был слегка...

— Я была виновата, моя правительница,— почти склонив голову, произнесла Мэгенн.— Ты права тысячу раз, а я ничтожная, совершила серьезную промашку.

— Ну ладно, ладно,— примирительным тоном продолжала Энида, — не обижайся. Со всеми бывает. У меня что-то голова ноет, принесла бы чего...

«Ага, стерва, не можешь все-таки без меня? — с торжеством подумала колдунья.— Ишь раскомандовалась, правительница, чтоб тебя верблюд оплевал! Без меня как без рук, а точнее, как без головы,— усмехнулась она.— У-у, тварь!»

— Через пару мгновений все будет в порядке.— Мэгенн подала знак стражнице.— Принеси из моих покоев большой кувшин с серебряной крышкой, да не мешкай!

«Сейчас мы тебя успокоим,— мстительно произнесла она про себя.— Ты парочку дней отдохнешь от государственных забот, они на тебя плохо действуют, а я пока прекрасно управлюсь и без тебя».

Глава пятая

Если произойдет что-нибудь серьезное, сразу же пришли ко мне гонца.— Конан нагнулся к Тайраду и похлопал его по плечу на прощание.

— В этом нет нужды,— улыбаясь, заметила Дейдра.— Просто скажи Паине — и не успеешь вернуться к себе в лагерь, как мы уже будем все знать.

— Как это? — удивился киммериец.

— Увидишь,— улыбнулась колдунья.— Вперед! До моей хижины целых полдня пути, а нам надо успеть до захода солнца.

«Она же чародейка,— вспомнил варвар.— Конечно, с их колдовскими штучками все возможно. Может быть, зря я связался с ней?»

Он взглянул еще раз на Дейдру, ловко сидевшую в седле буланого жеребца. Эта женщина определенно нравилась ему и, кажется, он ей тоже.

«Что ж,— подумал Конан.— Надеюсь, меня ждет несколько приятных дней».

Они покинули лагерь, разбитый гирканцами на поляне, которую со всех сторон окружал густой лес, и по тропе, вьющейся между поросшими мхом громадными валунами, начали подниматься вверх.

— Видишь эту вершину? — Женщина указала концом плети на покрытый снегом пик, возвышавшийся над горным хребтом.

— Угу,— кивнул киммериец, который все никак не мог сообразить, что лучше: сразу же попытаться склонить красавицу к любовным утехам или все-таки подождать до ее жилища.

— На склоне этой горы стоит моя хижина,— сообщила Дейдра, с улыбкой глядя на него.

— Далековато ты забралась,— буркнул варвар.— Это уже и не ваши земли.

— Почти. Это на границе,— засмеялась Дейдра.— Но места действительно пустынные.

— И тебе не страшно одной? — любопытствовал Конан.

— А я там не одна,— насмешливо посмотрела на него женщина.

— А с кем?

— Увидишь,— снова засмеялась она, обнажая в улыбке ровные жемчужно-белые зубы.

«Нет,— решил варвар,— пожалуй, лучше подождать. Еще превратит в какого-нибудь вепря или, того хуже, лишит мужской силы. Знаю я этих чародеев, от них сплошные неприятности. А эта красавица все-таки амазонка, хотя и поглядывает на меня, как обычная женщина».

— Где ты научилась магии? — спросил он, чтобы отвлечься от невеселых мыслей.

— Я еще не полностью освоила эту науку,— скромно ответила Дейдра.— А обучал меня один лесной чародей. Он живет недалеко отсюда. Всего два дня пути,— уточнила она.

— У меня тоже есть в тех местах один знакомец,— вспомнил Конан.— Седой, но крепкий еще старик. Меридом зовут.

— Меридом? Так ты знал Мерида? — переспросила колдунья, и киммерийцу показалось, что ее голос дрогнул.

Варвар взглянул на Дейдру: женщина смотрела прямо перед собой, и он заметил, как порозовели ее щеки.

«Вот оно что,— сообразил он.— Мерид рассказывал, что заблудившиеся амазонки частенько гостевали у него. «Хорошие были девушки!» — вспомнил он слова чародея и то, как старик прищелкнул языком.— Похоже, эта начинающая колдунья тоже побывала в объятиях моего любвеобильного дружка...»

— Угу,— подтвердил Конан. Он наклонился вперед и повернул голову, чтобы видеть лицо собеседницы.— А что ты так смутилась? Он был твоим мужчиной? — деликатно, как ему казалось, спросил киммериец.

— Ты слишком много хочешь знать! — лукаво улыбнулась Дейдра и, хлестнув коня, поскакала вперед.

«Точно,— подумал варвар.— Так оно и было. Силен старый плут!»

Он тоже прищипорил скакуна и догнал женщину.

— Прости,— виновато сказал он.— Я не хотел обидеть тебя. Я просто хотел сказать, что он очень неплохой человек и...

— Другими словами,— Дейдра повернулась к киммерийцу, и тот заметил, что в ее светлых глазах пляшут насмешливые огоньки,— ты одобряешь мой выбор?

— Хм-м...— замаялся киммериец.— Я так не говорил... Но, конечно, лучше с ним, чем с каким-нибудь ублюдком!

— Вот как? Послушать тебя, так можно поклясться кишками Нергала, что ты сам спал со старым развратником!

— Что ты такое несешь?! — вскипел Конан, но, взглянув на колдунью, понял, что она откровенно смеется.— Да ну тебя! — в свою очередь расхохотался киммериец.— Совсем сбила меня с толку...

За разговором дорога кажется короче, и вскоре варвар заметил среди редких деревьев какое-то строение.

— Это, что ли, твоя хижина? — спросил он.

— Ты глазастый,— кивнула Дейдра.

Когда они подъезжали к дому чародейки, Конан заметил, что над ними закружились многочисленные стаи птиц: ворон, галок, скворцов, грачей. Казалось, их встречать слетелись все пернатые здешних мест. Они садились невдалеке от тропы, потом с шумом взлетали и вскоре вновь хлопали крыльями над лесом.

Спутники пересекли веселый ручей, со звоном прыгавший вниз по каменному ложу, и выехали на просторную поляну, в дальнем конце которой стоял крепкий бревенчатый дом. Из-за сплошного ряда кольев, ограждавших двор, были видны только верх сруба и крыша, покрытая еловой дранкой и обросшая зеленоватым мхом.

— Что-то я не вижу следов бури,— недоуменно огляделся по сторонам киммериец, когда они распахнули ворота и въехали во двор.

— Не было бури, нет и следов,— рассмеялась женщина, спрыгивая на землю.— Слезай, приехали!

— Но ты же говорила...

— Как еще я могла заполучить тебя? — просто сказала Дейдра.— Мне показалось, ты не возражал побыть со мной несколько дней. Или я ошиблась? — снова засмеялась она.

— Нет,— слегка опешив, согласился варвар.— Ты угадала.

— И я тоже хотела этого,— улыбнулась Дейдра.— Ты мне сразу приглянулся. Входи,— пригласила она.— Сначала поужинаем, потом попаримся в бане. Ты знаешь, что это такое?

— Пробовал у бритунцев,— кивнул Конан.

— Попробуешь и у меня. Тебя нужно хорошенько отмыть. Нашу Эниду вряд ли можно считать гостеприимной хозяйкой. Не думаю, что ты проводил там ночи на пуховых перинах.

Киммериец хотел обнять женщину, но она неуловимым движением отстранилась.

— Не торопись, всему свое время. Сначала давай что-нибудь выпьем. С дороги у меня пересохло в горле.

Конан с любопытством оглядывал жилище Дейдры. Комната, куда они вошли, была просторной, с высоким бревенчатым потолком и двумя небольшими окнами, расположенными по длинной стене. Большой стол, вокруг которого стояли крепкие стулья с плетеными сиденьями и спинками, занимал правый от входа угол. Такую мебель варвар видел в свое время в Аргосе, где тамошние мастера плели ее из прутьев ивняка, но здесь, в далекой горной глуши, она выглядела необычно. На стене около стола были прикреплены два больших бронзовых светильника в виде оленьих рогов. У противоположной стены стоял резной деревянный шкаф для посуды, его дверцы были украшены зеленоватыми стеклами, оправленными в медные переплеты. Маленькая дверца на дальней стене вела, по-видимому, в спальню колдуньи. Киммериец осмотрелся еще раз и тихонько присвистнул:

— Не ожидал... В лесу, да еще в стране амазонок — и такое изысканное убранство.

— Еще не то увидишь, — улыбнулась Дейдра. — Садись.

Конан послушно сел на один из стульев и уперся локтями в столешницу. Колдунья сделала несколько плавных круговых движений руками, и варвар увидел, что стол заволакивает красновато-коричневый туман. Он поспешно отдернул руки и тут же почувствовал легкое головокружение, которое, впрочем, длилось лишь несколько мгновений. Туман рассеялся, и зрелище, представшее глазам варвара, восхитило бы любого гурмана: на столе появились блюда с различной снедью и множество изящных узкогорлых кувшинов.

— Налей мне, — протянула Дейдра бокал, словно не произошло ничего особенного и они просто зашли перекусить в придорожную харчевню. — Мне вон из того кувшина, — указала она. — Советую попробовать это вино и тебе.

«Конечно, — согласился про себя киммериец, который еще не до конца был уверен, что не сглупил, позволив желанию обладать этой женщиной привести его сюда. — Лучше, наверное, пить и есть то же, что и она. Так, на всякий случай...»

Он еще не забыл вечер, проведенный в гостях у Мэгени, и хотя его нынешняя хозяйка ничем ее не напоминала, все же об осторожности забывать не следовало. Варвар налил Дейдре и себе по бокалу пенящегося искристого напитка и, краем глаза наблюдая за женщиной, пригубил вино. Колдунья отпила пару глотков и поглядела на Конана.

— Не бойся, — словно угадала она его мысли. — Если бы я захотела что-нибудь сотворить с тобой, то давно сделала бы это. Но мы ведь хотим иного? Не так ли?

Киммериец согласно кивнул и залпом осушил бокал. Вино было приятным и слегка терпким, напоминавшим так любимый им барахтанский напиток.

— Хм! — одобрительно произнес варвар и потянулся за кувшином, чтобы вновь наполнить бокалы. — Откуда вы берете вино? — спросил он. — Как-то я раньше не замечал, что амазонки знают в нем толк.

— По-разному бывает, — ответила Дейдра. — Таких, как Энида, совсем немного. Гораздо больше у нас нормальных женщин, и их, между прочим, далеко не так мало, как ты думаешь.

— Но как же?.. — изумился киммериец. — Мне и в голову не приходило, что...

— Так большинство и считает, и мы ничего не имеем против, — перебила его колдунья. — Это значит, что мы надежно храним свои тайны. Во всех селениях у нас есть сторонники, и они помогали отряду Паины следить за передвижением войска самозванки.

— Акила тоже была с вами?

— Нет, — покачала головой Дейдра. — У нас нет сообщников среди царской семьи или знатных амазо-

нок. Они все слишком преданы традициям или вынуждены вести себя так, потому что слишком держатся за свои привилегии. В основном наши сторонницы — простые женщины.

— И что же вы делаете? — спросил Конан. — Тайком пьете вино?

— Не только, — усмехнулась Дейдра. — Нам удалось спасти несколько десятков мужчин, и они ушли из нашей страны вместе со своими подругами.

— Ничего себе! — удивился варвар. — И где же они теперь? Вы поддерживаете с ними связь?

— По-разному, — ответила колдунья. — Кто-то живет в стране торманнов, иные разошлись по всей Хайбории, особенно много наших в Туране. Большого мы пока сделать не в силах.

— Так почему бы вам всем не убраться отсюда и жить где-нибудь в других местах по-человечески? — спросил киммериец, радуясь, что мысли собеседницы сходны с его собственными.

— Это было бы слишком просто. А остальные? — не согласилась Дейдра. — Надо переменить порядки в нашей стране, тогда нормально будут жить все. А иначе наш народ рано или поздно выродится.

— Я совершенно согласен с тобой! — воскликнул варвар. — То же самое я говорил в свое время Акиле, и совсем недавно Паине...

— Их увещевать бесполезно, — вздохнула колдунья. — Так же бессмысленно уговаривать волка не охотиться за зайцем. Он впитал это с молоком матери и другого просто не может себе представить.

— А как же вы?

— Кто как, — развела руками женщина. — Кто-то прочел древние книги других народов, которые еще остались в храмах, другие долгое время прислуживали знатым амазонкам и видели, что многие правила, которым нас учат, они не соблюдают, а закон существует только для простых женщин. Сам понимаешь, если задуматься над чем-то, обязательно воз-

никнут сомнения. А кто-то из женщин, как я, например, побывал в других краях...

— У Мерида, что ли? — не удержался киммериец.

— Да, и у него тоже, — просто ответила Дейдра.

— Тогда ты можешь оказаться очень полезной для меня, — самодовольно заявил Конан.

— Или ты для меня, — усмехнулась колдунья. — В отряде Паины две женщины из нашего союза, и мы уже давно знаем, зачем Тайрад со своими пришел сюда... И кто подал идею. Постепенное завоевание амазонок придумал ты, не так ли?

Варвар похолодел. Может быть, Дейдра на самом деле замышляла недоброе и заманила его сюда для того, чтобы расправиться с ним?

— Ты считаешь, мы хотим подчинить вас? — осторожно спросил киммериец, прикидывая, не удастся ли в случае чего одним прыжком преодолеть расстояние до двери.

— Что это ты так напрягся? — Во взгляде колдуны он заметил насмешку. — Или храброго воина что-то напугало в этой лесной глуши?

— Клянусь Кромом, я не боюсь никого и ничего! — распрямил плечи варвар.

— Ну и славно, — мягко выговорила, как будто пропела, Дейдра. — Тогда давай выпьем еще этого чудесного вина. Оно ведь тебе понравилось, верно?

— Угу, — кивнул Конан, наполняя бокалы.

Он был настороже, словно дичь, за которой наблюдает охотник.

«Пожалуй, зря я все-таки притащился сюда, — мелькнула в голове мысль. — Встречи с магами редко заканчивались удачно, чаще всего еле шкуру свою спасал. Хотя, конечно, среди них встречались и нормальные люди, только вот не часто. Но эта колдунья — очень красивая женщина... — Он украдкой бросил взгляд на Дейдру. — Клянусь стройными бедрами Иштар...»

Глава шестая

Как же побыстрее выйти на след киммерийца? — Мэгенн сидела в своих покоях, подперев голову рукой, и напряженно размышляла. — А то рано или поздно он вместе с Паиной такую кашу заварит, что не расхлебашь...»

Она разложила на столе колдовские принадлежности и принялась за дело. Во-первых, предстояло узнать, как отряд гирканцев проник в город, а во-вторых, где сейчас находятся противники Эниды. Налетели, как туча, вытащили из-под жертвенного ножа киммерийца и снова скрылись неизвестно куда... Задачи перед колдуньей стояли трудные, и особенно нелегко было выяснить, как неприятель ворвался в столицу, да еще и столь неожиданно. Со второй, имея обрывки ремней, которыми был привязан варвар, еще можно справиться, а вот с первой... Неясно, с чего и начать! Мэгенн колдовала долго, но в хрустальных шарах видела лишь неясный силуэт черноволосого гиганта, который находился непонятно где: то ли в избе какого-то лесника, то ли в заброшенной хижине. Его образ был окутан туманом, и колдунья никак не могла разобрать подробностей, которые могли бы навести ее на след.

— Нергал в печень всем этим ублюдкам, — выругалась сквозь зубы Мэгенн, — начиная с варвара и кончая моей любимой правительницей. Придется действовать иначе.

Она позвала прислужницу и приказала ей принести в покои свежих листьев шелковичного дерева. В самой столице таких деревьев не оказалось, пришлось затратить некоторое время, чтобы послать гонца в близлежащий лес.

Наконец то, что требовалось Мэгенн, лежало перед ней на столе. Колдунья вытащила из большого сундука с кованой крышкой изящную серебряную шкатулку и, произнеся несколько заклинаний, открыла крышку. Внутри, на обитой шелком подставке, лежал сморщившийся, как будто высохший, белый червяк. Мэгенн открутила пробку хрустального флакона, оправленного в чеканный золотой футляр, и, понюхав его, вытрясла на червя несколько капель золотистой жидкости. Закрыв шкатулку, она присела на мягкий диванчик и, облокотившись на спинку, застыла в ожидании. Текли минуты, но ничего не происходило.

— Я же сделала все правильно, клянусь Сетом! — Мэгенн потеряла переносицу, вновь открыла флакон и принялась. — Все верно...

Вдруг из-под крышки шкатулки показалась тонкая струйка белесого дыма. Она становилась все гуще, и скоро весь ларец был окутан туманом. Марево поднималось вверх, и постепенно столб дыма достиг потолка покоев, струи его слегка колебались, становясь при этом все менее и менее подвижными. Дым будто застывал, превращаясь в белый столб размером с хорошую бочку для вина. Желтые, фиолетовые, розовые огни пробегали по его поверхности, оставляя следы, и скоро на белой поверхности оказалась нарисована маленькая дверца, чуть больше, чем вход в собачью конуру.

— Удалось! — прошептала Мэгенн, радостно потирая руки.

Она подошла к столбу и постучала в дверцу. Стук отдался в помещении глухим звоном, будто где-то вдали били в большой колокол. Дверца вспыхнула тусклым фиолетовым пламенем, по ее очертаниям пробе-

жала красненькая змейка, раздался скрип поворачивающихся петель. Мэгенн отступила на шаг и взяла в руки охапку листьев, принесенных служанкой. Дверь медленно поворачивалась, и, когда проем оказался достаточным, чтобы туда пролезла рука, колдунья быстро сунула внутрь пучок листьев, потом еще и еще. Дверь начала плавно закрываться, изнутри послышался мерный шорох, похожий на звук отдаленных шагов по прибрежной гальке. Шорох раздавался томительно долго. Наконец дверь вновь приоткрылась, и колдунья опять бросила туда листья. Когда она сделала это в третий раз, шорох, едва возобновившись, вдруг затих, а верхняя часть столба у самого потолка начала быстро темнеть, переходя от белого цвета к серому, который все сгущался и сгущался до тех пор, пока полоска шириной в локоть не стала иссиня-черной, как уголь. Мэгенн внимательно следила за переменами, и, когда верхушка окончательно потемнела, поднесла к губам серебряную дудочку. Под свист свирели верхний край столба начал загибаться наружу, и в образовавшейся щели появилась голова толстого белого червя с двумя выпуклыми глазами и парой длинных усов над щелью плоского рта. Рот раскрылся, и скрипучий голос произнес:

— Бастут теперь сыт. Жду приказаний, хозяйка.

— Я хочу, чтобы ты нашел мне отряд Паины и киммерийца.

— Кто они такие? — равнодушно проскрипел червь. — Я их не знаю.

— Киммериец — это... — Колдунья задумалась, как получше объяснить, кто он такой. — Киммериец самый большой человек, который находится в пределах нашей страны, — наконец сообразила она. — А рядом с Паиной должно быть много мужчин.

— Как много? — Щель рта выплевывала слова ровно и безжизненно, словно кто-то сидевший внутри выталкивал их вверх.

— Я думаю, человек тридцать, не меньше.

— Хорошо, — скрипнул червь. — Жди.

Голова втянулась внутрь, и щель исчезла.

«Бастут должен их найти, непременно должен», — Мэгенн вновь присела на диванчик, ожидая ответа.

Ждать пришлось совсем недолго. Верхний край столба снова начал заворачиваться, и голова червя, выглянув наружу, сообщила:

— Паина находится в Полинамских пещерах, а киммериец рядом с пещерами, по ту сторону хребта, вместе с мужчинами. Что-нибудь еще?

— Подожди, — попросила Мэгенн. — Мне надо подумать...

Поразмыслить было о чем. Эти пещеры находились совсем недалеко от Барун-Урта, но мало кто знал расположение их залов, число выходов и туннелей. Они пользовались дурной славой у амазонок, а кроме того, тех, кто осмеливался заглянуть туда, ждало суровое наказание.

«Вот в чем дело, — сообразила Мэгенн. — В царской семье передавались сведения об этих пещерах, а остальные о них ничего не знали. Акила, наверное, рассказала Паине и, может быть, кому-то еще. Что же делать? Посылать туда стражу бесполезно: мы не знаем, где входы и выходы, а пока разберемся, потеряем и людей, и время, а эти мерзавцы легко уйдут от нас...» Колдунья задумалась.

Она встала и нервно закружила по комнате, время от времени бросая взгляды на белый столб.

— Стерва Акила, да и Паина не лучше, — поминала колдунья недобрым словом противниц, как живых, так и мертвых. — Послать за кем-нибудь из тайной службы, может быть, они что-то знают о пещерах? Вряд ли, — с сожалением вздохнула она. — В царской семье тайны хранились строго... Как же строго, если Паина знает? Но это случай особый, — поправила себя Мэгенн. — Они долго скитались с правительницей по миру, не надеясь вернуться в наши края, и, конечно, Акила рассказала подруге. Великий Сет! — вдруг воскликнула она. — Что же ты раньше меня не надоумил?

Вновь гнусаво запела свирель, и под потолком показалась голова червя.

— Жду твоих приказаний, хозяйка.

— Я отпускаю тебя, чтобы ты собрал своих братьев,— звонким голосом произнесла Мэгенн.— Вы должны проникнуть в пещеры и сожрать всех, кто находится там и... рядом с ними,— добавила она на всякий случай.

— Мы не можем жить на свету, хозяйка, ты знаешь это,— равнодушно отвечал червь.

— Хорошо, хорошо,— поспешно согласилась колдунья.— Всех, кто внутри пещер.

«С остальными после справимся, как с кроликами, клянусь Змееголовым! — скрипнула она зубами.— Никто не уйдет, нас гораздо больше. Пока больше,— поправила она себя,— значит, следует поторопиться».

— Отправляйся,— скомандовала она, и червь скрылся в своем убежище.

Белый столб начал таять в воздухе и вскоре исчез, только на потолке остался черный круг, будто под этим местом столетиями разводили очаг. Среди разбросанных шелковичных листьев стояла резная шкатулка.

— Теперь посмотрим, как там поживает правительница,— усмехнулась Мэгенн, выходя из покоев.— Заодно надо отдать распоряжения, чтобы войска готовились завтра выступить в поход. Недолго киммерийцу осталось гулять на воле. А тех, кто выживет, подвешу за ребра в подземелье. Вот Энида и позабавится от души. Несколько дней не будет приставать ко мне.

Она шла по коридорам дворца, надменно вскинув голову, и вооруженные амазонки, охранявшие правительницу, почтительно приветствовали ее.

Глава седьмая

О т тревожных размышлений Конана оторвал голос колдуни:

— Теперь можно и попариться. Ты не против?

Варвар кивнул и встал из-за стола.

— Пойдем,— поманила его Дейдра, и киммериец залюбовался ее грациозными движениями.

Они вышли из дома и, обойдя его, очутились в дальнем углу двора, где находилось еще одно строение, которое варвар до сих пор не замечал. Сложенное из толстых бревен, оно по размерам не уступало дому Дейдры, с той лишь разницей, что его крыша была ниже и оно не имело окон, по крайней мере, на тех стенах, которые видел киммериец.

— Входи,— отворив низкую дверь, пригласила его женщина.

Конан, пригнув голову, вошел внутрь, и в нос ему сразу же ударил горячий и влажный воздух. В его потоке чувствовалось множество чудесных терпких запахов каких-то трав и цветов. Помещение, куда они вошли, оказалось небольшим и полутемным, варвар разглядел только широкую лавку возле одной из стен. Дверь — такая же маленькая, как и входная,— вела, по-видимому, в следующее помещение.

— Раздевайся,— коротко бросила ему Дейдра, и сама быстро сбросила одежду.

Пока оторопевший от неожиданности киммериец пожирал широко раскрытыми глазами ее стройное тело, которое без одежд выглядело еще более манящим и прекрасным, колдунья открыла низкую дверцу и скрылась внутри, на прощание неожиданно обернувшись и показав варвару язык. Конан с трудом перевел дыхание и последовал ее примеру. Застежка наплечника не поддавалась, или киммериец просто слишком торопился. Он оторвал ремешок, сбросил доспехи на пол и, молниеносно скинув все остальное, рванул ручку дверцы. Комната, куда он попал, была просторной, гораздо больше, чем столовая в доме колдуньи. Окна в строении все-таки были, точнее, одно окно, длинное и узкое, шириной в две ладони, проходившее под самым потолком слева от входа. По сравнению с этим помещением воздух в предыдущей комнатенке представлялся просто прохладным. Жар мгновенно охватил тело киммерийца, и он невольно потянулся, с наслаждением впитывая тепло. В воздухе стоял легкий водяной туман, и Конану пришлось постоять несколько мгновений, прежде чем он смог разглядеть обстановку.

Первое, что бросилось в глаза, — три огромные лохани высотой примерно ему по пояс и такие большие, что в них, наверное, поместился бы слон или, по крайней мере, большая водяная лошадь, животное, которое варвар когда-то видел в Стигии. Эти огромные лопухие звери весь день просиживали там в грязных озерах, выставив наружу только выпуклые ноздри, с шумом втягивавшие воздух, словно кузнечные мехи. Лохани были наполнены водой, и над ними поднимались облачка пара. У дальней стены киммериец увидел длинную деревянную лавку, над которой была сооружена такая же длинная и широкая полка, справа от них были подвешены несколько связок веток. Еще правее стояло широкое ложе, покрытое циновкой из каких-то мягких на вид волокон. Варвар медленно

обвел глазами комнату и присвистнул: Дейдры он не обнаружил.

«Попался! — сплюнул Конан и обернулся назад, нащупывая ручку двери. — Надо немедленно убираться отсюда!»

Но он не успел сделать и шага, как в дальней лохани раздался всплеск, и над поверхностью воды появилась голова Дейдры с прилипшими ко лбу мокрыми спутанными волосами.

— Уф! — с шумом выдохнув, удовлетворенно простонала она. — Если бы ты знал, как хорошо! Ну что ты застыл, как изваяние? — засмеялась колдунья, высунувшись из воды по пояс и сводя киммерийца с ума плавной линией загорелых плеч и крепких грудей с напряженными сосками, глядевшими чуть в стороны. Мелкие капельки воды, покрывавшие ее тело, словно алмазы, сверкали в туманном воздухе. — Залезай ко мне! — позвала она.

Такой призыв и мертвого поднял бы из могилы, что уж говорить об истосковавшемся по ласке варваре! Он, как олень, прыгающий через расселину, бросился к женщине. Перемахнув через борт лохани, он шлепнулся в воду, подняв тучи брызг и, протянув руки, попытался схватить Дейдру, но она со смешком плеснула ему в лицо пригоршню воды. Конан мгновенно зажмурился, потому что глаза сразу же немилосердно защипало. Его раны, полученные в подвалах Мэгенн, тоже засадили, причиняя сильную боль.

— Закрой глаза! — услышал он голос колдуньи. — Опустись под воду и потерпи немного.

Киммериец повиновался. Через несколько мгновений он почувствовал, что его тело становится легким, как будто невесомым, и боль из ран куда-то уходит. Он высунулся из воды и, протерев глаза, вновь попробовал поймать Дейдру, но она, скользкая, словно ящерица, ловко вывернулась из его рук и, выскочив из лохани, бросилась к следующей. У

варвара остановилось дыхание, когда он увидел гибкую спину, округлые ягодицы и длинные сильные ноги, мелькнувшие перед его глазами. Она прыгнула в воду, подняв фонтан брызг, и сразу же вся поверхность воды окуталась плотным голубым туманом. Киммериец, взревев, словно медведь, вылетел из лохани и бросился за женщиной. Лохань оказалась глубокой, почти ему по грудь. Держась одной рукой за бортик, он пошел по кругу, другой рукой пытаясь достать Дейдру.

Туман был таким густым, что Конан ничего не видел, лишь слышал совсем рядом смех колдуньи, да иногда его пальцы ощущали упругую плоть. Киммериец отпустил бортик и бросился в воду, но Дейдра снова выскользнула из его рук. Промашнувшись, он нырнул и резко развернулся, стараясь схватить ее под водой, но лишь слегка задел ее бедро. Он выпрыгнул на поверхность и, рассекая воду, стал шарить вокруг, но так и не поймал женщину и по-прежнему ничего не видел в густом голубом мареве. Варвару казалось, что желание сейчас разорвет его изнутри. Он подплыл к бортику и выглянул из тумана. Дейдра сидела в соседней лохани и дразнила его розовым язычком.

— Я тебя все равно поймаю! — грозно пообещал Конан, выпрыгивая из лохани и бросаясь к ней.

— Попробуй! — засмеялась колдунья и скрылась под водой.

Киммериец в два прыжка очутился возле ее лохани, но, ожидая подвоха, остался снаружи, внимательно вглядываясь в темную зеленоватую воду. Прошло несколько мгновений, показавшихся варвару вечностью, а колдунья все не появлялась на поверхности. Он перегнулся через борт, чтобы получше разглядеть, что там происходит, но вдруг две гибкие руки обвили его шею и с силой потянули вниз. Конан позволил увлечь себя в воду и, трепеща, наконец-то сжал в объятиях так долго ускользавшую от него и такую

желанную женщину. Прижав Дейдру к себе, он встал на ноги. Она, чуть потянувшись вверх, прильнула губами к его жадно раскрытому рту.

Варвар ощутил в себе силу, способную разорвать даже якорную цепь, каждый мускул приобрел твердость бронзы. Держа женщину на руках, он перешагнул через бортик и понес ее к ложу. Тонкие пальцы колдуньи ласкали его шею и перебирали пряди мокрых волос.

Киммериец почувствовал, как пламя охватило все тело, а сердце бешено забилося, отрываясь в голове ударами туранских бубнов. Сознание начало раздвигаться, выпуская на свободу другого Конана, не человеческое существо, а силу, равную порывам урагана, который выворачивает с корнем деревья, силу, отдельную от него и в то же время слитую с каждой клеточкой его тела и всеми обостренными чувствами. Ощущая трепет бедер женщины и ее затвердевшие соски, которые, казалось, царапают кожу его плеча, варвар знал, что она испытывает то же самое. Дейдра застонала и выгнулась дугой, когда он, выпустив ее на мгновение из объятий, бережно уложил на ложе.

— Поймал... — услышал киммериец жаркий шепот, и всепожирающий огонь страсти поглотил их.

Прошло немало времени, прежде чем они снова смогли воспринимать окружающий их мир. Дейдра медленно спустилась с ложа и, окунувшись в воду, пошла к двери.

— Не уходи! — крикнул варвар, вскакивая на ноги.

— Я ужасно голодна, — обернувшись, ответила колдунья. — Пойдем в дом. Кроме омовений на свете существует еще немало приятного.

— Ты права, — засмеялся Конан и последовал за женщиной.

Звезды уже высыпали на черное небо, и в ночном воздухе не слышалось ни одного звука, кроме шелеста их шагов. Киммериец потянулся всем телом и ощутил легкую усталость, но это была такая невыразимая

истомы, что варвару захотелось закричать, исторгнуть дикий вопль, от которого на горных тропах начинается камнепад. Он едва успел прикрыть рот ладонью.

«Не напрасно я затеял это,— с удовлетворением подумал он.— Скоро здесь начнется совсем другая жизнь».

Вдруг тишину нарушило хлопанье крыльев и, чуть не задев по лицу варвара, несколько крупных птиц, в темноте он не разобрал, каких, сделав крутой вираж, влетели в открытое окно на чердаке дома. Дейдра, которая уже взялась за ручку двери, остановилась и бросила Конану:

— Подожди. Я сейчас! — Она повернула обратно за угол, откуда они только что пришли.

— В чем дело? — поинтересовался варвар, направляясь за ней.

Женщина шла стремительно, почти бежала к приставной лестнице, ведущей на чердак. Киммериец, не раздумывая, последовал за ней — отчасти из любопытства, отчасти потому, что просто хотел быть с ней рядом.

В полумраке комнатухи под крышей, которую освещала крошечная лампа, подвешенная под коньком, он увидел потрясающую картину. Дейдра сидела на корточках, а в круге света пять голубей исполняли какой-то сложный танец, помогая себе крыльями. Совсем как люди! Они подпрыгивали на месте, сходились по парам, вновь разбегались от центра круга и застывали на несколько мгновений неподвижно, качая головами в такт неслышной музыки. Дейдра внимательно смотрела на пернатых, иногда жестом просила повторить какое-то движение, и птицы, словно понимая ее, послушно выполняли предыдущие фигуры.

— Умницы,— наконец похвалила их Дейдра.— Отдыхайте, красавцы мои.

Голуби направились к корытцу с зерном, а колдунья, повернувшись к оторопевшему варвару, коротко сказала:

— У Паины неприятности. Давай спустимся и поговорим за столом.

Они вернулись в дом и, поглощая запасы Дейдры, киммериец внимательно выслушал ее:

— Кто-то уничтожает девушек. Не человек, нет! Девушка исчезает, на месте остается одежда и оружие — и больше никаких следов. Я подозреваю, что Мэгенн напустила на них белых червей. Про этих жутких чудовищ, что подчиняются ей, рассказывал мне в свое время Мерид.

— Опять этот Мерид... — вздохнул Конан.

— Он и твой друг,— погладила его по плечу Дейдра.— Не надо обижаться на него. Никто не виноват, что Мерид встретил меня раньше, чем ты. Но дело не в этом,— вновь вернулась она к своему рассказу.— Он говорил, что еще мать Мэгенн владела магическим коконом, Бастутом, из которого выходят белые черви.

— И что, червяк может съесть живого человека? — недоверчиво посмотрел на нее варвар.

— Этот может,— кивнула колдунья.— Его длина — локтей пятнадцать, а толщина — с бочку. Но самое главное, что, перед тем как напасть, он усыпляет свои жертвы.

— Что надо сделать? — Киммериец поднялся из-за стола.

— Мне на три дня надо задержаться здесь, поэтому ты пойдешь один. Я дам тебе амулет.— Дейдра подошла к шкафу и, вытащив что-то из ящичка, вернулась к варвару.— Вот, наклонись.— Она надела на его шею тонкую золотую цепочку с медальоном в виде кленового листа.— С ним тебя не усыпить даже этим Бастутом. Дальше тебя учить не надо. Только учти: черви прячутся там, где камень имеет трещины или расселины, забитые песком. Перво-наперво выведи всех из пещеры. Эти черви не различают людей и ищут их по запаху. В любом случае они все приползут к тебе, если вокруг больше никого не будет. И помни: зубы у них не хуже тигриных, будь очень внимателен.

— Мне так не хочется с тобой расставаться,— обнял Дейдру варвар.

— Мне тоже,— вздохнула женщина, тесно прижимаясь к нему.— Я жалею теперь...

— О чем? — спросил киммериец, и тут же догадался: — О том, что долго не давала себя поймать?

— Да,— засмеялась колдунья, и лицо ее вспыхнуло.

— Ничего,— успокоил ее Конан.— Мы еще наверстаем упущенное. Я скоро вернусь!

Часть пятая ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Глава первая

Когда Конан на взмыленном скакуне появился в лагере гирканцев, солнце уже стояло высоко на небосводе, поливая землю горячими лучами. Тайрад, который встретил его, выглядел спокойным, но в глазах друга варвар заметил тревогу.

— Я все знаю,— предупреждая его слова, бросил киммериец и спрыгнул с коня.— Дейдра послала меня к вам на помощь. Не пройдет и дня, как я выкурю отсюда этих мерзких тварей. Червяки! Это надо же придумать такую погань!

— Да дело не в этом,— мрачно ответил гирканец.— У нас погибли три человека, остальных мы успели вывести из пещер, и теперь собираемся перенести лагерь вон туда.— Он указал рукой на заросшее лесом плато.

— Ну конечно! — скривился варвар.— Амазонки и мечтать не могли, чтобы мы вышли из пещер! Ты забыл, насколько их больше?

— Ну, нас тоже голыми руками не возьмешь,— усмехнулся юноша.— К этому плоскогорью ведет всего одна тропа. Поставим десяток дозорных, и беспокоиться будет не о чем.

— Тогда я не понимаю тебя, клянусь Белом,— нахмурился Конан.— С чего ты такой смурной?

— Твоя знакомая...— постукивая плеткой по сапогу, медленно проговорил Тайрад, словно не решаясь продолжать.

— Паина? — догадался варвар. — Что на сей раз?

— Она застучала двух своих девушек с этими козлами, покарай их Эрлик! — выругался гирканец. — Говорил я им, чтобы не забывали об осторожности!

— Какими козлами? — не понял Конан.

— Помнишь, ты взял в плен двоих туранцев, Арчила и Берхета?

— Моряков, что ли? Неплохие ребята, — ответил киммериец.

— Неплохие... — сплюнул Тайрад. — Может, и неплохие. Только ума боги им не дали. Улеглись со своими подружками чуть ли не у шатра Паины...

— Застучала, значит, говоришь?! — воскликнул варвар, и его громоподобный хохот вспугнул парочку пташек, до того мирно чирикавших на ветке. — Ну и как? — Он представил выражение лица Паины, когда она увидела двух туранцев, предающихся плотским утехам с ее амазонками. — Наверное... Наверное, у нее глаза на лоб вылезли...

— Вылезли, не сомневайся. — Тайрад явно не разделял бурного веселья варвара. — Хотя я сам этого и не видел. Но зато я видел, как она тут же собрала всех женщин и выставила караулы между нашими отрядами. Что будет дальше, я не знаю. Слышишь? — Он поднял вверх палец.

Киммериец прислушался. Даже сквозь шум и суету в лагере гирканцев, сворачивавших стоянку, были слышны крики из отряда Паины, который находился за высоким кустарником, ближе к входу в пещеру.

— С самого утра там, видно, большой скандал, — печально посмотрел на варвара гирканец. — Боюсь, все наши планы рухнули...

— Совсем наоборот, — усмехнулся варвар. — Вот если бы все было тихо, я, может быть, и согласился с тобой, а так... — Он похлопал юношу по плечу. — Не горюй о своих пташках, — подмигнул киммериец. — Ставлю туранский золотой, что ты завел уже не меньше пяти-шести подружек.

— Их было десять, — скромно потупился Тайрад. — И все согласны стать моими женами.

— Ну вот видишь, сколько у нас сторонниц? — засмеялся Конан. — Поэтому и крики. Иначе виноватых скрутили бы, и я не дал бы за их жизнь и волоска с хвоста Нергала. Пойду посмотрю, что у них там происходит, — кивнул он гирканцу, — да и червями заняться пора.

— Будь осторожен, — предупредил его Тайрад. — Эти твари, похоже, съедают людей без остатка. Только доспехи потом находят.

— Не беспокойся, — успокоил его варвар. — У меня против них кое-что есть. А вы побыстрее выступайте, чтобы не успели подойти войска Эниды.

— Ладно, — махнул рукой юноша. — Увидимся после...

— Увидимся, можешь не сомневаться, — снова похлопал его по плечу киммериец. — Клянусь Кромом, я справлюсь с этой поганью!

Он быстрым шагом направился к зарослям кустарника, из-за которого слышались гневные выкрики Паины.

— Стой! — выскочили ему наперерез две вооруженные дротиками и короткими ятаганами амазонки. — Мужчинам сюда нельзя!

— А я и не мужчина, — не обращая внимания на их грозные лица, рассмеялся варвар. — По крайней мере, — он не отказал себе в удовольствии задержать взгляд на крепких стройных телах, прелести которых не скрывали легкие рубахи, — здесь в этом я замечен не был, как некоторые.

Девушки переглянулись, как бы спрашивая друг у друга, что делать дальше. К тому же они прекрасно понимали, что вряд ли смогут остановить этого гиганта в полном вооружении и доспехах.

— Вот что, красавицы, я сюда не шутки шутить пришел. Паина сообщила о том, что у вас случилось, Дейдре, и она прислала меня вам на помощь. Так что

исполняйте свой долг, а мне надо поговорить с вашей предводительницей. — Он не удержался, чтобы легонько не ущипнуть одну из девушек за тугую щечку. — И можете не беспокоиться: все будет в порядке, — заверил он слегка опешивших амазонок.

Он вышел на поляну и увидел, что отряд Паины разбился на две неравные части. Одна группа, в которой находилось больше женщин, почти прижала ко входу в пещеру Паину с остатком верных ей амазонок, в основном офицеров ее войска. Обе стороны уже были готовы схватиться за оружие, и их крепко сжатые кулаки и метаящие бешеные молнии взгляды не сулили ничего хорошего. Однако воспитанное с детства почитание старших и привычка повиноваться не позволяли амазонкам сделать последний шаг. Паина с развевающимися волосами и почти безумным взглядом воспаленных глаз бросала в толпу противниц гневные обвинения в отступничестве и пренебрежении законами предков. Несколько верных ей амазонок, вооруженных копьями, сдерживали остальных.

— Вы хуже гиен! — Голос Паины срывался. Было видно, что она уже давно кричит на женщин, пытаясь вновь обрести власть над непокорными. — Променять честь принадлежать к славному народу женщин-воительниц на удовольствие барахтаться под этими недоделанными самцами! Кости наших предков, наверное, рассыпаются в прах от такого бесчинства! Как вы могли!

Конан даже пожалел Паину. Несчастная женщина потерпела сокрушительное поражение: сила была не на ее стороне, а умением убеждать амазонки никогда не обладали.

— Почему же это недоделанные? — громко спросил Конан, выходя на открытое пространство, и на поляне тут же воцарилась тишина. — С чего вам пришла в голову такая глупость? — Он распростер руки, приняв позу, в которой был изваян Солнцели-

кий Митра в одном из храмов Шадизара. — По моему, у меня все на месте. Впрочем, как и у моих друзей. А если не верите...

Женщины расхохотались, и варвар увидел, что в направленных на него взглядах нет ни презрения, ни надменности, с какими амазонки обычно смотрели на мужчин.

«Неплохо поработал Тайрад со своими парнями, — с удовлетворением подумал он. — С этими девушками стоит иметь дело, от многих я бы и сам не отказался».

— Молчи, ублюдок! — опомнилась Паина. — Если бы я знала, что произойдет...

— Увы, — философски заметил, усмехаясь, киммериец, — предвидеть будущее могут только боги, а не простые смертные, даже такие знатные, как ты. — Он отвесил шутливый поклон. — Я ж тебя предупреждал, — продолжал варвар, надеясь пробудить здравый смысл в этой отчаявшейся женщине, — рано или поздно ваша жизнь должна будет измениться. Видишь, я оказался прав.

— Мерзавец! — Паина попыталась выхватить меч, но ее офицеры не позволили ей этого сделать. — Пустите! — вырывалась она. — Клянусь богами, я расколю этому варвару череп!

— Паина, — киммериец подошел почти вплотную к ошетинившейся копьями группе, — сейчас надо думать не об этом, иначе...

— Все! — вдруг выкрикнула амазонка. — Делайте что хотите! — Она опустилась на землю, обессиленная и побежденная. — Пусть боги накажут вас, отступников.

По толпе женщин пронесся ропот, который, впрочем, быстро затих. Вид еще недавно сильной и властной предводительницы, потухшим взором обводящей своих подчиненных, произвел впечатление даже на не привыкших к жалости воительниц.

— Да что с ними связываться! — слышались голоса из толпы. — Если эти несчастные дуры не желают внимать голосу разума, мы обойдемся и без них!

— Вот и хорошо, — усмехнулся Конан. — Выберите себе командиров и действуйте. Время не ждет.

— Зачем выбирать? — Вперед вышла девушка, которая показала Конану путь к Ульменскому храму. — У нас уже есть командиры — Тайрад и Давас.

— Правильно, Майке! — поддержали ее из толпы. — А еще Вульф, еще Арчил... Шахаб...

— Хватит! Стрекочете, как сороки! — рявкнул киммериец. — Так вы всех мужчин назначите командирами, что, впрочем, конечно, правильно, — он торжественно поднял вверх палец, — но не сейчас. Все вы пойдете под начало Тайрада, а дальше пусть он решает. Понятно?

Варвар окинул взглядом амазонок, которые смотрели на него с неожиданным почтением.

— Чего ждете? — продолжал он. — Надо быстро свернуть лагерь и убираться отсюда, пока не нагрянули войска правительницы. Ты, — указал он на первую попавшуюся ему на глаза женщину, — быстро сбегай к Тайраду и позови его сюда. Остальные — за дело!

Второй раз приказывать амазонкам было не надо. Они мгновенно разбежались, и скоро лагерь охватила суeta сборов: сворачивали шатры, укладывали скарб в переметные сумки, подводили лошадей — все делалось быстро, четко и слаженно, каждая знала свою обязанность, и только Паина, окруженная своими сторонницами, оставалась неподвижной, не в силах осознать до конца, что же произошло.

— Возьмите их с собой, — кивнул Конан подошедшему Тайраду, — и хорошенько охраняйте. Хоть они и дуры, жалко их оставлять на потеху Эниде. Потом решим, как с ними поступить. Когда я управлюсь с червями, мы вернемся сюда, потому что боюсь, на плоскогорье, если войска Эниды успеют нас окружить, мы долго не продержимся, а в пещеры они не сунутся. Ну, мне пора!

Глава вторая

Взяв десяток просмоленных факелов, варвар направился ко входу в пещеры. Помня наставления Дейдры, он решил тщательно выбрать место, где примет бой с белыми червями. В неровном свете колеблющегося пламени выступы стен и камни, в беспорядке валявшиеся по галереям, отбрасывали причудливые тени, и киммерийцу казалось, что это шевелятся вылезающие отовсюду твари. Настороженно оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху, он достиг огромного зала в глубине пещер. Факел не мог осветить все пространство, и Конан обошел грот, выискивая наиболее удобное, как ему представлялось, место, где не было бы расселин или песчаных осыпей.

«Вот здесь. — Варвар оглядел небольшую ровную площадку, клином входившую в монолит стены. — Сзади и с боков крепкий камень, пусть они вылезают из других мест и ползут сюда, а я их встречу». Он повертел в руках длинный обоюдоострый меч.

Конан пристроил факел повыше на стене и уселся на большой камень, вслушиваясь в тишину, которую нарушало только потрескивание горевшего просмоленного дерева.

«Только бы хватило света, — думал киммериец. Ему казалось, что факел горит слишком быстро. — В темноте мне крышка, как пить дать, даже из пещер не выберусь...»

Он примерно запомнил путь, которым добрался сюда, но от главной галереи отходило множество ответвлений, так что без света и думать было нечего отыскать выход. Воздух тут был влажный, но без запахов и даже казался свежим. Варвар, скрестив руки на груди, напряженно всматривался в терявшиеся в полумраке своды огромного каменного зала.

«Все же побольше места, чем тогда,— вспомнил Конан свое юношеское приключение в подземелье, слегка напомиавшем эту пещеру.— Когда мерзавец Герат заманил меня в подвал к пегому козлу, как его...— Он наморщил лоб, но имя долго ускользало из памяти.— Ага, Дархан. Сын шакала,— обругал его киммериец.— Хотя, конечно, во всем виноваты моя тогдашняя жадность и излишняя доверчивость».

Конан тогда был еще совсем молод и обитал в Шадизаре, Городе Негодяев, как его называли во всей Хайбории. Косой туранец Герат, поднаторевший в воровских делах, предложил Конану ограбить купца Дархана, и не просто ограбить, а проникнуть к нему в подземелье, где торговец якобы добывал голубой камень ладжаур. Ладжаур! Этот камень ценился не только за небесную голубизну, но и считался магическим. Каждый мечтал иметь какую-нибудь вещь или хотя бы просто пластинку из очень красивого голубого с прожилками камня.

Варвар долго сомневался, так как все знали, что ладжаур привозят из далеких вендийских каменоломен, но все-таки поддался уговорам Косого, и они отправились в дом Дархана, и все произошло так, как и должно было произойти, если поверить шелудивому потомку неизвестного отца. Киммериец сделал пару шагов и... Пол под ним как бы разломился надвое, и он полетел вниз, в крошечную темноту.

«Да,— не без усмешки вспоминал варвар,— за просто мог бы оставить там свои кости, да, видать, мне суждена другая гибель».

Пегий козел Дархан заманивал доверчивых простаков, каким показал себя тогда юный киммериец, и они добывали ему камень, а потом подышали в подземелье, и тогда Герат поставлял купцу новых рудокопов. Благодаря упорству и силе — и еще немного удаче — Конан сумел выбраться из проклятого подземелья, и это приключение помогло ему излечиться от излишней доверчивости.

«Здесь хоть воздух свежий, не то что в ладжауровой штольне этого Дархана.— Киммериец в очередной раз обвел пещеру внимательным взглядом.— А где, собственно, обещанные черви? Мне тут долго ждать не с руки, факелы убывают, не вечные они, рога и хвост Нергала!»

* * *

Четверка всадниц мчалась по ночной дороге, которую едва освещала луна, изредка выглядывавшая из-за низких облаков. Они нещадно погоняли коней, каждое мгновение ожидая услышать звуки погони. Однако позади было тихо. Кавалькада спустилась с холма в долину, и впереди показались далекие огни.

— Столица! — обернувшись назад, крикнула спутницам Паина.— Теперь нас уже не взять!

Факелы, горевшие на стенах Барун-Урта, казались в ночном полумраке далекими светлячками, но беглянки, понимая, что избежали погони, немного сбавили скорость. Лошади перешли на легкий галоп, тяжело дыша после изнурительной скачки.

— Мы выбрались оттуда,— Паина похлопала по плечу одну из своих спутниц,— только благодаря тебе, Талис. Ты спасла нам жизнь.

Женщина, усмехнувшись, кивнула Паине. Их кони бежали рядом, почти касаясь боками, и каждая из них еще раз вспомнила короткую схватку с караулом, который оставили стеречь их. Когда их обыскивали, прежде чем связать, Талис удалось спрятать нож, а потом обстоятельства сложились так, что именно она смогла

распутать небрежно завязанный узел и метнуть нож в охранявшую их амазонку. Пока обнаружили их исчезновение, Паина и три верные ей воительницы уже скакали по лесной дороге далеко от лагеря.

— Эту заразу надо истреблять в самом начале! — зло выкрикнула Паина, будто продолжая спор с киммерийцем. — Наш народ погибнет, если мы пойдем на поводу у отступниц. Так?

Амазонка, ехавшая рядом, безмолвно кивнула в знак согласия. Собственно говоря, Паина и не ждала ответа, она просто еще раз выплеснула наболевшее.

— Что мы теперь будем делать? — спросила, поравнявшись с ними, еще одна амазонка. — Получается, что мы никому теперь не нужны. Энида — наш враг, а бывшие подруги — тоже противники...

— Лучше быть с новой правительницей, чем с этими, — резко бросила Паина. — Акила умерла, и, значит, нет смысла бороться против Эниды. Впрочем, — добавила она, — вы вольны поступать по-своему. А я не могу оставаться на стороне тех, кто так легко забыл наши заветы. Но если встретимся на поле боя, — мрачно закончила женщина, — то клянусь богами, я вас не пощажу.

— Нет, нет! — хором вскричали ее спутницы. — Мы с тобой, Паина, как были всегда. Мы поедем с тобой.

Некоторое время женщины скакали молча, глядя на приближавшиеся огни факелов на стенах Барун-Урта.

* * *

— Это хорошо, что ты осознала преступность своих действий. — Мэгенн, удобно расположившись в кресле, тяжелым взглядом уставилась на Паину, которая стояла перед ней.

Колдунья немало удивилась, когда присланная начальницей городской стражи амазонка сообщила ей, что у ворот столицы остановилась Паина в сопро-

вождении трех всадниц. Она решила пока ничего не сообщать правительнице и выяснить, что все это значит. Тем более Эниду все равно вряд ли удалось бы разбудить так рано. Теперь, выслушав рассказ амазонки, она ликовала в душе. Паина, сама Паина, одна из самых смелых и сильных воительниц, решила перейти на их сторону!

— Садись, — кивнула Мэгенн на кресло, стоявшее напротив. — Вижу, что ты искренне заблуждалась, да и твоя преданность Акиле достойна одобрения, хотя бывшая наша повелительница и наделала ошибок. Значит, ты хочешь просить прощения у Эниды?

Паина молча кивнула.

— А чем ты сможешь доказать свою преданность правительнице? — пристально взглянула на нее колдунья, которая все еще боялась поверить в столь неожиданную удачу. — Ведь ты выступала против Эниды, и она вряд ли доверится тебе или поставит на такой же высокий пост, какой ты занимала при Акиле.

— Я не за наградами сюда пришла, — хрипло ответила амазонка. — Я хочу, чтобы в нашей стране все оставалось по-прежнему, потому что иначе всех нас ждет неминуемая гибель.

«Так же надменна и горда, как и прежде, — усмехнулась про себя Мэгенн, вспоминая редкие встречи с первой помощницей Акилы и ее крутой нрав, не терпящий возражений и требующий беспрекословного повиновения. — Что ж, голубушка, теперь многое переменилось, и уже ты зависишь от меня».

Паина без тени боязни или подобострастия смотрела в глаза колдунье. Жизнь приучила ее к суровости и прямоте, смерть любимой правительницы, единственного близкого ей человека, не оставила в жизни почти ничего достойного сильных чувств, а за себя она никогда не волновалась. Еще два дня назад она ненавидела новую правительницу и ее сподвижниц, свергнувших с трона Акилу, но теперь это чувство померкло перед яростью, которую вызвало поведение

ее амазонок. На ее глазах рушилось все, к чему она привыкла, чему служила всю свою сознательную жизнь, заполненную опасностями и суровым воинским трудом.

— Так чем ты сможешь доказать свою преданность Эниде? — повторила Мэгенн. — Откуда нам знать, что это не хитрость? Добившись нашего доверия и расположения, ты потом вновь можешь перейти на сторону врага.

Щеки Паины вспыхнули. Она так холодно взглянула на колдунью, что та даже поежилась, хотя собеседница была безоружна, а у двери стояли две стражницы, готовые в любой миг пустить в ход сабли.

— Никто не может обвинить меня в лукавстве, — резко бросила амазонка.

«Да уж, — согласилась с ней в душе Мэгенн. — В чем другом, а в этом ты замечена не была. Прямая и неsgiбаемая... Как полено, клянусь Змееголовым! Пожалуй, — прикинула она, — этому цепному псу в доспехах имеет смысл поверить. Если все на самом деле так, как она утверждает, она может принести немалую пользу».

— Ну? — спросила колдунья.

— Я покажу тебе, куда направился мой бывший отряд, и эти... — Паина поморщилась, словно у нее болел зуб. — Гирканцы.

— Да мне это не нужно, — усмехнулась Мэгенн. — Я приняла кое-какие меры, и скоро от твоих девочек не останется даже клочка кожи. Да и от гирканцев тоже.

— Ты слишком полагаешься на свое колдовство, — фыркнула Паина. — А знаешь ли ты, что в пещере нет амазонок, а киммериец уже, наверное, расправился с твоими монстрами?

— Как? — вскричала Мэгенн. — Я же...

— А вот так, — отозвалась амазонка, в свою очередь усмехаясь, — если ты сейчас же не пошлешь отряд, чтобы захватить варвара в пещере, и не пере-

кроешь дорогу на плато, я не поручусь, что мы когда-нибудь сможем остановить эту заразу.

— Так ты расскажешь нам все, что знаешь о пещерах? — вкрадчиво спросила колдунья, не в силах скрыть свою радость.

— У меня не будет тайн от правительницы, если я согласилась служить ей, — твердо ответила Паина. — Ты меня знаешь.

* * *

Варвар поджег очередной факел, вставил его в щель между двумя камнями и в это время услышал звук, похожий на шуршание гальки под ударами прибоя. Звук шел откуда-то сверху. Киммериец поднял глаза и остолбенел: прямо над ним в десяти — двенадцати локтях от его головы из каменного свода вытягивалось округлое белое существо, похожее на личинку бабочки. Длинный рот, занимавший почти всю переднюю часть головы червя, вдруг раскрылся, и в неярком свете блеснул ряд острых, как иглы, зубов.

«Началось, — подумал Конан. — Да уж, попасться на зубок этой твари — не приведи боги. Ну, держись варвар, теперь надо не зевать, иначе...»

Долго размышлять ему не пришлось: тварь вытянулась, как баранья кишка, став в два раза тоньше, но и длиннее, и резко, словно курица, склевывающая зерно, дернулась к киммерийцу, раскрыв страшную пасть. Конан отпрыгнул в сторону и успел нанести чудовищу удар мечом по тому месту, где тонкое туловище переходило в круглую голову. Раздалось шипение, и червь остался висеть в воздухе, слегка раскачиваясь.

«Так просто?» — изумился варвар, но тут же понял, насколько заблуждался.

Червяк изогнулся почти под прямым углом и вновь клюнул его разинутой пастью, то есть клюнул то место, где киммериец был мгновением раньше — прирожденная ловкость спасла Конану жизнь. Варвар снова взмахнул мечом и разрубил червя почти

пополам: часть туловища осталась висеть на полоске кожи, а изнутри поползла густая желтоватая масса, похожая на кукурузную кашу.

— Вот так... — Киммериец прижался спиной к каменной стене пещеры, оглядываясь вокруг. — Ух ты! — только и успел выдохнуть он через мгновение, отпрыгивая вбок.

Сразу два червя, невесть откуда появившиеся перед Конаном, бросились вперед, намереваясь схватить его зубами. Варвара спасло то, что они помешали друг другу, а сам он успел-таки ранить одного из них.

«Сколько их?» Лихорадочная мысль метнулась в мозг и пропала. Рассуждать было некогда: еще одна тварь показалась из расселины в десятке шагов от него.

Киммериец, краем глаза наблюдая за двумя червями, которые готовились к новому броску, прижался к стене. Шлеп! Это гадина, промахнувшись, врезалась головой в стену.

— Это вам не сонных девчонок жрать! Копыта Нергала! — Конан подбежал к третьему червяку и, опередив тварь, рубанул мечом поперек длинной щели рта и располосовал надвое плоскую белую морду. — Вот, попробуй-ка меча мужчины!

Он не стал разглядывать мертвых и подышающих монстров, а устремился в середину пещеры, надеясь, что черви не могут передвигаться столь же быстро, как он.

«Так, пока было четыре штуки, — соображал киммериец на бегу, быстро оглядываясь по сторонам. — Дейдра говорила, их не больше полудюжины. Тогда должны появиться еще только две».

— Кром! — внезапно вскричал он. — Факел!

В пылу борьбы с червями он забыл о факеле, и тот уже догорал в дальнем углу. Два чудовища тем временем, сгибая туловища наподобие мостика, стремительно приближались к варвару.

«Хорошо, что они плохо видят, — отступая назад и готовясь отразить нападение, подумал он, — иначе мне бы с ними не справиться».

Конан скорее почувствовал, чем увидел, молниеносные броски белесых гадов и, мгновенно распластавшись на полу, скользнул между ними, вскочил и со всех ног бросился к факелу. Он успел поджечь еще один и даже вставить его в расселину, схватил второй и сунул его конец в пламя, но тут в двух шагах от него, словно из морской пучины, прямо из камня начала вылезать голова еще одной твари. Варвар, не раздумывая, ткнул прямо в пасть разгоревшимся факелом, и тут же отпрыгнул в сторону, потому что два червяка, повернув назад, снова бросились на него. Тут киммериец понял свою ошибку: узкая площадка, на которой он намеревался встречать червей, ограничивала движения. Два чудовища почти перекрыли выход, а еще одно, оправившись от ожога, разрасталось рядом, словно гигантский гриб.

Конан стал медленно отступать назад, но через три-четыре шага уперся спиной в стену.

«Да они просто задавят меня здесь и сожрут», — похолодел он, наблюдая за монстрами.

Киммерийцу повезло: все черви метнулись к нему одновременно, стремясь поймать добычу разинутыми зубастыми пастьми. Голова одной из тварей выросла прямо перед ним, а две другие ткнулись в нее и задержали тем самым бросок. Конан, оттолкнувшись от стены, опустил меч на гнусную морду. Червь, издав жуткое шипение, затих, мешая своим собратьям. Варвар пробежал вдоль неподвижного туловища и встретил бросок нового противника резким ударом клинка. Тварь дернулась, и киммериец нанес еще несколько ударов, превратив голову монстра в кашу.

«Остался всего один... Или два?» — Конан едва увернулся от червяка и побежал в середину пещеры.

Варвар огляделся вокруг: один червь лежал, издыхая, недалеко от него, а новые пока не появлялись. Последний противник уже раскачивал головой в нескольких шагах от него, приподнявшись на кольцах туловища, словно змея.

Свист меча и шорох распрямившегося тела монстра слились в один звук. Разящий удар киммерийца пришелся чуть сбоку от левого глаза червя. Голова была слишком толстой, чтобы перерубить ее целиком, но и этого удара оказалось достаточно: чудовище дернулось в конвульсиях и затихло. Конан, смахнув пот со лба, оглядел поле битвы. Посмотреть было на что: пять длинных белых тел лежали перед ним неподвижные, словно белые камни.

«Значит, их всего пять. Может быть, Дейдра ошиблась, — прикинул варвар, — но я на нее не в обиде. Дело и так оказалось нелегким. Будь их больше, неизвестно, чем бы все закончилось, клянусь Владыкой Могильных Курганов! Теперь надо поскорее выбираться на свет, пока еще горят факелы».

Оглядываясь по сторонам, киммериец взял в руку факел и направился по галерее к выходу из пещеры. Вроде бы он шел правильно, освещая факелом стены и разглядывая отметины копоти, которые сам и сделал, когда направлялся сюда, но в одном месте у него появились сомнения. Конан свернул в сторону, в боковую галерею, поплутал немного по узким проходам, поминая Нергала, да и себя тоже, недобрым словом, потом вернулся на старое место и пошел дальше. И в это мгновение произошло то, чего он так опасался: факел мигнул два раза, зачал и погас, издав напоследок злое шипение.

Варвар очутился в кромешной тьме. Однако он чувствовал, что до выхода наружу не так уж далеко. Потянув носом, словно собака, киммериец определил, откуда идет свежий воздух и пошел туда, держась рукой за стену галереи. Примерно через сотню шагов ходы разветвились. Конан постоял, подумал, выбрал левый проход, который показался ему более широким, и не ошибся. Пройдя еще шагов пятьдесят, он остановился: впереди забрез-

жил слабый-слабый свет. Глаза быстро привыкли к новому освещению, и варвар даже смог разглядеть камни под ногами и бугристые стены галереи. Дальше он мог идти свободно, не держась за стены руками, словно слепец.

«Ну вот, скоро выберусь на свет, клянусь Белом, — осторожно ступая по камням, думал киммериец. — Интересно, сколько времени я пробыл здесь? Сжег десять факелов, — вспомнил он. — Наверное, утро, а может быть, уже и полдень».

Только сейчас Конан почувствовал, как сильно проголодался. Торопясь спуститься в пещеру, он захватил с собой только лепешку, которую уже давно сжевал, и урчание в животе красноречиво напоминало о том, что самое время хорошенько подкрепиться. Он прошел еще несколько шагов, галерея повернула вправо, и свет стал ярче. Оставался всего один поворот, ну, может быть, два, а там до выхода и рукой подать. Вдруг варвар почувствовал, что наткнулся на протянутую поперек галереи веревку. Он мгновенно отпрыгнул назад, но было поздно: откуда-то сверху на него упала сеть.

— Есть, попался! — услышал он женский голос, и из бокового прохода слева выбежали несколько вооруженных амазонок.

Киммериец попытался кинжалом разрезать сеть, но не успел: на него навалились со всех сторон.

— Держи здесь! Тяни!

Вскоре спеленутый, как младенец, он лежал на спине в свете зажженных факелов, а вокруг него стояли два десятка амазонок, которые, хохоча, обменивались впечатлениями от короткой схватки.

«Нергал мне в печень, — скрипнул зубами варвар. — Неужели Энида все-таки знала расположение ходов пещеры? Или ей кто-то подсказал?»

Сомнения его рассеялись очень быстро: раздвинув плечи столпившихся вокруг него воительниц, перед ним появилась Паина.

— Ну что, киммерийский ублюдок? — Амазонка ткнула его в бок носком сапога. — Напрасно ты появился в наших краях!

— Ох, и шустрая же ты баба, Паина! Надо было тебя прикончить, меньше бы было хлопот, — огрызнулся Конан.

— Тащите его к выходу!

Амазонки взяли за концы веревок и поволокли киммерийца по камням галереи.

Глава третья

«Н адо же так влипнуть! — Конан сидел в углу камеры, обхватив колени руками. — Что-то частенько я в последнее время попадаю за решетку. Пожалуй, это уже стало меня утомлять». Варвар скрипнул зубами от собственного бессилия.

Его бросили в ту же самую камеру, где он совсем недавно ожидал смерти. Киммериец даже не стал исследовать ее стены и запоры, что непременно делал каждый раз, когда попадал в очередное узилище. Какой смысл? Он тщательно обстучал все эти камни не более чем пять дней назад. Но все же то, что его не убили прямо там, перед входом в пещеру, на чем настаивала Паина, было добрым знаком. Лучше оказаться за решеткой с головой на плечах, чем на воле без нее.

«Паина, конечно, здорово меня ненавидит... — Варвар вспомнил перекошенное злобой лицо бывшей союзницы. — Такое впечатление, что больше, чем я, ей никто в мире не насолил. Словно демоны в нее вселились... Если бы не Мэгени — надо же, приходится быть благодарным такой сучке! — то сейчас я не обдумывал бы, как выбраться отсюда, а мирно прогуливался бы по Серым Равнинам. Знакомцев там у меня много, — мрачно усмехнулся он. — Обрадовались бы, наверное, что и их обидчик наконец попался. А ведь многих я туда отправил. Только, не сделай я этого, сам сейчас был бы в тех краях».

Не то чтобы киммериец раскаивался в содеянном за свою жизнь, просто мрачные мысли могут одолеть всякого, кто за одну луну уже в который раз видит над головой не чистое, усеянное звездами небо, а почерневший от времени каменный свод подземелья.

«Пока все кончалось благополучно, клянусь бело-снежной грудью Иштар,— подумал он.— А теперь?»

Конана не заковали в кандалы, как в прошлый раз, и это радовало: все-таки, хотя амазонки и умели воевать, они были женщинами, а значит, наверняка уступали в силе такому гиганту, как варвар.

«Чем не шутит мой давний покровитель Бел,— размышлял киммериец.— Уж я ли не следовал в свое время его заветам... Может, и подскажет лукавый хитроумец какой-нибудь выход...»

Немного успокоившись, он улегся на подстилку и заснул крепким сном, поскольку битва с червями Мэгени, закончившаяся совсем недавно, утомила даже такого могучего бойца.

Проспал киммериец немного: его чуткое ухо уловило слабый шорох за дверью. Он мгновенно вскочил на ноги и прислушался. В подземелье царил полумрак, но варвар, способный, как кошка, различать предметы даже при самом скудном освещении, разглядел, как под дверь вползает листок пергамента. Наклонившись, Конан взял его в руки.

Это оказался не пергамент, а клочок очень тонкой кожи, на котором были нацарапаны какие-то слова. Способности киммерийца не простирались так далеко, чтобы разобрать почти в полной темноте мелкие буквы, поэтому он подошел поближе к зарешеченному оконцу под потолком камеры и пробежал глазами написанное:

«Я все знаю. Помощь придет. Птицы».

Варвар перечел послание еще пару раз, но кроме того, что ему кто-то поможет, больше ничего не понял.

«Копыта и хвост Нергала! — выругался он.— Какие еще птицы? От кого это? Ну да ладно,— усмехнулся Конан.— Главное, что от кого-то придет помощь, и это совсем неплохо. Уж больно не хочется во второй раз служить жертвенным бараном на потеху Эниде и ее мерзавкам».

Киммериец прилег на подстилку, поднес письмо поближе к глазам, потом принялся, сам не зная, зачем это делает. Запах был легкий и немного приятный, словно он с головой окунулся в копну свежескошенных луговых трав. Что-то он сильно напомнил...

— Дурень! — Конан даже подскочил на месте, дивясь своей непонятливости.— Как же до меня сразу не дошло? Болван! Варвар — он и есть варвар,— честил себя киммериец, в то время как душа его ликовала и пела.— Птицы! Дейдра! Как я мог сомневаться! Хорошо еще, что старик Арруб научил меня в свое время грамоте, а то так и не понял бы, что Дейдра посылает мне весть. Птицы! — Он радостно хохотал, хлопая себя по коленям.— Она же возится с целыми стаями. Но как она поможет мне, если я сижу здесь, в самом логове Эниды? Теперь вряд ли удастся проникнуть в столицу через подземный ход. Наверняка Паина все рассказала Мэгени и правительнице.— Варвар встал и сделал несколько шагов по камере от стены к стене, сосредоточенно размышляя.— Но как бы то ни было, надо готовиться к любым неожиданностям. Если Мэгени может управлять червяками, то, может быть, у моей Дейдры тоже припасено что-нибудь подобное. Вдруг сейчас — раз, и кусок стены возьмет и отвалится... И я на свободе!

Пролом в стене! В памяти тут же всплыл Шади-зар, он сам, юный и беспечный... Кому могло прийти в голову ограбить ученого, мага, знахаря, целителя и чернокожника Арруба? Разумеется, единственным смельчаком оказался он, Конан.

Его верный приятель и поделщик Ловкач Ши Шелам давно намекал киммерийцу, что хорошо бы навестить дом старого чародея, что добра у того — видимо-невидимо. И каковы же были разочарование и злость поддавшегося наконец на его уговоры варвара, когда он не обнаружил в доме не только сундуков с золотом, серебром и самоцветами, но и вообще ничего мало-мальски ценного! И тогда, шаря по полкам в тщетных поисках добычи, он наткнулся на кувшин с каким-то напитком, издававшим упоительный аромат — такой, что разом вспомнилась ему таверна жирного Абулетиса и большие бочки в ее подвалах.

Запах был похож и не похож на винный. От горшков явно тянуло хмельным, но не туранской кислятиной, не терпким офирским, не крепким аргосским и не сладким пальмовым вином Иранистана. Пожалуй, больше всего это напоминало мед — пьяный медовый напиток, какой готовят в Бритунии и других северных странах, где не растут финиковые пальмы и виноградная лоза. Конечно, южные вина разнообразней по вкусу, но и меды бывают всякие. Это зависит от того, с каких лугов пчелы несли нектар и что за травы добавили медовары к напитку... У хорошего мастера получалось совсем неплохо: и крепко, и сладко, и ароматно... Словом, Конан ничего не имел против меда, и смущало его лишь одно — что мед сей сварен колдуном.

«А ведь этот клочок кожи, что прислала Дейдра, — Конан снова понюхал записку подруги, — пахнет так же, как тот напиток — напиток, которому я обязан своей грамотностью!»

...Тогда же он почувствовал непреодолимую жажду, причем пить хотелось с каждым мигом все сильнее. Киммериец потянулся к кувшину и жадно опрокинул в себя его содержимое. Напиток оказался восхитительным и более крепким, чем

бритунская медовая брага, не портил его и слабый привкус горьковатых трав, будивший воспоминания о горных лугах Киммерии. Однако наслаждаться легкомысленному юнцу, который осмелился не только проникнуть в дом великого мага, но и выпить колдовского зелья, пришлось недолго: наложенные на напиток чары подействовали, и Конан уменьшился в размерах, превратившись в голое беспомощное существо ростом в половину человеческого мизинца!..

Узкая полоска света в окне превратилась в сумрачное серое пятно, потом совсем стемнело, но киммериец, захваченный воспоминаниями, лишь отметил про себя, что наступила ночь, и вновь перед его глазами всплыли события тех давних дней.

...Когда появившийся в доме хозяин обнаружил незадачливого ворешку, то оказалось, что он может вернуть киммерийцу прежний вид только через год, когда ему привезут травы из далекой Вендии и он сумеет сварить новое магическое питье, а пока варвару придется сидеть, как мышонку, и ждать. Правда, Конан мог избавиться от заклятия и раньше, если сумел бы сам, без запинки и ошибок, повторить заклятие, написанное в древней книге.

— Это мне не подходит! — вскричал тогда в отчаянии Конан. — Я не смогу прочитать ни это проклятое заклинание, ни страницу из других мудрых книг, ни полстраницы, ни даже четверть... Я, видишь ли, не знаю букв.

Великий маг тогда несказанно удивился, каким образом дерзкий варвар, осмелившийся забраться в его жилище, до восемнадцати весен не удосужился обучиться грамоте. Киммериец объяснил, что там, где он родился, грамота не в почете и его земляки пишут не стилем на выбеленной коже, а остриями мечей на шкурах врагов. Тогда мудрый старик произнес слова, которые Конан не забыл до сих пор, хотя и прошло уже немало времени:

— Сколь велика бездна людского невежества! Снова и снова убеждаюсь я в этом, однако не перестаю удивляться! Ведь человек, не умеющий разоб-
раться написанного, подобен слепцу, блуждающему в
темном подземелье вокруг бездонного колодца! Ни
выхода он не найдет, ни огнива, чтоб высечь искру и
осветить путь, и свалится рано или поздно в коло-
дец...

Арруб предложил юному варвару выбор: или обу-
читься грамоте, или ждать целый год, пока из Вендии
или Кхитая не привезут нужные травы. Год — не так
уж долго, и если за это время его не сожрут крысы...
Смерть в крысиной пасти Конан счел невероятно
позорной: доселе так не погибал ни один киммериец,
и Кром, конечно же, не прижал бы его в свои могиль-
ные курганы. И он, поразмыслив всего несколько
мгновений, твердо произнес: «Я буду учиться, ста-
рик!»

— Нет худа без добра, — усмехнулся киммериец,
оторвавшись от воспоминаний. — Если бы не тот ви-
зит к Эль Аррубу, сейчас я был бы подобен слепцу, и
многое проходило бы мимо, словно вода, бесполезно
омывающая прибрежный камень. Ишь как загово-
рил, — поддел он себя. — Цветисто, как старый муд-
рец из Шадизара. Но где же обещанная помощь? Да
и поесть не мешало бы. — Конан сглотнул слюну,
потому что голод давал о себе знать все сильнее. —
Когда же я ел в последний раз? Один Нергал знает. —
Киммериец потянулся всем телом. — Интересно, сколь-
ко я пробыл в пещере? Да и здесь уже сутки, навер-
ное. Вон уже и светает...

Глава четвертая

Действительно, за окном забрезжил рассвет, пред-
вещавший наступление нового дня. Варвар
покрутил шеей и потянулся, чтобы немного
размять мышцы после долгой неподвижности и без-
делья. Внезапно за дверью послышались легкие шаги,
Конан встрепенулся, встал на ноги и замер в ожида-
нии. Дверь слегка приоткрылась, и внутрь заглянула
кудрявая женская головка. Киммериец не двинулся
с места, хотя ему ничего не стоило одним прыжком
достать девушку и свернуть ей шею до того, как она
успела бы понять, что происходит.

— Сейчас я принесу тебе поесть, — негромко ска-
зала она. — Ты, наверное, голодный.

— Еще бы, — фыркнул варвар. — А с чего это вдруг
такая забота?

— Я Линель, меня прислала Дейдра. Сейчас вокруг
почти все наши, — объяснила девушка и приложила
палец к губам. — Только в самом дворце еще остались
сторонники Эниды, но их тоже скоро обезоружат.

— Как? — чуть не закричал киммериец, но, опом-
нившись, тоже заговорил почти шепотом: — А где же
правительница с ее войском?

— Вся армия ушла на плато, где стоят наши де-
вушки и твои гирканцы. Мы сумели незаметно про-
никнуть в город и ждем только сигнала, чтобы взять
столицу в свои руки.

— Ну что ж, в таком случае вам потребуется моя помощь,— заулыбался Конан.— Я еще не потерял своей силы, клянусь Кромом!

— Подожди немного,— ответила девушка.— Тебе лучше побыть пока здесь, чтобы не вызвать своим появлением лишней паники среди женщин.

Линель вскоре вернулась, неся в руках приличный кусок бараньей ноги и глиняный кувшин с вином. Киммериец, схватив окорок, нетерпеливо впился зубами в мясо и глотал его почти не разжевывая. Голод, который он еще терпел, пока не видел пищи, теперь обуял его с невероятной силой. Покончив с мясом, варвар в несколько глотков осушил кувшин. Обтерев руки о штаны, он взглянул на Линель, которая взирала на него с нескрываемым восхищением.

— Спасибо, сестренка! — Киммериец перевел дух и протянул ей пустую посуду.— Отличное вино. Не из запасов ли вашей новой повелительницы?

— Оттуда,— улыбнулась девушка.— Но ты забыл, что я из твоих единомышленников, а мы не считаем Эниду нашей правительницей. По всей стране скоро поднимется восстание, и самозванке не поздоровится.

— Ловко! — хохотнул варвар.— Как же это так получилось, что среди амазонок вдруг появилось столько отступниц?

— На самом деле недовольных всегда было много,— объяснила Линель.— Просто мало кто решался выступать против древних традиций. Но теперь многие ненавидят Эниду, и наш час настал.

— Тогда выпускай меня немедленно, и вперед! — потребовал Конан.— Тоже мне причина — испугаются меня! Не девочки, в конце концов, разберутся, что к чему. Надо как можно быстрее собрать отряд и ударить в тыл войскам Эниды, пока они не добрались до наших.

— Дейдра приказала передать, чтобы ты слушался меня,— рассердилась девушка.— Я лучше тебя знаю, что сейчас происходит в столице!

— Дейдра приказала! — усмехнулся киммериец.— Еще чего!

Но он не стал спорить с Линель, поскольку и сам прекрасно понимал, что отсюда, из подземелья, вряд ли может разобраться в последних событиях настолько, чтобы не испортить дело.

— Но оружие-то хоть вернешь? Или это для меня тоже слишком большая роскошь? — насмешливо посмотрел он на молодую амазонку.

— Твой меч здесь.— Линель выглянула в коридор, а затем протянула киммерийцу его любимое оружие.

— Совсем другое дело.— Конан сразу же почувствовал себя намного уверенней. Он нацепил ножны на пояс и недовольно проворчал: — Мне что же, так и сидеть здесь, словно подвальной крысе?

«Да она прехорошенькая», — приглядевшись к своей новой знакомой, вдруг понял киммериец.

Амазонка внимательно смотрела на него, не отвечая, и словно не решалась произнести какие-то слова. Варвар пристально взглянул ей в глаза, и она потупилась, смутившись. На ее щеках вдруг вспыхнул румянец.

«Совсем я очумел в этих подвалах.— Конан окинул одобрительным взглядом стройную фигурку девушки.— О простой учтивости забываю...»

Он протянул руку и дернул за конец шнурка, который стягивал ворот ее рубахи. Линель зажмурилась, как будто ожидала удара, но не двинулась с места. Киммериец, шагнув вперед, бережно притянул ее к себе. Щеки амазонки стали совсем пунцовыми, но она не сопротивлялась и лишь смотрела на варвара не мигая. Сорвав с нее одежду, Конан на мгновение отступил на шаг, чтобы окинуть оценивающим взглядом новую подружку. Линель, как он и предполагал, была изумительно сложена, просто идеально: смуглые покатые плечи, тонкая талия, красивые бедра, стройные, хорошо развитые ноги, небольшие, но округлые ягодицы и высокая грудь.

Киммериец почувствовал, что эта прекрасная девушка вызывает в нем непреодолимое желание. Конан привлек ее к себе и ощутил, как она затрепетала в его руках. Линель отдалась ему неумело, но оказалась такой пылкой, что он немедленно позабыл о ее неопытности. Варвар постарался быть с ней помягче и поласковее, чтобы первая близость не испугала девушку. Она же наслаждалась полнотой переполнявших ее чувств, прижимала его сильные ладони к себе, целовала и ласкала их. Когда он отстранился, девушка вновь приникла к нему и вздохнула:

— Так скоро?

— Ничего себе! — буркнул варвар. — Конечно, будь моя воля, я провел бы так с тобой всю войну. Но как же наши друзья? Пожалуй, будет больше толку, если мы присоединимся к ним.

— Ты прав, — с видимой неохотой согласилась Линель, поспешно натягивая одежду. — Я сейчас! — Она, покрасневшая и сияющая, легко выпорхнула за дверь и мгновенно вернулась: — Вперед! Во дворце наши бьются с караулом Эниды.

Конан поспешил за ней и, вылетев на галерею, увидел, что несколько девушек с повязанными на лбу синими лентами отбиваются от двух десятков амазонок в шлемах, по которым он признал охранниц правительницы.

— А ну! — гаркнул он, вламываясь в ряды царской стражи, словно коршун в курятник. Несколькими мощными ударами киммериец выбил сабли из рук ближайших амазонок. — Сдавайтесь! — заревел он, как свирепый бык, вновь бросаясь на оторопевших стражниц. — Или вас уже ничто не спасет!

Неожиданное появление гиганта с развевающейся черной гривой и пронзительным взглядом полыхавших синим огнем глаз решило исход схватки: несколько амазонок, побросав оружие, сдались сторонницам Дейдры, некоторые, обезоруженные варваром, бежали вместе с остальными стражницами, даже не

помышляя о сопротивлении — такой ужас нагнал на них внезапный натиск киммерийца. «Женщины и есть женщины, даже такие воинственные, — усмехнулся Конан, наблюдая за тем, как амазонки с синими лентами разоружают остатки стражи. — Очень часто их удастся взять просто на испуг!»

Он оглянулся по сторонам, разыскивая Линель, и увидел, что та отдает распоряжения. Амазонка помахала ему рукой:

— Сейчас отведем пленных в подземелье и все направимся в город!

Возбужденные схваткой девушки обсуждали бой, бросая на варвара взгляды, полные уважения и восторга.

— Вперед! — скомандовала Линель, вновь вернувшаяся на галерею.

Киммериец побежал к выходу из дворца, девушки поспешили за ним. Отовсюду сбегались женщины с синими повязками на лбу, и варвар еще раз подивился тому, как много среди амазонок оказалось противниц Эниды. Мощным ударом ноги он распахнул дверь, выходившую во двор, и помчался к воротам, за которыми слышались звуки битвы: крики, звон мечей. В городе, как и предполагала Линель, началось восстание.

Пробежав с десяток шагов, киммериец вдруг почувствовал, что земля вдруг вздымается, словно под ногами — пригорок, хотя Конан мог бы поклясться, что уютно, что дворцовая мостовая была ровной, как стол. Внезапно впереди взметнулся столб пламени, смешанного с мелкими камнями, комьями почвы и песка. Варвар едва успел остановиться. Сзади раздавался громкий вопль ужаса. Из разверзшейся щели повалили клочья белесого тумана, сгустившиеся в нечто напоминавшее гигантскую грушу грязновато-серого цвета. Голова монстра, если у него вообще была голова, сбоку похожая на петушиный гребень, была усеяна множеством маленьких, беспрерывно моргавших глаз, поставленных так близко друг от друга, что

они почти сливались в одно бесформенное студенистое пятно. Эти глаза, которые то закрывались кожными складками, то вновь влажно блестели, как будто вцепились в застывшего от неожиданности киммерийца. Нижняя часть тела чудовища представляла собой как бы огромную хризантему с тысячью длинных и очень тонких лепестков, которые угрожающе вытягивались, норовя схватить киммерийца, словно болотная росянка зазевавшуюся муху.

— Бегите отсюда! — обернувшись к амазонкам, крикнул варвар.

Девушки дружно попятились назад, и в это мгновение Конан почувствовал, что пара щупалец вцепилась в его одежду. Он легко перерубил их взмахом меча, но не успел отпрыгнуть в сторону, как к нему прилип десяток новых серых нитей. Киммериец рвал их движениями тела и взмахами меча, но щупалец было слишком много: на место разрезанных подтягивалось множество других, и скоро варвар, оплетенный сотнями нитей, в бессильной ярости бился в них, словно рыба, запутавшаяся в сетях. Он успел повернуть голову, чтобы крикнуть женщинам, которые пытались прийти ему на помощь:

— Назад! Не подходите! Иначе погибнем все!

«Опять колдовские штучки гадюки Мэгenni!»

Конан изо всех сил упирался ногами в мостовую, но щупальца тащили и тащили его к открывшемуся посередине этого гигантского цветка отверстию, похожему на огромную пасть. Пот градом лил с киммерийца, он напруг последние силы, но зев чудовища неумолимо приближался. Еще несколько мгновений — и монстр его поглотит. Эта тварь переварит его как муху! Варвар видел подобное на болотах, где хищное растение расправлялось с мошками. Когда лепестки размыкались вновь, только чешуйки крыльев выпадали наружу и, падая, кружились в воздухе.

«Вот так сейчас будет и со мной, — почти теряя сознание, подумал Конан, — только одежду и меч эта

дрянь, пожалуй, выплюнет. Хорош конец, нечего сказать, клянусь кишками Нергада!»

В глазах у него потемнело, от смрада, вырывавшегося из чудовищной пасти, к горлу подкатывала неустержимая тошнота. Варвар почувствовал, как щупальца приподнимают его и отрывают от земли.

«Конец!» — мелькнуло в мозгу, но в тот же миг Конан вдруг почувствовал, что под ногами вновь появилась твердая почва.

Одновременно он услышал шум тысяч крыльев, и великое множество невесть откуда слетевшихся птиц закрыло небо. Киммерийцу показалось, что щупальца ослабили хватку и уже не тянут его с такой силой, как раньше. Так и было! Птицы, кружа над монстром, клевали его глаза, бросались на белые нити, рвали чудовище когтями. Обрывки щупалец закружились в воздухе, словно паутина, и варвар почувствовал, что может пошевелиться. Скоро он начал помогать своим неожиданным спасителям одной рукой, потом освободил вторую и, оторвав от себя последнюю нить, отпрыгнул в сторону от зловонной пасти монстра. Тварь почти не была видна из-за облепившей ее тучи птиц. Они взлетали в воздух и с криками вновь падали вниз, вонзая клювы в податливую плоть. Монстр пытался отбиваться щупальцами, иногда ему удавалось схватить птицу, но тут же десятки других пернатых занимали ее место, и тварь на глазах съеживалась и опадала. Прошло совсем немного времени, и все было кончено: на каменных плитах бурым пятном расплзлась омерзительная лужа слизи, а птицы, покружив над останками чудовища, едва не отправившего Конана на Серые Равнины, с шумом взмыли вверх и полетели прочь.

Киммериец перевел дыхание и оглянулся вокруг. Женщины, еще не оправившиеся от пережитого ужаса, сбились в кучку и не двигались с места. Варвар тоже чувствовал дрожь во всем теле и неожиданно

накатившую слабость. Он опустился на одно колено, собираясь с силами.

— Все кончилось, — повернулся он к амазонкам. — Нельзя терять времени. Бежим!

Женщины опомнились и последовали за ним к воротам, ведущим из дворца на городскую площадь. Шум схватки уже слышался где-то вдали, а навстречу Конану бежали несколько амазонок, впереди которых он увидел Дейдру.

— Ты жив! — воскликнула она. — Как хорошо, что мои пернатые друзья успели вовремя!

— Спасибо! — только и смог выговорить киммериец, обнимая женщину. — А сейчас надо спешить на помощь Тайраду!

— Конечно! — согласилась его подруга, лукаво улыбаясь и не торопясь освободиться из объятий варвара. — Выступаем сейчас же.

Глава пятая

Конан взлетел на холм и остановил коня. Перед ним как на ладони расстилалась картина начинающейся битвы. Он видел, что войска Эниды, рассыпавшись перед скалистыми обрывами плато, готовятся штурмовать отряды Тайрада. Под началом правительницы, как прикинул варвар, было несколько тысяч амазонок и, конечно, гирканцам и их подругам, если противники одновременно со всех сторон начнут подниматься по кручам, не удастся долго сдерживать натиск таких сил. Разумеется, отражать атаки легче, чем нападать, но, как бывает при штурме крепостей, стоило кому-нибудь закрепиться на одном участке, и тогда превосходство в численности непременно сыграет свою роль. Киммериец не раз в своей жизни видел такие сражения и участвовал в них. Кроме того, нападавшим помогали и достаточно большие размеры плато. К тому же это все-таки была не крепость, и кое-где скалы не выглядели таким уж неприступными.

— Что будем делать? — спросила Дейдра.

Варвар повернул голову к сопровождавшим его амазонкам, которых Дейдра назначила командовать отрядами. Женщины рвались в бой и горели желанием расправиться с правительницей: за время своего недолгого правления Энида и ее приближенные успели возбудить ненависть у множества амазонок. Ко-

нан, однако, понимал, что воительницы великолепны каждая в отдельности, но они никогда не вели настоящих боевых действий. Да и людей в их отрядах было меньше, чем у Эниды. Еще хорошо, что правительница не собрала все подвластные ей войска, тогда вообще принимать бой было бы безумием.

— У нас нет другого выхода, — медленно произнес киммериец. — Если мы не сокрушим их сейчас, Энида соберет все свои отряды, и тогда мы проиграем. Клянусь Белом, победить можно только сегодня. Будем атаковать.

— Тогда надо начинать немедленно! — Линель была готова броситься к своему отряду.

— Подожди! — остановил ее Конан. — Еще успеем.

Их силы, собранные в городе, пополнились еще несколькими отрядами, которые привела Дейдра. Сейчас они подходили к подножию холма и располагались там. Люди Эниды их не видели.

— Мы подождем немного, пока они еще больше рассредоточатся по плато, — объяснил варвар, — тогда и ударим. Причем, — он протянул руку вперед, указывая на еле видимый узкий подъем на плато, зажатый между скалами, — Энида и ее приближенные встанут именно там. Поэтому, — киммериец внимательно оглядел обращенные к нему напряженные лица амазонок, — двумя отрядами мы отделим середину ее войска от остальных. Надо как можно ближе подойти, укрываясь за деревьями, и тогда начать атаку. Направьте туда самых сильных и умелых воительниц. Эти клинья должны будут разрезать войска Эниды и держаться, чего бы им это ни стоило. От того, как долго они сумеют выстоять, зависит успех всего дела. Я возьму человек двести, и мы ударим прямо в середину главных сил правительницы. Через поле, туда, где находится их лагерь. Видите? Остальные вступят в бой сразу же, как основные силы Эниды выйдут в поле, поближе к нам. Понятно? Не раньше, чем мы выманим их сюда.

Амазонки согласно кивнули. Они хотя и не были большими стратегами и понимали не все тонкости замысла киммерийца, но беспрекословно следовали его указаниям, и Конан не сомневался: они не подведут.

— Еще раз повторяю, — на всякий случай добавил он, — никаких ненужных проявлений храбрости, никаких излишне дерзких вылазок. Не забывайте о щитах и копьях, лучниц поставьте в середину — в общем, закрыться и стоять, как скала, и только отбиваться всем вместе, пока мы не преодолеем это поле. Правда, — варвар бросил взгляд на Дейдру, — могут возникнуть еще кое-какие трудности. Что, если Мэгген выкинет какую-нибудь из своих колдовских штук?

— Не думаю, — усмехнулась чародейка. — Конечно, и она, и я кое-что умеем, но нам далеко до великих магов и совладать с тысячными армиями не под силу.

— Ну и хорошо, — облегченно вздохнул киммериец. — Тогда — за дело!

Конан еще раз проехал вдоль рядов выстроившихся войск. Амазонки были напряжены и сосредоточены, как и положено перед решающим сражением.

— Ну что ж! — кивнул он своему отряду. — Вперед!

Они медленно взобрались на гребень холма. Варвар, приложив руку ко лбу, чтобы защитить глаза от светившего прямо в лицо солнца, посмотрел на лагерь противника. Судя по возникшей там суматохе, их уже заметили.

— Поздно! — скрипнул зубами киммериец. — Теперь вы от меня не уйдете! За мной!

Выхватив меч, он галопом погнал коня по склону холма к лагерю Эниды. Всадницы, рассыпавшись веером, последовали за ним. Конан рассчитывал на то, что, пока они скажут по полю, два других отряда уже подберутся поближе к склонам плато, тогда они по-

что одновременно ударят с трех сторон. Так и случилось. Увидев, что на лагерь во весь опор скачет сравнительно небольшой отряд, Мэгенн дала команду задать дерзким примерную взбучку. Но едва ее всадницы вытянулись клином, готовясь встретить людей варвара, как неожиданно с двух сторон из леса на них напали два других отряда. Громко завывали трубы, собирая войско, расставленное вдоль плато, и только тут Мэгенн поняла свою ошибку. Удары зажатых клиньями отрядов правительницы успешно отбивались, между тем как Конан со своими людьми, круша все на своем пути, продвигался к царскому шатру.

Крики командиров, вой труб, конское ржание, топот копыт, звон мечей и свист стрел, вопли раненых — все слилось в неумолкаемый гул битвы, столь хорошо знакомый киммерийцу. В такой обстановке он всегда чувствовал себя прекрасно. Замысел варвара оказался верным. Он в очередной раз убедился, что порядок важнее численного превосходства. Отряды Эниды, рассыпанные по плато, услышав боевые трубы, приказывавшие им вернуться, беспорядочно атаковали две колонны Конана, но отсутствие выучки сводило на нет их большинство.

«То-то! — ликовал варвар, отбивая наскок очередной амазонки. — Теперь будете знать, что такое армия, а не сборище лихих вояк!»

Киммериец оглянулся вокруг и порадовался тому, как сомкнутый строй его воинов умело отбивает беспорядочный натиск противниц.

— За мной, девушки! — приподнялся он в стремени. — Вот они, совсем рядом!

Действительно, до царского шатра было уже рукой подать, и варвар мог разглядеть среди оборонявшихся и Эниду, и Мэгенн, и Паину. Они видели, как последние их защитницы падают под ударами нападавших и готовились дорого продать свои жизни. В это мгновение за лагерем Эниды, в том месте, где узкая тропа поднималась на плато, раздались крики. Конан всмот-

релся вперед и увидел, как несколько десятков всадников скачут во весь опор, поливая градом стрел пытавшихся противостоять им амазонок из войска правительницы. Так умели делать только гирканцы! Это в самом деле был Тайрад со своими ребятами. Они вихрем пронеслись сквозь ряды оборонявшихся, сея вокруг смерть и ужас. Приглядевшись, киммериец увидел, что среди стремительно мчавшихся всадников были не только гирканцы. Рядом с Тайрадом скакал Вульф, размахивая огромным мечом.

Внезапный бросок гирканцев решил исход дела. Вульф, словно коршун, налетел на последнюю группу оборонявшихся, среди которых была Энида. Юноша, отбросив ударами меча двух стражниц правительницы, оказался в двух шагах от нее. Энида подняла меч, пытаясь отсрочить свою гибель, но против гиганта, горевшего желанием отомстить за смерть матери, не смогла бы устоять и целая армия.

— Оставь ее! — крикнул было Конан, который считал, что правительницу лучше захватить в плен. Нет, конечно, он не думал о жертвоприношении, он просто хотел, чтобы самозванка предстала перед судом амазонок.

Вульф ничего не слышал и ударом меча, который прихвостился в щит, выбил Эниду из седла. Паина, видя, что правительнице грозит смерть, бросилась на помощь, но, пронзенная копьем подоспевшей откуда-то зеленоглазой амазонки, обливаясь кровью, рухнула наземь.

«Жаль эту упрямую бабу, — подумал варвар, глядя на лежавшее на земле окровавленное тело женщины, так и не выпустившей из рук клинка. — Все-таки нам немало пришлось пережить вместе... И пришло же ей в голову отдать свой меч полоумной спивающейся правительнице! Однако, как бы там ни было, она погибла как настоящий воин. Прощай, верная подруга Акилы, — вздохнул он, — хотя ты и не особенно меня жаловала, но, видят боги, я всегда относился к тебе с уважением».

Он чувствовал, что с гибелью суровой воительницы что-то важное уходит из его жизни — может, именно в этот миг он по-настоящему попрощался и с Акилой?

Вульф рубанул мечом по падавшей с коня Эниде и рассек ее чуть ли не пополам.

— Вот тебе за смерть моей матери! — перекрыв шум схватки, разнесся по полю торжествующий вопль юноши.

«Пес с ней! — махнул рукой варвар. — Собаке — собачья смерть!»

Все было кончено. Остальные амазонки, охранявшие правительницу и Мэгенн, сдались в плен вместе с колдуньей. Конан увидел, как раскрасневшаяся от схватки зеленоглазая девушка, подскочила к Вульфу и прикинула к нему, не таясь от направленных на них взглядов.

«Вот оно что! — присвистнул киммериец. — Получается, что я хотел отхлестать плетью будущую правительницу амазонок. Возможно, мне еще припомнится эта невероятная дерзость!» — беззвучно рассмеялся он.

Рядом с ним раздался знакомый голос, и Конан обернулся.

— Давненько не виделись! — Тайрад, покрытый пылью и кровью, с рукой на перевязи, подскочил к Конану.

— Серьезно тебя? — поинтересовался варвар.

— А! — махнул рукой гирканец. — Царапина. Пустое! Главное, что мы победили!

— Ну, до полной победы еще далеко, — возразил Конан. — Без сомнения, по всей стране еще осталось немало верных правительнице гарнизонов. Кто знает, как поведут себя воительницы.

— Не беспокойся, — вступила в разговор подъехавшая Линель. — Когда все узнают, что власти Эниды конец, большинство женщин, я уверена, перейдут на нашу сторону.

— Даже если вашим правителем будет мужчина? — усмехнулся киммериец, указав взглядом на обнявшихся Вульфа и Ингер.

— Ну, если он окажется подходящим, почему бы и нет! — с вызывом ответила амазонка, искоса поглядывая на стройную фигуру молодого гирканца, который, пожалуй, сейчас интересовал ее больше, чем вопросы престолонаследия.

— Видишь, — заметив ее красноречивые взгляды, повернулся к Тайраду варвар, — я чувствую, что подружек у тебя скоро прибавится. Справишься? А помнишь, как ты сетовал, что каган не дает вам женщин?

— Еще как, — усмехнулся молодой гирканец. — А за меня, да и за моих ребят, можешь не беспокоиться. Ты ведь тоже сказал тогда что-то вроде того, что аппетит приходит во время еды.

— Ну, значит, я, как всегда, оказался прав! — расхохотался Конан. — А девчонка хороша, — прищелкнул он языком в знак искреннего одобрения. — Только за ней, вижу, нужен будет глаз да глаз. Неужели, — со смешком обратился он к Линель, — я показал себя не лучшим образом?

— Как ты мог подумать такое, киммериец? Ты был великоленен... Но твой друг тоже мне понравился, — несколько смутившись, но не отводя глаз, ответила девушка.

«Боги! — присвистнул про себя Конан. — А ведь день назад, готов поклясться, она была еще совершенно невинной. Да, я всегда утверждал, что эти амазонки способны на многое...»

Шум битвы затихал. Кое-где еще продолжались отдельные схватки, но большинство подданных Эниды, увидев, как упал шест с золотым орлом, прекратило сопротивляться. Да и не в обычаях амазонок было воевать против своих. Они, правда, совершали набеги на другие племена, но случавшиеся изредка междоусобицы обычно заканчивались довольно быстро. Конечно, нынешние события отнюдь не походили на мелкую склоку, что и беспокоило киммерийца, но пока все шло так, как бывало и ранее.

Даже убитых в этом жарком бою с обеих сторон оказалось не так уж и много.

К варвару подвели связанную Мэгенн. Ее поставили перед ним на колени, и колдунья, опустив голову, покорно ожидала решения своей участи.

— Это не мое дело.— Киммериец повернулся к Дейдре и другим командирам, находившимся рядом.— В вашей власти поступить с ней, как вы желаете и как она того заслужила. Пойдем, Тайрад, потолкуем.— Он тронул повод коня и медленно двинулся через поле к тому месту, где собрались гирканцы, которые живо обсуждали подробности закончившегося боя.

Глава шестая

Линель оказалась права: остальные селения страны амазонок не выступили на стороне свергнутой правительницы, хотя некоторые женщины глухо ворчали насчет наступившего, как они говорили, разврата и безобразия, и предсказывали, что новые порядки не доведут до добра.

Конан ходил по улицам Барун-Урта и вспоминал, как он был здесь года этак три назад. Тогда амазонки восприняли бы свободно разгуливавшего по улицам мужчину как самого Нергала или Бела. Однако и в те дни находились женщины, которые уже слышали о нем или видели в бою и смотрели на киммерийца со смесью страха и восхищения, встречались даже и такие, в чьих глазах он видел затаенный огонь желания. Сейчас многие уже не стыдились своих чувств, и варвар вовсе не собирался упускать удобный случай. Его несравненная Дейдра была слишком занята государственными делами и подготовкой к коронации нового правителя, поэтому Конана не особенно мучили угрызения совести. Тем более что многим амазонкам начинала нравиться новая жизнь, и, как бы ни старались Тайрад и его гирканцы, они не всегда могли справиться хоть и с чрезвычайно приятными, но отнюдь не легкими, как оказалось, обязанностями.

В столице открылся первый кабачок, где можно было пропустить стаканчик вина и поболтать с приятелями.

Приятелей у варвара насчитывалось около шести десятков, но женщины, коих у них было без счета, почти не оставляли им свободного времени. Пожалуй, только с владельцем кабака Конану иногда удавалось перекинуться парой слов. Давас несколько похудел за последнее время, но выглядел веселым и бодрым.

— Смотри, старик, не увлекайся особо! — хохотал варвар, когда одна из жен, как называл их Конан, появлялась в зале и уводила хозяина во внутренние покои. — Ты ведь хочешь долго прожить, а так, клянусь Владыкой Могильных Курганов, можно и прибрататься до срока!

— Нашел старика! — огрызался Давас. — Мы, между прочим, с тобой почти одних лет. И вообще, это не твое дело. Думаешь, моя старшая жена позволит, чтобы я переутомился? Гнатена удивительная женщина: всегда внимательно следит, чтобы всем доставалось поровну, ну а я, сам понимаешь, делаю все, чтобы и ее не обидеть.

Обычно, когда Давас в течение дня был занят чем-то более важным, к стойке выходила статная кареглазая Гнатена. Как-то, когда женщина подала варвару очередной кувшинчик, он не упустил случая, чтобы подшутить над ней.

— Не боишься, — спросил он, придерживая ее рукой за талию, — что твоего Даваса может не хватить на всех?

— Он не уступит любому юноше, — заверила киммерийца Гнатена, даже не пытаясь освободиться от его объятий. — Ну а в случае чего, — она лукаво взглянула на Конана, — и ты можешь помочь приятелю. Дом большой...

Варвар последовал за амазонкой на второй этаж и не пожалел об этом: она оказалась ласковой и страстной любовницей, требовательной и в то же время удивительно щедрой.

— Я же знала, что вы друзья, — улыбнулась Гнатена, — а друг никогда не откажет в помощи.

«Да уж, конечно», — ухмыльнулся про себя Конан.

Они спустились вниз почти одновременно с Давасом, и распили все вместе еще один кувшинчик вина. Вскоре в таверну заглянули два бывших туранских моряка, Арчил и Берхет.

— Ну, как жизнь? — осведомился киммериец. — В море пока не тянет?

— Если честно, — захохотал весельчак Арчил, — то иногда так выматываешься, что вахта на корабле кажется отдыхом.

— Но это быстро проходит, — подхватил его товарищ. — К тому же, когда возишься с такелажем, на руках появляются такие жуткие мозоли...

«Пожалуй, мужчин здесь еще все-таки не хватает, — поскреб затылок киммериец, когда в очередной раз поймал себя на мысли, что ему уже не так хочется уединиться с очередной девушкой, бросающей на него призывные взгляды. — Конечно, гирканцы молодцы хоть куда, но даже для них это чересчур!»

Конан, слушая грубоватые шутки приятелей и их рассказы о женщинах, не мог все же отвлечься от своих раздумий. Он считал себя ответственным за то, что произошло в Стране Амазонок, и иногда даже спрашивал себя, кто же надоумил его? Прокручивая в памяти события последнего времени, он так и не мог понять, что же побудило его заговорить об этом с Тайрадом. Тронувший его рассказ спасенного гирканца об их нелегкой жизни? Желание вновь увидеться с Акилой? Досада на то, что опоздал на эту проклятую посудину, «Грозу Севера»? Интересно, кстати, доплыли ли Фуад и Рустуф до Аграпура... А может быть, всему причиной красotka Дильбар, которую он подцепил в «Морском ястребе»? Да нет, это вряд ли. Мало ли было у него женщин? Если после каждой встречи с новой подругой устраивать переворот в какой-нибудь стране, то во всей Хайбо-

рии камня на камне бы не осталось... Конан хмыкнул и, дождавшись, когда Давас после очередной отлучки вернется к стойке, заказал еще кувшинчик вина.

«Отчего это такие странные мысли лезут в голову? — прихлебывая вино, размышлял варвар. — Вроде бы киммерийскому воину они ни к чему. Что же делать дальше? Остаться здесь и править этим народом? Но ведь гораздо лучшим властителем будет сын Акилы...»

Он задумался. Конечно, все были бы рады, согласись он стать правителем Страны Амазонок. Ну, положим, не все, но многие...

«Нет, это не по мне, — усмехнулся киммериец. — Конан-король! Звучит, клянусь Кромом, неплохо... Но не среди же баб! К тому же, когда вокруг много женщин, только и мечтающих о том, чтобы ты обратил на них внимание, это, конечно, прекрасно... Но здесь их все же слишком много! А не навесит ли мне Леогивильда? У тунгов и торманнов, разумеется, тоже найдется немало желающих переселиться сюда. Какой же мужчина откажется от такой жизни! Если они договорятся, воительницы больше не будут нападать на них... Точно, так и сделаю. Скажу Леогивильду, что помогу ему установить мир с амазонками, а за это он отправит со мной несколько десятков молодых воинов».

Варвар повеселел и, выпив еще стаканчик вина, отправился во дворец, предупредив Даваса, чтобы не опаздывал на совет.

— Не сомневайся, приду, — заверил его тураец.

«Наверное, Дейдра сердится, что я целые дни провожу вне дворца, — подумал Конан. — Хорошо хоть, что она не похожа на эту сучку Мэгенн, а то превратила бы в какую-нибудь галку — и все дела...»

Он засмеялся своей шутке и ускорил шаги. Уже смеркалось, а сегодня вечером они решили обсудить с предводительницами амазонок, что делать дальше.

Женщины, как понимал киммериец, надеялись на то, что он согласится занять трон, поэтому разговор предстоял нелегкий. Конан не очень любил ломать голову над сложными вопросами, а предпочитал разбираться с помощью своего любимого меча, но поскольку сам же и заварил всю эту кашу, то считал, что не годится бросать в трудный час доверившихся ему людей.

— Вот что, — оглядев собравшихся вокруг большого круглого стола, принадлежавшего раньше Мэгенн, начал киммериец, — как вы считаете, должен ли новый властитель быть знатного рода?

— Это неплохо, но не самое главное, — весело ответила Дейдра. — Правитель должен быть мудрым и справедливым.

— Он должен быть высоким и красивым, — высказала свое мнение Линель, — и еще сильным, — добавила амазонка, слегка зарумянившись.

— Мне кажется, король должен быть молодым, чтобы его правление продолжалось достаточно долго, — вставил Давас, появившийся только что и опоздавший к началу разговора.

Все заспорили, и только один Конан молчал. У него ответ был готов уже давно, но он хотел сделать так, чтобы все пришли к такому же выводу. Надо только подтолкнуть их к этому.

— Ну вот, вы вроде и договорились, — остановил он спорящих. — Высокий, сильный. Так? — Все закивали. — Умный, молодой, — продолжал он загибать пальцы. — Так? Знатный, — усмехнулся варвар. — Ну что ж, среди нас есть только один такой человек.

Все посмотрели на него и чуть не одновременно выдохнули:

— Вульф?

— Точно! — воскликнул киммериец. — К тому же он сын вашей правительницы, так что и правящая династия не прервется.

— Но он такой юный,— покачал головой Давас.— Почти мальчишка...

— Он прекрасно показал себя в бою,— не согласился Конан.— И, по-моему, именно ты говорил что-то про молодость?

— Да,— подхватил мысль варвара Тайрад,— сын Акилы смелый, сильный и ловкий. А еще умный и справедливый.

— А то, что молодой,— усмехнулся варвар,— так, во-первых, этот недостаток быстро проходит, а во-вторых, если назначить Тайрада командующим войском, а Дейдру — первой советницей, то поначалу все вопросы можно решать сообща, а потом...— Он махнул рукой, показывая, что так надолго и загадывать не стоит.

— Ну а ты? — спросил туранец.

— У меня еще есть одно дельце...— загадочно улыбнулся Конан.— Надеюсь, вы останетесь довольны.

Женщины опустили глаза, понимая, что им вряд ли удастся удержать здесь варвара, если он принял другое решение.

— Но ты хоть не сегодня покидаешь нас? — спросила Дейдра.

— Особенно торопиться мне некуда,— ответил Конан.— Вот коронуем Вульфа, отдохну денек-другой, а там, пожалуй, и двинусь в путь. Я хочу навещать правителя Леогивильда. Когда еще доведется побывать в ваших краях...

* * *

Киммериец уехал из города, когда еще только только начал розоветь краешек неба.

— Все серьезные дела следует начинать с раннего утра, только тогда приходит удача,— сказал он на прощание Дейдре, которая поцеловала его, украдкой смахнув слезу.— Ну-ну,— заметив это, пожурил ее киммериец,— а я-то думал: амазонки — женщины суровые!

— Теперь они очень скоро станут совсем другими,— улыбнулась сквозь слезы чародейка.— Ведь и ты приложил к этому руку, не так ли?

— Угу,— не стал спорить варвар.— Думаю, вы ничего не потеряете. В мире должно существовать равновесие. Что-то я не слышал о стране, в которой жили бы одни только мужчины. Ну, прощай, моя хорошая!

— Мы еще увидимся, киммериец?

— Как знать,— усмехнулся Конан.— Никогда не стоит загадывать, что ждет нас впереди...

Что ждет впереди? Варвар выехал за ворота Барун-Урта и направил коня по выбитой множеством конских копыт дороге. Дороги — вот его судьба. Города и поля, люди, неожиданные встречи, сражения и поединки — все это и составляло его жизнь, он привык к ней и не мыслил ее иной. Правда, иногда киммериец был готов соблазниться тронном или высокой должностью, но это быстро проходило, и он сам не мог понять, боги так решили или его неумная натура жаждала чего-то нового, неизведанного.

Песок дороги рассыпался под копытами коня, и Конан подумал, что каждая песчинка, как частица времени, уносится куда-то вдаль, в ничто. Да, время — песок, сыпучий песок, уносящий с собой и королей, и простых солдат, героев и трусов, мудрецов и болванов. Целые народы появляются и исчезают. Счастливы боги, которые не подвластны неумолимому бегу времени... Солнце светило в лицо. Что впереди? Каким будет его следующий шаг? Где он окажется? В тронном зале каменного дворца, осыпанный золотом, окруженный красавицами, увенчанный короной?.. Неплохо, очень неплохо, но, может быть, довольно скоро это ему наскучит? Истощенный голодом, израненный, изнуренный подневольным трудом?.. Хватит ли у него сил вынести это?

Конан усмехнулся и расправил плечи. Все будет хорошо! Его конь мерно ступал по влажной от утреннего тумана дороге, и киммериец, вдыхая полной грудью свежесть просыпавшегося дня, думал о том, как через несколько лет преобразится этот край, когда тысячи мужчин будут строить, пахать, сеять и защищать от врагов свою землю. И он причастен к этому! Впрочем, на все воля Солнцеликого...

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Арчер
КОРОЛЬ ВОРОВ
5

К. Уэйнрайт
ИМПЕРИЯ КРОВИ
247

Литературно-художественное издание

ГРЕГОРИ АРЧЕР
КРИС УЭЙНРАЙТ

КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка *Екатерины Пеняевой*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.11.98 г.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Школьная». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. п. л. 29,4.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 2436.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380
от 20.01.1997 г. 194352, Санкт-Петербург,
ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzar @infoagro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству
предоставленных издательством диапозитивов.

В СЕРИИ «САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
16. Конан и бич Нергала
17. Конан и город плененных душ
18. Конан и Источник Судеб
19. Конан и сердце Аримана
20. Конан и Багровое Око
21. Конан и призраки прошлого
22. Конан и воинство мрака
23. Конан, варвар из Киммерии
24. Конан и Рыжий Ястреб
25. Конан и заговор теней
26. Конан и копье Крома
27. Конан и врата вечности
28. Конан и алмазный лабиринт
29. Конан и расколотый идол
30. Конан и чаша бессмертия
31. Конан и ледяной страж
32. Конан и торговцы грезами
33. Конан и алтарь победы
34. Конан и битва бессмертных
35. Конан и пожиратели плоти
36. Конан и Берег проклятых
37. Конан и оковы безмоливия
38. Конан и Владычица Небес
39. Конан и Дерево Миров
40. Конан и кольцо власти
41. Конан и зов Древних
42. Конан и пророк Тьмы
43. Конан и гнев Сета
44. Конан и Храм Ночи
45. Конан и король воров

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-киммерийца,
легендарным правителем Валузии.

**КУЛЛ
И ТРОН ВАЛУЗИИ
КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО**

Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНА»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

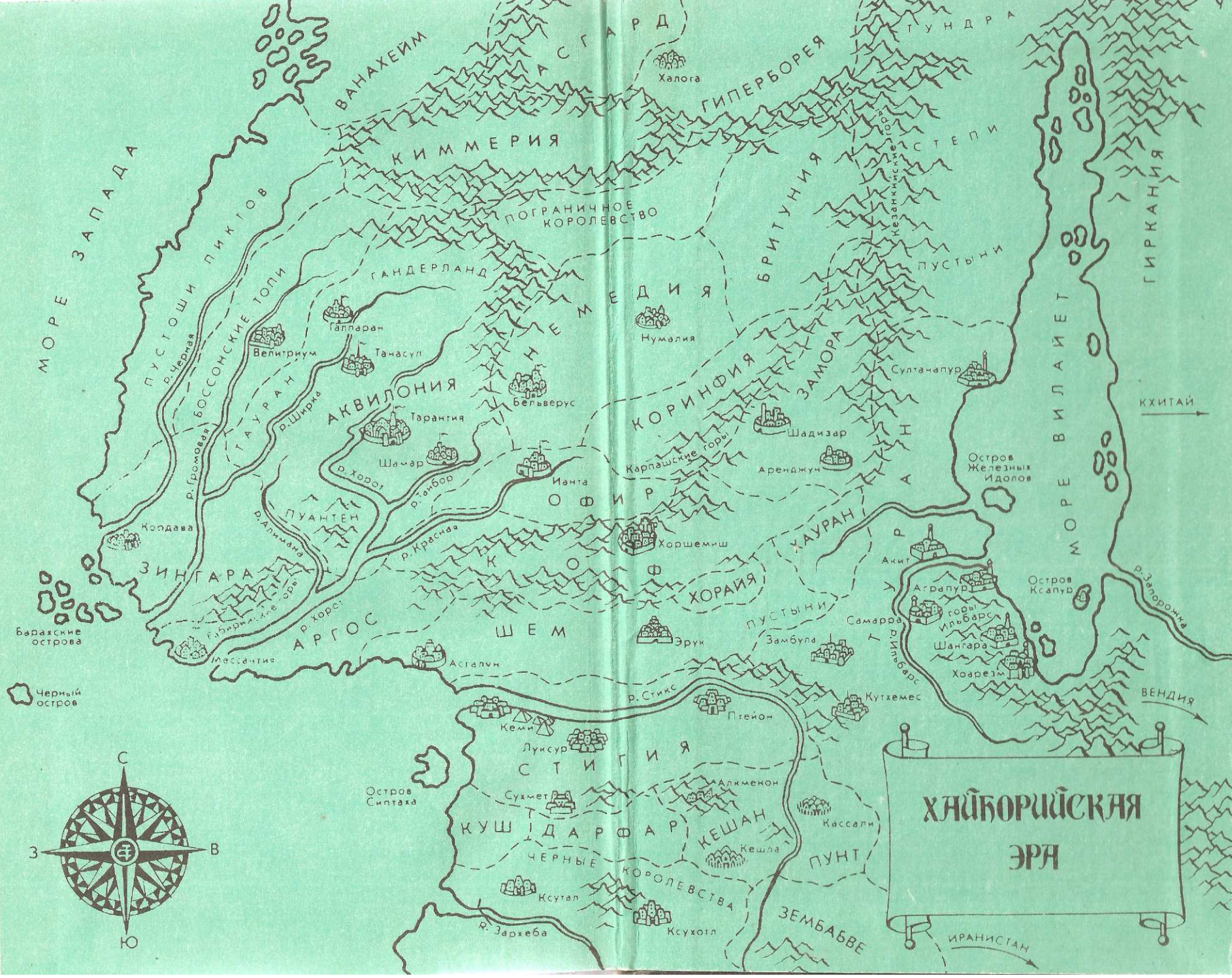
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКОВ
р. Черная
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
р. Ширке
ПУАНТЕН
р. Алиман
р. Хорет
р. Красная

ВАНАХЕИМ

КИММЕРИЯ

ПОГРАНИЧНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ГАНДЕРЛАНД

МЕДИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ

БРИТУНИЯ

СТЕПИ

ПУСТЫНИ

АКВИЛОНИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ОФИР

ХОРАЯ

ШЕМ

ХАУРАН

АРГОС

СТИГИЯ

КУШ ДАРФАР КЕШАН

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ХАЙБОРИЙСКАЯ
ЭРА

ИРАНИСТАН

КХИТАЙ

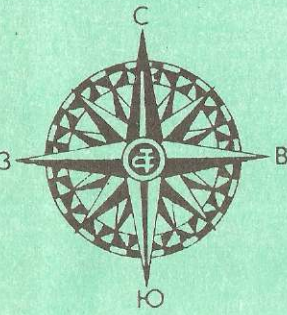
ВЕНДИЯ

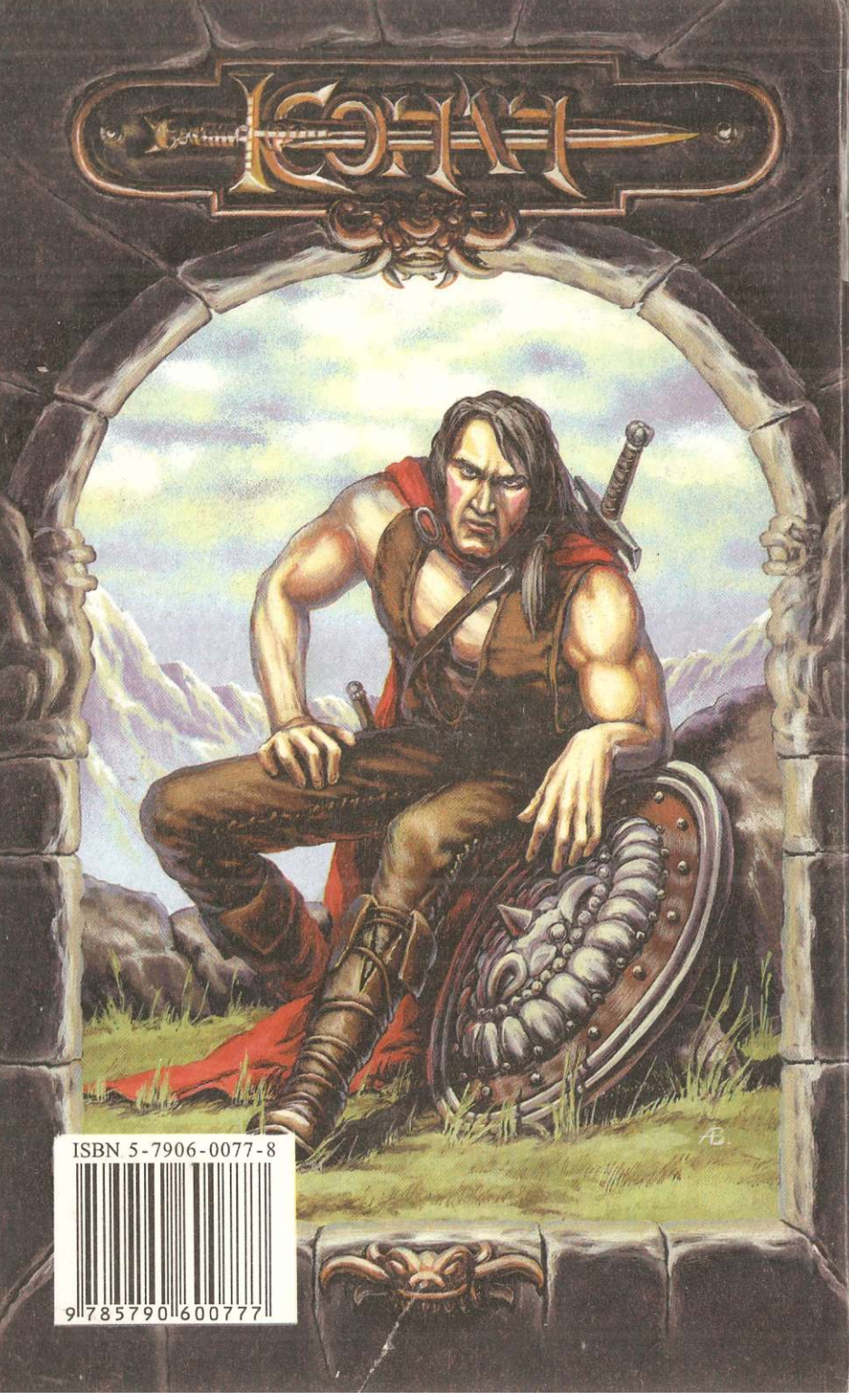
Остров Железных Идолов

Остров Ксапур

Остров Сиптах

Бараяские острова

ISBN 5-7906-0077-8

9 785790 600777